

Одесский
альманах
№89
II / 2022

ДЕРИБАСОВСКАЯ ШРИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

УДК

Литературно-художественное издание

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах

№ 2 (89), 2022

Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

Редактор: Феликс Кохрихт

Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга, Михаил Пойзнер, Алена Яворская

Технический редактор: Геннадий Танцюра

Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Не периодическое издание

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук» Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.

Свидетельство ОД № 21 от 20.01.2003 г.

Тел.: +38 (067) 486-20-34

E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua

Тираж 100 экз.

Заказ № _____ ISBN

Літературно-художнє видання

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах

№ 2 (89), 2022

Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ»

Редактор: Фелікс Кохріхт

Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Липтуга

Михайло Пойзнер, Олена Яворська

Технічний редактор: Геннадій Танцюра

Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Не періодичне видання

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»

Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.

Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.

Тел.: +38 (067) 486-20-34

E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua

Наклад 100 прим.

Замовлення № _____

От редакции

Идет война народная, священная война.

Это мы не про Великую Отечественную. Это про день сегодняшний, про войну, где украинская армия отражает агрессию Российской Федерации.

Кто мог бы подумать, что нам, кому за восемьдесят, придется столкнуться с еще одной кровавой бойней? Что и эта война кровно будет затрагивать Одессу, а значит, и нас.

Мы в городе. Никуда не уехали. Мы работаем. И результаты этой работы – одесские номера канадского журнала «Новый свет», израильского журнала «Артикль». Мир должен знать, как живут, о чем думают одесситы. Но, пожалуй, самый долгожданный – наш собственный альманах «Дерибасовская – Ришельевская».

Кто мог подумать, что этот выпуск будет писаться в дни войны, верстаться в дни войны, выйдет в свет в дни войны? В нем много мирных статей и рассказов, стихов и повесть. Но в нем мы публикуем «военные эссе».

Когда пушки стреляют, музы не только не умолкают, они вдохновляют на подвиги.

Когда-то, празднуя выход семьдесят пятого альманаха, мы, его редакция, мечтали, что выпустим не менее девяноста номеров. Увы, нет с нами Олега Губаря, хоть его тексты по-прежнему в альманахе, мы выпускаем восемьдесят девятый номер в уверенности, что в сентябре удастся выпустить и девяностый.

А нужен ли сегодня городу альманах? Уверены – нужен. Город живет. Трудно, но живет. Проходят концерты, благотворительные во Всемирном клубе одесситов. Играет Сергей Терентьев, Алексей Петухов, Юрий

Дикий, все деньги директор клуба Григорий Барац передает на бронжилеты для нужд обороны.

Работают картинные галереи, репетируют театры. И новая книжка найдет своего читателя. Тем более что она традиционно составлена: от нашей классики – Михаила Жванецкого и Юрия Михайлика – до юмористического раздела. И еще раз можно будет подтвердить, что на войне слово – тоже острое оружие.

А об Одессе говорят, пишут далеко за пределами нашего города.

Мы подтверждаем славу города-героя. Мы подтверждаем славу города культуры. Один только пример. Наш всемирно известный фестиваль «Odessa classics» не закрывается в этом году. Его гостеприимно примет Таллинн. Уверен, что в сентябрьском альманахе мы расскажем и о нем.

В годы Великой Отечественной войны возникли «правительства в изгнании». У нас будет «Фестиваль в изгнании». Но это будет все тот же одесский фестиваль, под руководством народного артиста Украины, члена президентского совета Всемирного клуба одесситов Алексея Ботвинова.

Но это в следующем номере.

А сейчас у вас в руках военный восемьдесят девятый альманах.

Михаил Жванецкий

Из портфеля

О людях

Мыслить так трудно, поэтому большинство людей судит.

Вы видели человека, который никогда не врет? Его трудно увидеть, его же все избегают.

Ум – это не эрудиция, не умение влезть в любую беседу, наоборот, или, как сказал один премьер, отнюдь!

Ум не означает умение поддерживать разговор с учеными.

Если ты умный, ты поймешь, что ты ничего не понимаешь.

Ум часто говорит молча.

Ум чувствует недостатки или неприятные моменты для собеседника и обходит их.

Ум предвидит ответ и промолчит, если ему не хочется это услышать.

И вообще, ум что-то предложит.

Глупость не предлагает.

Глупость не спрашивает.

Глупость объясняет.

В общем, с умным лучше.

С ним ты свободен и ленив.
С дураком ты все время занят.
Ты трудишься в поте лица.
Он тебе возражает и возражает... Ибо он уверен!
И от этих бессмысленных возражений ты теряешь силу,
выдержку и сообразительность, которыми так гордился.
С дураком ты ни в чем не можешь согласиться.
И чувствуешь, какой у тебя плохой характер.
Поэтому отдохни с умным!
Отдохни с ним, милый!
Умоляю!

Это наш путь

Не хотим хорошо жить! Никто не заставит нас хорошо жить! Не подсовывайте нам собственность! Хотим жить без имущества и работать без зарплаты! Пусть за всю жизнь мы накопили шестнадцать рублей и детям ничего не завещаем, кроме рецептов, мы отстаиваем свой гибельный путь и рвём каждого, кто хочет вытащить нас из капкана!

– Не трожь! – и лижем стальные прутья. – Не подходи, не лечи! Оставь как было! Нам нравится как было, когда ничего не было, ибо что-то было. Нас куда-то вели. Мы помним. Мы были в форме. Мы входили в другие страны. Нас боялись. Мы помним. Нас кто-то кормил. Не досыта, но как раз, чтоб мы входили в другие страны. Мы помним. Нас кто-то одевал. Зябко, но как раз, чтоб нас боялись. Наши бабы в жёлтых жилетах таскали опоки, мы у мартена в чёрных очках... Помним и никому не дадим забыть.

Умных, образованных, очкастых – вон из страны, со вкусом, одного за другим. Пока все не станут одинаково взъерошенными, подозрительными. При виде врача – оскал жёлтых зубов: «Не трожь!».

Подышаем в тряпье на нарах: «Не трожь!» – и последний пар изо рта.

Копаемся в помоях, проклиная друг друга: «Как летят, суки! Как строят, гады! Как кормят, падлы!».

Один толчок земли – и нету наших городов. А не трожь! Наш способ!

Всего жалко, кроме жизни. Посреди забора схватил инфаркт. Не докрасил. Наш способ! Лопата дороже! Держи зубами провода! Всё дороже жизни.

И приучили себя. Умираем, но не отдаём. Ни цепь, ни миску, ни государственную собачью будку!

Это наш путь! И мы на нём лежим, рыча и завывая, в стороне от всего человечества.

2018 г.

Юрий Михайлик

Улыбнись, моя радость...

* * *

Улыбнись, моя радость, поговорим о любви,
пока над нами курлычут косяки перелетных ракет.
А у нас с тобой всей авиации – ласточки и воробьи,
а у нас с тобой никаких флотов да и армий нет.

Улыбнись, мое счастье, и смотри на меня, смотри,
не отрывая любимого взгляда, пока они жгут и лгут,
мы у этого века, к сожаленью, живьем внутри,
он безжалостен и спокоен – никуда они не убегут.

Улыбнись, моя радость, их ненависть – черный дым,
да, его не уносит ветром, здесь тысячу лет – война.
Я люблю тебя, дорогая, мы их не победим,
но и они не опустят нас в подвально-подлетные времена.

Улыбнись, мое счастье, поговорим о любви,
покуда подводные лодки прицеливаются из глубин.
Улыбнись, погляди – с нами ласточки и воробьи,
и киты, и дельфины, и кони – наш флот и пехота, и все как один.

* * *

На привольных, на фривольных, сердобольных островах
не бывает недовольных, даже если дело швах.

Ибо каждые полгода (регулярно, что ни год)
наилучшая погода вместо лучшей настает.
Там проклятые вопросы порешала вся страна,
там бананы и кокосы созревают у окна,
там любая нефертити и доступна, и жива,
и какие захотите – воля, доля и права.
Там играют в чет и нечет над морскою синевой,
проигравших обеспечат словом, кровом и жратвой.
И усвоил каждый школьник много лет тому назад,
что Бермудский треугольник – это, в сущности, квадрат,
в нем порядок и наука, тихий мир и сытый рай.
День пройдет – такая скука, хоть ложись да помирай.
Ну а если ищешь бури, ты свободен – удирай,
то ли в небо, то ли в море, кого хочешь выбирай.
И никто тебя не смеет, извини, гонять взашей.
Океан вдали синее, водка льется из ушей...
А у нас – зима, погода, жуткий ветер сквозь пальто,
друг народа, враг народа – для народа ты никто,
неизвестный и не местный, белый, красный, голубой,
и ужасно интересно, что тут сделают с тобой.

* * *

На ином, на другом языке
о народе, свободе...
Оглянись – там следы на песке,
полукруглые вроде.
В глухоте, в пустоте, в немоте
замер мерзнувший воздух,
И созвездья над нами не те –
в неопознанных звездах.
Ты прислушайся – речи пусты,
все слова без значенья,
и уносит мосты как плоты
за рычаньем теченья.

Не кричи – все равно не пойму
утаенное слово,
то, что зверем уходит во тьму
по следам зверолова.
На ином, на чужом языке –
незнаком, непонятен –
не зови – там следы на песке
из неведомых пятен.
Им иные нужны времена –
не из нашего века,
и, быть может, другая страна –
чуть южнее Певека.

* * *

Одна кончается война
и начинается другая.
И обе бешено ругая,
приходит беженка-весна.
Что в черном облаке летит –
звезда? метеорит? ракета?
За что? Куда? Но грянет где-то.
И всех попавшихся простит.
Побед не будет никогда.
Все лгут ракетные закаты.
Давно убитые солдаты
еще штурмуют города.
Я видел эти колеи
в весенней черноземной пашне,
где тонут танковые башни,
там все погибшие – мои.
Каким проклятьем ни грози,
куда ни глянь – все будет плохо.
Горит, горит моя эпоха,
в стыде буксуя и в грязи.

* * *

О чем и зачем – решать не мне,
может, белому облаку в вышине,
может, сизому отблеску на волне
или черным птицам на желтой стерне,

не своей гордыне и даже не вам,
вашей нежной любви к певучим словам...
Кто бы знал, для чего повторять стихи
одиноким огням в холодной степи.

Где-то в жизни моей – хоть пой, хоть плачь –
продолженьем Урала стоит Вайгач.
И гранитный замшелый его бережок
ни строки не запомнит, не сбережет.

Но в полярном сияньи цветная нить
тем, кто хочет понять, могла б объяснить,
отчеркнув твою жизнь коротким лучом,
это все – зачем, о чем и – почем.

* * *

В свою страну – в приполярный чум, –
по старым шкурам скользя.
Собаки свирепы. Хозяин угрюм.
Темно и дышать нельзя.
Смрад от коптилки уходит вверх,
А от скиснувшей браги – вниз,
вернулся в родной шестнадцатый век,
хочешь выжить – пригнись.
Еще привыкнешь – дыши, живи –
корми и кормись треской,
в оленьей крови, в тюленьей крови
и в самой сладкой – людской.

* * *

Прилетает орел для расправы – и клюет ему печень,
древнегреческой скукой и славой навсегда обеспечен.

Вот опять он клюет и бросает – то ли вправду наелся,
то ли впрямь от рутины спасает и титана, и Зевса.

Боль терпима. А скука несносна. Догорает эпоха.
Тот, кто дал нам огонь и ремесла, думал – это неплохо.

Понимал про орла и Зевеса, милосердствуя людям...
Но не знал – ни черта, ни бельмеса, – что мы можем и будем...

Прилетает орел недовольный – что ж ты делаешь, копать? –
вся округа – пожары да войны, в реках крови по локоть...

Там внизу разжиревшие грифы не попросят добавки,
там уже не легенды и мифы – только злобные байки.

Клюнет, плюнет и строго полого на Олимп улетает.
А богов в этом небе не много. И орлов не хватает.

Под звуки воздушной тревоги

- 15 **Ганна Костенко**
Потрібні нові очі
- 17 **Владислав Китик**
С высоты птичьего полета
- 21 **Анна Михалевская**
Всё в наших руках
- 23 **Елена Андрейчикова**
Как ты?
- 27 **Людмила Шарга**
«Я выполнял приказ»
- 29 **Татьяна Орбатова**
Сирены воздушной тревоги
- 31 **Тая Найдено**
Комендантский час

Монологи на фоне сирены воздушной тревоги

Одесса – молодой город, ей 227 лет. И более двухсот из них она прописана на литературной карте мира. Ее воспевали Байрон и Пушкин, Мицкевич и Марк Твен. А потом Одесса явила миру свою литературную школу, причем на разных языках. На русском – Бабель и Багрицкий, Ильф и Петров, Катаев и Олеша, на украинском – Яновский и Сосюра, на еврейском – Шолом-Алейхем и Жаботинский...

Но не только прошлым живет литературная Одесса. И сегодня в городе пишут, печатаются талантливые писатели. Больше тридцати из них объединены в студию «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов. Студия работает уже двенадцать лет. Издаются книги, идет поиск спонсоров для поддержки литераторов.

Боль города, боль народа всегда проходит через сердце писателя. Об этом спустя первые 45 дней войны России против Украины рассказывают наши авторы.

История творится на наших глазах. Слово стало оружием.

Евгений Голубовский

Ганна Костенко

Потрібні нові очі

Ця війна нас усіх покалічила та травмувала. Фізично. Духовно. Морально. Вона лишила свій хворобливий відбиток на наших душах, і нічого з цим не поробиш. Ми маємо вчитися жити з болем. Я не знаю, яким буде моє життя після війни, якою буде творчість. Але передчуваю: продовжуватиму виступати за цінність людського життя, продовжуватиму говорити про пошук Бога в таких кризових та трагічних ситуаціях, як війна. Гейне свого часу казав: «Якою б жахливою не була війна, вона розкриває велич людини, котра кидає виклик своєму найсильнішому ворогу – смерті». І я щаслива, що маю можливість бачити велич багатьох звичайних, простих та безстрашних українців. Ця війна оголює наші душі, наше єство, зриває маски з багатьох облич. Ми прозріваємо. Ми стаємо іншими.

Останнім часом я міркую про ненависть. Кілька днів тому навіть слухала у записі улюблений Другий концерт Рахманінова. Хочу зачепитися за щось, аби не впасти у липку павутину ворожості до всього, що пов'язано з Росією. Я прекрасно розумію, що Рахманінов не винний у злочинах Путіна, як не винуватий і Гете у божевільлі Гітлера. Але бачить Бог, як це складно...

Кілька днів тому, коли я ховалася у ванній кімнаті під час повітряної тривоги, до мене прийшло чітке усвідомлення, що я не хочу, просто забороняю ненависті та ворожості з'їдати моє серце. Я осягнула, що ненависть – джерело моїх ворогів, місце їхньої сили, бо як іще пояснити бомбардування дитячих садочків, пологових будинків, лікарень тощо? Такі накази віддають та виконують ці, хто живиться ненавистю до людей та людства зокрема.

В їхніх душах пекло. Тому я зробила для себе вибір. І намагаюся його дотримуватися. Моя сила – у праведному гніві, а не у ненависті. Моя сила – у любові до моїх незламних українців, до моєї країни та моєї Одеси. Але любов неможлива без обурення. В цьому її парадокс. І навіть біблійні історії свідчать про це. Любов уміє боронитися. Любов уміє тримати вогняний меч у своїх руках, як тримає його Архангел Михаїл. І любов палає вогнем, але той вогонь не нищить, він оберігає.

Згадаю знову Гейне, котрий казав, що кожній новій епосі потрібні нові очі. Я гадаю, що ми, українці, зараз стаємо тими новими очима для нової епохи. Епохи ясності, епохи нової щирості, якщо бажаєте. Але нова епоха окрім нових ідей несе й нове варварство та жорстокість. Варварство та жорстокість віднині синоніми сучасної Росії. Тому для мене ця війна не лише боротьба за власну свободу, але й передусім боротьба Добра зі Злом, Еросу з Танатосом, боротьба Нового та запліснявілого, життя та смерті. Я вірю і знаю, що ми зараз стаємо тими новими очима, погляд яких здатен змінити цей світ. Так і буде.

Владислав Китик

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Чайка, нахохлившись, сидела на краю пирса. Как и положено этим морским птицам: грудью против ветра. Резкий взрыв над заливом помешал ее созерцанию серой водной глади. И она расправила крылья.

Чайки не знают, что такое война. И не понимают людей, изобретающих оружие, чтобы силой отнимать у другого право на жизнь.

Но за шестнадцать дней приноровились преодолевать смятение и не улетать далеко, когда небо сотрясилось взрывами или канонадой. Не бояться ее рокочущего эха над пляжем с закопанными от диверсантов минами. Не прятаться, слыша истошное вытье сирен, оповещающих о тревоге.

В природе есть борьба, но уничтожения себе подобных, целенаправленного, изощренного в средствах, – нет. Пернатым чужд вой войны.

Чайка полетела над городом. После теплой, даже солнечной зимы в марте вдруг похолодало и посыпал снег. Ах, вот оно к чему! Согласно рыбацкой примете, если чайки, покинув побережье, парят над крышами, это, верно, к осадкам.

Улицы, обычно многолюдные и шумные, были почти пусты. Редкий пешеход оставлял на нетронутой белизне торопливые следы. Молча взбиралась на склон Потемкинская лестница, уткнувшись в штабеля мешков, набитых песком, которыми обложили памятник Дюку. Песок чайка любила. Он и сейчас сослужил добрую службу, закрыв от шальной артиллерийской злобы фигуру, в бронзе которой душа города.

Фото Максима Войтенко

Такие же мешки громоздились на улицах, как баррикады, похожие на сугробы. Чайка спустилась ниже, села на ребро металлического швеллера. Прочно соединенные сварными швами по три, с торчащими во все стороны концами образовывали противотанковые ежи. Улица топорщилась такими конструкциями, выставляя преграду оккупантам. Защитят ли они от современной ракеты? Нет, конечно. Но было в этих шестиконечных крестах что-то хулиганское, задиристое, что по-уличному принимало вызов и демонстрировало готовность не уступать.

Такие ежи стояли здесь в 1941 году, и теперь время соскочило с подножки прошлого. Из-за угла и впрямь зазвенело. Это цокал подковками трамвай, продвигаясь по привычному маршруту. Внизу прожужжал проводами троллейбус, прошыгнула под светофором блестящая иномарка.

– Так транспорт ходит, хоть и реже, чем обычно, но развозит граждан по делам, – отметила чайка. Махнула крылом на всякие досужие разговоры. И снова поднялась в воздух.

Там рассекал ветер тонкий шпиль, воздвигнутый как флагшток над куполом вокзала. На перроне пестрела куртками, кулками и чемоданами толпа тех, кто уезжал в другие места, наверно, более безопасные. Или им так казалось? Люди стремились втиснуться в вагоны, сталкивались плечами. Птицы тоже, бывает, толпятся у кормушки. Но чаще уступают друг другу. И не ведут беспредметных разговоров, изводя себя предположениями о том, что может с ними случиться. Впрочем, чайка не читала Фейсбук.

Некоторые буквально демонстрировали свои переживания, резко жестикулируя, перемежая проклятия со зываниями к Богу и риторическим возмущением: «Куда он только смотрит?». Они привлекали к себе внимание, словно так стараясь получить если не одобрение, то согласие невольных свидетелей этих эмоциональных выплесков. Замечено, что страх и зависть к тем, кто в менее бедственном положении, может довести до ненависти к ближнему. Или наружная реакция позволяла быстрее успокоиться, как от сознания публично выполненного долга.

Те, кто переживает молча, незаметны. Их состояние могут почувствовать только сограждане, в которых развито сострадание, тоже не проявленное напоказ. Просто сердце, утомленное бедой,

не хочет тратить силы на изъяснение своей боли. Но переносит происходящее стойко.

Вот и в чайке живет крепкая морская или рыбацкая душа, которая вселилась в птицу, исподволь помогая ей не жаловаться и верить в будущее. Она покружила над домами. Накликкала снег и снова перенеслась к морю.

Вечерело. Город стоял. Он благодарил тех, кто обеспечивал дома водой, теплом и светом. Он поддерживал тех, кто не спал у прицелов и следил за морем и небом. Он жил своей жизнью и не думал сдаваться.

* * *

Пишется мало. Можно сказать, вообще не пишется. Нет ни желанной легкости настроения, предваряющей игру слов, ни сосредоточенности, нужной для точного самовыражения через стихи.

Для себя считаю неприемлемым переходить на бранную лексику, как сейчас стало популярным в среде литераторов со своими страницами в ФБ. Полагаю, пишущему человеку для выражения неприятия или экспрессии следует подбирать слова, не противоречащие культуре изложения. Этих слов в словаре Ожегова пятьдесят две тысячи.

Анна Михалевская

Всё в наших руках

В начале войны Одесса будто замерла, казалась пустой и покинутой. Ожидательной. Мы все чего-то ждали в первые дни. Что кто-то придет и провозгласит мир. Отменит войну. И все вернется на круги своя. Хотя, понятно, что не вернется, но проще было думать, что так произойдет.

А потом поняли – все в наших руках. И начали что-то делать. И люди оживились, и город ожил. Оцепенение прошло – внешнее. А сколько эта пружина будет разжиматься в сердце – не знаю. Есть вещи, которые я не готова осознать. Стертый с лица земли Мариуполь. Заживо погребенные в подвалах люди. Младенцы, оставшиеся без родителей.

В Одессе тихо, и мы будто бы в тылу. Каждый здесь служит делу мира, как может. За неделю до войны мы были на концерте, наслаждались рок-балладами в исполнении Ивана Ворона.

А потом я узнала, что Иван, рискуя жизнью, ездил на своей машине спасать мариупольцев, вывозил их из города. Живу во время, когда люди становятся героями. Сама же не способна на такой подвиг. Но я могу писать правду о том, что происходит. Я могу работать, чтобы поддержать проект, коллег, чтобы заказчик верил украинским специалистам и продолжал сотрудничать с Украиной. Я могу заботиться о ближних. И дальних – если они дают такой шанс.

Не думаю о вторжении в Одессу. Если оно произойдет, я буду действовать. Мы перестали строить планы. Мы не загадываем. Будущего, в котором витали мысли об отпусках, о смелых проектах, о лучшей жизни, об идеальных нас, теперь нет. Оно смешалось

с войной и перетекло в настоящее. У тебя есть только сегодня, и сегодня ты делаешь все по максимуму. Время для меня собралось в одной точке. Возможно, квантовая физика права, и его нет вовсе.

Во время войны: все происходит в настоящем, все срочно. Воздушная сирена. Бомбардировка. Как это погружение в настоящий момент меняет (если вообще меняет) наш взгляд на прошлое, на память, на искусство?

Когда я работала над научно-фантастическими текстами, я столкнулась с определением времени как многомерной картины: все события уже существуют, но мы не в силах это осознать, поэтому постепенное познание этой картины воспринимаем как движение из прошлого в будущее через настоящее. Сейчас мир «рассматривает» военный фрагмент этой картины. Мы смотрели на нее и раньше – восемьдесят один год назад, но не все сумели осознать, пришлось вернуться.

Память о прошлом важна – она говорит о незавершенных делах, о том, с чем нам еще предстоит столкнуться.

Я верю, что искусство – это способ донести до людей истины и вдохновение, которые в обыденной жизни не видны, но тем не менее человеку необходимы. И сейчас, когда ломается столько судеб, когда перекраиваются страны и исчезают с лица земли города, искусство просто необходимо. Чтобы проложить дорогу к новой жизни, чтобы не дать упасть.

Елена Андрейчикова

Как ты?

– Как ты?

С этих слов сейчас начинается каждое утро. Каждое утро войны. Меня спрашивают, я спрашиваю. Родные, друзья, коллеги, знакомые. Невидимые, но прочные нити обороны.

Знаете, ни за что бы мне не пришло в голову, что я буду писать роман о войне, очевидцем которой являюсь я сама.

Какого черта!

Так не могло случиться. Война в Украине? Напала Россия? Бомбят города?

Суровая правда.

За несколько дней до вторжения российских войск на территорию Украины я закончила свой новый роман. Героиня часто видит сны о войне, но они основаны только на рассказах бабушки, узницы лагеря Саласпилс.

Еще раз: только на рассказах бабушки о войне.

Какая злая ирония жизни!

Пока я не могу открыть свой роман и продолжить над ним работу. Пока я чувствую отвращение.

Но однажды я осмелюсь и перепишу его.

Сны снами.

Но я допишу то, что испытала сама.

Как страшно в Киеве воют сирены воздушной тревоги. Рано утром в обычный четверг.

Как я стараюсь улыбаться (сохранять спокойствие перед сыном), быстро собирая вещи.

Как взрывается и горит склад в Умани в пятидесяти метрах от нас.

Как проходит ночь в погребе рядом с банками варенья в Одессе.

Как заикается и плачет трехлетний племянник, которого привезли из Харькова.

Как не хочется решать: оставаться рядом с мужем или вывезти подальше детей.

Как мы выезжаем ночью из Одессы на восьми машинах, женщины и дети, с собаками и кошками, некоторые женщины первый раз за рулем, на блокпосту нас не пропускают, движение ночью запрещено, и одна женщина вдруг кричит:

– Я знаю пароль на проезд! Мой муж воюет, он успел написать мне его.

Как мы ведем свою собственную информационную войну.

Как мы просыпаемся каждое утро и надеемся, что все кончено.

Что снова мир.

Что мы все рядом.

Что можно снова жить, строить планы, писать романы, любить и улыбаться.

А пока я снова я пишу всем: «Как ты?».

Самое важное – получить ответ.

Дилемма вагонетки

– Мама, а что такое дилемма вагонетки? Ты повторяешь эти слова тринадцатый день.

И я рассказываю моему сыну.

Сначала о женщине-философе Филиппе Фут, которая и разработала этот мысленный этический эксперимент. Вы, конечно, слышали.

Движущийся поезд (или вагонетка) грозит пяти людям, привязанным к рельсам. Они могут избежать смерти, если переключить рычаг. Тогда поезд перейдет на другую колею

и убьет только одного человека. Пожертвовали бы вы одним, чтобы спасти пятерых? А если вагонетку можно задержать, сбросив другого человека с моста на рельсы, каким будет ваше решение?

Дима хочет практических заданий, и я осторожно предлагаю ему варианты, кого он спасет в придуманных мною ситуациях и почему. К черту осторожность, не время сейчас реверансничать. Тяжелый выбор, твердые ответы, аргументы, с которыми я согласна.

Быстро же он принимает сейчас решения. Война учит этому. Тринадцатый день, мать ее, подряд. Она заставляет его решать дилемму вагонетки каждую минуту вместе со мной.

Выезжать из Киева или остаться.

Что взять с собой, а что невозможно.

Стоять в километровой очереди за бензином или дотянуть до Умани.

Перебирать или есть то, что есть.

Поиграть в телефоне или сделать для всех горячего черного чая.

Выезжать из Одессы или остаться с папой.

Ехать в конвое или разделяться. Ждать семерым машинам одну или это опасно.

Подвезти женщину с детьми, которая истерит, или женщину с детьми, которая сохраняет спокойствие.

Спать или следить за навигатором, чтобы я в темноте не промахнулась с поворотом.

Быть мальчиком, спасаемым мамой, или мужчиной, спасающим маму.

Я с радостью избежала бы такого опыта для него. Лучше бы как раньше, совершенно однозначно. Мы бы все хотели открыть глаза и проснуться.

Многие стали еще взрослее. И я. Теперь я не мама мальчика, я мама мужчины. Так и до внуков недалеко. Какого лешего! Мне рано! Я молода, красива и не сдамся. Ни оккупантам, ни хандре.

Женщинам сегодня – шампанское и тюльпаны, детям – детство! Мы еще успеем ими возгордиться. К черту войну.

К черту несвоевременное взросление. К черту дилеммы.
К черту тюльпаны. И шампанское к черту. Я хочу только мира. И горячего черного чая. Сделай, мой зайчик, пожалуйста.

Людмила Шарга

«Я выполнял приказ»

Кончается март. Сливаются дни и ночи в одно бесконечное безвременное, февральское...

Какое сегодня число, какой день недели – неведомо, пока не заглянешь в календарь, а там двадцать седьмой день войны. Двадцать седьмая ночь войны.

Миллионы глаз... миллионы спин на вокзалах.

Сломанные судьбы, растоптанные надежды и мечты, отнятое будущее, разрушенные дома. Выжженная земля.

Тысячи погибших.

Взгляды смешались там, где смотрят не глазами, где не скрыть, не утаить ничего из земной жизни, где обнажена суть каждой души.

Где это... Вспоминается Данте с его структурой Ада.

Гора Чистилища. Сюда попадают души, успевшие рано или поздно покаяться в совершенных грехах. Такие души получают возможность достигнуть Рая, после того как отбудут срок в Чистилище.

Души обладают памятью, стало быть, убиенные узнают своих убийц. Убийцы не запоминают убиенных, за редким исключением.

Душа ребенка, душа подростка, душа старика... душа женщины, отлетевшая в миг обстрела очереди за хлебом.

– Почему ты убил меня?

– Я выполнял приказ.

– Почему ты убил меня?

– Я не знал тебя, я выполнял приказ...

– Как ты стал убийцей?
– Я выполнял приказ.
– Как ты стал убийцей?
– Я молчал.
– Как ты стал убийцей?
– Я молчал, боясь потерять работу, пост, льготы... влиятельных друзей... Я не знал, что стал убийцей. У меня жена, дети, дом. Были там.

– У меня все это было, пока ты не убил меня. Пока твое молчание не разрушило мой дом, не убило моих родителей, моих детей, меня... Ты пришел на мою землю, в мой дом и убил меня.

– ...

Гул и над, и под землей. Не от вопросов и ответов – души бессловесны, иначе мы захлебнулись бы в многоголосье.

Гул над городом...

Утром в новостях мелькнуло: ТЭЦ меняет котел.

Не в аду ли котел меняют? И пекельные топки имеют свои пределы.

Между утром вчерашним, разбудившим взрывами, новостями о разрушенных домах в Одессе, и утром сегодняшним день и ночь, несколько сигналов воздушной тревоги, дневных, ночных и утренних, горькие вести из Мариуполя, Херсона, новость о гибели жителя Харькова, 96-летнего Бориса Романченко, узника нескольких нацистских концлагерей. 18 марта в его квартиру попал снаряд...

Раненная киевлянка, кормившая полуторамесячную дочь...

Беснующееся зомбированное месиво на стадионе в Лужниках, который уже назвали (правильно назвали, отхожее место – не иначе) нужниками...

Нескончаемый поток беженцев.

Нескончаемый поток душ у подножия горы Чистилище, где звучат немые вопросы, не заданные при жизни.

– За что ты убил меня?.. Как ты стал убийцей?

– Я выполнял приказ. Я молчал...

Татьяна Орбатова

Сирены воздушной тревоги

Не считаю дни войны.

Когда умер мой сын, жизнь разделилась на время до его смерти и время после. Почти двенадцать лет живу временем «после».

Вот и сейчас воспринимаю так же – время до войны и время после 24 февраля 2022 года.

Какое это время – после 24 февраля? Бомбежки мирного населения, больниц, роддомов, школ, интернатов, эвакуационных коридоров.

Кассетные, авиационные, фосфорные бомбы, реактивная артиллерия. Захват Чернобыльской зоны, Запорожской АЭС, минирование побережья Каховского водохранилища. Чтобы что? Чтобы шантажировать.

Мерзкий, отвратительный шантаж и терроризм.

Сколько украинских матерей уже потеряли своих детей, сколько людей утратили связь с близкими, стали беженцами... Очень многие из них – русскоязычные.

Сколько трупов «солдат-освободителей» и их частей тел лежит в (на) украинской земле, в вагонах-рефрижераторах. Их не хотят забирать на родину, чтобы остальные не знали, сколько действительно россиян разных национальностей погибло. А их уже больше двенадцати тысяч.

Сколько пленных (часть из них совсем мальчики) говорят: «Не знали, что идем на войну». Пленные рассказывают о кадыровских заградотрядах, не позволяющих повернуть назад, расстреливающих российских раненых.

Понимаю, в стране, развязавшей войну, многие не верят в это. Но те, кто хотел знать, как обстоит дело в реальности, уже знают. Другие пока в патриотическом экстазе. Но информация всегда просачивается. Однажды придется поверить в неопровержимость доказательств, в новую реальность.

А у нас реальность – сирены воздушной тревоги. Бывает, воют днем и ночью.

Сегодня выли ночью. Выли и утром – на фоне синего одесского неба, солнечного, весеннего.

Очередной раз объявлен отбой воздушной тревоги, но в голове продолжают выть сирены.

Не удивлюсь, если они будут выть в голове даже в мирное время (если доживу). Это трудно убрать из памяти.

В Одессе еще не было таких бомбежек, как в других городах. Но мы понимаем, что могут быть. Значит, одесситам надо подготовиться к этому.

И я пытаюсь подготовиться.

Большое зеркало, висевшее в коридоре, источник возможных осколков, лежит теперь в месте, безопасном для меня и моей маленькой пуделихи Абики.

Межкомнатные двери со стеклами, поэтому закрыты покрывалами и замотаны скотчем.

Во время воздушной тревоги закрываю окна шторами и жалюзи, чтобы от взрывов осколки не разлетались по всей квартире.

От этой новой реальности можно было бы отчаяться, но вокруг очень много мужественных людей, не просто надеющихся на окончание войны, а всё делающих для защиты страны и помощи всем, кто в ней нуждается. И сердце наполняется мужеством, наполняется любовью к этим людям, ко всем людям, любящим нашу страну, нашу Украину.

13 марта 2022 г.

Тая Найдено

Комендантский час

Вчера немного нарушила грешным делом комендантский час, каюсь.

Но уж пришлось, по семейным обстоятельствам.

Выходила с одной мыслью: «Ой, только бы не патруль по дороге, еще придется полчаса объясняться...».

А через пару кварталов пришли совсем другие мысли.

Вспомнилось вдруг про все эти вражеские десанты... На улице тихо, безлюдно...

Луна, что тот парашютист, сквозь тучи мрачные желтеет...
Воображение разыгралось.

Сейчас, думаю, спустится с неба российская гадина, выругается неграмотно, меня пристрелит, телефон отберет, сигареты... И что самое обидное – обязательно на наших все свалит, как у них сейчас принято.

И так живо я себе представила этого гадского парашютиста, что прям возмечтала о нашем патруле. И патруль не подвел, конечно, тут же появился.

Остановили меня на перекрестке (не скажу каком), очень грамотно остановили (не скажу как). Обратились вежливо, в духе:

– Добрый путь вам, господа!
Вы откуда и куда?
Покажите документы,
Чтобы не была беда!

Показала я этим замечательным ребятам свои документы (не скажу какие). Понравились им документы. Хорошие, говорят, документы. А вот нарушать комендантский час (не скажу с какого часа) нехорошо, говорят.

Ну, на радостях и я посмотрела у них документы (не скажу какие). Тоже хорошие, говорю. И фотки удачные в документах, очень похожие (не скажу на кого).

И, пользуясь случаем, немедленно приступила к расспросам, разумеется.

– А вот как с бомжами? – говорю.

– А что с бомжами? – переспрашивают.

– Ну вот они же явно каждый день этот комендантский час нарушают, да?..

– Наши украинские бомжи, – говорят, – не нарушают, а сидят тихо по укрытиям. Спят бомжи. Чего и вам советуем.

– А те, которые все-таки нарушают?

– А тех, – говорят, – будем ловить, насильно возвращать им человеческий облик и в армию забирать!

И здесь бы самое время написать что-нибудь смешное и трогательное о том, как я в итоге домой добралась, но это все и так понятно.

Так что лучше я вот что скажу: если вы не читаете в каждом моем посте «Слава Украине!», то это только потому, что я не люблю повторяться и говорить очевидные вещи.

Так что не подлайкивайте мне сочувственно, господа с аватарками «Горжусь Россией» и всякими «Z»! Я и так про всех про вас помню, к сожалению.

Не волнуйтесь, вам мы тоже еще вернем человеческий облик.

Видимо, тоже насильно.

Март 2022 г.

История, краеведение

- 34 **Андрей Добролюбский**
«Хан Абдаллах, да продлится его правление»
- 46 **Виктория Коритнянская**
Война вернулась...
- 55 **Феликс Кохрихт**
Голова моя Садовая

Андрей Добролюбский
«Хан Абдаллах,
да продлится его правление»*

Загадочный «Kaszakeyow Mayak Karawull». После Синеводской битвы осенью 1362 г. на северо-западных окраинах золотоордынского Подолья, в районе Каменца князь-победители Кориатовичи основали Подольское княжество. Кажалось бы, после победы в этом сражении они должны были полностью избавиться от ордынской зависимости. Между тем в клаузулах (лат. *clausula* – *заключение, окончание, конец*) подольских грамот второй половины XIV – начала XV в. об уплате дани Орде вежливо и расплывчато говорится, что правители Орды нисколько не отказывались от взимания дани, а подольские князья – от ее уплаты.

Впрочем, вряд ли она исправно выплачивалась, и данники даже пытались это оговаривать. Так, князь Федор Кориатович заявлял в своей грамоте о возможности уплаты дани не Орде, а ему самому.** Это было довольно рискованно, поскольку любые невыплаты всегда могли стать поводами для спонтанных ордынских набегов. Получается, что указанную дань, или «выход», победители были вынуждены продолжать платить побежденным. Потому что у южных пределов Подольского княжества в 1360-е гг. в степях Северного Причерноморья продолжали существовать владения

* Продолжение. Начало см.: Добролюбский А. «Я попал в какой-то другой мир» // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах, кн. 82, с. 28-42; кн. 83, с. 32-44. Ibidem. «Будь счастливи!»; кн. 85, с. 59-73; кн. 86, с. 36-50. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2020-2021.

** Полевых С.В. Грамота князя Федора Кориатовича 1391 г. и подольская дань «в Татары» // Архіварыус: зб. навуц. паведамл. і арт.; вып. 17 / рэд. В.Ф. Голубеў [і інш.]. – Мінск НГАБ, 2019. – 336 с.

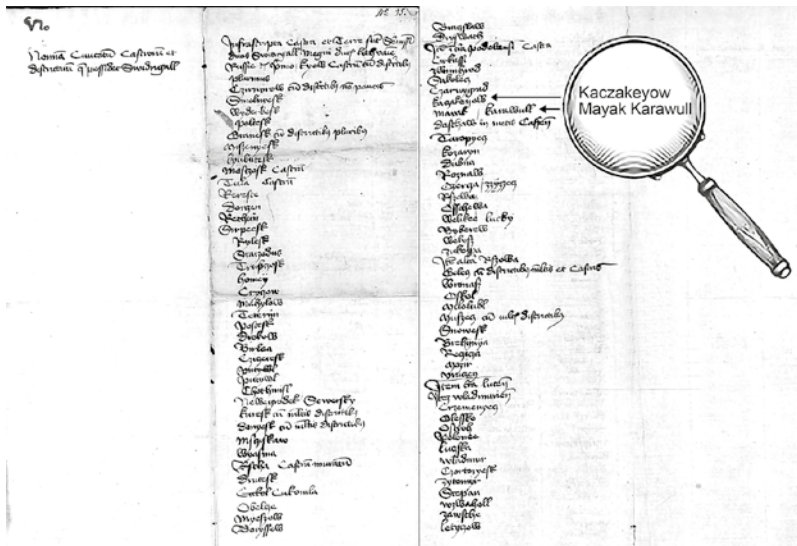
Фрагмент Каталонского атласа Авраама и Иехуды Крескесов с изображением побережья между Днепро-Бугским и Днестровским лиманами. 1375 г.

Хаджибея – его тьма, то есть кочевой Ябу-городок. Это означает, что мятежный эмир довольно быстро сумел замирился с беклярибеком Мамаем и, стало быть, с ханом Абдуллахом. Он «вернулся в лоно «правильной» Золотой Орды» (выражение Я. Дашкевича ***). И, видимо, надолго – действительно, вплоть до конца 1370-х гг. эмир Хаджибей фигурирует в источниках как один из темников командиров Мамае. Значит, на всем протяжении правления Мамае Ябу-городок был составной частью «Мамаевой орды».

Тем самым темник Хаджибей сохранял возможность шантажировать подольских князей набегами своих беков и мурз. Ведь мирной жизни с соседями у ордынцев не могло быть в принципе – их благополучие прямо зависело от количества награбленного добра и захваченного ясыря. Поэтому выплаты степным «рэкетирам» были обычным делом. Они деликатно именовались «упоминками». Их хватало далеко не всем, и периодически «частные» отряды отдельных мурз вторгались в земли Подолии для разбоя и грабежей.

Хаджибеева тьма перемещалась вдоль причерноморского побережья от Днестра до Днепра. Правда, никаких письменных

*** Дашкевич Я. Степові держави на Поділлі та в західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 10. – 2006, с. 112-121.

Kaczakeyow Mayak Karawull в списке городов Свидригайло

источников об этом не имеется. Вообще. Их полное отсутствие создает, разумеется, ощущение определенного научного дискомфорта. Поэтому остается использовать лишь косвенные и не слишком внятные сведения – искать топонимические следы, хоть как-то связанные с именем Хаджибея (Качибей). Таков топоним «Kaczakeyow», который вовсе не от хорошей источниковедческой жизни отождествляется большинством историков с поселком Хаджибей (Качибей). Он упомянут как «...Kaczakeyow Mayak Karawull...» в так называемом «Списке городов...», составленном в 1432 г. при великом князе Литовском Свидригайло Ольгердовиче, а также в других источниках XV-XVI вв. Никто, впрочем, толком не знает, где именно эти «города» могли находиться. Неясно, был ли это один населенный пункт, или более. Топонимы постоянно упоминаются как разные объекты одновременно – Качибей и Маяк.* И если это один объект, то таковыми могли быть любые

* Білецька О. В. Качибей у світлі джерел XV-XVI століть (матеріали до вивчення історичної географії Поділля та Північного Причорномор'я // «Записки

пункты в пределах кочевания Хаджибеевой тьмы (Ябу-городка) со словом «Маяк».

В смысловом значении сам термин «маяк» – это «караул», «башня на суше», «укрепление», а также «переправа». Таких «маяков» в местах отступления Ябу-городка к черноморскому побережью могло быть множество – у любой переправы или у любого пункта на морском побережье. Среди них – сохранившиеся в топонимике городок Маяки в Молдове, поселок Старые Маяки под Одесой и др. А также поселок Маяки на Нижнем Днестре. Сюда, в днестровские плавни, отступил после Синих Вод эмир Хаджибей. Здесь он и похоронил свою любимую подругу.** Эти плавни для беженцев Ябу-городка вполне могли послужить достаточно надежной защитой от возможных преследователей. Поэтому периодическое размещение здесь Хаджибеевой тьмы или какой-то ее части не должно вызывать прямых возражений.

Впрочем, остается неясность в толковании этих топонимов, которую создали еще патриархи предыстории Одессы. Так, профессор Новороссийского университета Ф.К. Брун считал единым объектом *Mayak Karawull*, а другой профессор того же университета, А.И. Маркевич, соединял *Kaczakeyow* и *Mayak* в единый населенный пункт и видел в них порт Качибей – предшественник Одессы.***

Свидригайло, великий князь Литовский.
1430-1432 гг.

історичного факультету», 26 випуск 2015: наукове видання / Колектив авторів – Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2015, с. 233-257.

** Добролюбский А. «Будь счастливым!» // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Кн. 86. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2021, с. 36-50.

*** Белецкая О.В. Маяк в XIV-XVI вв. (материалы к изучению исторической географии Подолии и Северного Причерноморья) // Золотоордынская цивилизация, 2016, № 9, с. 189-192.

Переправа у поселка Маяки – одна из ключевых на нижнем Днестре. В источниках это место именуется также «Митиревыми Кышинами», что не слишком уверенно переводится как «Мечети» или же «Шатры Дмитрия». Можно думать, что эти земли принадлежали эмиру Дмитрию, который «приютил» какую-то часть орды и Ябу-городка своего «брата» Хаджибея после бегства из-под Синих Вод. Это место также именовалось Мияк-Гичит, или Мияк-Баба-Султан. Здесь же имелась какая-то «башня на суше», и историки допускают, что именно она могла называться «Хаджибеевым Маяком».*

«Хаджибеев маяк» близ Джинестры. Еще более вероятно, что «Хаджибеев Маяк» располагался в «местности, занимаемой Одессой», там, где «соленое озеро... по дороге как идти в Очаков» названо так по имени «князя» Хаджибея, как об этом пишет Матей Стрыйковский. Не исключено, наименование «Хаджибеев» было ему дано в связи с тем маяком, который в XIV в. обслуживал якорную стоянку латинян Джинестру. Действительно, здесь издавна была зимняя ставка тьмы Хаджибея и его Ябу-городка. Археологически это подтверждается обломками «красно-желто-ленточной» керамики, найденной на Приморском бульваре в Одессе.** И это является, в сущности, доказательством того, что после поражения у Синих Вод осенью 1362 г. какая-то часть его тьмы отступила и сюда.

Эта керамика считается «сельской» и «бедной» по сравнению с обычной золотоордынской городской посудой. Она производилась на сельских поселениях с середины 60-х гг. XIV в. после гибели или упадка золотоордынских городов. Она же является убедительным археологическим подтверждением возникновения оседлого или полuosедлого поселка «на базе» зимней ставки улусбека Хаджибея после битвы у Синих Вод. Вот ее и начали здесь изготавливать уцелевшие насельники Ябу-городка***. Она же

* См.: разбор мнений; Белецкая О.В. Маяк... с. 192.

** Добролюбский А.О. Имя дрока. – Одесса: ВКО, 2019, с. 8-20.

*** Название «Ябу-городок» («городок наместника») в монгольское время формально не существовало – древнетюркский титул «ябу» монголами не занимался и не был связан с титулом или рангом конкретного правителя. Но наместнику соответствовали должности беклярибека или улусбека. Поскольку в большинстве своем кочевники орды Хаджибея были тюрками,

и маркирует не только перемещение орды Хаджибея в 1360-е гг. на одесское побережье, но и то, что ее часть перешла к временной оседлости или полuosедлости – жители Ябу-городка при ограниченном числе пастбищ были вынуждены оседать на землю, с тем чтобы получить возможность летом запастись кормом для скота (да и для самих себя) на зиму. Чтобы обеспечить круглогодичный прокорм скота, приходилось заготавливать сено и солому на зиму и эти запасы охранять. А это означало необходимость в оседлых поселках. Такие поселки и появились на маршруте между Днестром и Днепром.

Поскольку большая часть этого корма – фитомассы – собиралась и заготавливалась на зиму, то это давало возможность более экономно прокормить овец без предварительной тебеневки со стороны лошадей. Овец держать выгоднее, они поедают куда меньше, чем лошади. Большое количество овец в стаде – признак нищеты. Оно же – признак оседлости или полuosедлости. А большое количество лошадей – признак несомненного достатка. Но лошади съедают куда больше корма, и при оседлом хозяйстве их количество становится убыточным.

Ранее Ябу-городок систематически перекочевывал весной на север, осенью – на юг. При таких меридиональных перекочевках у жителей Хаджибеевой тьмы не было никакой необходимости оседать на землю, потому что массы животных обеспечивались основной летней кормовой базой – просторами лесостепи, где фитомассы в пять раз больше, чем в причерноморских степных районах. Но после Синих Вод Ябу-городок утратил возможность возвращаться весной в лесостепные области и был обречен на перекочевки исключительно в пределах степной зоны причерноморского побережья. Голодовки среди его жителей участились – ведь пара морозных и многоснежных зим может поставить массу людей на грань голодной смерти. Это требовало от кочевников Хаджибеевой тьмы адаптации к новым условиям. Очевидно, именно в таких обстоятельствах и возник близ Джинестры в 1360-х гг.

то термин «ябу» сохранился в источниках вплоть до начала XVI в. как «на-родный», в смысловом значении «господский двор». В данном случае он был эквивалентен Хаджибеевой тьме или орде.

Монета хана Абдуллаха,
найденная на Приморском бульваре в Одессе

поселок Хаджибей, название которого сохранилось на более поздних картах.

Его жители были вынуждены целыми семьями прибегнуть к нерегулярному земледелию как вспомогательному виду хозяйства, засевая отведенные им наделы просом и пшеницей. Такие жители в более поздних источниках стали прямо называться «оседлыми», то есть жившими в стационарных жилищах. В отличие от «юртных», которые принадлежали к перемещающемуся кочевью-юрту, «оседлые» тоже жили в юртах, разве что окруженных деревянным забором. Но при малейшей возможности

они возвращались к кочевому хозяйству и образу жизни.*

Помимо «сельской» керамики на Приморском бульваре, а также в районе Ланжерона найдены и обломки дорогой светло-серо-зеленой так называемой селадоновой, или псевдоселадоновой, посуды второй половины XIV в., а также осколки расписных глазурованных (так называемых люстровых) сосудов иранского производства того же времени.** Тем же временем датируется и стенка чаши, типичной для группы «Юго-Восточный Крым», с орнаментом сграффито, выполненным одинарными резцами различной ширины, под монохромной зеленой глазурью. Здесь же найдена и монета хана Абдаллаха – медный пул (пуло – араб. *كوب*) 1367-1370 гг. На аверсе надпись: «Хан Абдаллах, да продлит-

* Гулевич В.П. Место татарского населения в экономике Крыма в конце XIV – 70-х гг. XV вв. // Тюркологический сборник 2015-2016: Тюркский мир Евразии. – М.: Наука – Восточная литература, 2018.

** Добролюбовский А. «Я попал в какой-то другой мир» // Дерибасовская – Рижельевская. Одесский альманах, кн. 82. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2020, с. 28-42.

ся его правление», на реверсе изображен хищник семейства кошачьих (голова обращена влево).*** Другая подобная монета найдена на левом берегу Куяльницкого лимана близ нынешнего поселка Котовского.

Судя по местам находок всех упомянутых обломков посуды и монет, «изначальный» Хаджибей на месте нынешней Одессы как оседлый (или полуоседлый) поселок возник в 1360-е гг. Он располагался близ итальянской якорной стоянки Джинестры и ее маяка, что было весьма удобным местом для стоянки судов, их починки, пополнения запасов пресной воды, набора соли и т. п. Здесь имелись соляные промыслы на Куяльнике. Естественно, что между местным кочевым населением и экипажами кораблей во время стоянок был налажен какой-то товарообмен. Он продолжался и в дальнейшем, а «отголоски этой деятельности и были причиной стойких слухов о некогда существовании в этом месте порта, через который осуществлялась морская торговля»**** Не исключено, что на плато Приморского бульвара располагался караван-сарай, служивший кровом и стоянкой для путешественников и торговых караванов на пути из Нижнего Поднепровья в Белгород – юго-западного отрезка «Татарского пути» из Крыма во Львов.*****

Монета хана Абдуллаха с поселка Котовского

*** Иванова С.В., Красножон А.В., Савельев О.К. Многослойный памятник «Приморский бульвар» в Одессе: от античности до средневековья // *Tyragetia*, s. n., vol. XV [XXX], nr. 1, 2021, с. 297-312.

**** Гулевич В.П. Первое письменное упоминание Качубеева: критический разбор // *Золотоордынское наследие: Сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи*. Выпуск 4. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021, с. 262-282.

***** Хромов К.К. Локализация азово-черноморского участка торговой дороги Татарский шлях из Азака во Львов (по нумизматическим данным) // *Золотоордынское обозрение* № 8 (2), 2020, с. 274-283.

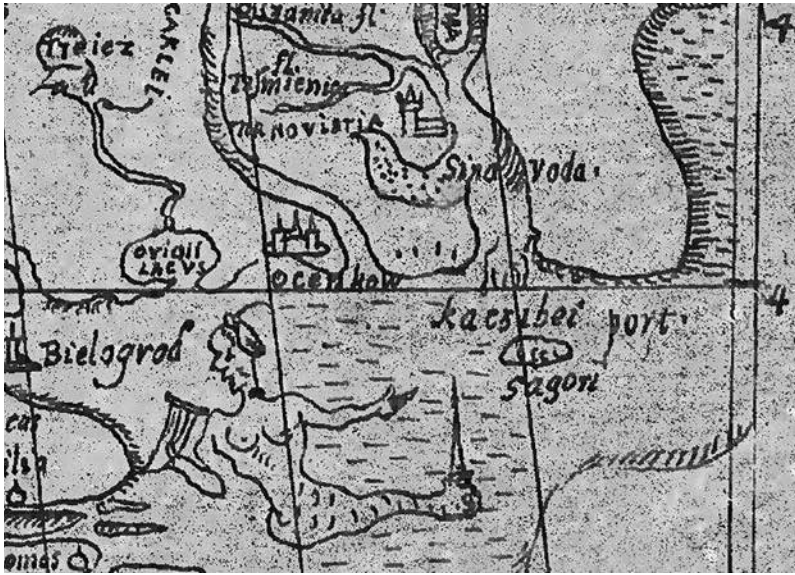
«Хаджибеев маяк» близ Очакова. Этот традиционный торговый «Татарский путь», получивший в литературе наименование «Via Tatarica», во второй половине XIV в. приходит в упадок. Ранее он вел от генуэзской колонии Каффы через степной Крым к Таванской переправе через Днепр (около Берислава) и через степи Северного Причерноморья в Каменец, Львов и Краков. Но после Синеводского сражения на участке между Днепром и Днестром его сменяет новый торговый путь, где перевоз через Днепр стал осуществляться в районе Очакова, на переправе через Днепровский лиман от Кинбурнской косы до реки Аджигол. Здесь же, восточнее Аджигола, находился генуэзский замок Лериче-Илличе.* Очевидно, латиняне контролировали эту переправу. Дорога от Аджигола и Лериче-Илличе к Маякам на Днестре шла вдоль черноморского побережья, мимо Джинестры и Флорделиса. Очевидно, пересыпи, отделяющие Куяльницкий и Хаджибейский лиманы от моря, к тому времени уже образовались. Тогда же и возник тот самый «путь из-за Днестра морским берегом в Крым», который указан на карте морейца Ильяса.**

Переправу близ Очакова отчетливо датируют монеты – именные пулы с именем все того же хана Абдаллаха (1367-1370 гг.), с таким же пожеланием этому хану продлить его правление, как и на одесских монетах. Многочисленные находки монет этого типа и местных подражаний им известны в районе Кинбурнской косы и на правом берегу Днепровско-Бугского лимана в районе Аджигола. Они свидетельствуют, что переправа в 1360-х гг. здесь активно функционировала. Отсюда дорога шла через крепость Балаклею у впадения р. Чичиклеи в Южный Буг. Это место также маркируется монетами Абдуллаха. От Балаклеи открывается практически прямой путь, который не требует никаких переправ, до Каменца по водоразделу между Днестром и Бугом.*** По этому

* Господаренко О. Про генуезьку присутність на території Миколаївської області: історико-географічні й археологічні зауваження // Емінак: науковий щоквартальник. 2015, № 3 (11) (липень-вересень), с. 54-59.

** Добролюбовский А.О., Смирнов И.А. «...Что тут хан имел в виду?...» // Стародавнє Причорномор'я. XIII. – Одеса: ОНУ, 2021, с. 150-158.

*** Хромов К.К. Указ. соч., с. 61.

Карта Станислава Сарницкого. Качибей-порт у Очакова

же пути «хаджибеевцам»**** было удобно совершать набеги на Подольское княжество.

Нумизматические основания видеть «Хачибеев Маяк» в районе нынешнего Очакова выглядят достаточно вескими. Тем более что они подкрепляются картой, на которой именно здесь размещался «порт Качибей»*****. А там, где есть порт, там должен

**** Самоназвание золотоордынских кочевников часто связывалось с именами их правителей. Так, все воинское сословие хана Узбека именовалось «узбекиан» (букв. «узбекицы, узбековцы»). Улусные владения были «более известны в народе» (выражение И.Н. Березина) по имени своих владельцев. Значит, мы вправе называть население улуса Хаджибея «хаджибейцами».

***** Карта С. Сарницкого, 1587 г. Stanislai Sarnicii Annales, sive de Origine et Rebus Gestis Polonorum et Litvanorum, Libri Octo. Habes hic priorem partem horum Chronicorum, hactenus omissam et neglectam ab alijs authoribus: quae incipit ab Asarmoth conditore Sarmaticorum populorum, et continuatur ad Lechum ipsum, rerum ordine secundum temporum seriem seruato. Et tandem a Lecho ad nostra tempora, quid in istis terris actum sit fideliter exponitur. Caetera, quae in hoc libro continentur, ipsius libri argumentum eidem praefixum

быть и маяк. И не какой-нибудь, а Качибеевский. Значит, именно из этого «королевского порта Качибей» (*in portu suo Regio Kaczubyeiow*) по приказу короля Владислава II Ягайло, согласно известному сообщению Яна Длугоша, в 1415 г. было отправлено зерно в Константинополь. К тому же, согласно Густинской летописи, это зерно было отправлено не из Хаджибея, а из Очакова.* Оно могло быть доставлено в указанный «порт Качибей» близ Очакова лишь «хаджибейцами» Ябу-городка. А сам Длугош мог толком и не знать, где именно этот «Качибей-порт» тогда находился. И здесь же располагалась переправа через Днепровско-Бугский лиман, которая стала ключевой на так называемом Татарском пути.

Существование разных «Хаджибеевых Маяков» во второй половине XIV в. легко объяснимо сезонными перемещениями Хаджибеевой тьмы (Ябу-городка) вдоль черноморского побережья между Днестром и Днепром по указанным путям между переправами у Маяк и у Очакова.

Можно видеть, что владения Хаджибея в 1360-70-е гг. охватывали все черноморское побережье между Днестром и Днепром и прилегающие к нему степные пространства до пределов с лесостепью. Близость его ставок и поселков к приморским замкам и якорным стоянкам латинян означало и деятельное участие в международной торговле. «Хаджибеевцы», таким образом, контролировали важнейший участок «Via Tatarica», который проходил через Джинестру, Флорделис, Леричи-Илличе и Балаклею.

Именно так в 1360-70-е гг. жители Хаджибеевой тьмы приспособились к существованию в причерноморских степях. Они образовывали оседлые поселки на базах зимних ставок своего улусбека близ ключевых переправ (Маяки, Аджигол) и генуэзских факторий (Джинестра, Лериче-Илличе). А между этими поселками перемещалась «юртовая» часть Ябу-городка по «Via Tatarica» вдоль черноморского побережья. Не исключено, что таких поселков было куда более, и они существовали не одновременно.

indicabit. Anno Domini M.D.LXXX.VII. [Kraków], [Mikołaj Szarfenberger?]. 425 s. (вкладка).

* Білецька О.В. Качибей у світлі джерел XV-XVI століть... с. 238.

А у воинского сословия сохранялась возможность «взывать к упоминкам» с подольских князей. Это обеспечивало относительное благополучие улусбека Хаджибея. И все было бы у него хорошо, если бы не страшные чума и голод, охватившие его владения. Но это уже другая история.

Виктория Коритнянская

Война вернулась...

Война вернулась к нам снова, спустя столько лет... И на слуху у нас теперь ежедневно и ежечасно страшные слова: «воздушная тревога», «обстрелы», «фронт», «потери», «эвакуация»... А на душе тревога и боль, страх и глухая ярость, и воля к победе, и вера, и надежда. Все как тогда, восемьдесят лет назад.

Этот очерк был написан мною в ноябре 2021 года по материалам интервью с Элеонорой Эдуардовной Меджибовской – одесситкой, родившейся за полгода до рокового месяца июня в 41-м. Мы говорили с ней тогда о войне, как о прошлом, а оказалось – мы говорили о настоящем...

Помню радость от этой встречи... Потому что все мы выжили в этой войне...

– Я родилась в 1941 году и войну, конечно, не помню. Помню какие-то отдельные моменты, которые меня, ребенка, тогда очень поразили. Например, я помню Москву, мы из эвакуации возвращались через Москву. Помню, как в метро в вагонах двери сами открывались и закрывались. Помню эскалатор – лестницу, которая ехала сама. *(Улыбается.)* Мы останавливались у родственников под Москвой, и помню, как мы приехали, и они к нам бежали... Помню радость от этой встречи. Потому что все мы выжили в этой войне.

Я одесситка во втором поколении. Моя семья по линии мамы из Балты, а со стороны отца дед был из Бендер, а у бабушки, папиной мамы, в метрике было написано «покатилловская мещанка». Потом семьи отца и мамы переехали в Одессу. Почему? Видимо, они спасались от погромов. Моя мама София Герцевна появилась на свет уже в Одессе, а вот две ее старшие сестры родились еще в Балте.

Я не помню, чтобы мои бабушки и дедушки были ортодоксальными евреями. Но, конечно, они были намного более евреями, чем я сейчас. Вы знаете, во мне настолько выжгли все еврейское, что я сейчас не знаю ни одного слова на идиш, хотя бабушки и дедушки говорили на этом языке. Я не знаю, не соблюдаю праздники. Бывало такое: праздник уже прошел, а я только потом от кого-то узнавала об этом. И мои родители – они тоже были уже советские.

Семья мамы жила в доме на Успенской, 129. Бабушка, дедушка и четверо детей: три дочки и самый младший – сын Осик, Иосиф. Он, к сожалению, умер в шестнадцатилетнем возрасте, у него был порок сердца. У бабушки с дедушкой была хорошая отдельная квартира, но так получилось – Осик умер в бабушкиной спальне, и после похорон, когда бабушка вернулась домой, она туда больше не зашла. Ни разу! Она легла в гостиной на диване, и дедушка вынужден был искать другую квартиру. В течение трех месяцев он самостоятельно нашел новое жилье, и они переехали жить в коммуну...

Нет, и папина, и мамина семья не были зажиточными. Отец мамы был резчиком по дереву. В районе Привоза у него был небольшой мебельный магазинчик. Он сам делал мебель. И дома у них, мама рассказывала, поначалу стояла мебель, сделанная дедушкиными руками. Буфет с резными ножками в виде львиных лап, еще что-то... А отец папы был служащий. Он работал кассиром и счетоводом, был очень честный, порядочный человек.

Семья папы жила на Чижикова, сейчас это Пантелеймоновская, а еще раньше, я знаю, эта улица называлась Новорыбная. У папы была старшая сестра Анна. Ее муж, украинец по национальности, Шпаковский Григорий Никифорович, был деканом физико-математического факультета в одесском университете. Как и папа, он пошел в ополчение. И был убит. Вернее, пропал без вести в первые месяцы войны. Из-за того, что он пропал без вести, тетя Аня очень долго потом не могла оформить на дочь пенсию за погибшего, и только благодаря свидетельству одного сослуживца мужа, которого она с большими трудностями все-таки смогла разыскать, ей удалось это сделать. Этот сослуживец рассказал, что они вместе с Григорием и другими солдатами где-то

там находились, потом его послали за чем-то, а когда он вернулся – на том месте была уже одна воронка.

От автора. В электронной базе данных «Память народа 1941-1945 гг.» обнаружен запрос одесскому городскому военному комиссару от жены Г.Н. Шпаковского (командира отделения, сержанта) А.Г. Вайнштейн с просьбой разыскать мужа (1903 г. р., уроженца г. Славянска Сталинской (в настоящее время Донецкой) области, призванного в Одессе 16 августа 1941 г.). На документе от руки написано: «Пропал без вести в октябре 1941 г.».

Мой папа Вайнштейн Эдуард Гершевич начал свою трудовую деятельность в пятнадцать лет. Когда он окончил семилетку, пошел и с вечера занял очередь на бирже труда. Там ему дали направление в Конторгуч – школу конторского торгового ученичества (вечерняя школа ФЗУ Конторгуч, в которой готовили счетоводов. Располагалась по адресу ул. Ямчитского, 7. – **В. К.**). После окончания этой школы его направили учеником в Госбанк. Папа был очень способный, быстро поднимался по службе и, если не ошибаюсь, в девятнадцать лет уже был начальником отдела.

Родители поженились, когда маме было девятнадцать, а папе двадцать один год. Я первый и единственный ребенок в семье. В июне 41-го мне было уже пять с половиной месяцев, я родилась в январе. Родители, чтобы ребенок «дышал воздухом», сняли на девятой станции Большого Фонтана дачу на все лето, заплатили всю сумму вперед и пробыли там ровно неделю, потому что началась война. У папы было плохое зрение, он был невоеннообязанный, но добровольно пошел в ополчение. У него медаль «Участник обороны Одессы» за номером, кажется, семьдесят два. 20 сентября 1941 года в Дальнике он был тяжело ранен в плечо. Осколок вошел справа, прошел через легкое и вышел слева, внизу спины...

От автора. Сведения, обнаруженные об отце Элеоноры Эдуардовны Э.Г. Вайнштейне в ЭБД «Память народа 1941-1945 гг.»: родился 18 января 1914 г. в г. Одессе. Поступил на службу 7 августа 1941 г., окончил –

в январе 1942 г. Последнее место службы – 90-й стрелковый полк 95-й стрелковой дивизии Южного фронта. Старший лейтенант интендантской службы. Награжден медалью «За оборону Одессы» (№ 00185, удостоверение от 29.07.1944 г.) и орденом Отечественной войны I степени (приказ № 194 от 23.12.1985 г.).

Папа попал в госпиталь. Когда наши оставляли Одессу, его вместе с другими ранеными погрузили на пароход и привезли в Новороссийск. Там их выгрузили на причал, и... начался налет. А папа знал, что в Новороссийск эвакуировался банк, в котором он работал, поэтому он попросил медсестру, чтобы та сообщила, что он здесь. Медсестра побежала в банк, и за папой пришли. Я потом тоже работала в этом же банке, и один мужчина, мой сослуживец, мне как-то рассказывал:

– Я пришел на пристань, а он там – бледный, страшный...

В общем, папу забрали и отправили в госпиталь, в Пятигорск, где он лежал пять с половиной месяцев. И уже оттуда, из госпиталя, он разыскал свой банк, тот эвакуировался в город Энгельс в Саратовской области, и нас – мы жили в Коканде (город в Узбекистане. – В. К.). В день, когда мне исполнился год, мама узнала, что папа жив: мы получили от него поздравительную телеграмму из Пятигорска. Нет, конечно, мама не знала, что с ним. Мы уехали в июле, а папа остался и был ранен в сентябре. А моего мужа, он родился 23 июля 41-го года, вывезли на последнем пароходе, который уходил из Одессы. И свекровь рассказывала, она рожала его в роддоме, что уже через час после родов вынуждена была бежать в бомбоубежище, потому что Одессу бомбили...

Как мы уезжали? О... Вы же знаете теплоход «Ленин»? Все стремились попасть на него, и дедушка мой стремился тоже... Он бегал ночью на эти переклички, но, к счастью, теплоход ушел без него. *(Улыбается.)* Поэтому мы эвакуировались на теплоходе «Фабрициус». Я была самая маленькая на корабле, мне было чуть больше полугода. Ехали мы в трюме, и дедушка увидел там крошечную каюту, такую крошечную, что там мог поместиться только один человек, и он, конечно, за деньги договорился, чтобы эту каюту отдали маме, потому что она была с маленьким ребенком. Мама со мной ушла в каюту, но с нами

ехал заведующий первым гастрономом, он перекупил эту каюту, и ее отдали ему...

С нами на пароходе была наша собака по кличке Дези. Когда мы грузились на теплоход, папа провел нас, а сам вернулся в банк. А Дези, видимо, приходила к нему на работу и раньше, потому что в тот день он сказал охраннику:

– Если придет Дези, прогони ее.

И когда она прибежала, охранник ее прогнал, но Дези не пошла домой, а взяла папин след и пришла в порт. Когда она пришла, пароход уже отчалил. Тогда Дези бросилась в море и поплыла за кораблем, и ее через кочегарку взяли на корабль. Мама говорила, что когда она увидела Дези, чуть не упала в обморок, она думала, что люди будут ругаться, потому что кругом было очень тесно... Но все обошлось, люди хорошо восприняли, что на пароходе собака, и даже всю дорогу ее подкармливали.

К сожалению, Дези потом потерялась. Когда в Мариуполе мы вышли, погрузились на машину и поехали, Дези долго бежала за нами, а потом потеряла след и пропала... Нет, я не помню, какой она была породы... И фотографий, чтобы посмотреть, у нас, к сожалению, не сохранилось. Там же, в Мариуполе, нас обокрали. У нас украли два чемодана с вещами и... Еще на пароходе я заболела крупозным воспалением легких. Поэтому, когда нас выгрузили, первым делом дедушка узнал адрес врача, и мы поехали к нему. Тот уже сидел буквально на чемоданах, но принял нас, осмотрел меня, а после вытянул из своей аптечки и дал маме несколько таблеток сульфидина. При этом он сказал:

– Если ей это поможет – хорошо, если нет – дело плохо...

Мне, как видите, помогло!

Как мы ехали в Коканд, я не знаю, знаю только, что жили мы там в ужасных условиях. Нас поселили в дом к одной хозяйке, она выделила нам проходные сени, в которые на ночь заводила коз, и ночевали мы там все вместе. Поэтому, когда папа получил назначение на работу в Самарканд и уехал, мы почти сразу же уехали вслед за ним. Это было где-то в феврале 42 года. В Самарканде папа работал заместителем главного бухгалтера в областной конторе Госбанка. Он работал там до июня 43 года, потом его

перевели в Бухару. Но мы уже не переезжали, нет... И двор, где мы жили в Самарканде, я уже хорошо помню.

Я помню, что во дворе у нас жил баран Яшка. Он бодался, я его ужасно боялась, и когда Одессу освободили, и в семье стали говорить, что мы скоро уедем, я не знала, что такое «Одесса», и не знала, что такое «освобождение», но помню, как говорила Яшке:

– Больше ты бодать меня не будешь, потому что освободили Одессу, и я скоро уеду!

Помню нашу квартиру: мы жили в здании конторы, и в служебном помещении у нас была кухня, а потом шла комната... И мне было два года, но когда приехали бабушка и дедушка из Сибири, я помню, как я пошла к управляющему, чтобы взять у него для них пропуск. И я помню эту будочку и окошко на проходной. Помню, как отмечали мой день рождения...

Мама до войны работала бухгалтером в медине, а в Самарканде – на мясокомбинате в отделе сбыта. Она часто оставалась на работе допоздна, потому что обычно ночью прилетали самолеты, и они (работники отдела) отправляли мясо прямо на фронт. А когда стало известно, что освободили Одессу, мама была как раз в командировке в Ташкенте и рассказывала, как все одесситы, кто там жил, высыпали радостные из гостиницы на улицу...

Из-за того что мама все время была на работе, я видела ее очень редко. Поэтому когда однажды утром (я ночевала у тети, она и там, в Ташкенте, жила отдельно от нас) тетя Сима спросила меня:

– Норочка, когда ты в следующий раз придешь ночевать? – я ответила:

– Когда моя мама снова пропадет!

А как-то у тети Симы заболел живот, и бабушка дала ей яйцо, чтобы та его сварила вкрутую и съела. И я, видя все это, спросила:

– А что, взрослые тоже кушают яйца?

А муж тети Симы как-то ездил по делам в Фергану и привез оттуда две булочки, одну своей дочке, а другую – мне, и я эту булочку ела с такой жадностью, с таким аппетитом, что он это запомнил на всю жизнь. *(Смеется.)*

Я помню, как мы уезжали из Самарканда. Мне было три года. Помню, как нас провожали, а потом на вокзале нужно было долго ждать поезд, и взрослые составили вместе чемоданы, и я на них спала.

Папа уехал раньше нас, 19 апреля он был уже в Одессе. И мы хотели тоже сразу вернуться, но город снова начали бомбить, и мы поэтому задержались у родственников под Москвой.

Когда папа приехал в Одессу, оказалось, что дом наш разрушен (в него попала бомба). Поэтому он получил ордер на квартиру в доме, где раньше был кинотеатр Горького. Это была коммунальная квартира, у нас там было две большие комнаты. Я помню, как я впервые зашла в эту квартиру. Во-первых, там был балкон, а я не знала, что это такое, потому что в Самарканде мы жили на первом этаже. А во-вторых, там блестел пол. Папа же приехал раньше нас и успел убрать и все подготовить. Правда, когда мы вернулись в Одессу, он был в командировке в Москве, поэтому заходили в квартиру мы сами, и этот красивейший паркет, который блестел, я запомнила. А еще я помню: посередине комнаты стоял стол, накрытый газетой, стояла кровать, застеленная солдатским одеялом, а в углу стоял детский гарнитур: столик, два креслица и сдвоенная скамеечка. И один из этих стульчиков сохранился у нас до сих пор! На нем сидели мои внуки и сидят мои правнуки!

А потом как-то в один из дней мы пошли к бывшим нашим соседям Кашутским. У них родители оставляли вещи, когда уезжали в эвакуацию. И они нам отдали портьеры, электрочайник, банкетку, кресло-качалку, еще что-то... А когда мы уже уходили, мама вдруг увидела: на стене висит таз, тот самый, который им на дачу купил дедушка, чтобы греть на солнце воду и купать меня, и мама сказала: – Это наш таз.

И она, Кашутская, я не помню, как ее звали, сняла и отдала его нам...

Я пошла в садик уже в Одессе. Он находился на Приморском бульваре, видимо, в бывшем дворце (детский сад № 110, который посещала Элеонора Эдуардовна, располагался в бывшем банкирском доме Ф.П. Родоканаки по адресу Приморский бульвар, 10. – В. К.). Потому что я помню эти большие залы, потолки с лепниной и мраморные лестницы с громадными пролетами... А во Дворце моряка в одной из стен было сделано окно, оно выходило на улицу, и в нем продавали пахлаву, мама мне иногда ее покупала... А до этого я сидела с бабушкой дома и у фребелички. Она гуляла с нами (с Элеонорой и другими детьми) на Соборной площади. И там я

Норочка (Элеонора Эдуардовна) с родителями. Одесса. 1946-1947 гг.

видела немецких военнопленных, они были в робах. Дети их дразнили: «Немец, перец, генерал, сел на лошадь и удрал!». И там же, на Соборной площади, я помню, мы видели парад в честь Победы. По Преображенской со стороны Привоза шли военные и техника, и я запомнила – на дула пушек были надеты чехлы. А когда объявили о Победе, всю ночь на улице стреляли, кричали и веселились.

Когда я была в садике, нас водили гулять в парк, туда, вниз, где сейчас Стамбульский парк. И там, помню, были могилы моряков, и в Горсаду были могилы... А потом, помню, мы как-то пришли после выходных, а могил уже нет. Их перенесли куда-то. А еще в этом парке были свалки, и однажды мальчик из нашей группы нашел там что-то... не знаю что, но он это бросил, и произошел взрыв, и мальчику на руке полностью сорвало кожу. И наша воспитательница... она очень растерялась, потому что не могла оставить нас (детей) одних, а нужно же было этому мальчику оказать помощь, отвести его к доктору и так далее... Помню полуразрушенное здание теперешней нашей Думы, его как-то очень долго

восстанавливали, а потом все время подкрашивали, перекрашивали... А на здании школы № 121 на торце по трафарету было написано большими буквами: «Квартал проверен. Мин нет».

Голод в 46 и 47 годах я не помню. Помню, что были карточки. Помню, как я хотела, а мне не давали. это – не детская еда, говорили, мамалыгу и малаи – это такие пироги из кукурузной муки. Помню фальшивое жаркое. Знаете, что это? Это жаркое без мяса. Брала картофель, лук и тушили. А мне оно очень нравилось, и я просила маму: «Хочу паршивое жаркое». Мне казалось, что они говорят не «фальшивое», а «паршивое». *(Смеется.)*

Конечно, я помню, как умер Сталин. Мне уже было двенадцать лет. Я верю, что тогда рыдали искренне. Для меня, для всех Сталин, Молотов, другие вожди – это было что-то святое! Не передать, что тогда творилось... Сталин болел, и каждый день передавали бюллетень о состоянии его здоровья. И папа тогда был в командировке в Киеве, а мама вскакивала в шесть часов утра, чтобы узнать, как он (Сталин) себя чувствует. А когда он умер, у всех было одно: «Что с нами будет?». Не представляли люди, как теперь без Сталина...

На площади Льва Толстого стоял раньше памятник Сталину. Возле него в тот день был митинг, мы (ученики) стояли в почетном карауле, люди несли венки, и все лили горькие слезы. Сталин умер 5 марта, а хоронили его девятого. И все эти дни люди рыдали. И учителя в школе. Все учителя, когда заходили к нам в класс на урок, начинали рыдать.

И дело врачей я помню. Сталина лечил Вовси, брат актера Михоэлса. И когда все это началось, говорили:

– Чем лечиться у Вовси, лучше вовсе не лечиться...

Когда дело врачей было закрыто и всех осужденных начали реабилитировать, папа позвонил маме, он снова был в командировке, и... Он же не мог говорить об этом открыто, поэтому спрашивал:

– Ну как? Как настроение?

И мама ему радостно:

– Хорошо! Все хорошо! – отвечала.

Феликс Кохрихт

Голова моя Садовая

Воспоминания

Я родился незадолго до начала войны в доме № 13 по улице Софиевской угол Торговой. Утром 22 июня 1941 года спал на балконе нашей квартиры и даже не проснулся, когда вернулся с выпускного вечера старший брат Аба, получивший накануне аттестат об окончании десятого класса. Не помню и того, как он на другой день отправился в военкомат. Вместе с ним пошел наш отец Давид Израилевич Кохрихт – выходец из семьи известных ювелиров. В Первую мировую он, доброволец-вольноопределяющийся, заслужил на Румынском фронте два солдатских Георгия и две медали. В 1923 году у него с первой женой Ниной родился сын Абрам – Аба, чья мама умерла при родах, папа воспитывал его один... До чисток 30-х годов он славно служил в одесской милиции: сражался с бандитами, занимал командные посты в сыске... В 1933-м внук купца первой гильдии, беспартийный большевик Д.И. Кохрихт по совету начальства своевременно переквалифицировался в управдомы, женился на моей будущей маме Софье Ставницер и в конце 1939 года, аккуратно в Финскую кампанию, появился я. Контузия 1917-го дала отцу о себе знать в 1941-м, и его тут же комиссовали вчистую, а брат мой пошел на войну, окончил трехмесячный курс Краснодарского артучилища (там же учился и отец Олега Губаря), и первую медаль «За отвагу» (старую, на прямоугольной колодке) получил зимой 1941-го на Кавказском фронте...

Впервые я увидел брата летом 1945 года, когда он, в свои 22 года гвардии старший лейтенант – артиллерист в орденах и медалях, прибыл в Одессу в отпуск из Берлина, который брал. И оказался бездомным... С вокзала сразу помчался на Софиевскую, в дом, откуда ушел на фронт, и от новых хозяев узнал, что наша

семья там больше не живет. Дело в том, что когда мы осенью 1944-го вернулись из эвакуации в Одессу, узнали, что нашу квартиру занял важный чин, – такое тогда случалось. Отец, назначенный на высокую должность в горжилуправлении, имел право и возможность получить взамен достойное жилье, но предпочел следовать своим принципам сугубого идеалиста. И мы поселились в одной комнате в коммуналке на Садовой, 6, квартира 12. Все удобства – во дворе, отопление – буржуйка, готовили на примусе.

Сюда и прибыл Аба из столицы поверженного Рейха. Вечером выпил с папой бессарабского вина, перезарядил свой ТТ и направился изгонять захватчиков из нашего родового гнезда. Вот это я уже помню – то, как отец на Торговой умолял сына одуматься и в конце концов выбил из рук старлея пистолет, к глубокому того изумлению. Как и Тарас Бульба, он и в весьма зрелые годы сохранил боевые навыки и завзятый норов. Когда я чуть подрос, папа, выпимши в соседней бодеге, показывал мне приемы штыкового боя, пугая соседей молодецким: «Вперед – коли, назад – прикладом бей!». Я был в восторге, а мама с легкостью забирала у воина нашу единственную швабру...

Наша комната выходила окнами на первый двор, но вход был со второго подъезда, ведущего в тот, где находилась инфраструктура, одна на весь двор водяная колонка и двухчочковый сортир, куда ходили все, кроме жильцов нескольких квартир, в одной из которых раньше жил бывший владелец дома доктор Петрушкин. Знаменитый на весь город педиатр, как рассказывала мама, до войны лечил меня от простуды в нашей квартире на Софиевской. Судьба его была печальной, как и многих наших родичей и знакомых, не успевших покинуть город до прихода румын...

В первые же дни на новом месте я познакомился со сверстниками. В Грузии, которая нас приютила, я общался лишь с местными ребятами и играл с ними в их «горные» игры. Но в Одессе традиции и правила оказались иными, и мне пришлось осваивать и «штандер», и «цурки-гилки». В нашем альманахе уже не раз публиковались воспоминания моих ровесников о том, как проходил тогда день в доме, подобном нашем: о старьевщиках, стекольщиках, молочницах, гадалках... О песнях на общих застольях, о пьющих инвалидах, о чудаковатых соседях... Не стану повторяться.

No. 41. Одесса - Садовая улица, съ угла Преображенской
и Дерибассовской.
Odessa - Rue Sadowaya, vue du coin des ruès
Preobrachenskaya et Deribas.

Начало улицы Садовой, угол Преображенской. Справа – аптека Гаевского.
В моем детстве трамвайные вагоны были уже другими...

Расскажу вот о чем. По соседству с нашим домом находились, как нынче говорят, градобразующие объекты, причем с богатой историей. Громадное, частично разрушенное в войну здание Главпочтамта, где мы делились на казаков и разбойников. Его восстанавливали пленные немцы, ходившие без конвоя. Они заглядывали в наш двор и, с извиняющимися улыбками что-то лопоча, предлагали нашим мамам искусные поделки из дерева – скалки, хлебные доски, шкатулки для ниток... Подманивали и нас, детвору, игрушками. Тогда я впервые увидел Щелкунчика с пастью, способной раскусить орех, и он мне не понравился. Вот что сегодня поражает меня. Женщины нашего двора не только не гнали их взашей, но и сердобольно выносили из дому ломти хлеба, фунтики сахара, яблоки, могли и борща плеснуть в котелок пленного врага...

О каждом из них мог бы рассказать Олег Губарь, который много лет был моим консультантом... Но его уже нет с нами. На сей раз соавторами рассказа о моей Садовой стали Ева Краснова и Анатолий Дроздовский – выдающиеся собиратели всего, что связано с Одессой. В их коллекции тысячи документов, раритетов

и артефактов. Они снабдили меня старинными открытками, на которых те памятники архитектуры и культуры, о которых я вспоминаю. Особенно важно, то на них Садовая видна от первых номеров (угол с Преображенской) до замыкающего улицу Нового базара.

Разместил их – и вы увидите Одессу конца XIX – начала XX века. К счастью, эти здания, кроме Главпочтамта, не пострадали в годы войны, и я тоже осенью 1944 года видел их такими.

Наш – четный квартал Садовой, да и всю улицу, замыкал знаменитый Одесский цирк, воспетый Куприным. Правда, не главный фасад, а тыльная сторона здания со входом, ведущим на стоячую галерку. Сюда мы в толпе зрителей проканывали на воскресные дневные представления (и билетеры это видели!). Тянули поверх барьера шею, чтобы увидеть стройные ноги и усталые лица воздушных гимнасток сестер Кох. Я важно уверял пацанов, что они мои тетки, а фамилию укоротили ради броских цирковых афиш...

Квартал напротив завершал комплекс ампирных зданий, где после Дерибасовской размещался лицей, а потом гимназия, где учился Юрий Олеша, который дивно описал свой поход из дома на Садовую в моей любимой книге «Ни дня без строчки».

В ночь на 9 мая 1945 года расквартированные здесь военные моряки разбудили нас пальбой из трехлинеек, автоматов ППШ и пистолетов. Я, как и многие пацаны, уже умел различать выстрелы из разного оружия. Мама схватила меня на руки и приготовилась спасаться, папа с интересом выглянул в окно во двор, где уже собрались галдящие соседи... Спустя минуту мы уже знали, что это салют в честь Победы. Нас – двор, Садовую, Одессу – охватило ликование, которого я нигде и никогда больше не испытывал.

В начале 50-х в этом здании разместился экипаж (казарма) Одесского военно-морского медицинского училища, курсантом которого я стал в 1957 году волею судьбы – грубо завалили на последнем экзамене и не приняли а филфак университета. Впрочем, скоро нашу «бурсу» расформировали, и после окончания курса «на гражданке» я вместо службы на подводной лодке отправился работать в психбольницу на Слободке, и опыт, приобретенный там, помогает мне и сейчас воспринимать и переносить многое в нашей жизни.

И все же доминантой этого фрагмента застройки города был и остается Новый базар. Будь рядом Губарь, он поправил бы меня

ОДЕССА. — ODESSA. № 138.
Циркъ „Варьете“. — Cirque „Varieté“.

Цирк. Парадный вход с Коблевской (много лет была – Подбельского)

Садовая угол Торговой. Легендарное здание Ришельевского лицея (после ухода с Дерибасовской), затем гимназия. После войны – Военно-морское медицинское училище

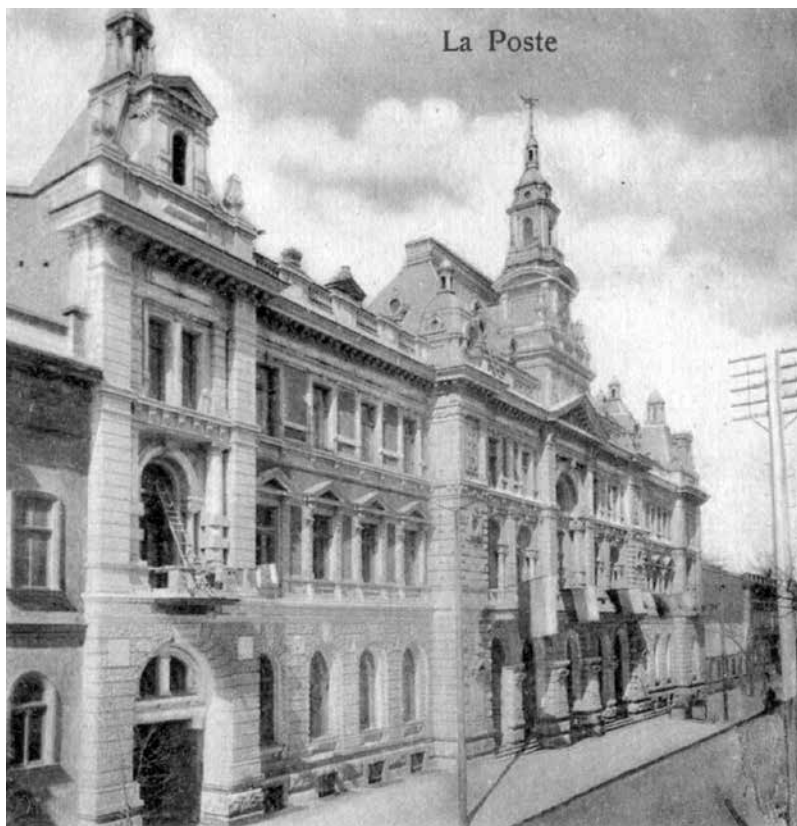
и вразумил... И далее я расскажу лишь о том, каким увидел это чрево Одессы послевоенный пацан, живущий с ним по соседству... Базар запомнился мне главным образом самыми яркими и неповторимыми персонажами – городскими сумасшедшими. О них Губарь писал и даже основал в продолжение традиции Клуб городских сумасшедших, действительными членами которого и сегодня остаются профессор Андрей Добролюбский и я. О них вспоминал Александр Розенбойм. Но я-то был современником этих шутов господ бога, Олег значительно моложе, Саша был дитя Привоза, а там были другие блаженные... Новый базар стал Форумом, Ареной ди Верона, Колизеем. Лобным местом моего кумира с позывными «Мишка-режет-кабана», который, подобно дервишу, кружился на одной ноге в рваной солдатской обмотке, извлекая при этом из балалайки запредельные медитативные звуки... Сегодня я понимаю, что он – его образ – мог стать персонажем фильмов Федерико Феллини и Киры Муратовой...

Раз уж были упомянуты психбольница на Слободке и блаженные духи с Нового базара, то расскажу и о школе № 75, где рядом с нами в доме 4 набирались ума и разума дети с особенным восприятием реалий и иллюзий жизни. И вот что любопытно: где бы я ни учился, однокашники, узнав мой домашний адрес, интересовались, почему же я тащусь в школу за несколько кварталов, а не хожу в ту, что рядом. На что я, пребывая первоклассником школы имени Столярского, отвечал будущим знаменитым музыкантам, что в 75-й конкурс повыше, чем в Столярке. И от меня отстали.

Но виолончелиста, как и подводника, из меня не получилось. Отринув напрочь нежный инструмент, я перешел в неполную среднюю школу № 53, где моими одноклассниками были в основном переростки: пацаны, в годы войны отставшие от школ. И еще дети циркачей. Я дружил с двумя Запашными – дедушками нынешних звезд. Но самым ярким корешем, причем на многие годы, стал Аркаша Астафьев. Будущий обладатель титула «Золотая труба Одессы» отличался живостью характера, редким талантом звукоподражания и стойким отвращением к занятиям по любому предмету, кроме пения. Он не только был моим соседом по парте, но и жил рядом – на Садовой, 16.

...Среди феноменов того времени была и наша естественная, органичная способность жить в условиях, которые трудно себе представить нынешнему поколению – даже вполне среднего возраста. Вот тому пример из истории нашей семьи. Сразу после войны из эвакуации приехал в Одессу старший брат моей мамы Михаил Фроймович Ставницер с женой тетей Шурой и моими двоюродными сестрами Радой и Симой, братьями Эриком, Вадимом, Виктором и Алешей – самым младшим, почти моим ровесником. Впрочем, он был по паспорту Михаилом, но всем известен как Алексей Михайлович – альпинист, создатель мощного объединения ТИС. Итого в комнате в 30 метров без «всего» не только жили, но и по-родственному уживались трое хозяев и восемь гостей...

И напоследок – сюжет, который мог бы стать основой сценария фильма о странных сближениях и ментальных двойниках. Его реальность сегодня могут подтвердить автор этих строк и тот, кто пережил перемену имени и участи и стал героем рассказа.

Главпочтамт. За телеграфным столбом – мой дом № 6

Нашими соседями по шестому номеру на Садовой была семья по фамилии Калика. Одни женщины – от прабабушки до внучек, Софы и Жанны. Все мужчины рода погибли во время войны... В конце 50-х я начал писать рассказы, которые нравились Юре Михайлику и Аркадию Львову, иногда читал их коллегам-журналистам, ребятам из литобъединений и опубликовал несколько в газетах, в которых работал. Один из рассказов, «Листики-цветики», имел лирического героя Сеню Калику. Он (по

Главпочтамт, операционный зал. Обратите внимание: все мужчины в белых штанах, как в Рио-де-Жанейро, городе-мечте Остапа Бендера

сочиненному сюжету!) до войны жил в нашем доме, в котором росло всего одно дерево – старая абрикоса, способная угостить своими плодами всех детей дома, да еще и взрослым оставалось. Сеня и тетя Дуся со второго этажа строго следили за тем, чтобы всем досталось поровну.

Когда освободили Одессу, Сеня с родителями (как и мы!) вернулся домой. Случилось это в середине лета: на дереве созрел небывалый урожай дивных, как никогда, плодов. Подросший Сеня легко взобрался на толстую ветку и стал громко по именам и прозвищам созывать ребят, с которыми предстояло возобновить традицию. Он кричал, свистел в два пальца (научился в эвакуации от беспризорников), но никто не откликнулся, никто не пришел на Мистерию снятия урожая.

После войны в доме не осталось ни одного ребенка...

Сегодня, в пересказе, вновь огорчился изрядной высокопарности, излишнему (на нынешний вкус) пафосу, но дело не в переоценке юношеского рассказа, а в том что с ним, со мной и с его героем произошло в конце 80-х годов. Тогда ко мне обратились два

архитектора, ставшие удачливыми бизнесменами, и предложили собрать коллекцию работ молодых художников-нонконформистов для Центра современного искусства ТИРС и впоследствии стать его президентом. Один из них – Георгий Котов (вскоре мы стали друзьями), а второй при первой встрече заставил меня вспомнить рассказ о мальчике и абрикосовом дереве. Я рассказал о нем коллеге Жорика Семену Калике, упомянув адрес – Садовая, 6, и время создания – начало 60-х. И он, и Жорик удивились такому совпадению – и имени, и довольно редкой фамилии. И тут я услышал то, что и сегодня, спустя десятилетия, представляется мне не случайным, а неким... если не феноменальным, то впечатляющим примером пересечения в пространстве и времени судеб реальных людей с вымышленными персонажами.

А вот и объяснение на уровне реальных событий и здравого смысла. Оказалось, что в то время как я сочинял рассказ, студент Сеня Шор (он несколько моложе меня) ухаживал за Жанной Каликой и часто приходил к ней в гости на Садовую, 6. Когда они решили пожениться, пришли к родителям невесты за благословением. И прабабушка сказала: «Мы согласны на ваш брак, но просим тебя, Сеня, перейти на нашу фамилию и продолжить мужскую линию рода Калик, чтобы не исчезли мы...». Так он и сделал.

...В этом доме родилась и наша семья: Таня пришла в уже переделенную на две части комнату, и мы прожили здесь четыре года – все в тех же условиях... В 1968-м получили квартиру, и я покинул дом и двор, в котором прожил двадцать восемь лет.

После ухода родителей не был там ни разу. Лишь проезжая по Садовой, со щемящим волнением вглядываюсь из окошка авто или троллейбуса в открытую створку ворот и иногда успеваю увидеть арку второго подъезда и над ней окно, в котором чудится смутный силуэт за занавеской...

Долго думал, как же озаглавить эти заметки. И, уже поставив точку в последнем абзаце, вспомнил, как тетя Дуся гладила меня по огненно-рыжей тогда голове, и приговаривала:

– Эх ты, голова Садовая!

10 апреля 2022 г.

Одесский календарь

Приморский бульвар

66 Парадный фасад города
Интервью с Олегом Губарем

Парадный фасад города

Олег Губарь: «Приморский бульвар и Потемкинская лестница – нечто вроде букета, который Одесса дарит гостям»

В каждом городе есть множество замечательных, славных или просто красивых мест, весьма популярных среди туристов. В Одессе тоже немало таких мест – и оперный театр, и Соборная площадь, и Дерибасовская, и, конечно же, Приморский бульвар... О Приморском бульваре как об одном из символов Одессы – в интервью с журналистом, краеведом Олегом Губарем.

Сергей Ляликов: Как вы считаете, в словах «Приморский бульвар» много ли слилось для сердца одесского, например – для вашего?

Олег Губарь: Ну я надеюсь, что много... На самом деле в Одессе, как бы мы ни надували щеки и как бы мы себя ни восхваляли, архитектурных комплексов у нас, по сути, раз-два – и всё! Наверное, это Приморский бульвар с Потемкинской лестницей (лестницей-гигантом или лестницей-монстром, как ее называли) и разве что еще комплекс строений, относящихся к медицинскому факультету Императорского Новороссийского университета, сейчас – комплекс клиник по улице Пастера, Валиховскому переулку и так далее... Больше, по сути, достойных архитектурных комплексов у нас нет. Что касается Приморского бульвара, то, наверное, надо иметь в виду, что он строился и был задуман как корректива генерального плана города. То есть существовал высочайше утвержденный план 1803 года – план, утвержденный Александром I и им же в 1818 году откорректированный. В частности, там учитывался вновь проектированный квартал, а именно Бульварная улица. Вот тогда-то, собственно говоря, и проявился огромный интерес к этой приморской части, ведь это был военный горо-

док. Одесса имела свою функцию изначально как военный форпост, как военная гавань – и на бульваре находилась малая крепость и казармы, это в районе первых номеров Приморского бульвара и Воронцовского дворца. По правую сторону четыре большие казармы, за ними – офицерские флигели; недостроенная Екатерининская церковь – посередине одноименной площади. Небольшой дом, который занимала полковая церковь Ладожского полка, шефом которого, кстати, был Кобле, именем которого была названа Коблевская улица, и военный госпиталь, который располагался за Воронцовским дворцом.

А гражданских домов там практически не было. Там был дом Куликовского, который купил Воронцов в 1820 году, на месте которого он и построил свой дом. На месте нынешнего горсовета, тогда – Старой биржи, были флигели полковницы Черновой, где проживали актеры итальянской оперы, ну и на Екатерининской площади был дом капитана второго ранга Телесницкого, дом был над портом... Вот, собственно говоря, и все, что было к тому моменту, когда была задумана Бульварная улица...

С. Л.: Вы как раз упомянули об аутентичности, об одесскости Приморского бульвара, его стиля. Может быть, поэтому так любят гулять по нему туристы – да и сами одесситы? Вы, кстати, любите гулять по Приморскому бульвару?

О. Г.: Честно говоря, просто с детства привык... И я помню старый фуникулер и обязательное посещение кафе, которое там находилось, и винтовую лестницу, спускающуюся в Лунный парк, действительно насыпную террасу, посещение Археологического музея и массу легенд, которые окутывают Приморский бульвар.

Например, та, что памятник Пушкину повернут спиной к Городской думе из-за того, что думцы отказались финансировать сооружение памятника.

С. Л.: Это не так?

О. Г.: Во-первых, Дума тогда находилась не в здании на нынешней Думской площади. Там была Старая биржа. И если Александр Сергеевич к кому-то повернулся спиной, так это к бирже! Дума находилась в правом полуциркульном здании выше по Приморскому бульвару – в казенном здании, здании Присутственных мест по адресу Приморский бульвар, 7. Что касается обид, которые могли возникнуть

у Александра Сергеевича на Думу, то они тоже несправедливы. Во-первых, Дума спонсировала конкурс на проект памятника из своих средств, а во-вторых, она оплатила половину средств наличностью в самый тяжелый момент, когда сбор пожертвований иссякал. Вот я сейчас наблюдаю, как одесситы с большим энтузиазмом собирают средства на памятник Бабелю. Хотелось бы, чтоб этот порыв тоже не иссяк. Во всяком случае тогда, когда возникла очень сложная ситуация, и бюджет был превышен многократно по разным причинам, половину суммы выделила именно мэрия.

И ряд других легенд, в частности, о том, что Потемкинская лестница посвящена Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. На самом деле Воронцов попросту не хотел ударить в грязь лицом перед императором. В 1837 году Одессу посетил император Николай I – и здесь был организован прием, была устроена художественно-промышленная выставка, и он ее посетил.

С. Л.: Эдакая презентация потенциала Одессы, говоря современным языком?

О. Г.: Совершенно верно. И был такой авантюрный проект – построить лестницу в течение семи месяцев. Можете себе представить: при тогдашнем уровне технологий строительства это было сделать очень сложно! И строительство затянулось на долгие годы... Был и проект архитектора Торичелли, по-моему, проект 1835 или 1836 года, в Госархиве сохранился чертеж. И следующий проект – архитектора Боффо. Можно сказать, что он, возможно, предумышленно, а возможно, потому, что это все делалось в спешке, не учел очень многих факторов, в частности, инженерной геологии и той детали, что там разгружаются подземные воды. И что вообще это сложное сооружение – по сути, наклонный мост. Во всяком случае с подрядчиком Завадским был заключен договор. Завадский был хозяином левого полуциркульного здания на бульваре у Дюка – здания, построенного в 1832 году, где впоследствии была гостиница «Санкт-Петербургская», одна из лучших в городе. Так вот, Завадский, как сейчас брутально выражаются, «попал» с этим проектом. Он очень долго мучился. Естественно, смета была многократно превышена, строительство затянулось – и деньги свои он получил только в 1847 году, причем чуть ли не по указу сената. В общем, очень много было приключений. Из интересных эпизодов этой истории – наверное, насыпка этих висячих садов. Это ведь насыпные грунты. Их отсыпали, просто вывозя строительный мусор, причем это было в конце 1860-х – начале 1870-х годов. И это тоже вроде висячих садов Семирамиды. Когда там проводили археологические раскопки, то обнаружили многократные подсыпки – и среди строительного мусора находился весь быт XIX века, а в подножии был фрагмент турецкого кальяна, ядро времен взятия Хаджибея. Вот такие забавные вещи! Интересно также, что дом князя Лопухина, это нынешняя гостиница «Лондонская», сейчас перестроен. Из него вела подземная галерея на террасу: это были скаты, и их выделяли домовладельцам под садовые заведения. Если у тебя дом, то напротив ты можешь получить такой наклонный участок. Вот на такой участок вела подземная галерея, и он был оформлен в виде такого античного храма, бельведера. Лопухины могли туда выходить и дышать в саду свежим морским воздухом.

С. Л.: К слову, между памятником Пушкину и мэрией установлено старинное орудие, двухсотпятидесятипудовая чугунная пушка, которая как бы охраняет морские подступы к Южной Пальмире. Она напоминает о героизме 22-летнего прапорщика Щеголева, батарея которого 10 апреля 1854 года в течение шести часов не давала англо-французской эскадре войти в Практическую гавань одесского порта. Это солдатская история, которая по праву вписана в историю Крымской войны 1853-1856 годов. Пушка была поднята водолазами в Аркадии с места гибели английского фрегата «Тигр», который сел на мель и был уничтожен российской артиллерией. Позже, в 1903 году, в преддверии пятидесятилетия подвига батареи Щеголева было решено увековечить память этой батареи. И пушка, и несколько поднятых со дна ядер были установлены на Приморском бульваре.

О. Г.: Насчет пушки – это очень интересный и курьезный эпизод, и, наверное, малоизвестный. Дело в том, что после Крымской войны две пушки, поднятые с фрегата «Тигр», были пожалованы городу императором. Эти пушки должны были быть установлены по обе стороны Потемкинской лестницы, тогдашней лестницы Николаевского бульвара. Но при испытании одна из пушек

разорвалась. Находились они на так называемой батарее портового боцмана Луиджи Мокко в начале Канатной улицы. Власти даже предлагали желающим взять подряд, чтобы перевезти на бульвар орудие, которое еще осталось. А что делать с фрагментами другой пушки, не вполне понимали. И вот я смотрел архивное дело, которое занимает лет десять. Что делать с этим орудием, как его перевозить? Они не знают, как принимать этот чугун (а чугун надо принимать, но нет весов, для того чтобы его взвешивать). Коротче говоря, эта история с 1857 года тянулась до 1860-го примерно. В результате орудие так и осталось в начале Канатной улицы, и о нем действительно вспомнили лишь накануне пятидесятилетия сражения. Это одна из пушечных историй бульвара.

С. Л.: Есть такой анекдот времен 20-х годов XX века – эпохи, когда менялись названия улиц как в Одессе, так и по всей стране. Один приезжий на одесском вокзале нанял извозчика и спросил: «На бульвар Фельдмана!». «Куды?» – спросил извозчик. Приезжий, понизив голос, пояснил: «На Николаевский бульвар». Извозчик очень удивился: «Тридцать лет ездю, а доселе не знал, что фамилия Николая была Фельдман!..».

Приморский бульвар в разные времена назывался и Николаевским, и бульваром Фельдмана. Вы могли бы пояснить, откуда взялись эти названия?

О. Г.: Речь идет о князе Николае Николаевиче. Он жил во дворце по Приморскому бульвару, 9. Это был дом, где обитали генерал-губернаторы. Князь Николай Николаевич был главнокомандующим армии во время войны 1877-1878 годов, во время турецкой кампании. Он тяжело болел, и все ожидали худшего, но когда он выздоровел, пошла и кампания на поправку. Поэтому и назвали бульвар Николаевским.

Что касается Фельдмана, то в Одессе было два Фельдмана. Один из них был на броненосце «Потемкин» и упоминается в мемуарах современников как человек, присутствовавший там. Он был там как член партии, как депутат, он не служил на «Потемкине». Бесконечная путаница – и непонятно, в честь какого Фельдмана назван бульвар. Дело в том, что был другой Фельдман, который служил в ЧК и погиб от рук бандитов, по-моему, на улице Прохоровской, когда его узнал кто-то из налетчиков.

С. Л.: Кто, по вашему мнению, внес наибольший вклад в то, что Приморский бульвар сегодня является замечательным памятным местом? Может быть, это граф Воронцов, может быть, архитектор Франц Боффо? Кого можно было бы выделить в этом ряду?

О. Г.: Очень много людей принимали участие в становлении Приморского бульвара, я просто могу перечислить. К этому имеет отношение Потье, архитектор Шаль, градоначальник Трегубов. Воронцов, Ланжерон имеют к этому прямое отношение – и очень много архитекторов и инженеров, а о Боффо и говорить не приходится: это был невероятно талантливый человек.

С. Л.: Как вы считаете, действительно ли Приморский бульвар является сегодня символом Одессы?

О. Г.: Есть хорошая песня Красотова на слова Юрия Михайлика:

...Опять иду по лестнице воспетой,
А эскалатор оставляю в стороне,
И весь бульвар, одним большим букетом,
Одесса милая протягивает мне.
Ее походка так надежна и легка,
Ее улыбка всем понятна...

Тут все сказано! Когда смотришь снизу, лестница и Приморский бульвар – это нечто вроде букета, который Одесса протягивает тем, кто входит в порт с моря.

Беседовал Сергей Ляликов

Проза

- 74 Михаил Пойзнер
Время бежит...
- 82 Григорий Барац
Наши люди
- 98 Николай Дорфман
Жесть!
- 111 Анна Михалевская
Веселый бог Кокопелли
- 121 Рада Полищук
Не сошлось
- 135 Наиль Муратов
Живое пиво и метавселенная

Михаил Пойзнер

Время бежит...

«...Конец путешествию здесь он найдет...»

Время бежит...

А в памяти неожиданно оживают давние страницы, которые так или иначе вошли в твою жизнь.

...Было это ранней осенью 1987 года, в самый разгар советской перестройки. Тогда в Одессу внезапно приехали жена и дочка очень известного московского академика-экономиста, одного из отцов-вдохновителей этой самой перестройки.

И тут звонят приятели из нашего нархоза. Надо этим приездом устроить экскурсию по Одессе. Да так, чтобы запомнилось на всю жизнь.

Можно обратиться в любое экскурсионное бюро, в Одессе их море. Нет, говорят, там все формализовано, а надо, чтобы с одесской душой, как-то близко, по-человечески...

И вот эти гости уже у меня в машине.

Вместе провели, наверное, не меньше трех часов – от Дерибасовской до Дачи Ковалевского, от Дачи Ковалевского через Молдаванку до Пересыпи. Историческое, военное, театральное, литературное, бандитское – все прошло перед ними за это время.

Жена академика не замолкала. С чисто московским акцентом все перемалывалось и примитивно комментировалось. В принципе, она в восторге...

Дочь – напротив, молчит. Меня это как-то задело: «А чем вы занимаетесь? Чему учитесь? Что интересует?».

Оказалось, она студентка то ли второго, то ли третьего курса факультета журналистики МГУ (!). И больше всего любит поэзию Эдуарда Багрицкого. Даже готовила какой-то сложный реферат о его творчестве. А я-то в своих «одесских рассказах» как раз о Багрицком и не упомянул!

В тот момент мы находились у парка Шевченко, на Марзалиевской. Я резко развернул машину, выскочил на Троицкую, налево – на Канатную, потом направо – на Базарную. При этом медленно, насколько это возможно, начал читать наизусть стихотворение Багрицкого «Арбуз»:

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе – и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта.
Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть –
И мы паруса развернули...

Ну и дальше по тексту:

Я выберу звонкий, как бубен, кавун –
И ножиком вырежу сердце...

Воцарилась тревожная тишина... Девушка широко раскрыла глаза.
Мать мгновенно замолкла...

Я «с выражением» продолжал следить – что же дальше будет именно с этим арбузом?

Волнение нарастало...

Я ехал все медленнее и медленнее. Другие машины непрерывно сигналили. Не обращая внимания, я погружался в динамику восклицаний Багрицкого.

Уже дошел до:

Мне жизни веселой теперь не сберечь –
И руль оторвало, и в кузове течь!..

Минуты оцепенения. Пугающая неизвестность...
Девушка полностью вошла в себя.
У матери, наверно, никогда не слыхавшей о Багрицком, начали
наворачиваться слезы.

Но вот уже почти развязка:

Не видно дубка, и по волнам плывет
Кавун с нарисованным сердцем...

И вот уже:

Низовый на зыби качает кавун –
И к берегу он подплывает...

А я еду еще медленнее, переходя уже почти на детский шаг,
делая нужные ударения на каждом слове. Не еду, а волочусь...

И вот конец:

...Кавун с нарисованным сердцем берет
Любимая мною казачка...
И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

С этими словами я резко ударил по тормозам. Мои пассажиры
испуганно подались вперед.

Я невозмутимо указал правой рукой на угловой дом – Ба-
зарная угол Ремесленной (Осипова). Базарная, 40, – дом, где
родился Эдуард Багрицкий! Дом с мемориальной доской его
памяти...

Вот почему я так медленно ехал!

Ехал, чтобы подогнать эти последние строчки «Арбуза» имен-
но к этому дому!

Пассажиры мои могли ожидать всего чего угодно, только
не этого. Внезапно они бросились ко мне, крепко пожимая
руки.

Это были мгновения триумфа Багрицкого!

Это были мгновения моего триумфа!

Я читал так убедительно, что они наверняка решили – как раз это я и надомил ту казачку насчет того, что же именно она берет в свои руки...

Мамаша все еще продолжала вслух разбираться с тем «Арбузом». Она была настолько ошарашена услышанным, что переспросила: «А что там дальше?!». Я пошутил: «Та не успели уточнить у самого Багрицкого. Как-то не получилось...».

Прошло много лет.

И сегодня, проскакивая мимо дома Багрицкого, я вспоминаю ту одесскую осень, свою старенькую «копейку» и слова той застенчивой девушки: «Спасибо за эти долгие мгновения... Теперь все это припрятано в моем сердце...».

Багрицкий как Багрицкий, а вот Одессу, думаю, они запомнят навсегда.

Парень из нашего города

... Что я сейчас вижу со своего окна?

Опять площадь Толбухина.

Опять машины и маршрутки.

Опять маршрутки и машины.

Опять трамваи...

Туда-сюда, сюда-туда...

А люди почти не заметны. Тем более с моего девятого этажа.

И так уже что-то почти двадцать лет.

Другое дело мой Книжный переулок!

За углом и Малая Арнаутская, и Привоз, и моя 118-я школа.

За углом вся жизнь...

...Когда меня сейчас спрашивают: «Вы откуда?» – я все равно, не задумываясь, отвечаю: «Я не просто с Одессы, я с Книжного переулка!».

А если начать издалека, так вообще мои родители жили где-то на Колонтаевской. Уже в самом начале войны отец погиб под

Севастополем. Еще при обороне Одессы в наш дом попала бомба, а уже в оккупацию маме подыскали новое жилье – как раз бывшая еврейская квартира в Книжном переулке.

А было мне тогда где-то годика четыре. И войну, и ту Одессу помню как-то штрих-пунктирно. Если честно, теперь уже трудно различить, что я «про тогда» точно помню, а что уже понарасказывали вокруг.

Помню немецкие машины, пожары, развалки, повозки с лошадьми. И форму немецкую, кажется, смутно тоже помню. Помню первых наших солдат на Малой Арнаутской в апреле 44-го. В кино сейчас показывают все иначе...

Еще в ноябре 41-го мой дед на Привозе огрызнулся румынскому солдату, за что получил прикладом по голове. Деда сразу же парализовало, так он пролежал аж до 47-го года, пока не умер. Вот какую память о себе оставили нам те румыны...

Что еще помню?

Помню, напротив нашей квартиры, на входе с Комсомольской, в школе № 2, находилось какое-то немецкое военное учреждение. Чтобы поговорить с моим дедом на немецком, к нам часто заходил немецкий офицер – пожилой мужчина, все время с огромной служебной овчаркой. Дед мой был родом из Питера, прилично говорил на нескольких языках.

А в нашей квартире, в довольно просторном подвале, с марта 44-го прятались от угона в Германию четыре соседских парня. Собака этого немца запросто могла учуять прячущихся. Мама моя догадалась что делать – слезно упростила немца приходить без той собаки. Мол, маленький сын, то есть я, очень боится собак, даже начал заикаться... И немец приходил сам.

Хотя в итоге все это напрасно. В первые же месяцы после освобождения Одессы тех ребят забрали в армию, буквально сразу все погибли при Ясско-Кишиневской операции. Необученные, необстрелянные...

А немец тот оказался все-таки приличным немцем. Когда они уходили, жестко предупредил нас – окна-двери закрыть, никому не открывать, по квартире не ходить, всем лечь на пол. Часто проезжающие немецкие солдаты беспорядочно стреляли

по окнам. Потом соседи подтвердили, что и на Комсомольской, и на Успенской были раненые и убитые.

А румын мы запомнили на всю жизнь.

Румыны с нашими дворниками регулярно обходили все квартиры. Всегда после этого чего-то недосчитывались, всегда не упускали возможности поиздеваться, унижить или просто избить.

И вот где-то летом 42-го во время очередного обхода румыны заметили на нашей входной двери мезузу. Никто из наших вообще не знал, что это такое и зачем. Откуда мы могли знать, что это традиционный еврейский символ? С огромным трудом попытались объяснить, что это не наше, что это осталось от евреев, которые здесь раньше жили. Евреев, которых убили еще в конце 41-го. Никто не хотел слушать, начали избивать маму... Не верили, а потом солдат со злостью скovyрнул штыком эту штуку с дверей. Нам еще пришлось кое-что дать этим «проверяющим», чтобы про нас забыли насовсем...

Моя мама, человек верующий, сохранила эту мезузу. Мол, Бог – един, и вещь эта богоугодная. Мезузу зашили в матрац, на котором я спал. Это место посчитали самым надежным.

А что такое мезуза?

Как я понимаю, вещь эта религиозная. Металлическая продолговатая плоская коробочка, внутри которой спрятан текст какой-то важной молитвы из Торы. Молитвы, что Бог и народ едины. Мезуза как бы охраняет твой дом, охраняет жизнь саму... Говоря по-нашему, это, считай, своеобразный оберег. Вот так...

...После войны пошел в 118-ю школу – на Малую Арнаутскую угол Преображенской. А время было голодное, холодное и бандитское. Хотя рядом и Привоз, и вокруг воры с бандитами, наш многонациональный дом обходили стороной. Никогда у нас не было никаких происшествий. Все тихо-мирно, никого никогда не ограбили, квартиры не обворовывали. А почему? В нашем доме почти до конца 40-х годов жил известный бандит, авторитет по прозвищу, кажется, Вовчик Ступенька. Я, конечно, помню его смутно. Тогда моя мама часто повторяла: «Увидишь, если он идет направо, ты иди налево...». Многие так и делали.

...Прошли годы. И, кажется, в 62-м в наше окно на Комсомольской постучали. Мужчина в военной форме извинился и попросил

разрешения войти: «Здесь мы жили еще до войны, здесь была наша квартира». Мужчина оказался подполковником, фронтовиком, военным летчиком, служившим тогда где-то в Подмоскowie.

Он прошелся по комнатам, явно что-то выискивая глазами. Наконец-то дошел до двери, что на выходе со стороны Книжного. Прикоснулся к дверному косяку, здесь еще оставался едва заметный след от скovyрнутой когда-то мезузы. Мужчина замер, снял фуражку, стал на колено... Оказалось, что мезузу прикрепили еще в 23-м году, в день его рождения... И мезуза эта – вещь святая и бесценная для их семьи.

Мама моя, рискуя нашими жизнями, сберегла эту чужую святыню. Можете себе представить подполковника, боевого летчика, прошедшего войну, с глазами, полными слез?..

Мы передали ему мезузу как память о его близких, как память о моей маме.

...Семьями мы дружили много лет.

Теперь летчик мой лежит на Таировском, чуть в стороне, справа от церкви. Это недалеко от могилы моей мамы. Не всегда, но на проводы я здесь. Здесь, возле их последнего пристанища. Молча постою, прислушаюсь к самому себе. Спите спокойно...

Сына же его вообще помню плохо. Как-то не получилось близко общаться. А вот внук – другое дело. По возрасту примерно как моя племянница. Может, семьдесят седьмого или семьдесят восьмого года рождения. Еще где-то в середине девяностых они с матерью оказались в Израиле. Учился, служил, воевал. Как выяснилось потом – боевой офицер-вертолетчик. Так, наверное, в году 2002 или 2003 случайно встретил его у нас... на Сборке (!) – «Черноморец» туда, «Черноморец» сюда... Попытался разговорить, что там и как. На что он даже растерялся: «Извините, мы люди военные. Нас как-то не принято расспрашивать...». Конечно, тяжело прикидываться кем-то другим... А со стороны смотришь – наш обычный одесский хлопчик...

Что еще?

Время от времени оттуда напоминают о себе. То с кем-то перекинут долларов сто «на карман», то лекарства какие, то позвонят, то что-то еще... А то фотографии с еще той нашей мезузой, прикрепленной к уже их дверям, уже на их земле.

Как бы на связи... Мол, живы...
Добро всегда возвращается, когда и кто бы его ни сделал.

...Вот так жизнь подстерегает на каждом углу.

Ты давно уже где-то, а все равно как бы бродишь вокруг моего Книжного переулка. Бродишь по тому Книжному и в оккупации, и между послевоенных развалок, и по дороге в мою 118-ю, и с сумками на Привоз. И вот-вот постучишь в двери к маме с чемоданчиком после армии, и вот уже заносишь с роддома свою первую дочь...

Все прошло через Книжный.

И старишься тоже на его глазах.

И в Бога веришь, потому что Он есть.

Григорий Барац

Наши люди

Гомон одесского Привоза в полдень рыночного дня мог перекрыть только натренированный голос бывшего пионервожатого. В последний раз Леша Новосельский виделся со своим одноклассником по политеху Борей Громадским лет двадцать назад, на студенческом выпускном вечере. Нет, конечно, встречал мимоходом: «Привет – привет». Через общих знакомых знал, что тот, несмотря на «пятый пункт», дорос до замдиректора.

В институте Борьку любили студенты и жаловали преподаватели. Широкоплечий, мускулистый, высокий и быстроногий, он был капитаном институтской баскетбольной команды. В его раскатистый, как гром, смех влюблялись девчонки. И кликуха соответствовала фамилии – Гром. Закоперщик студенческих вечеринок, кавзэнщик, он пропускал лекции, но курсовые и экзамены сдавал слету.

Над наступившими временами «гласности и перестройки» посмеивался, но приглядывался. Впрочем, недолго. Вскоре открыл кооператив. Отказаться от приличной на ту пору стабильной зарплаты было непросто. Да и оставить завод, на котором вырос, было жалко. Но выбор сделал в пользу самостоятельности. Рисковал – открыл частное предприятие и перетянул к себе лучших заводских специалистов.

Леше же учеба давалась со скрипом. Зато легко и задорно мог организовать собрание. Стремительно преодолел первые ступени политической карьеры. На первом курсе его избрали комсоргом группы, на втором – факультета. С третьего курса – секретарь комитета комсомола института. Меньше четверки преподаватели ставить ему стеснялись.

По специальности работать ему не пришлось. Первая запись в его трудовой книжке – «инструктор райкома комсомола». Каждое лето ради выслуги работал вожатым в пионерском лагере. Не засиделся и в кабинете заведующего отделом. Перекочевал в горком партии. Еще бы годок – глядишь, и в секретари бы выбился. «Перестройку» и «гласность» перенес стойко, хотя скрыть раздражение от осмелевших крикунов на собраниях и зажавшихся кооператоров в импортных цветных пиджаках удавалось с трудом.

Предположить, что компартию разгонят, Леша не мог даже в кошмарном сне. Даром предвидения он не обладал за ненадобностью. Пел навсегда впечатанный в его память гимн: «Славой овеяна, волею спаяна, крепни и здравствуй во веки веков! Партия Ленина, партия Сталина – мудрая партия большевиков!». Чистосердечно верил, что она, партия, бессмертна. Так же, как простодушно верил, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Зато работу свою знал крепко. Каждое утро ровно в восемь проводил оперативку, «поворачивая лицом к вопросу» и наставляя «жить жизнью народа» секретарей первичек и партторгов. Организовать «народное волеизъявление», партийное собрание, демонстрацию и митинг трудящихся в поддержку чего угодно для него, по его же выражению, «как у рака лапку оторвать». Хотя однажды прокололся, поставив во время открытия партконференции пластинку с гимном СССР в исполнении монашек патриаршего церковного хора.

Когда, как в кошмарном сне, исчезла «ум, честь и совесть нашей эпохи», Лешку чуть не хватил удар. Он не был готов понять и принять это крушение. Завис в безвоздушном пространстве, без опор и соприкосновений с действительностью, пока не очнулся в пустом кабинете. Инструктора успели расхватать всю мебель. Вывезли даже неподъемный сейф. Не погнушались даже пишущими машинками.

К новой жизни подстраивался и Привоз – самый обильный одесский рынок. На фасаде молочного корпуса, в котором торговали мясом, появились рекламные плакаты. Фруктовый пассаж забили галантерейные и обувные лавки. Наружные помещения

мясного корпуса заполнили магазинчики уцененных товаров, лотки с порножурналами и открытками. Профессиональные торговцы в самопальных цветастых передниках постепенно вытесняли не умеющих торговаться крестьян.

О Привоз! Сакральное место для одесситов всех мастей, и не только одесситов. В какие времена и скольким людям ты помог выжить, вернее, не дал помереть!

В первые годы после оккупации твоим теплом согревались бездомные калеки – обрубки прошедшей войны. Ночлег под прилавками и дневную кормежку нашли себе беспризорники послевоенной поры. И сейчас он подставил свои прилавки тысячам безработных одесситов и селян из распавшихся колхозов.

Доморощенные виноделы с одесского пригорода – Большого Фонтана – расхваливали вызревшие в бутылках на подоконниках крепленые вина из пахучих сортов «изабеллы» и «лидии». Болгары и гагаузы из болгарских сел Одесской области черпали из бочек жестяными литровыми кружками белое вино траминер, пахнущее лепестками роз.

Бородатые старожилы в забродных сапогах из заболоченного устья Дуная везли знаменитую дунайскую селедку в огромных ивовых корзинах. Ее выкупали оптом пузатые торговки с соседних улиц. Тут же на глазах толпы солили в оцинкованных корытах и продавали втридорога.

Вязками сушеных белых грибов и маслят, солеными груздями торговали савранские крестьянки. Рядом угрюмые мужики молча выстругивали на продажу деревянные игрушки-свистульки. Громогласные грузины развешивали на канатиках шпажки чурчхелы из виноградного сока, застывшего вокруг грецкого ореха. Раскладывали баночки ядерных приправ хмели-сунели и ткемали из слив и алычи. Выстраивали пирамиды пурпурного граната.

Пугливо озираясь, торговали самопальными цветастыми трусами, юбками, сарафанами, халатами и прочей «швейкой» цеховики – стахановцы советской подпольной рыночной торговли. Им на смену пришли стыдливо и виновато улыбающиеся начинающие кооператоры – недавние инженеры, конструктора и технологи.

Приварок к заработку давал Привоз портовым рабочим, ловившим с пирса бычка до и после смены. Рыбаки-береговушники «дурили» скумбрию и ставриду, дрейфуя на надувных автомобильных камерах. Рыбный ряд пополняли креветками, рапанами и мидиями рыбацкие артели Инкермана, Красной косы и Затоки. Мутные воды Днестра и Турунчука выносили на Привоз раков-великанов, не больше десятка помещавшихся в ведро.

В Лешином дипломе было написано: «инженер-технолог». Но по специальности он никогда не работал. И даже будь он квалифицированным специалистом – все одно устроиться было некуда. Одно за другим закрывались конструкторские и технологические бюро, машиностроительные предприятия. Станки, которые они производили, внезапно стали никому не нужны. Оказалось, что закупали их в основном для переплавки.

Освободившиеся территории тут же застраивались ранее невиданными в Одессе высотками. Тут позарез нужны были каменщики, штукатуры, сантехники и другие работяги. Но Леша не умел и не хотел «пачкаться». Будь он посмелее, посмекалистей да пооборотистей, ему бы прямая дорога в челночники – спекулянты-международники. На это тоже не был способен. Изнежилась кабинетной работой. Не выносил дорожную толкотню, спешку, вагонное амбре. Терялся перед мундирами таможенников и пограничников.

«Непыльное место» подвернулось Леше случайно. Спешил спозаранку на Привоз за рачками для наживки – собирался порыбачить с пирса. А тут то ли на удачу, то ли на погибель дороге перегородила черная «Волга» со знакомым серебристым оленем на капоте. Не узнать такую машину Леша не мог. На ней сам городской партийный начальник ездил. Начальник высунулся из кабины и, подмигнув, крикнул:

– Наши в городе!

И кивком приказал сесть в машину.

– Пойдешь ко мне? Не обижу!

Апартаменты, куда босс поместил вновь назначенного заведующего складом Алексея Николаевича Новосельского, кабинетом назвать можно было только условно. Крутая фирма разместилась на мансардном этаже недавно выстроенной в порту гостиницы,

разделившей море и небо пополам. Стеклянная стена за массивным письменным столом открывала вид на море с высоты птичьего полета. Огромный, как айсберг, холодильник нашпигован был импортными напитками и вкуснятиной. Непрерывно жужжащий кондиционер склонял к дремоте. Леша частенько засыпал после обеда в бархатистом с золотым отливом кресле или на миниатюрной софе с такой же обивкой. За все это неожиданно свалившееся счастье он рассчитывался подписью в ведомости о зарплате и еще каких-то бумагах, в которых не разбирался, но смутно чувствовал неладное.

Не прошло и года, как генеральный исчез. Нового генерального Леша тоже знал по прежней работе, но близко знаком не был. Уж больно высоко тот летал – партийным секретарем всей области. Леша хотел улизнуть по-тихому – уволиться «по собственному». Но ревизия при передаче дел обнаружила многомиллионную недостачу. Он не отрицал – подписи были его, собственноручные. На вопросы следователя, а затем и судьи, куда делся товар, упорно молчал, поджав губу и пожимая плечами. И не потому что скрывал. Он и вправду ничего не знал. Но отвесили ему по полной – два с половиной года исправительной колонии общего режима.

Куда ни тыкался Леша, «откинувшись», от сидельца всюду отмахивались. Привоз приютит, обогрел, накормил. Поначалу работал грузчиком за «кэш», то есть за наличку. Со временем открыл лавку по разделке рыбы.

Простое приспособление из толстой дубовой доски с прибитым в торце зубчатым прихватом помогало Леше разделять рыбу, почти не глядя. Прихват закусывал рыбий хвост, освобождая от необходимости удерживать скользкую тушку. Скребок сдирал слюдяные пластиночки рыбьей чешуи, покрывая Лешу с головы до пят серебряным конфетти. Заметив Борю, он на мгновение замер – и тут же в башке стрельнуло: «Может, это шанс?».

Рассекая толпу, шмыгая между прилавками, Леша орал во все свое пионервожатское горло: «Гром, Гром!» – не выпуская из виду колеблющуюся над людским морем, как буюк на волнах, рыжеволосую копну. Догнал его, лишь выбежав из ворот на Преображенскую, где стояли фуры с арбузами и дынями. Не решился тронуть за плечо. Забежал вперед, обернулся и замер, расставив руки.

– Лешка, это ты? – удивленно разглядывая сокурсника, произнес Громадский. – Что за видос?

– Ну вот, так и знал, – засмутился Леша. – Меня многие теперь не узнают. А ты, я вижу, забурил.

Еще догоняя Громадского, Леша узрел кожаный лейбл «Монтана» на поясе джинсов. Металлическая бляха на заднем кармане с орлом подтверждала, что это настоящие Штаты. Желтая бейсболка USA California и «адики» – модные кроссовки с платформой под пробку – подтверждали благосостояние их владельца.

– Да узнаю я тебя, узнаю. Только прикид у тебя какой то...

– На работе я здесь, на рыбе стою, понимаешь. Больше никуда не берут после отсидки.

– А за что залетел?

– Да бес попутал, вернее, наши люди подставили, свои, из бывших. Они теперь под пальмами загорают, а я на Привозе чалюсь. Может, у тебя какой-нибудь заработок найдется?

– Это уже не на стоечку разговор. Пойдем в тенок, вон туда под грибочек, по чашечке кофейку хлебнем.

– Мне бы лучше пивка дерябнуть, – постучав пальцем по кадыку на тонкой шее, попросил Леша. – В горле пересохло.

– Так говоришь, никуда не берут? – прищутив раскосые миндалевидные глаза и вставив дорогую коричневую сигарету в пухлые губы, переспросил Громадский.

– Ты понимаешь, после тюрьги ко мне относятся как к еврею, – задумчиво произнес Леша, разомлев от холодного пива. – Ой, извини пожалуйста, ты же знаешь, я ничего против евреев не имею. Я же со всеми вашими, то есть нашими студентами корешевал, – путано оправдывался Леша.

– А как насчет бухала?

– Я давно в завязке, кроме пивка, да и то не больше кружки в жару, – не моргнув, соврал Леша.

– Нужен мне человек твоего плана, из ваших, из бывших, со связями. Только работа не сидячая – разъездная. Как жена к этому отнесется?

– Так это же песня прямо про меня. Семьи у меня нет. Родаки померли, когда я сидел, а жениться – сначала некогда было,

а потом не успел. С нашими людьми вплоть до столицы знаком. Но давненько не контачил. Да и кто с бывшим эком свяжется!

– Про судимость не бери в голову. Снимем досрочно. В райсуде председателем бывший заводделом горкома Вася Хмырев. Да ты его не можешь не знать. Из ваших людей. Хотя берет умеренно, не хапуга. И, видимо, с верхними делится, потому что давно сидит. А тебе это первая проверочка будет. Посмотрим, как и за сколько договоришься.

– Отсыпь только монет немного авансом – прикид поменять. Отработаю, гадам буду и век не забуду.

На Борины деньги Леша сумел не только прилично приодеться в секондхенде, но и нализаться с корешами в ближайшей к Привозу рюмочной. Проснулся по привычке затемно. Кряхтя и чертыхаясь, стал собираться на Привоз. И вдруг дернулся, вспомнив свой уговор с Борей. Мигом протрезвел, засуетился.

Бросил в сумку мочалку, мыло и станок с лезвиями «Нева». Ближняя к нему баня на Базарной закрылась. Баню Исаковича на Челюскинцев, которой недавно вернули имя Кузнечной, приватизировали, превратив в дорогостоящий фитнес-центр. Государственной еще оставалась излюбленная молдаванским рабочим людом баня на Провиантской. Но и тут рыночная экономика пустила свои побеги. Цена подросла. Попасть сюда можно было, только прождав очередь, восседающую на стульях, расставленных по обеим сторонам длинного коридора.

Здесь сохранилась настоящая русская парная. Котлом служил металлический кожух неразорвавшейся немецкой подводной мины. У парильщиков можно было разжиться можжевельным, дубовым, березовым и даже эвкалиптовым веником. Запахом вареных раков и вяленой тарани пропитан буфет на застекленной веранде.

В банной парикмахерской на два кресла заправляла семья Голдмахеров: Люда – дородная русская блондинка неопределенного возраста с кроваво-красными губами, и Ньюма – небольшого роста голубоглазый еврей с лицом, похожим на моченое яблоко, и плешью на макушке, прикрытой с недавних пор кипой. Она мастерски стригла, он – виртуозно брил. При этом они не закрывали рты, сплетничая, выведывая новости у клиентов и переругиваясь

между собой. Но оба давали «барашка в бумажке» заведующему бани Миколе Никифоровичу Плющенко.

К нему-то и направился Лешка, чтобы попасть в баню без очереди. В прежние времена инструктор райкома Микола был на посылках у завотделом Новосельского. Кого встретить, кого проводить, кого напоить. За глаза его называли «нужником». Он это знал, но не обижался. Когда его назначили директором бани, посчитал это ссылкой. Поначалу затосковал, запил. Удивился, когда бухгалтер сунул ему в ящик письменного стола обернутый в обрывок газеты пухлый пакетик сторублевков. Пакетики потоньше принесли банщики и парикмахеры. Лишь тогда он понял, зачем его выслали. Деньги делил по-честному – на три части: хозяину района, хозяину банно-прачечного комбината и директору бани, то есть себе.

Дверь в маленький кабинет с окном во двор была открыта. На столешнице письменного стола, затянутой зеленым сукном, стоял небольшой пузатенький самовар и медный чайник. Под струей вентилятора сидела в вышиванке расплывшаяся копия Плющенко. Его еще можно было узнать, несмотря на тройной подбородок и сверкающие хромом коронки.

– Здоровеньки були, товаришу начальник, – зашлепал пухлыми губами Микола. – Сидайно негайно. Що вам насипати? Чайку чи кофейку?

– Знаю я твой кофеек. Небось в чайнике коньячок, а в самоваре водка. Не сегодня. После дела зайду.

– Вот у вас чуйка, товаришу начальник. А що треба?

– Запусти меня, чтобы я на стрелку не опоздал.

– Так то нам, як ви мовитэ, у рака лапку видирвати.

Пока банился, Лешка продумывал, с каких козырей зайти к Василию Никодимычу Хмыреву. По прежнему статусу он был ровней, а на сегодня – гора с кочкой. Председатель районного суда – не хрен собачий.

Первый этаж здания суда, бывший прежде райкомом партии, переоборудовали в залы судебных заседаний. Судьи и их помощники сидели этажом выше. Дверь туда была закрыта на кодовый замок. Рядом – знакомая со старых времен табличка: «Посторонним вход запрещен». Здесь прежде рулили партийные боссы – секретари райкома партии. В общем, все по чину.

– Товарищ Новосельский? – голос удачи Леша узнал не сразу. Впрочем, если бы пацан, окликнувший его, не признал в нем своего пионервожатого, ни за что бы не догадался, кто он такой. – Я – Стас, ну помните, староста первого отряда, помните? Пионерлагерь «Нефтяник» на девятой Фонтана, помните? А поход на вёликах по берегу Тилигульского лимана помните? Вы меня без рук кататься научили.

– Отлично помню, – не моргнув глазом и скорчив приветственную улыбку, Леша протянул руку нежданно свалившейся везухе. – Ты, я вижу, тут за главного, – ухмыльнулся он, кивнув на кипу бумаг под мышкой у Стаса.

– Ну не главный, помощник главного, вот уже почти год, сразу после юрфака, – похвастался Стасик.

– Так ты настоящий юрист, далеко пойдешь, – польстил ему Леша. – Ты и сейчас уже многое можешь. Наверняка тебе ничего не стоит провести меня к твоему шефу.

Стасик тут же насупился, зыркнул по сторонам, взял Новосельского за руку и вывел на лестничную площадку.

– А вот и стдит, – просипел он в ухо Новосельскому. – Такса известная. Подняв вверх указательный палец, продолжил: – Ее сам установил, – и, оглянувшись, добавил: – С вас бы я не взял. Но если шефу скажу, что задаром привел, он подумает, что взял и не поделился, – черкнув цифру на листке бумаги, он на мгновение поднес его к носу Леша и сказал: – Если подходит – пойдем. Я как раз наверх иду.

Наверху в самом большом кабинете сидел Василий Никодимыч Хмырев. Отсюда он руководил самым крупным районом города. Сюда вызывал на ковер директоров предприятий. Сюда же приходили репетиторы, которые помогли ему сначала получить диплом юриста, а потом степень кандидата юридических наук. А самое главное – адвокатскую лицензию. Причем ни за что не пришлось платить. Кто может отказать первому секретарю райкома?

Пессимист по натуре, Хмырев нутром чувствовал: идет к тому, что партию разгонят, а страна расколется и разлетится вдребезги. И хотя на партийных конференциях поддерживал генеральный курс партии, потихоньку приспособливался к ненавистным словам «перестройка», «гласность», «рыночная экономика».

А какие профессии самые востребованные и денежные в период дележки собственности? Конечно же, адвокаты и судьи. Василий Никодимыч выбрал последнее и, как оказалось, не прогадал.

– Давай, давай, заходи смелее, Алексей Николаевич, – гулко прозвучал в объемном кабинете командный баритон Хмырева. – Стас, верни входной билет. Это наш человек!

– Спасибо, признал, тронут, – зачастил Леша, подходя к столу председателя суда по знакомой с прежних времен красной ковровой дорожке.

– Садись! Ой-йой-йой, присаживайся. Знаю, ты свое уже отсидел! Ну не тяни, говори, зачем пришел. Как сказал классик: «Время, которое у нас есть, – это деньги, которых у нас нет!».

– Пустой я. Пришел с протянутой рукой.

– Так я ее пожму.

Хмырев расхохотался собственной шутке.

– Не за деньгами я. Помогите как коммунист коммунисту. Судимость надо снять, – залепетал Леша. – С ней на работу не берут.

– Всего-то? Мы наших людей в бидэ не бросаем, – вновь заржал, рассмешив себя, Хмырев. – Но тут «БП» не пройдет.

– «БП»? Это кто? – встревожился Леша.

– Да ты, видать, совсем дремучий. «БП» – это беспартийный, беспородный, а в твоём случае бесплатный.

– Так я на «БП» и не рассчитывал. Хотелось бы скидку на «П» как своему человеку.

– Это не ко мне, – замотал головой Хмырев. – Я этим не занимаюсь, – и почти шепотом добавил: – В приемной Стасик сидит. Он тебе подскажет.

От цифры, которую Стасик нарисовал «со скидкой» на обратной стороне все того же листочка, Леша вспотел.

– Любую половину, – произнес он, потупившись.

– Согласовать надо, – ответил Стасик и юркнул в кабинет.

– В виде исключения, как своему человеку, – все на той же лестничной площадке прошептал Стасик.

Следующим утром Леша бежал к Громадскому, пританцовывая, ликуя и кичась собой. Его грела бумага, лежащая в заднем кармане спортивного самопального под «Адидас» костюма, – постановление суда о досрочном погашении судимости. Скоро оно

войдет в законную силу – и бывший «гражданин зэк» снова станет «товарищем». И только одна потаенная мыслишка мешала радости стать беспечной: накинуть ли к сумме взятки судье сотенку-другую «зеленых» себе? Подходя к кафешке на углу недавно переименованных улиц Преображенской и Пантелеймоновской, где ждал его Боря, решил: и так сэкономил, не обеднеет, зато будет на что отметить.

Сумма взятки, которую назвал Леша, не вызвала у Громадского никаких возражений:

– Нормально управился, считай, ты в обойме, – сказал он, отсчитывая купюры.

– Это – командировочные, – передовая пачку «зеленых» Леше, объяснил Громадский. – Наш девиз: «доверяй, но проверяй», – и, увидев округлившиеся Лешины глаза, добавил: – Завтра едешь поездом в Черновцы. Задача простая – сопровождаешь товар, передаешь его заказчику – и назад. Всего-то делов на двое суток. Как справишься – премию не пожалею. А это, – Громадский отсчитал ему еще несколько купюр, – на крайний случай: вдруг проблемы возникнут, и кому-то дать придется.

Хриплый звонок транкового телефона просипел, когда жена подала шабатный ужин. Религиозным Громадский не был. По субботам иногда забегал в синагогу, но, не дождавшись окончания молитвы, отправлялся домой. Ему нравилось, когда к его приходу стол был накрыт и посередине мерцали две зажженные свечи.

Уже намазан фаршмаком поджаристый кусочек черного хлеба. Аппетитно расположилась в селедочнице гефилте-фиш – фаршированная рыбка из судака и коропа. Плавает в пиалке «шмотес» – замаринованные листья зеленого салата. Рядом фасолевый цимес с «лакированными» кусочками красного перца. На плите в чугунке, завернутом в кухонное полотенце, томится эсик-флейш – кисло-сладкое жаркое из телятины, чернослива, помидор и медового пряника. Рядом шкварчит на маленьком огне гефриште-моцес – вымоченная в молоке жаренная с яйцами маца.

Голос Леши прорывался сквозь треск и хрип. Но по прорезавшимся словам «погранцы высадили» понял, что произошло.

– Ты таможенную декларацию заполнил? – прокричал в трубку Громадский. – Бланк со всеми документами у тебя.

Растерянный Леша сбивчиво оправдывался. Не мог же он сказать, что заснул после выпитой чекушки водки сразу, как поезд тронулся.

– Кто мог знать, что поезд из Украины в Украину идет через Молдавию? И всего-то километров десять.

– Кто мог, кто мог? – сердито проворчал Боря. – Чаще несовершенку свою включай. А ты как-то пробовал отмазаться?

Остывал шабатный ужин. Уже налиты были бокалы красного кошерного вина. Голодному Боре так ломало вместо ужина ехать в ночь километров шестьдесят. «Будь что будет, – подумал он, – невелика потеря». Но в трубку прокричал:

– Сам выпутывайся, не сегодняшний, – и выключил телефон, не ожидая ответа.

Вход в таможенный терминал был подсвечен фонарями. В тот момент, когда Леша взялся за ручку, дверь сама открылась нараспашку. Из нее навстречу выкатился круглый человек, на голове которого набекрень сидела фуражка с трезубчатой кокардой. Объятия, в которые заключил Леша «колобка», говорили о том, что это старый знакомец и свой человек.

– Ты кем здесь? – разжав объята, поинтересовался Леша.

– То же место в строю, на той же позиции, что и в райкоме, – замначальника.

– Так ты мне и нужен, дорогой мой! – воскликнул Леша.

– Возвращаться – плохая примета. Не могу. Сейчас состав с интуристами и челночниками подойдет, нельзя упустить.

– Отблагодарю, – потирая пальцы характерным жестом, посулил Леша. – Дело плевое, всего пару минут.

– Не могу. Меня мигом турнут, если я без улова останусь, – объяснил замначальника. – Да ты заходи, там все свои.

«Своими» оказались действительно все. На обнимашки-целовашки с Лешей выстроилась очередь. Весь идеологический отдел горкома партии – от инструктора до начальника – в полном составе перекочевал на таможду. Начальник отдела Павел Никанорович Стерненко, в прежней жизни подчиненный Алексея Николаевича Новосельского, долго тряс Лешину руку, приговаривая: «Наш человек, наш человек». Но, заглянув в протянутый ему конверт, громко крякнул, скривил недовольную рожу и, глянув на Лешу, произнес:

– От чужих посчитал бы за оскорбление.

В конверте лежали не все купюры, выданные Громадским на «крайний случай». Половину Леша заранее прикарманил.

– Блат – превыше Совнаркома, – парировал Леша.

Выспавшись за двое суток пути, Леша прямо с вокзала зашагал по Пушкинской к офису Громадского, гадая, получит ли премию. «Задержка на таможне, конечно, мой косяк, – думал он про себя. – Но и отмазал тоже я».

Офис Громадского разместился на первом этаже двухкомнатной квартиры, выкупленной у выехавшей в Израиль семьи. В первой комнате большой стол занимал бухгалтер Марик-календарь – пожилой конопатый еврей со скрюченными пальцами на левой руке. Он обладал удивительной способностью мгновенно назвать день недели на любое число любого года. Пальцы ему сломали за другую способность – неосознанный подсчет всех предметов. Прежде работал грузчиком универмага. В его памяти надолго застревало количество полученного товара. Когда в докладе директора на собрании прозвучали цифры, не совпавшие с подсчетом, хранившимся в голове Марика, его словно подбросило.

– Товарищи, нас обокрали! – громогласно произнес Марик и выдал на-гора правду-матку, которая обошлась директору в немалые деньги, чтобы погасить скандал, а Марику в поломанные «неизвестными» хулиганами пальцы.

Подняв глаза на Лешу, он, не здороваясь, спросил:

– Отчет принес?

Поддерживая допотопные очки с круглыми стеклами, Марик быстро пробежал исписанный Лешей листок и отрывисто произнес:

– Ждите. Доложу.

Что значит вечность по сравнению с несколькими минутами перед дверью кабинета Громадского, за которыми скрылся бухгалтер?

– Вас ждут, – выходя и не закрывая дверь, строго сказал Марик.

По тону и взгляду бухгалтера Леша почувствовал что-то неладное. С трудом натянув на лицо приветственную улыбку, он вошел в небольшую комнату, которая называлась кабинетом. Боря сидел за столом спиной к книжным полкам, лицом к двери. Рядом

раскладывающийся диванчик. С потолка свисала люстра с прозрачными пластмассовыми висюльками под хрусталь, оставленная прежними жильцами. Если бы не несколько стульев, выстроившихся вдоль стены, – обычная жилая комната.

Перед Громадским лежал Лешин отчет.

– Жадность фраера сгубила, – безучастным тоном, не глядя на Лешу, произнес Боря и ткнул пальцем в цифры. – Ты дважды прокололся. Когда мне судейский решала Стасик нашептал, я засомневался. Этого сучонка ваши люди вышколили. Он за бабки маму родную продаст. А на тебя наклепать – ему как два пальца об асфальт. Но когда мне твой партийный кореш с таможни намекнул, как ты на мне экономишь...

Леша тупо глядел в пол, не в силах произнести ни слова.

– На меня не греши, – продолжил Громадский, прервав гнетущую паузу. – Предупреждал тебя, что доверяю, но проверяю. Руки у тебя оказались липкими – деньги к ним пристают. Так что работать ты у нас, прости, не будешь...

Громадский встал, давая понять, что разговор окончен.

– А премию? Я же все-таки... – запричитал, чуть не плача, Леша.

– Ну, ты нахал, – удивился Боря. – Ладно, но это будет не премия, а, скажем так, выходное пособие...

Денег хватило на неделю пьянства со знакомыми забулдыгами и еще неделю самостоятельного запоя. В хмельном бреду снял одну комнату в коммуналке на улице, тянущейся вдоль всего Привоза. Только здесь, в Новощепном ряду, в одноэтажных полуразвалившихся домах можно было снять жилье за гроши. Свою квартиру сдал на лето курортникам, чтобы было на что жить.

...После утреннего августовского ливня разбитая дорога, перерезанная множеством трамвайных путей, превратилась в меси-во грязи и мусора. Перепрыгивая через рельсы, Леша добрался до рыбного ряда. Летний солнечный мячик играл в салки с догоняющими его мятыми дырчатыми облаками. Проскальзывая между их рваными краями, он сверкал, как из-под купола цирка, пучком ярких лучей. Подмигивал ранним покупателям и подзадоривал продавцов. Налившиеся обидой облака постепенно превратились в сизые тучки. Сталкиваясь и объединяясь, они заперли за собой солнышко. Заморосил теплый мелкий дождик.

Самопальный прилавок, сбитый из стянутых на ближайшей стройке обрезков досок и фанеры, не имел козырька от дождя. Полиэтиленовым плащом-дождевиком Леша запасся. А рыбе что сделается?! На прилавке в очереди на разделку били хвостами пара речных зеркальных карпов, рядом вытянулся сверкающий серебряной кольчугой черноморский лобан, за ним полосатый морской судак с Хаджибейского лимана и царица рыбного ряда – покрытая шипами, плоская и широкая, как блюдо, камбала. Мелочь – бычка, барабульку, ставридку – Леша старался не брать, особенно после обеда. Себе говорил: «Всех денег не зарабатываешь». Заспавшихся дамочек подначивал: «До обеда – хозяйка, после обеда – разгильдяйка».

Не только одесситы, но и многие приезжие знали Лешу не первый год. Приходя на базар, первым делом покупали рыбу и оставляли ее Леше на разделку. Затем лишь «делали Привоз» и возвращались за рыбой. Туристов, пришедших поглазеть на Привоз, Леша называл балластом. Но потрепаться с ними иногда, особенно во время перекура, ему доставляло удовольствие. Летом он неплохо зарабатывал и мог позволить себе болгарские сигареты «Родопи» с фильтром.

Как она появилась? То ли воспарила с сизым дымком сигареты, то ли опустилась перед Лешиным прилавком на мерцающих лучиках пытающегося пробиться сквозь дождик солнца. Эта голубоглазая одесская фея в широкополой соломенной шляпе проплывала перед ним в вымокшей прозрачной пляжной тунике, сквозь которую проглядывал сине-желтый купальник. Льняные прямые пряди спадали на оголенные загорелые плечики. В руках резиновые сланцы. Босые ножки скользили по лужам.

– И где же шаланды, полные кефали? – осветив улыбкой прилавок, спросила она.

– Мадмуазель, – подыгрывая шутливой тональности, учтиво обратился Леша, – если вокруг вода, вы думаете, она сама сюда приплывет?

Она смеялась, как курлычут журавли, подняв вверх курносый носик. Помахав ладошкой с тонкими дворянскими пальчиками, расплылась в толкотне базарного дня.

Как, за счет чего происходят метаморфозы в уме и душе, Лешка не осознавал и даже не задавался этим вопросом. Он просто внезапно наполнился чувством понимания собственной значимости. Он прозрел, он почувствовал всем естеством, что это все его. Что этим и нужно жить, доставляя людям удовольствие тем, что можешь в меру своих сил и способностей. Это его Привоз, его место, его город, его люди! А он их человек, и ничей больше! И эта девушка его, его, его! Набросив плащ на прилавок, он вклинился в толпу ей вслед. Догнал он ее или не догнал, автору неизвестно. Да и какое это имеет значение...

30 марта 2022 г.

Николай Дорфман

Жесть!

Жесть – холоднокатаная отожженная листовая сталь толщиной 0,1-1,2 мм с нанесенными защитными покрытиями из олова или специальными покрытиями, например, лак, цинк, хром и другие.

Жесть без защитного покрытия из олова называется не-луженой, или черной.

Википедия

«Жесть» – выражение, употребляемое в большинстве случаев молодыми людьми.

1. Нечто жестокое, неприятное, тяжелое, страшное.
2. Необычное событие или ситуация, вызвавшая сильные эмоции. Более эмоционально окрашено, чем «круто». Обычно употребляется для того, чтобы показать свое удивление или интерес к рассказанному.

Словарь молодежного сленга

Папа работал кровельщиком-жестянщиком. У него был замечательный жестяной ящик-чемоданчик для инструментов. Он никогда не оставлял его на работе (могли украсть, воровство процветало), уносил домой, а утром шел с ним на работу. Там лежали молоток обычный (железный), киянка (деревянный мо-

лоток), клещи, кровельные ножницы (для резки жести) двух-трех видов. Покупка ножниц была важным ритуалом. Они бывали большие и маленькие, их делали мастера на заказ. Продавали и в магазине, но как большинство серийных изделий, эти никуда не годились – отец выражался кратко: «Магазинные – гавно!» (почему-то в одесском выговоре «о» в первом слове слова «говно» звучало как «а», и я до зрелого возраста искренне считал, что это замечательное слово, хорошо приложимое почти ко всем явлениям окружающей

Николай Дорфман. 2009 г.

советской действительности, пишется через «а»). Еще там были 1-2 зубила, «пробойчик» (кern), 1-2 пары рукавиц, большой металлический циркуль, железная линейка, которую было принято называть «футик», мелкий карандаш, ну и обед (термос, бутерброды с колбасой, салом, иногда котлеты, курица, огурец или помидор, зимой соленый огурец, картошка в мундире).

Папа приходил домой поздно, усталым, часто с сильно запачканными руками и даже лицом, но вовсе не подавленным. Наоборот, очень веселым, тут же начинал отмываться мылом, керосином, брился, переодевался в чистое и садился ужинать, при этом рассказывал, что сегодня было на работе, и непрерывно хохмил. Процедура отмывания была совсем не простой: ни ванны, ни душа не было, а довольно долго и водопровода в квартире не было – воду носили со двора в ведре, и так в пятидесятые годы жила, наверное, половина населения Одессы. В работе была такая интересная особенность – в зимние месяцы отец почти не работал. Крыша скользкая, кровельный материал очень холодный, руки сильно мерзнут, красить нельзя и т. п. А главное, дожди и снег – раскроешь крышу, а тут пойдет дождь или снег, и вся

работа пропадет. Зато начиная с середины февраля в Одессе уже, как выражался отец, начинал «светить шарик». И еще он шутил: «Уже цыган на солнце зубы греет, надо начинать работать». Тут-то начиналась пахота, кровельщики старались использовать весь световой день, чтобы за весну, лето и осень заработать на зимние безработные месяцы. Зимой отец отсыпался, а иногда ездил по профсоюзной путевке в санаторий.

Здесь тоже подробности советского быта. В хорошее время года и в престижные санатории путевки давали только начальству и занимавшим определенное положение служащим. Напомню, что в паспорте была графа «социальное положение», которая заполнялась такими сословными клеймами – «рабочий», «колхозник», «служащий», «домохозяйка», «учащийся». Везде пели славу рабочим, но на самом деле рабочие завидовали служащим за то, что те приходят на работу не к шести или семи часам утра, а к восьми или даже к девяти (!), что у большинства служащих не бывает второй, или, того хуже, третьей смены, что у них отпуск длиннее (кажется, официальный отпуск рабочего составлял двенадцать рабочих дней, на всяких вредных производствах больше, а у служащих добавлялись дни за ненормированный рабочий день), что работа непыльная, то есть не грязная, в теплом помещении (для строителей это было особенно желанным). Другое дело, что толковый высококвалифицированный рабочий зарабатывал вдвое-втрое-вчетверо больше простого инженера из конструкторского бюро. И мой папа действительно прилично зарабатывал в сезон, не меньше профессора, как он хвастался.

Вернусь к зимнему застою. Надо было время от времени являться в родное СМУ на какие-то бессмысленные собрания, инструктажи, планирование будущих объектов. Иногда посылали на какой-нибудь объект что-то срочно залатать на крыше или починить водосточную трубу. За это платили мизерный минимальный оклад (в сезон оплата была сдельная). Все равно оставалось много свободного времени. Отец без работы маялся, но дела себе находил. Например, благодаря экономному расходу материалов и законным нормам на брак и отходы у него всегда оставалось небольшое количество жести, краски, олифы, и он, как и все работяги, потихоньку перетаскивал сэкономленные

материалы домой, хранил в погребе. Еще одна подробность одесского быта: во многих старых одесских домах во дворах имелись ходы в длинные, довольно глубокие погреба. Каждый жилец имел свою ячейку, запиравшуюся на замок, а то и на несколько запоров. Там хранили запасы на зиму: уголь, дрова, картошку, лук, чеснок, морковь и т. п. Запасы делались осенью. Обычно их почти хватало до нового урожая. Это давало значительную экономию, так как зимой цены на Привозе неимоверно вырастали. Там же, в погребе, отец из жести делал разные полезные вещи для домашнего хозяйства и для частных рыночных торговцев – противни, формы для печенья, ведра разных размеров, воронки. Особенно хорошо шли под Пасху формы для куличей. В квартире делать это он не мог: соседи бы начали спрашивать: «А что это вы там стучите?» – а по милой советской привычке могли и сами настучать куда надо, что сосед занимается кустарным производством на дому, а это при советской власти было уголовным преступлением, если ты не имел патента как инвалид-надомник. В погребе же, на глубине 2-3 метров, стук молотка и киянки не был слышен. Потом продукцию ночью выносил в корзине или ведре, прикрыв сверху картошкой. А в какие-то дни, соблюдая строжайшую конспирацию, относил перекупщикам, которые потом либо продавали с рук на Привозе или других рынках (Новом, Староконном, Слободском), либо левым образом продавали в скобяных лавках, куда не заглядывало дремлющее око ОБХСС. Отец оправдывал свою незаконную предпринимательскую деятельность тем, что материал он сэкономил благодаря своему высокому мастерству, что все равно весь оставшийся материал украдет прораб, который специально потом актирует брак, нормативные потери, и на машине отправит на село, а там колхозники с руками оторвут дефицит. Более высокое начальство, конечно, было в курсе всех этих манипуляций прорабов, более того, способствовало им и получало свою весомую долю. А изготовление на дому всякой жестяной всячины и продажу перекупщикам папа вообще не считал предосудительным, наоборот, говорил, что приносит пользу и себе, и людям, и делает все своими руками во время отпуска. Конечно, я как пионер в душе испытывал сильное неудобство, понимая,

что это все запрещенная деятельность, но не в Павлики же Морозовы мне было идти! Тем более что в быту постоянно ругали власть, которую называли на идиш «мелиха» (государство) или «зей» (они), а мой одноклассник и друг детства Король чуть ли не с четвертого класса уже рассказывал мне антисоветские анекдоты (про пионеров-комсомольцев, про Ленина, Сталина-Хрущева), впрочем, пожалуй, могу и напутать с моментом начала «антисоветской агитации и пропаганды». К счастью, времена уже были не сталинские, а в какой-то степени вегетарианские – за разговоры не сажали.

Неудобный график жизни кровельщика-жестянщика изменился после того, как отец уговорил моего брата Сашу уйти со своей жалкой в смысле зарплаты инженерной должности на киевском заводе и вернуться в Одессу, чтобы стать высокооплачиваемым кровельщиком-жестянщиком. При этом появлялся великолепный шанс уйти из гнусоватой общаги и вернуться в Одессу к маме и папе. Саша долго сопротивлялся, он любил столичную киевскую жизнь, Днепр, но в Одессе все-таки были море, родная семья, хорошие заработки... И согласился. Папа взял его в свою бригаду, где у него в подчинении было два, а иногда и три подмастерья из пригородной деревни. Отец обучил их простым операциям, но сам планировал работу и все сложные расчеты, связанные с хитроумным накручиванием более-менее нормальной сдельной оплаты на основе нищенских расценок, вел тонкие дипломатические переговоры с прорабами, нормировщиками и прочим начальством. Сам же и делал сложные работы на крыше, с которыми подмастерья не справились бы. Гордо себя именовал начальником бригады кровельщиков и слесарей-жестянщиков. Когда мама в чем-нибудь упрекала его, шутил, с пафосом провозглашая: «Ты знаешь, с кем говоришь? С бригадиром!». С приходом брата в бригаду отец связывал перспективы открытия нового фронта работ – промышленной вентиляции, где требовалось сооружать конструкции из множества труб-воздуховодов, сложных переходников, кожухов для огромных вентиляторов и прочих штуквин. Сложные фасонные элементы (диффузор – переход от круглого сечения к прямоугольному; штаны и тройник – переход от трубы большого диаметра на две или три трубы меньшего

диаметра; улитка – кожух для вентилятора с переходом на круглый или прямоугольный выхлоп, и др.) отец делать не умел, так как для раскройки заготовок требовались знания геометрии и инженерных расчетов. Появление брата в бригаде привело к «научно-технической революции». У брата было нормальное инженерное образование, хорошая голова и отличные руки, давно привыкшие к работе на станках в заводских цехах. Он быстро вник в специфику производства, почитал литературу. Дела сразу пошли хорошо. Посыпались заказы на создание вентиляционных систем в цехах, где при работе выделялась пыль, стружка, опилки, вредные испарения, да и просто было очень жарко и влажно. Потребность в вытяжной и приточной вентиляции была большая, а кадров было мало, так как большинство жестянщиков были такими же работягами без инженерного, а зачастую и без среднего образования, как наш папа (у него было образование четыре класса). Вентиляцию тем не менее делали, но при этом производительность труда была низкой, так как точно раскроить изделие жестянки старого закала не могли, и делали вначале на глазок, а потом, при нестыковке, разбирали изделие и подрезали-подгоняли вручную. Таким образом, наша бригада расширила виды работ и стала работать круглый год. В хорошую погоду больше на крышах, в плохую – в мастерских и цехах. Работа на крышах была гораздо выгоднее в смысле заработка, зато при работе по вентиляции была меньше зависимость от погоды и плохого прораба, транспорта, снабжения. Кроме того, брат постоянно совершенствовал технологию. Например, вычитал где-то, что существуют машинки, которые с помощью специальных валков делают на круглых трубах круговые выпуклые элементы, повышающие жесткость трубы, а затем нашел и купил на бригаду такую машинку – естественно, немецкую, еще довоенного происхождения.

Я начал работать с отцом и братом, еще не достигнув пятнадцати лет. Оформлен я был учеником слесаря-жестянщика в одесском СМУ треста «Укрторгстрой», контора которого располагалась недалеко от нашей средней школы № 92 – в ближнем к ней углу Кировского сквера (сейчас Старобазарный, а тогда в народе его называли Александровским). Причиной того, что я стал самым юным членом рабочей династии, была хрущевская реформа

образования. Тогда после восьмого класса ввели производственное обучение два раза в неделю, а преимущество при поступлении в вуз стали давать тем, кто имел производственный стаж не менее двух лет. Для получения полного среднего образования теперь следовало проучиться одиннадцать лет (одиннадцатилетка вместо классической десятилетки). Поэтому, если парень оканчивал школу в восемнадцать лет, то до призыва в армию (в девятнадцать лет в то время) он никак не мог заработать два года трудового стажа, чтобы иметь хорошие шансы поступить в вуз. Естественно, молодежь часто искала выход из этого положения. Выхода было два:

1. Перейти в вечернюю или заочную школу рабочей молодежи и устроиться на работу (в вечерней школе требовалась справка с места работы!).

2. Продолжить обучение в девятом-десятом-одиннадцатом классах средней школы и попытаться на год раньше (в семнадцать лет) сдать экзамены на аттестат зрелости экстерном – тогда можно было устроиться на работу, при этом усиленно готовиться в вуз, через год сделать попытку поступления и даже при неудаче отработать еще один год, и повторить попытку уже с двухгодичным производственным стажем. Правда, была опасность попасть в весенний призыв (если ты родился в первой половине года)!

Первый путь был гораздо проще, так как работу можно было подыскать нетяжелую, до шестнадцати лет длительность рабочего дня составляла четыре часа, потом шесть часов, давался дополнительный отпуск. Справку с места работы можно было получить и липовую, если договориться с начальником, отдавать ему всю зарплату и бдительно относиться к возможным проверкам. А самые циничные граждане просто покупали для своих отпрысков справки у некоторых кадровиков-лихоимцев. Интересно, что к варианту «вечерняя школа» прибегали не только мальчишки, а просто все, кто не хотел сильно напрягать мозги в обычной дневной школе. В вечерней школе требования к рабочей молодежи были сильно занижены, и уже сама явка на урок гарантировала тройку или четверку, даже если ученик нагло читал заданный урок из учебника или (на уроках болтологического характера – литературы, истории, обществознания) нес какую-нибудь обобщенную лабуду.

Замечу, что ни я, ни кто-либо из моих друзей не был циником. Мы искренне решили, что нет худа без добра, что можно получить какую-нибудь полезную специальность, принести пользу семье своим небольшим заработком, получить законное право на карманные деньги, заработать необходимый для поступления в вуз трудовой стаж и без особого труда получить отличный аттестат, уделяя внимание только тем предметам, по которым нужно было сдавать приемные экзамены в вуз, кому что было нужно (математика, физика, химия, иностранный язык, история, биология). Поэтому мы работали по-настоящему. Мой друг Гена, умевший отлично чертить и читать чертежи, стал модельщиком на судоремонтном заводе, имея в виду в дальнейшем поступать в водный институт (официальное название – Институт инженеров морского флота), что он и сделал впоследствии. Приятель Гриша по кличке Варшава стал фрезеровщиком на заводе сельскохозяйственного машиностроения им. Октябрьской революции (хорошо известный в Одессе ЗОР), собираясь поступать в будущем в политехнический институт. Оба они были довольны тем, что узнали много о технологии производства, научились работать на станках, увидели рабочую среду и такие отношения между людьми, которые в их интеллигентских семьях были известны лишь понаслышке. Ну и сам факт, что ты своим трудом зарабатываешь деньги (не такие уж маленькие по тем временам – семьдесят-девять рублей в месяц после получения разряда), приносил моральное удовлетворение. С другой стороны, им стало понятно, насколько интереснее интеллектуальная работа. Еще один приятель, по кличке Морда, устроился работать в одесском порту и, будучи физически крепким, после достижения шестнадцати лет вошел... в бригаду грузчиков, стал довольно много зарабатывать, шутить: «А у нас, у грузчиков...» – выпивать, активно встречаться с девушками (а для этого обычно нужны деньги), учебу забросил полностью, считая, что родители как-нибудь устроят его в среднее мореходное училище, и вообще стал поглядывать на нас несколько свысока. Глубокое погружение в рабочую среду не всегда благотворно влияло на неокрепшие юные души, да и обстановка в вечерней школе действовала разлагающе. Возможно, поэтому родители Гены (не помню уже точно,

по какой конкретно причине, видимо, по совокупности таковых) взяли курс на то, чтобы он сдал экзамены на аттестат зрелости досрочно, на год раньше. По ряду предметов обучали его своими силами, так что он, выполнив за полгода программу полутора лет, поступил-таки в водный на кораблестроительный факультет. Мы с Варшавой не могли самостоятельно серьезно подготовиться к экзаменам по всем предметам, кроме физики и математики, а к экстернам экзаменационные комиссии относились весьма строго. Зато мы без зазрения совести пропускали уроки астрономии в вечерней школе и вместо этого ходили в педагогический институт в Школу юных математиков.

Итак, я начал работать. Брат учил меня делать геометрические построения на листе железа (кстати, нелуженую жечь называли просто железом), показал, что такое развертка трехмерных фигур на плоскости – конус, цилиндр, параллелепипед, сегмент круглого колена (сделанный из жести плавный переход между двумя цилиндрическими трубами, оси которых направлены под углом друг к другу) и др. Вот тут-то я и почувствовал практическую пользу геометрии и тригонометрии. Например, я знал, что если плоскость пересекает ось цилиндра под острым углом, то в сечении цилиндра будет эллипс, но с удивлением узнал, что развертка этого эллипса является синусоидой. Я научился практическим упрощенным способам построения разных разверток, работе железным циркулем и линейкой, стал чертить по листу железа острым стальным стержнем, а отец научил резать по чертежу-раскройке мощными ножницами для железа (жести), формировать киянкой на оправке (длинный стальной брус квадратного сечения) буртик, или замок, для соединения разных элементов.

Работа жестянщика проходила в мастерской и в цехах, требовала значительных усилий, часто было очень шумно и скверно пахло. Гораздо больше мне нравилась работа кровельщика. Там была определенная романтика. Когда крышу крыли рубероидом, то я был костровым, другими словами, разжигал костер и в большой бочке растапливал смолу (так одесские кровельщики называли битум), поддерживал огонь и наливал черпаком жидкую смолу в ведро, с помощью блока поднимал ведро со смолой на крышу, где его принимали другие члены бригады (это до-

вольно сложно, важно не пролить!). Тогда я узнал замечательные морские слова «вира» (поднимай), «майна» (опускай). Работал я и на крыше, раскладывал рубероид, макал квач в ведро со смолой, намазывал ее на подложку и сверху накатывал-наклеивал рубероид. Физически это было довольно тяжело. Когда крышу крыли железом или чугунной черепицей, я подтаскивал листы, прибивал листы гвоздями, но всю подготовку, раскладку и окончательную заделку, а также контроль качества выполнял отец – если брат был королем вентиляции, то отец был король кровельных дел. Но больше всего я любил красить крышу – либо новую, то есть крытую новым железом или чугунной черепицей, либо залатанную в разных местах отцом, который славился мастерством отыскивания источников протечек – даже самые незаметные дырочки в железе, проделанные ржавчиной и скрытые вздувшейся краской, не ускользали от его внимания. Я тоже этому научился и при ремонте часто готовил для отца фронт работ.

До сих пор не могу забыть ощущение свободы при работе на крыше одесского института связи. Институт располагался в самом начале Кузнечной улицы, в доме № 1 (и сейчас располагается, только называется Одесская национальная академия связи (во как!), а улица стала на украинский манер Ковальской). Рядом расположены одесская консерватория, кирха, музыкальное училище. Крыша огромная, а я один с ведром краски и кистью. Когда краска заканчивалась, я на чердаке из сурика, олифы и белил делал новую смесь, и эта «художественная» деятельность мне тоже нравилась. Крыша была замечательная, не крутая, хотя наклон весьма ощутимый. Главным ее достоинством, которое редко встречалось, были ограждения в виде металлических решеток или каменных стенок. Поэтому, даже поскользнувшись, нельзя было упасть с крыши. Особенно это спасало от страха, когда надо было красить участки у края крыши. До сих пор не могу забыть острые ощущения от крыши четырехэтажного дома, которую мы делали рядом с Привозом. Она была весьма крутая и без всякого ограждения. Если где-то случайно накапана или разлита краска, можно запросто поскользнуться и съехать с крыши. Было страшновато, но когда я был мальчиком, то почти не боялся высоты – мог уверенно красить желоба и водосточные спуски у края

крыши, однако по совету отца старался не глядеть долго вниз (хоть иногда все-таки смотрел туда, ощущая легкий холодок в животе). На еще более крутых крышах отец уже требовал привязываться веревкой, зацепленной за конек или стропило, хотя сам не всегда привязывался, такой был отчаянный.

А на крыше института связи можно было танцевать и бегать. Дело было в апреле или мае, еще не было жарко, но солнышко заметно припекало, и во время обеда можно было понежиться на прогретой крыше под ласковыми лучами, а тело обдувал легкий морской ветерок. Да и работать, раздевшись до пояса, было приятно. Самое же большое удовольствие я получал, когда через каждые полчаса останавливался на минуту отдохнуть от интенсивных движений, оглядывался вокруг и смотрел на разные районы Одессы, вдыхая весенний воздух.

Еще одну нотку в общий подъем духа вносило некое чувство коммерческого удовлетворения тем, что я работаю на семью (как сказали бы сейчас – на команду) и хорошо при этом зарабатываю. Покраска крыш считалась выгодной работой, за день даже пацан моего возраста мог выкрасить сто квадратных метров (разумеется, работая шустро, не сачкуя, но и не халтуря), а каждый квадратный метр стоил от семи до десяти копеек в зависимости от того, как бригадир сумел договориться с прорабом. То есть за рабочий день можно было заработать семь-десять рублей, что по тем временам (в 1962 году) считалось хорошими деньгами. Замечу, что официальные расценки были еще ниже – пять или даже четыре копейки, но отец умел договариваться, и меньше чем по восемь копеек за метр мы никогда не получали. Я помню, как отец радовался, что крыша такая удобная, а он внушил прорабу, что там много повреждений, и их надо латать, а еще много слуховых окон и брандмауэров, и тот согласился заплатить по десять копеек за метр. Другой вопрос, как же удавалось прорабу платить работягам требуемую цену, – здесь действовала хитрая система приписок, и никто лучше отца не знал, как нарисовать в смете кучу мифических необходимых работ. За это прорабы очень уважали отца, так как он избавлял их от необходимости самим ломать голову, чтобы накрутить нужную цену. Это был симбиоз, так как существовал негласный обычай «заносить» прорабу его долю после

оплаты работ (иногда бухгалтерия могла без всяких объяснений срезать смету, но в «нормальных» строительных организациях прорабы в свою очередь «заносили» бухгалтерам и начальникам). Таким вот образом повсеместно действовала система приписок и, как сейчас принято говорить, откатов, которая хоть как-то компенсировала поистине нищенские расценки и зарплаты.

Интересно, что вслух никто никому ничего не обещал, никакие цифры не назывались, упаси боже! Тут страх был посильнее, чем на крутой крыше, – боялись провокаций и ОБХСС. Действовала какая-то интуитивная система пропорций. Если кто-то жадничал и «заносил» мало, то в следующий раз прораб отдавал выгодную работу другой бригаде, так что постепенно все само собой устаканивалось. Тот, кто боялся или не умел приписывать объемы работ, договариваться и «заносить», был обречен тяжело вкалывать по официальным расценкам и при этом прозябать. Так что уже с юных лет я получил первые уроки народной коммерции. Так закалялась жесьть!

Озирая издали этот период своей юности, вижу большую пользу, которую мне принесла работа кровельщиком-жестянщиком. Я сильно окреп физически и научился делать своими руками нужные вещи. Понял, как нелегко заработать на хлеб насущный, и насколько умственный труд приятнее и интереснее (если правильно выбрать!) физического. Увидел, как разительно отличаются реальные условия труда и производственные отношения от того, что пишут в газетах, книгах, говорят по радио и показывают по телевизору. Увидел, как сильно отличаются настоящие рабочие от бумажных, увидел во всей красе пьянство, воровство (причем не только то, которое красиво называлось «хищением социалистической собственности» и даже не особенно осуждалось, если не носило крупных размеров, но и прямое воровство у своих же товарищей, что справедливо всеми считалось омерзительным), халтуру (к которой квалифицированные рабочие относились с глубоким презрением; кстати, с тех пор я тоже терпеть не могу ни халтуру, ни халтурщиков), приписки, убожество технической и технологической базы, безграмотность большинства рабочих и т. д. и т. п. Осознал, что хотя и не смогу так же успешно и добычливо, как отец и брат, зарабатывать на жизнь физическим

трудом, но если жизнь прижмет, то все-таки не пропаду – хоть и буду мучиться, но прокормиться как-то сумею. Брат мне говорил: «Тебе надо очень хорошо учиться, чтобы зарабатывать на жизнь головой, потому что руки у тебя не тем концом и не туда вставлены». Было обидно, но в определенной степени справедливо. С другой стороны, было очень полезно наглядно прочувствовать, как физика и математика, которые мы проходили в школе, прямо используются в технике, в производстве нужных людям вещей.

И самое главное. Работа с родными людьми, отцом и братом, очень много мне дала в духовном отношении. Я увидел их талант, ловкость, изобретательность, взаимную поддержку. Они перелили в меня свои знания и навыки, дали какие-то правильные понятия об отношении к своему и чужому труду, много шутили, научили относиться ко всяким трудностям и безобразиям с юмором. Возникла такая полная общность, какой, мне кажется, трудно достигнуть, если не делаешь вместе серьезную трудную работу. Ощущение взаимной любви и теплоты я помню до сих пор.

Анна Михалевская

Веселый бог Кокопелли

– Это милиция! Роберт Уокер задержан. Знаете такого?

Пять утра. Суббота. Декабрь. Я вжимаюсь ухом в телефонную трубку. Будто так могу услышать что-то другое. Например: «Это я, Артем, ужасно соскучился по тебе». Но строгий голос выстреливает обойму вопросов, и я окончательно просыпаюсь.

Конечно, я знаю Роберта Уокера. Ветеран Вьетнамской войны, любитель крепкого словца и слабого пола – директор нашего фонда. Четвертый или пятый директор, я сбилась со счета. Эта должность, как кресло зицпредседателя Фунта, часто бывает вакантной.

Пусть вас не смущает милиция и Вьетнамская война в одном флаконе. В Украине 90-х американские фонды – обычное дело. Наш – благотворительный. Благо совершается для бизнеса Украины руками американских консультантов. Если, конечно, украинский бизнес будет способен это благо принять.

Мне двадцать четыре, я считаю себя самостоятельной и опытной женщиной. А еще – бессмертной. Поэтому, не обращая внимания на уходящее время, ищу того, кто меня поймет. И чтобы отвлечься от постоянных провалов, с головой погружаюсь в работу.

Иногда она настигает и в выходные. Вот как сейчас. Делать нечего – отправляюсь в милицейское отделение.

Первое, что вижу, – Роберта в легкой рубашке и тапках на босу ногу. Уокер подскакивает со скамьи и бросается ко мне:

– Он нарушил право частной собственности! – сходу жалуется на английском Роберт. – Ворвался в мою квартиру!

У Роберта изо рта идет пар – в отделении чуть теплее, чем на улице. Он тычет пальцем в мужчину – голова у того перемотана бинтом.

Милицейский осаживает Роберта, но с ветераном Вьетнамской войны не так-то легко справиться.

Потерпевший – таксист, Роберт огрел его бутылкой. Версии, как таксист, бутылка и американец оказались в одном пространстве-времени, разнятся. Дверь отделения открывается – на подмогу приходят коллеги. При помощи силы убеждения и американского паспорта Роберта нам удастся его отстоять – кто пойдет на международный скандал?

В такси домой Роберт трет озябшие руки, возбужденно рассуждая про частную собственность и свои права. Яжимаю плечами. Здесь, в Украине, можно надеяться только на себя. Если оставляешь у барной стойки пиджак с кошельком в кармане и идешь танцевать, готовься: твоя собственность скоро перейдет к другому. Роберту это объяснить невозможно, пробовали не раз. Вот я на дискотеки хожу без сумки – деньги и помаду прячу в сапог. Я же говорила – женщина с опытом!

Возвращаюсь на съемную квартиру. В выходные одиночество чувствуется особенно. Хочется строить свою жизнь, но строить ее не с кем. И сидеть обнявшись под теплым пледом тоже не с кем. Остается читать – Булгакова, Фрейда, Пелевина... Где-то в середине стопки книг у кровати есть даже Библия. В книгах я тоже ищу – хоть образ, хоть намек.

Верчу в руках фигурку Кокопелли – подарил кто-то из консультантов. Кокопелли – бог изобилия, плодородия и больших перемен. Древние индейцы верили: он ходит по миру, исполняя людские желания и играя на флейте. Веселый бог Кокопелли мне нравится, а собственное настроение – нет.

Вечером выбираюсь на дискотеку. Танцевать лучше, чем рассуждать. В танце все ясно. А в словах есть фальшь. Даже с самыми близкими я чувствую эту пропасть. Даже когда хочот разбирает, понимаю – веселье поддельное. Это репетиция. Главное – впереди. Я просто пытаюсь не умереть со скуки, пока дождусь настоящего.

Неоновые лампы мигают, выхватывая застывшие силуэты людей. До следующей вспышки эти силуэты уходят в прошлое. Пусть уходят. Мне надо побыстрее в будущее. Там, где все уже хорошо. Земфира звонко заводит:

Я искала тебя, искала тебя.
А когда нашла...

Когда нашла. В моем танце появляется надежда.

* * *

На диване под американским флагом сидит Джоанна, руки под мышками, нос красный – еще не отогрелась с мороза. На другом конце дивана пожилая чета – Стив и Сара. Они нервно стискивают друг другу руки, будто им вот-вот прыгать с парашютом. Ну или без. Через час прилетает новый консультант, и мне скоро ехать в аэропорт – встречать. Но сейчас я нужна этим троим.

– Как прошел полет? – улыбка дается легко, я люблю знакомиться.

Каждый раз кажется: новый человек привнесет в жизнь то, чего так не хватает сейчас.

У Артема бы это получилось. Он не похож ни на кого – неожиданно появляется и меняет реальность. Ведет по винтовой лестнице на засыпанную листьями октябрьскую крышу. Мы срываемся посреди ночи на Куяльник и жжем там ноябрьские костры. Гуляем по обледеневшему декабрьскому морю...

Первой откликается Джоанна – она возбужденно рассказывает, как на высоте неожиданно открылась дверь самолета.

– Ничего, уже все хорошо, – говорит Джоанна и виновато улыбается.

Этой же фразой и виноватой улыбкой она закончит еще не одну историю. На Привозе у Джоанны украдут кошелек. В квартире заклинит дверь, и пока она будет бегать за помощью, сосед стащит ее покупки. Редкие дни, когда с Джоанной ничего не случалось. На крайний случай она вступала в собачье дерьмо.

Стив и Сара интересуются, можно ли мыть овощи водой из-под крана и есть ли у нас аптеки. В Штатах с ними провели инструктаж и обо всем предупредили! По ошибке готовили в Африку, думаю я, и провожу свой инструктаж. Аптек у нас больше, чем людей на улицах. Вода из-под крана не отравлена. Магазины работают едва не круглосуточно. Квартиры со всеми удобствами и недалеко от офиса. Компания очень ждет и уже готова принять. И если что – я всегда на связи.

Натянутые американские улыбки постепенно становятся искренними. В глазах теплеет.

Из директорского кабинета появляется Роберт в грузинской кепке-аэродроме. Козырек скрывает пол-лица. По понедельникам Роберт частенько ходит по офису в кепке – значит, за выходные с кем-то подрался и не хочет светить синяком под глазом.

Роберт приветствует гостей, американцы охотно отвечают, завязывается оживленная беседа. Пусть кепка и фингал, зато Роберт земляк – свой, понятный. Напряжение тает, в пространстве офиса витает пряный аромат кофе.

Я даю водителю отмашку – пора в аэропорт. Встречать новенького. Лихорадочно собираюсь: деньги, документы, хорошее настроение.

И почему американцы едут сюда? Все – успешные бизнесмены у себя в Штатах, час их консультации стоит тысячи, а то и десятки тысяч долларов. Почти каждый – счастливый семьянин. Преданная супруга или супруг, четыре-пять детей – это норма. К тому же наши консультанты – люди в возрасте. Но летят в непознанную Украину, о которой они раньше думали: это где-то в Румынии.

Идем через заиндевелый холл аэропорта, поднимаемся в вип-зал. Среди ожидающих гостей сразу узнаю нашего по выражению лица – даже за широкой улыбкой и бравадой всегда кроется растерянность. Будто человек не очень-то понимает, как здесь оказался. Нащупываю в сумке фигурку Кокопелли. На удачу.

– Привет, я Анна. Как прошел полет? – выдаю дежурную фразу, жму руку.

Очень хочется, чтобы консультант хоть на миг расслабился. Почувствовал себя дома.

Американец с длинными седыми волосами и в кожаной куртке-косухе крепко жмет руку в ответ. На поясе позвякивает нож, на груди – металлические цепи.

К нам пожаловал аутентичный рокер!

– Брайан! Приятно познакомиться! – в его глазах мелькает удивление.

Удивление – лучше, чем растерянность. Я прячу улыбку и веду Брайана к машине.

В такие моменты ноющая пустота в груди затягивается ряской, забывается. Сейчас главное – чтобы Брайан не улетел обратно в Штаты следующим же рейсом. Наши консультанты – волонтеры, и работают бесплатно. Их не связывают контракты, ничего – кроме собственной совести.

Впрочем, меня тоже ничего не связывает. Просто не люблю, когда плохо кому-то рядом.

* * *

Ночью будит звонок в дверь. Но открыть не успеваю. Сажу на пороге и слушаю удаляющиеся шаги. Это Артем. Хоть раз мог бы предупредить... И зачем уходить, если пришел?.. Полночи я задаю эти и другие вопросы Кокопелли, но беседа не клеится.

А утром начинаю ждать звонка. Ставлю Кокопелли на рабочий стол и слушаю консультантов, не отрывая взгляд от телефона.

– Вторую неделю не могу поговорить с директором, – жалуется Крис.

Крис прилетел в середине декабря. Под Новый год. Он ставил большие цели – написать бизнес-план, вывести компанию на новые рынки. В первый же день Крис попал на застолье – именины директора. Компания гуляла трое суток, не до планов. С таким же размахом вскоре отметили день рождения сына директора. Крис, ратовавший за здоровый образ жизни, терпел застолья и надеялся: скоро все закончится. Но после дней рождения пришла пора новогодних застолий. Крис стал подозревать, что так построен украинский бизнес: вместо офисного – обеденный стол. И с бокалом домашнего компота от накрывавшей столы тети Анжелы пошел знакомиться с главбухом. «Нот андерстэнд», – замахала

руками главбух и с бутылкой коньяка скрылась в своем кабинете. Переводчик и его печень к тому времени отлеживались дома и ничем помочь не могли.

– Кошмар какой-то, – отчаяние сквозит в голосе Криса, и по легкому амбре я понимаю, что здоровый образ жизни и компот от тети Анжелы остались в прошлом.

Загипнотизированный моим взглядом телефон молчит. Пора сказать Артему: все, хватит. Я не могу ждать вечно. Если не позвонит, найду его сама. Да, да, я три дня гналась за вами, чтобы сказать, как вы мне безразличны...

– Крис, праздники еще не закончились, – в кои-то веки успокаивать не хочется. Хочется говорить правду. – Впереди Старый Новый год, потом Крещение...

– Старый Новый год? Это шутка? – улыбка Криса гаснет, по моему взгляду понимает: нет, не шутка.

– Начало января не самое лучшее время для трудоголиков.

– И как мне составить этот чертов бизнес-план?! Только раз показали бухгалтерскую книгу. И сказали, что она ненастоящая. Настоящая в сейфе, ключ у бухгалтера, а бухгалтер заболела...

В сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – игла, смерть Кощея. Рассказ Криса для меня обычная, даже скучноватая история. А для него – триллер с неожиданным финалом.

– Обязательно поговорю с директором, не беспокойтесь, Крис. Хотите кофе?

Американец кивает. Кофе – это понятно. Это почти как на родине.

Крису явно не по себе. Он раздосадован, сбит с толку. Но в Штаты жалобы не пишет и домой досрочно не собирается.

«И зачем им это надо?» – задаю себе в который раз вопрос. Скучно дома? Ну да, там все просчитано и предсказуемо. На работе занимаются работой. Праздники только в праздники. Бухгалтерия одна. Еда обезжиренная. Напитки безалкогольные. С ума ж сойти можно. И это свободная страна Америка!

Набираю номер компании, которую консультирует Крис. Представляюсь, прошу директора. Тот уверенно оправдывается – конечно-конечно, будут завтра Крису Патриковичу все документы. Что ж, завтра и проверим.

Забираю Кокопелли со стола, прячу в карман. Артем сегодня не позвонит.

В почте нахожу письмо от Брайана. Помните рокера в косухе? Пару дней назад он улетел. С некоторыми осложнениями. Украинская таможня хотела лишить его ножа – Брайан отхватил этот трофей на концерте «Кисс», сам Джим Симмонс расписался на рукояти. Пришлось поднять знакомства, чтобы вся амуниция осталась при Брайане. На американской таможне консультанта едва не отослали обратно в Украину. Но там имя «Кисс» и дарственная надпись Симмонса все-таки что-то значили. И Брайана впустили на родину.

Консультант благодарит и предлагает дружить. Мы с тобой прекрасно понимаем друг друга, пишет рокер Брайан шестидесяти лет. Отчасти так и есть. Я тоже люблю рок. И тоже читала Кастанеду. Правда, в отличие от Брайана, не ела пейот... И почему те, кто способен хоть что-то во мне понять, живут на другой стороне планеты?

Или исчезают – будто их и не было.

Ты делаешь вид, что мы чужие друг другу, Артем... Ведь это не так.

Я сжимаю Кокопелли – острые грани фигурки врезаются в ладонь. Хочу проснуться от этой жизни к другой. Хочу найти.

* * *

Конец января. Снег сыплет огромными хлопьями. Природа очнулась от долгих новогодних застолий и тоже решила поработать. Старается изо всех сил. Как бы не перестаралась. Нам сегодня четверых на самолет садить.

Я на кухне, в холле возня. Крики, громкий стук. Бросаю в чай ломтик лимона и выхожу в холл. На диване уже собранные сидят Крис, Джоанна, Стив и Сара. Американцы сияют – у них все получилось! Крис научился пить водку и таки составил бизнес-план. Джоанна перестала попадать в переделки, когда поймала за руку вора на базаре, а Сару я застукала – она ела невымытое яблоко. И прекрасно при этом себя чувствовала!

Чемоданы громоздятся в холле, не пройти. Но между ними горным козлом скачет Стенли. Он прилетел неделю назад, уже

успел исследовать все трамвайные маршруты Одессы и признаться всем девушкам офиса в любви. Недавно Стенли увяжался со мной на концерт. И терпеливо слушал часа три песни на русском, прежде чем крепко сжать руку и сказать, что я его судьба.

И вот Стенли снова в ударе. Лицо покраснело, он радостно улыбается вставной челюстью отменного американского качества. Я улыбаюсь в ответ. Не потому, что люблю Стенли, он всем порядком надоел. Просто у меня хорошее настроение – вечером свидание.

Стуки становятся все громче, я оглядываюсь и понимаю – стучат из сейфа! Сейф огромный, мы используем его как шкаф. Подбегаю, кручу ручку, открываю – из сейфа вываливается разъяренная замдиректора и бежит по чемоданам за Стенли. В руках у нее тяжеленная папка с годовыми отчетами.

Это Стенли так приглашает замдиректора на свидание. Она единственная еще не знает, чья она судьба.

Американская сборная консультантов азартно наблюдает за представлением. Жалуют, что надо уезжать? Рады, что бегут из этого дурдома?

На шум выходит из кабинета Роберт. Без кепки-аэродрома – сегодня не понедельник. Он покусывает кончик сигары, поглядывает на Стенли и понимающе кивает.

Под возмущенные возгласы замдиректора прощаюсь с американцами – мы обещаем друг другу скучать и писать. За месяц тесного общения столько узнаешь о людях, что становишься им почти родственником.

Водитель увозит консультантов в аэропорт, и я ухожу с работы пораньше.

Красная помада, красный гольф в обтяжку, короткая юбка и каблук. Волнуюсь, ничего не жду. И в то же время жду, что все изменится. Все будет – и теплый плед, и близкий человек рядом, и жизнь, которую я начну строить заново.

На всякий случай в сумочке – Кокопелли. Веселый бог, исполняющий желания.

Подумать только, недавно я хотела порвать с Артемом. Но услышала его голос и...

Артем встречает меня у подъезда, ведет через парадное с обшарпанными стенами. Открывает незнакомую квартиру. Пустое необжитое пространство. На столе – шампанское. И два не очень чистых бокала. Ничего этого я не замечаю. Горю ожиданием и слышу, как трещит по швам старый никому не нужный мир.

Пьем шампанское. Болтаем о пустяках и о важном. Смеемся.

Артем порывисто обнимает, я смотрю в его подернутые страстью глаза и вдруг вижу в них чужака. А как же близость?

Но близость другого толка мешает додумать мысль до конца. Помады на моих губах все меньше, горячие руки заново лепят мое тело. Все, можно расслабиться, раствориться и быть счастливой. Поиски закончились.

Звонок в дверь.

– Кое-что забыл, – хмыкает парень на пороге.

Он по-хозяйски подходит к шкафу, вытягивает какой-то сверток, прощается. Артем, запирая дверь, долго возится с замком.

– Квартира моего друга, он дал ключи, – между делом поясняет Артем.

Тыльной стороной руки я вытираю остатки помады на губах. Заплетаю в косу разметавшиеся волосы.

Артем снова обнимает, я отстраняюсь. Пытаюсь вспомнить, почему так долго ждала именно его. Ведь он целиком и полностью другой. Я никогда не пойму его, а он меня.

Смотрю на Артема новыми глазами. Уверенность сходит с его лица. И проступает растерянность. Я вижу такие лица в аэропорту по пять раз за неделю. Сочувствую, но ничем помочь не могу.

– Знаешь, мне надо идти. Спасибо за все. И – прощай!

Каблуки звонко отбивают ритм по ступенькам парадного с обшарпанными стенами. Ритм моей жизни. Не новой и не старой. Настоящей. Какой бы она ни была.

Выхожу на улицу и подставляю лицо снежным хлопьям. Они мягко ложатся на кожу и тают, будто кто-то невидимый в удивлении прикасается прохладными пальцами, и в этом прикосновении немой вопрос: ты ли это?

Я не знаю. Ничего не знаю. Мне только двадцать четыре.

Вечерний город нарядно поблескивает огнями. Небо венчает купол оперного. Дети скатывают снежки прямо на ходу, и они

летят – в надвинутые на глаза капюшоны, в смех, в радость. Под домом крадется рыжий кот, недовольно отряхивая от снега лапы. Ветер закручивает обручем метель у ног, треплет подол пальто. Вдыхаю морозный воздух – такой чистый и сладкий.

Почему я никогда не смотрела по сторонам?! Мир переполнен до краев – черпай не вычерпашь.

Теперь понимаю, зачем американцы едут в Украину, страну на краю света. Они ищут – так же, как и я. Надеются, что кто-то, чужой и далекий, возьмет их за руку и выведет к новому. Ведь прежняя жизнь – фейк, как бухгалтерские книги для Криса. Истинное еще впереди – в другом времени, в другой стране, в другом человеке. И не имеет значения, сколько тебе – двадцать четыре или шестьдесят четыре. Все равно ждешь – случится чудо: повернется невидимый винтик, все настроится, и Кокопелли заиграет на флейте.

Меня разбирает смех. Тот, чужой и далекий, сам блуждает впотьмах, хоть и таскает с собой фигурку веселого бога. И постоянно встречает таких же чужих, таких же далеких. И таких же слепых.

Никого не надо искать и ждать. Никуда не надо спешить. Всё уже есть.

Замираю и смотрю в небо. Там, на высоте десяти тысяч метров, летят домой люди, с которыми я месяцами шла в одной связке одиночества. Спасибо, что не дали упасть!

Хлопья летят беспорядочно – вверх, вниз, в стороны. Мир заволакивает белой пеленой. Чистая тетрадка, пиши что хочешь.

Марево постепенно рассеивается, оседает.

– Это ты потеряла? – какой-то парень протягивает фигурку Кокопелли.

– Теперь он твой.

Не спешу прощаться. Не спешу здороваться. Ведь у меня все есть. Просто иду как идется. Парень шагает рядом. А в руках у него играет на флейте веселый бог Кокопелли.

Рада Полищук

Не сошлось

«Я сегодня плохую записку написала, – тихо сказала мама. – Папусе не показывай...»

Она протянула мне вырванный из блокнота листок в клеточку, коряво исписанный синим карандашом. Попробуй написать аккуратно, лежа на спине, с датчиками монитора на груди – как получается, так и пишется.

«Почему карандашом, мамочка?» – «Ручка не пишет».

В реанимацию нас пускали по знакомству, за деньги и ненадолго – минут на десять, не больше, а дел было много, и все неотложные. Я сложила листок пополам и убрала в карман. Успела только заметить, что мама внизу написала: «26.03.83». На других записках она не писала число.

Она ошиблась на год. Мистика? И ручка не пишет. Последняя записка.

Я ее не прочитала.

1982 год, 27 марта, суббота, 12 часов 5 минут.

Умерла моя мама.

Пятый инфаркт, тяжелый, трансмуральный, крупноочаговый то есть. Пятый!

Господи, никто из друзей слов таких не знал, никогда не слышал, а мы с сестрой обмирали в ожидании приговора врачей: мелкоочаговый? трансмуральный?

Первый трансмуральный у мамы был в 1970-м, ей только исполнилось пятьдесят пять. Она привезла его из Одессы после

похорон жены своего старшего брата, всеми любимой тети Мили, Милечки, мучительно умиравшей от рака желудка. Мама последние два месяца ухаживала за ней, тетя Миля умерла у нее на руках, мамино сердце разрывалось от горя – за безвременно ушедшую Милечку, за дядю Илюшу, за всю их осиротевшую семью. Ей так казалось.

На самом деле сыновья, оба, года не прошло, уехали от могилы дорогой мамы на ПМЖ – один в США, другой в Израиль, и больше никогда не приехали в Одессу, даже отца в последний путь проводили не они. А сам дядя Илюша дважды женился после смерти Милечки. Сначала на ее вдовствующей с войны сестре Фире, старше его на семь лет, женщине крутого нрава, необщительной, неласковой, совсем не похожей на Милечку – ни смеха, ни шутки, тоже ведь одесситка, а как вобла сушеная. Недолгим был этот брак, Фира умерла внезапно, подавившись костью, что оказалась в фаршированной рыбе, – таки да, она не умела готовить, но хотела доказать Илюше, что ничем не хуже Милечки. Не получилось. Дядя Илюша горевал – вторую сестру, дочь уважаемого в городе парикмахера-брадобрея Абрама Гилелевича Мильмана, похоронил из своего дома. Была еще одна вдовствующая, младшая, но уж нет, решил, дядя Илюша, хватит. А все же женился еще раз, последний в своей жизни, тоже на родственнице, только дальней, не разобрать по чьей линии, лишь фамилией перекликалась с какими-то далекими ветвями, и то не понять было, своей фамилией или мужниной, от первого из трех браков. Эта была боевая, громкоголосая, за словом в карман не лезла. Слова с языка слетали мгновенно – ласковые, без разбора лица и имени: «рыба моя», «люба моя», «мамонька», «рыбонька золотая» – или бранные, смачные. В лексике себя не ограничивала, и на русском, и на еврейском ругалась виртуозно, в любой обстановке – на Привозе, в трамвае, во дворе с соседями, даже дома. Но здесь с оглядкой на Илюшу, потому что он категорически это не выносил, надевал свою межсезонную кепку с высоким околышем и уходил на улицу, хлопнув дверью, в любое время дня и поздно вечером. Она неслась следом, кидая под язык валидол, и кричала на весь город: «Прости, любя моя! Прости, рыба моя! Прости, Элечка!». Душила в объятиях

и вывороченными наружу толстыми губами всасывала в себя поцелуями, мокрыми, звонкими. Звали ее Клара. Она и похоронила дядю Илюшу. И после его смерти близких родственников покойного в его дом не пустила, как бы чего не унесли невзначай. В том числе и меня не пустила, любимую племянницу дяди Илюши, прилетевшую из Москвы попрощаться с последним родным человеком в Одессе.

Но это было после смерти моей мамы.

А тогда, после похорон Милечки, кто-то из племянников посадил маму в скорый поезд № 24 «Одесса – Москва», и она поехала домой, не сказав никому про нестерпимую боль за грудиной, в левой руке и лопатке, про то, что у нее кончается нитроглицерин, а без него ей дышать тяжело, хоть от него всегда болела и кружилась голова. У них непоправимое горе, она потерпит, до Москвы ехать всего сутки, потерпит, место у нее нижнее, ляжет и будет лежать. Так успокаивала себя мама. Но не тут-то было – сосед по купе, дебошир, пьяница, пил и буянил весь день и всю ночь, управы на него не нашлось. Две другие соседки перешли в соседний плацкартный вагон, отыскивали два свободных места на верхних боковых полках, а мама стояла в коридоре и тогда, когда буян наконец уснул, оглашая вагон нечеловеческим храпом. Она потом призналась нам – от его ног тошнотворно дурно пахло. Ее даже вырвало, ей было совсем плохо, и проводница уложила ее в своем купе. У мамы не было сил сопротивляться. Это был инфаркт, и рвота – от инфаркта.

С вокзала мы на «скорой» отвезли маму в больницу – ЦКБ № 3 МПС. Первый инфаркт, первая палата интенсивной терапии, тогда еще не было кардиологических реанимационных отделений. Мозель Арнольд Иосифович, заведующий отделением, – первый врач, который спас маму.

Или Бог услышал наши молитвы?

Жизнь остановилась резко, будто на полном ходу сорвали тормоз в мчащемся по рельсам составе.

Больше месяца мама пролежала в больнице, тридцать восемь дней. Мы молились каждую минуту – папа, Вика и я. Не вместе, нет, друг перед другом мы делали вид, хорохорились, стараясь

не глядеть глаза в глаза, только бы не выпустить боль и страх, только бы не расплакаться, чтобы мама не увидела наши слезы. Она все время улыбалась, потому что мы рядом, Мозель решил нам быть с мамой. Низкий поклон, до сих пор мысленно кланяюсь – без нас мама не выжила бы.

От резкого торможения в голове все перемешалось, оно и к лучшему.

Как мы болели! Как яростно, азартно болели! Не инфарктом, нет. Шел чемпионат мира по хоккею. Мы страстные болельщицы – мама и я, фанатки нашей сборной! Наши играют с чехами, шведами – какой инфаркт? Мозель категорически запретил в отделении включать телевизор, а мы – в палате интенсивной терапии, у нас привилегия. У девочек на нашем сестринском посту есть телевизор. В комнате отдыха. Болеем вместе! Бегу к девочкам, влетаю обратно в палату – гооол! Кричим шепотом, чтобы не разбудить мамину соседку Зинаиду Григорьевну, даму спокойную, величавую, даже в таком непрезентабельном виде сохраняющую свое превосходство над окружающими. Ее уважали все – от нянечек до Мозеля. Она была старше мамы на тринадцать лет и называла ее «Идочка, деточка».

– Ну какая вам разница, деточка, кто кому забил гол, кто будет чемпионом мира?! У вас инфаркт! Вам нужен покой! Завтра же все расскажу Мозелю.

Нет, не рассказала, конечно. И вскоре умерла, так и не вышла из больницы, хотя и на поправку, и на выписку шла раньше мамы. Вот вижу – стоит в дверях нашей палаты, высокая, статная, с гордо откинутой седой головой, уже одетая не по-больничному – в белой блузке с кружевным воротником-стойкой, кружевными манжетами, в строгой черной юбке, грациозно облегающей стройные бедра, черные туфли-лодочки на невысоком каблучке. Дама! В ее присутствии хотелось встать, приосаниться, подтянуться и почтительно склонить голову. Улыбается приветливо и грустно: «Поправляйтесь скорее, Идочка. Берите с меня пример. Я буду скучать без вас, деточка... И без вашего хоккея...».

Мы дружно расхохотались, легко и весело, по щекам от смеха катились слезы. От смеха! А она вдруг громко вздохнула, словно всхлипнула, как-то невпопад, и упала, ударившись головой

об пол. Глухой такой, неприятный звук получился. И надолго застрял в памяти, вызывая онемение рук и ног до кончиков пальцев: вот так, вот так *это* может случиться – в разгар смеха, когда у всех хорошее настроение, беда отступила, и за порогом – жизнь.

Сильное потрясение вызвало у мамы повторный инфаркт, мелкоочаговый, но инфаркт. Нас откинуло назад, выздоровление шло трудно. «Берите с меня пример, Идочка...» Нет, не *это* имела в виду Зинаида Григорьевна, не *это*, она не звала маму за собой в неведомое. Она желала ей выздоровления.

И мама выписалась из больницы, и на какое-то время мы за были об инфаркте. Мама так хотела. «Не укладывайте меня, девочки. Я еще належусь», – повторяла, и какой-то *иной* смысл услышали мы в этих словах только после маминого ухода. А так – что ж, это похоже на маму: не соблюдать режим, не беречь себя. «Мне нельзя залеживаться», – это она о себе, у нее все горело в руках, она никогда не сидела без дела, оберегала папу после тяжелого инсульта, все брала на себя: «Я-то могу, папуся не может». Это уже после первого-второго инфаркта.

«Лучше три инфаркта, чем один инсульт», – сказала мама, увидев папу в реанимационной палате, обездвиженного, с затрудненной речью.

«Лучше быть богатым и здоровым», – сказала папин лечащий врач Дунсама Чайроповна Кунджиева в той же ЦКБ № 3 МПС, в неврологии. Сказала и улыбнулась своей неловкой шутке. Она не была уверена, что папа выкарабкается, но выхаживала его как родного. Папа целовал ей руки.

«Лучше быть, чем не быть...» – сказал папин сосед по палате, молодой мужчина с двусторонним инсультом, и смотрел на нас глазами, полными отчаяния и надежды.

Конечно, лучше быть...

Мама умерла в шестьдесят шесть, папа пережил ее на шестнадцать лет, восемь месяцев не дожив до девяноста. Речь восстановилась, он ходил почти до последнего дня, с палочкой, но ходил. У него было два инсульта, у мамы пять инфарктов. Такая получилась статистика. Все можно перевести в цифры, сравнить, пересчитать, сложить или вычестить. И сделать какие-то выводы.

Или считать, что все заранее predetermined, и не нашего ума дело решать – правильно, неправильно. Плыви себе по воле случая. Выплывешь – значит, судьба, а на нет – выходит, и суда нет.

Папин отец, мой дедушка Арон, умер от инсульта в шестьдесят три года. И у папы первый инсульт случился в шестьдесят три. Роковое стечение? Так думали все родственники, предвосхищая папину скорую смерть год в год с дедушкой. Не сошлось, в лучшую сторону. Папа выжил и жил еще долго.

Бабушка Голда, мамина мама, умерла в восемьдесят семь лет от воспаления легких, долго не болела, не мучилась. Пришло время. Двадцать один год могла бы еще жить мама, если верить в родовое predetermined. Не сошлось.

Я очень рассчитывала на бабушкино долголетие, ночами заклиная кого-то: пусть, пусть, пускай моя мама живет так долго, как бабушка. Пожалуйста... Пусть моя мама живет долго-долго, потому что я люблю ее, потому что она моя жизнь, потому что мы все любим ее и жить без нее не сможем... И она не сможет без нас...

Пожалуйста!

Бессильные слова срывались с языка беззвучно, шепотом, в крик, клокотали внутри, испепеляя, со стоном рвались истерзанные нервы. Я истекала слезами, я выплакала глаза свои – они заплыли туманом, опухли так, что веки не поднимались. Я почти ничего не видела вокруг, да и видеть не хотела. Только маму, мою маму. А ее нигде нет.

Даже бабушку Голду вижу, хоть совсем не скучаю по ней, мы за всю жизнь виделись считанные разы – в Одессе на Соборной площади. Подходящее место встречи с родной бабушкой, нечего сказать, – скамейка в сквере. Мама приводила нас туда, празднично причесанных, принаряженных, чтобы бабушка посмотрела на московских внучек, похвасталась перед своими компаньонами и компаньонками, с кем коротала время из года в год по вторникам, средам и субботам. Привычка – вторая натура, никаких привязанностей у бабушки не было, любила самоё себя и старшую дочь свою, и то – без надрыва, не в ущерб себе. Провела нас вдоль длинной скамьи, чтоб все увидели, сказала несколько слов по-еврейски, громко, отчетливо, чтоб все услышали, навер-

ное, похвалила нас. Всё, ритуал окончен, и она тут же забывала о младших внуках до следующего нашего приезда в Одессу.

А после маминей смерти вижу ее – то тут, то там, выходит, как из-за кулисы, правой рукой поправляет на шее газовую косыночку в мелкий горошек, левой – валик из седых волос, собранный на затылке. Как всегда аккуратна, почти стерильна, спокойна и холодна. Губы по обыкновению плотно сжаты, только чуть растянуты в уголках – что-то наподобие улыбки. Не к месту, совсем не к месту. Младшая дочь умерла, безвременно, если сравнивать с ней, с Голдой. На двадцать один год раньше.

«Еще бы лет пять пожить, девочки», – говорила мама в последние месяцы, как будто просила нас помочь, как будто чувствовала, что ее время на исходе.

«Все умирают, – говорила спокойно бабушка Голда, – так устроен мир».

И больше ни слова, ни слезинки, ни вздоха. Для чего приходит? Никогда так часто ее не видела и, признаться, почти не думала о ней.

Но может... может, она *там* маму встретила – осеняет догадка. Может, мама просила что-то передать нам?

Записка?!

Моя боль, моя вина, моя непростительная вина. Неправивая.

«Ты положила ее в карман больничного халата». Сказала по-еврейски, забыв, что я не понимаю ни слова, повернулась и ушла, не глядя в мою сторону. Я не говорю на идише, но все поняла. Ну конечно же, да! Как я не сообразила...

Дома ночью под одеялом было страшно до потери сознания, не фигурально – наяву. Сознание путалось, не желая принять непоправимое: мамы больше нет.

Каталка стоит в конце длинного коридора реанимационного блока. Там, накрытая простыней, лежит моя мама. Она еще здесь, несколько десятков шагов разделяют нас... Я хочу подойти к ней, хочу удержать... Не уходи, мамочка, зову... Прошу: не уходи!.. Меня держат за руки, жестко говорят: туда нельзя! Но почему?! Если маме страшно, я должна быть рядом. Ты – моя жизнь, мамочка, не уходи!..

Не-льзя!

Мама лежала одна в конце коридора, а мы плакали возле закрытой двери – папа, Вика и я. И все одесские родственники, кто жив, кого уже нет, сгрудились в углу, поблизости, перешептываются, всхлипывают, кто-то тихо читает Кадиш, заупокойную молитву, – за упокой души моей мамы. Слышится: «Ида, бат Голда» – «Ида, дочь Голды...».

Не в страшном сне – наяву. Мамы больше нет с нами. Одесситы непривычно тихи, не знают, как вести себя в московской больнице, в Одессе не сдерживались бы – выли, плакали, кто кого перекричит, рвали бы на себе одежду. Горю надо дать волю, иначе его не перебороть.

Только бабушка Голда выделяется среди всех невозмутимым спокойствием и стоит не в толпе горюющих родственников – поодаль, будто не ее дочка умерла, будто у нее здесь отдельная миссия.

Какая миссия? Кто ее прислал? Зачем?

Вот достает из своего черного ридикюля сложенный пополам листок в клеточку... У меня сердце обрывается – мамина последняя записка. Откуда она в Голдином ридикюле?

«Ты забыла ее в больничном халате, а они каждый день отдают их в стирку. Мне Ида сказала, когда ты ушла, я успела в последний момент... Халаты правда были грязные», – она брезгливо сморщила носик и передернула плечиками.

Чистюля! За всю жизнь ни разу не сказала «Идочка», только «Ида». Неласковая моя бабушка. Но была у мамы в больнице? Никогда бы не поверила.

Не любила моя бабушка больных и мертвых. «Для чего мне нервы трепать? Я им ничем помочь не могу». Она и живым не очень-то помогала, справедливости ради стоит заметить. За дедушкой Вольфом, правда, ухаживала, когда он перед войной умирал от туберкулеза, себя не щадила, это все помнят, никто тогда дурного слова о ней не сказал. Смертельно боялась заразиться, все делала в хлопчатобумажных белых перчатках, стирала их в хлорке два раза в день. Все сама, хотя дедушка был всеобщим любимцем, и многие были готовы в любой момент прийти на по-

мощь. «Сама», – говорила Голда и посетителей к дедушке пускала по одному, в строгой очередности и ненадолго.

Дома, в маленькой комнатухе, он лежал под высоким узким одностворчатым окном, распахнутым в старый сад в любую погоду, потому что ему было трудно дышать – туберкулез съедал его изнутри день за днем мучительно долго, неотвратимо. Исхудавший донельзя, обессилевший, с трудом поднимал веки, чтобы видеть свою девочку, свою куколку Голду, белокурую, голубоглазую, строптивую гордячку, хрупкую, изящную, как фарфоровая балерина, которую он подарил ей на первую годовщину свадьбы, купил у известного в городе старьевщика Моисея. Дедушка Вольф всю жизнь со своей Голды пылинки сдувал, надышаться не мог, оберегал от всех трудностей, все, что мог, брал на себя – детей, хозяйство, все заботы мужского и женского рода, родителей, своих и Голдиных, родственников с обеих сторон в разных обстоятельствах. И был счастлив. Она не противилась. Жила в свое удовольствие, за мужем жила, так ее бабушка Фейга учила. Ни о чем не беспокоилась Голда, знала – Вольф рядом, он все сделает, как надо.

«Ты не семижильный, Вольф, побереги себя, – предостерегали родственники дедушки, как в воду глядели: – Не о себе, так о Голде своей подумай, как она без тебя жить станет?»

Вопрос не шуточный, но в повседневных заботах не до того было. Он и к врачу за жизнь только раз выбрался сырой промозглой зимой сорокового года, когда дышать неведомо стало и кашель бил, по ночам в особенности. Запущенный туберкулез. Печально глядя на него, врач сказал: «Прогнозы, батенька, самые неблагоприятные. Не буду скрывать».

Точка! Он ее мысленно в конце своей автобиографии поставил. Ничего особо примечательного в его жизни не было, считал. Пожалуй, этот диагноз – самое нерядовое событие. Мог бы умереть неприметно, как все в семье – кто просто от старости, кто от несварения желудка, это у них в роду было, но тяжелыми болезнями никто не болел, Бог миловал. Голде о диагнозе ничего не говорил до последнего, пока не слег окончательно, знал – она не любит больных и мертвых. Он бы уберег ее от такого тяжелого испытания, избавил бы от себя, немощного, никудышного,

да не знал, как это организовать, к кому за помощью обратиться. Врачи не настаивали на больнице, дома, говорили, лучше. И однажды Вольф знакомого фельдшера попросил сделать ему смертельный укол, осмелился, даже заплатить пообещал, смиренно помолившись Богу. Да только фельдшер такую злую нотацию ему прочитал, что Вольф понял – выхода нет, никто ему не поможет теперь. Только бедная Голда.

Так оно и случилось. Лежал вымытый, побритый, в чистом белье, в белоснежной постели, несмотря на кровохаркание, накрахмаленные простыни и наволочки привычно поскрипывали, так было всегда, с первого дня их семейной жизни. Голда-чистюля не отступала от своих правил ни при каких обстоятельствах. И не ее вина, что еда оставалась нетронутой, – он осмысленно перестал есть. Даже когда она настырно пыталась кормить его с ложечки, отворачивался. Он не хотел обижать ее, но решение принял – умереть от голода. И отступить не собирался, чтобы избавить себя от мучений и Голду от тяжкого бремени. Она должна жить, а не обихаживать его загнивающую плоть. Дед был книжник, знал много молитв и повторял их про себя, перепутав день и ночь, иногда не мог понять – спит, бредит или уже умер. «Благодарю Тебя, – повторял, пока сознание не отключилось. – Спасибо Тебе, Господи Милосердный... прости меня... прости... И Голду прости за все ее прегрешения, вольные и невольные...» Вздохнул, глубоко, протяжно и больше не дышал.

Голды в это время дома не было, ненадолго вышла в сад подышать свежим воздухом, три раза в день так делала – боялась туберкулезом заразиться. Ничего поделаться с собой не могла – боялась. После смерти Вольфа в комнате сначала дезинфекцию сделала, потом ремонт, выбросила все постельное белье, полотенца, салфетки, посуду, какой Вольф пользовался. И долго еще проветривала комнату, все что-то опасное мерещилось, что вытравить не удалось. Проветривала, пока бронхит не подхватила, долго кашляла и задыхалась. Уж не туберкулез ли, думала бессонными тревожными ночами. Потом все прошло и забылось, не любила она о плохом вспоминать. Все страхи ушли бесследно.

Она прожила без Вольфа почти четверть века. Пережила войну, отъезд из Одессы, эвакуацию. Замуж не вышла, даже не по-

мышляла, хотя поклонники были – и тонкие сухие пергаментные пальчики целовали, едва касаясь губами, и цветы дарили, и газовые косыночки, и предложения руки и сердца делали. Однажды чуть дуэль из-за нее не произошла там же, на Соборной площади, один кожаную добротную перчатку бросил, другой принял вызов, только подробности поединка обговорить не успели – у одного из дуэлянтов сердечный приступ случился от волнения, неотложная помощь увезла в больницу. Всяко было. Голда оставалась холодна и невозмутима, всем отказала и продолжала ходить на Соборную площадь как ни в чем не бывало. В Одессе муссировали эти подробности, и больше никто не отваживался приблизиться к ней. Так говорила Голда, многозначительно вздернув тонкие бровки, я не могла проверить и верила ей на слово.

В главном она не изменилась – любила по-прежнему себя и старшую дочь, хоть их общение тоже свелось к несчастным встречам в кафе на Преображенской – обе сластены, полакомятся мороженым или пирожными, поговорят ни о чем и разойдутся, каждая сама по себе. Отношение к больным и мертвым тоже не поменяла – никого не навещала, никого не хоронила. Даже сестер своих. «Для чего мне мертвые? – спрашивала. – И я им теперь не нужна. Да упокоятся с миром... Все там будем».

Но к маме в больницу все-таки пришла. Иначе откуда знает о записке? А она знает, я чувствую. Глаз с нее спускать не буду, пока не отдаст мне листок из маминого блокнота.

Дверь приоткрыта, и тень расплзается по углам, темная, плотная. Ничего не вижу, никого. И Голды нигде нет. Никогда она не нужна была мне так, как сейчас. Помню, как я плакала, узнав о ее смерти, вздохнул, не могла остановиться и понять не могла – отчего плачу. Сидела в скверике на территории почтового ящика, где работала тогда, и на вопросы, почему плачу, – отвечала дрожащими губами: «Бабушка умерла». Бабушка умерла – большое горе, это все понимали. Даже завлаб подписал мне увольнительную не «по собственному желанию», а «по служебному делу», и отпустил домой. Сам предложил, я не просила. В рабочее время уйти с работы не за свой счет – событие. Иду по улице, радуюсь

свободе, лето в зените, слезы ушли. В моей жизни ничего не изменилось. Я оплакивала мамино горе – у нее умерла мама, она ее любила.

Теперь умерла моя мама, а я потеряла ее последнюю записку.

«Начали за здоровье, кончили за упокой...» Мама слабо улыбалась, пыталась шутить, когда узнала от лечащего врача, что этот инфаркт не идет ни в какое сравнение с предыдущими – в смысле тяжести и глубины. «Можете себе представить – я совсем не переживаю...» Она говорила так, чтобы мы не волновались. И главное: «Папусе не говорите, ему нельзя нервничать».

Скрыть мамину смерть от папы мы не смогли и подготовить его не успели – он снял трубку, когда позвонили из реанимации, и молча стал одеваться. Мы вместе поехали в больницу, где уже не было нашей мамы.

Голда не подошла к нам. Стояла в сторонке, отвернувшись к стене, достала пудреницу, напудрила носик, мизинцем подкрасила губы, мазнув им по тюбику с помадой, поправила прическу, косыночку на шее – все безукоризненно. Щелкнула замочком своего черного ридикюля и, не взглянув на нас, ушла, будто в воздухе растаяла, потому что иначе ей надо было бы пройти мимо нас. Другого пути не было. Но она исчезла вместе с маминной последней запиской.

У дверей реанимации еще толпились одесситы, первое возбуждение улеглось, вполголоса переговаривались между собой, улыбались, даже посмеивались потихоньку, бестолково переступали с ноги на ногу, не знали, что делать. Притянуло всех сюда горе, а дальше что: мертвым – налево? живым – направо? А они уже перемешались, не разобрать, где кто.

«Голда снова приходила, ни к кому не подошла, потопталась у входа в реанимацию, шарила руками под дверью, как будто что-то искала... И растворилась в воздухе, только запах духов остался. Все у нее не как у людей!» – прошептали мне на ухо слово в слово: в правое – живая и вполне в своем уме тетя Лиля с шестой станции Большого Фонтана, как только добралась до Москвы на своих слоновьих ногах, давно уж из дома не выходит; в ле-

вое – умершая лет двенадцать-тринадцать назад Кируша, мамина двоюродная сестра и подружка, Голдина племянница, знавшая ее как облупленную, все фокусы, все плюсы и минусы, все понимала и не осуждала огульно, как многие другие.

Они обе ее видели здесь и сейчас!

В коридоре пусто, из-под двери уголком торчит листок, словно его подсунили с той стороны.

Схожу с ума?

«Дочурочки любимые мои я умираю как вы будете без меня душа болит за вас берегите папуся пусть он не обижается что покидаю его трудно писать целую».

Почерк не похож на мамин, даже на ее больничные каракули, и бумага не в клетку, и Голда по-русски писать не умеет. И дата странная: 26.03.83.

Мама умерла 27 марта 1982 года.

Ни маму, ни бабушку Голду я больше никогда не видела. Мама не снится мне, я зову ее, жду, ищу, себя потеряла. Ушла за мамой и заблудилась. Назад дороги нет. Здесь без мамы я совсем другая, сама себя не узнаю. Безучастное к жизни время идет, не замедляя и не убыстряя ход, не подстраиваясь под нас – бежим мы или стоим на месте. Я уже старше мамы, и это странно. Изредка перечитываю ее записочки из реанимации, предварительно выпив транквилизатор, чтобы затормозиться, или для храбрости – алкоголь. В старой косметичке лежат чистые платочки, салфетки, какие-то недопитые лекарства, тайком принесенные из дома, ручка, которая перестала писать в последний день, и пожелтевшие листочки – мамины записки нам, наши записки маме. И конверт с деньгами, маминой рукой написано – «на жизнь», мы нашли его дома после маминой смерти. Метаморфоза.

На жизнь. За жизнь. Лехаим.

Вспоминая маму, мы чокаемся и говорим «лехаим». Это мамино завещание: «Я всегда буду с вами, даже когда меня не будет»...

Она всегда с нами.

Восемь дней, шесть записок. Последней здесь нет.

А все же – спасибо бабушке Голде, не зря она приходила.

Меня к маме не пустили, а ей не нужно было разрешение. Постояла рядом. «Спи спокойно, Идочка, все позади. А записку твою я им покажу».

«Идочка», – сказала. Я ясно слышала сквозь стены и двери, сквозь расстояния и городские шумы. Бред какой-то. Но что явь, что бред – я в том роковом марте не понимала.

А может, и нет никакой разницы. И в этом спасение.

Наиль Муратов

Живое пиво и метавселенная

Поначалу она показалась мне обычной пьянчугой. Познакомились мы в сквере, что на полпути между моим домом и офисом. Из офиса я и шел с бутылкой армянского коньяка в руках, почти полной. Отмечали день рождения начальника, и такого рода «сухой паек» достался тем немногим, кто решился досрочно покинуть мероприятие.

В сквере я сел на лавку, поставив бутылку рядом. Тащить ее домой не имело никакого смысла. Попробовал сделать глоток из горлышка, но как-то не пошло. За что пить, непонятно, с начальством у нас взаимная нелюбовь. А других поводов вообще не нашлось.

Тут она и подошла, как из другого измерения вынырнула. Типичная бомжиха. Поражала кожа – темная, шершавая, словно у древней рептилии. Возраст неопределенный, но вряд ли больше сорока. Даже сквозь мешковатый балахон было заметно, что фигуру она пока сохранила, а почему нет? Вряд ли такой образ жизни располагает к полноте.

– Допивать будешь? – спросила алчно. Голос с хрипотцой, но какой другой может быть у алкоголички?!

– Забирай! – предложил я.

И правда, не тащиться же с этой бутылкой еще два квартала, да и не нужна она мне дома. Крепким напиткам предпочитаю дорогие коллекционные вина: такое увлечение при моих скромных доходах и неясных перспективах вряд ли переродится в алкоголизм.

Забрать бутылку она не стала, а тут же на месте и оприходовала. По сути, одним глотком, выглядело впечатляюще. Коньяк

подействовал сразу: глаза пьянчуги увлажнились, взгляд подобрел. Как следствие ей захотелось сделать неожиданному дарителю что-нибудь приятное.

– Чего загрузил? – спросила она с ухмылкой.

– Тебе-то какое дело!

Вообще-то, я человек скорее деликатный, чем грубый, но вступать в бессмысленный диалог с алкоголичкой, когда настроение и так ни к черту, как-то не захотелось.

– Никакого! – заверила пьянчуга. – Но тебе повезло, ты мне понравился.

– Жаль, что это не взаимно!

– Лишь потому, что ты видишь во мне определенный символ, расхожий образ. И не стремишься заглянуть вглубь, так сказать, за ширму.

Залилась, можно сказать, по горловину, но голос трезвый, а говорит так, будто заранее текст заготовила. И это при такой-то роже! Интересно, кем была пьянчуга в прежней жизни?

– Кем я была лет эдак триста назад? – рассмеялась она. – Несчастной девушкой! Рабыней условностей, задыхающейся от несвободы.

– А сейчас ты, значит, свободна! – желчно заметил я.

– И счастлива! Благодаря тебе! – подтвердила она, бросив взгляд на пустую бутылку. – А долг платежом красен.

– Ты серьезно? – спросил я с издевкой, надеясь избежать плахежа. Мало ли что она имела в виду!

– Не, – сказала она. – Просто скучно здесь у вас. А ты все-таки чувак прикольный. Хотя и неудачник.

– Кто бы говорил! – разозлился я.

– Да у меня-то как раз все хорошо. Живу как хочу. А ты иша-чишь за копейки, и никаких перспектив в личной жизни.

– Зато у тебя в личной жизни порядок!

– А что мне с нее, с личной жизни! – она пожала плечами.

– Зарплата у меня далеко не копеечная, хотя и не самая высокая. У тебя же вообще денег нет, – мстительно заявил я.

– Почему нет? Есть, – она достала из кармана мятую купюру. Пятьдесят гривен.

– Не много.

– На бутылку хватит, а больше и не надо.

Прозвучало это по-философски фатально, что нас как-то примирило. Предельная ясность жизненной позиции пьянчуги вызывала уважение. У меня такой ясности не было.

– Может, ты и права, – сказал я. – Не в деньгах счастье.

– Не сомневайся, – подтвердила она. – Не в деньгах.

– Знать бы, в чем! – сказал я.

Она вновь выразительно скосила глаза на бутылку, но вслух ничего не произнесла. Посчитав диалог завершенным, я встал и душевно попрощался:

– Ладно, пока!

– Садись! – уверенно распорядилась она. – Самое интересное только начинается. Ты что, не хочешь научиться видеть хотя бы очевидные вещи?

– Да вроде у меня со зрением все в порядке.

Она рассмеялась, потом назидательно сообщила:

– Человечество делится на две большие группы: слепых и незрячих. Так что не обманывай себя!

– В какую из групп ты внесла меня?

– К незрячим, – уверенно ответила она.

– А что лучше, быть слепым или незрячим?

– Незрячим, конечно.

– Между ними есть разница?

– Принципиальная. Слепой не хочет ничего видеть, ему и так хорошо. А незрячий и хотел бы, но не понимает, как к этому подойти.

– А ты, получается, понимаешь.

– Разумеется, ведь я зрячая!

– И что же ты видишь такого, что я не вижу?

– Тебя вижу, – подумав, ответила она.

– Не очень-то много, – заметил я.

– Да уж, – согласилась она, – но лучше, чем ничего. А вообще-то, аура у тебя приемлемая, хотя мужик ты проблемный. В смысле сам их себе создаешь. С начальством не ладишь, в коллективе теряешься, с женщинами вообще беда.

Попала, тварь, в самую точку! Похоже, у меня все на лице написано, я даже спорить не стал. Спросил только:

– Ты что, цыганка?

– Психолог, – ответила она.

Так вот кем была пьянчуга в прежней жизни! Чего только алкоголя с людьми не делает!

– По-твоему, я алкоголичка?!

Психолог, не соврала! Мысли читает, как открытую книгу. Жаль, что спилась.

– Не знаю, – примирительно сказал я, – но если и так, то ничего страшного. Сама же говорила, что алкоголики – свободные люди.

– Ерунда! Алкоголик – раб бутылки. А я – нет. У меня нет зависимости.

– Тогда брось пить!

– Чего ради? Что ты можешь предложить взамен?

– Не знаю, могла бы на работу устроиться, – неуверенно сказал я.

– Да я и так работаю!

– Психологом?

– Нет, пивом торгую.

Она махнула рукой в сторону стеклянного павильона с вывеской «Живое пиво». Направляясь в офис, я регулярно прохожу мимо. Внутри никогда не заглядываю, потому что пиво не пью принципиально. Хотя толком не понимаю природы этого принципа. Со мной всегда так.

– Что же ты не на работе? – спросил я.

– Сегодня выходной.

– Замечательно его проводишь.

– Что да, то да, – согласилась она. – Мне в кайф. Коньяк не паленый, погода замечательная. Ощущаешь гармонию с миром.

Чтоб не мешать ей ощущать гармонию, я удалился. По-английски, без церемоний. Проходя мимо павильона «Живое пиво», не удержался и заглянул вовнутрь. Через стекло, понятно. Посетителей не было, смазливая девица за прилавком откровенно скучала. Непохоже было, что здесь берут на работу бомжей.

На следующий день, возвращаясь с работы, я зашел-таки в пивной павильон. Здесь ничего не изменилось, но вчерашнюю девицу заменила другая, не менее смазливая.

– Привет, неудачник! Пива хочешь?

Подход к привлечению новых клиентов в заведении был более чем оригинальным. Ответил я подчеркнуто холодно:

– Мы знакомы?

– Ну да, – удивилась девица. – Ты меня вчера коньяком одаривал. Не узнал, что ли?

Нет, это не могла быть она! Точно не могла! Ничего общего со вчерашней бомжихой, даже глаза другого цвета. Понятно, что это розыгрыш! И до чего же идиотский! Тонко улыбнувшись, я заметил:

– Со вчерашнего дня вы здорово изменились.

– Ерунда! Какая была, такая и осталась! – отрезала девица. – И, кстати, мы на «ты», если не забыл.

Интересно, кто это фокус придумал и для чего? Девица выглядела довольно-таки туповатой, значит, лидер в их тандеме – бомжиха. А что, логично! Даже спившаяся, она сохранила часть профессиональных навыков. Нет сомнений, когда-то и вправду была психоаналитиком, а теперь решила поприкалываться над случайным знакомым. И мотив понятен: уязвленная гордость. Я ведь не скрывал вчера своего превосходства, ударил по самолюбию. А бомжи – точно такие же люди, как и все остальные. Только без жилплощади.

– Ничего я не забыл! – сказал я. – Но не думай, что попадусь на вашу удочку.

– Таки не узнал! – довольно воскликнула девица. – Даже обидно. Но что с незрячего взять? А я уж подумала, ты на меня запал, зашел поближе познакомиться. Пиво-то тебя точно не интересует.

– Не интересует, – согласился я.

– Это потому, что ты его не пробовал.

– Почему? Пробовал когда-то.

– То другое было пиво. Не такое, как у меня.

– Чем же твое лучше? – спросил я.

– Вывеску читал? У нас пиво живое.

– Что значит живое? Необработанное?

– Да просто живое. Такое, как мы с тобой.

– Может, оно еще и стихами разговаривает?!

– Вряд ли. Никогда ничего такого от него не слышала.

Подставив кружку, девица открыла кран. Кружка наполнилась секунд за пять, пены поднялось не много. На просвет пиво казалось янтарным, живыми в нем были, надо полагать, только бактерии.

– Вот этот тип не верит, что ты живое! – обратилась к кружке девица.

– Его дело, – сварливо отозвалось пиво. – Мне насрать.

Вот все и встало на свои места. Вчерашняя девица и сегодняшняя – без сомнения, одно лицо. Еще и с талантом чревовещателя. Странный выбрала способ развлекаться: гримируется под бомжиху и разводит лохов. Но я-то не лох, на такой дешевый трюк не куплюсь.

– Никакой это не трюк! Пиво и вправду живое. Фирма фальсификат не гонит.

Ну да, читает мысли по лицу. Вчера уже проходили. Рассчитывает, что произвела впечатление, психоаналитик доморощенная. Будь у нее диплом, пивом не торговала бы!

Видно, и это было у меня на лице, потому что девица тут же парировала:

– А что диплом? Бумажка.

– Чистая правда! – подтвердило пиво. – У меня в товарном сертификате написано «Пиво чешское», а я родом из Конотопа.

– Хватит голову мне морочить! – совсем уж за идиота принимает меня эта смазливая.

– Ну дело твое. Я-то хотела как лучше.

– Интересно, платить за меня кто-то собирается? – спросило пиво. – За бесплатно не отдамся.

Ну и стерва! С другой стороны, пиво уже налито, а продать его – прямая обязанность продавщицы. Не оплачивать же ей из собственного кармана. Успокоившись, я приложил банковскую карточку к терминалу, и оттуда немедленно вылез чек. Слава богу, хоть этот не говорил! Зато пиво не умолкало:

– Порядок, теперь я все ваше! Давай, босс, пей! Я – свежее.

Пить я, естественно, не стал. Холодно попросил перелить пиво в пластиковую бутылку и, не попрощавшись, отправился домой. А там зашел в туалет, открутил крышку бутылки, но вылить пиво в унитаз не успел.

– Ты что такое удумал, босс? – с тревогой спросило пиво.

С минуту я простоял неподвижно, тупо глядя на бутылку. Потом бегом пробежался по квартире. Девицы нигде не было, ко мне домой она тайком не прокралась, так что чревоущание тут ни при чем. А значит, пиво и вправду живое. Или, что более вероятно, я сошел с ума. С нормальным человеком пиво разве разговаривает?

Заметив мое смятение, пиво предложило:

– Успокойся, босс! Будь мужиком, возьми себя в руки! Пошли-ка лучше на кухню, перельешь меня в кружку.

Даже при моей врожденной неприязни к пиву пришлось признать, что совет дельный. На кухне я долго всматривался в наполненную кружку. Ничего особенного, пиво как пиво.

– Ну ты пить-то будешь? – несколько раздраженно поинтересовалось пиво.

Разгадайте загадку: кто в здравом уме захочет, чтобы его выпили? Или съели, как Колобка. Но пиво только огрызнулось:

– По-твоему, лучше прокиснуть?

– Но если я тебя выпью, твой жизненный путь закончится! Тебя это не пугает?

– А чего пугаться? Я ведь никуда не исчезну, просто перейду в какое-то другое состояние. А потом опять и опять, пока не вернусь к исходному рубежу – в пивоварню. Это называется кругооборотом пива в природе. Так что пей, не стесняйся!

– Ну если настаиваешь.

Я сделал маленький глоток. Пиво и вправду было свежее, на вкус замечательное.

– Ну как я тебе? – застенчиво спросило пиво.

– Супер!

– А ты не мог бы выполнить маленькую мою просьбу? Последнее, так сказать, желание. Чисто по-дружески.

– Смотря какое желание.

– Когда придет время мне из тебя выйти, сделай это не в туалете, а на улице. Возле какого-нибудь высокого дерева. Люблю смотреть на мир с высоты птичьего полета.

– Договорились! – пообещал я, после чего опустошил кружку.

Мыть ее не стал, просто сидел и смотрел на остатки пены. Чертова бомжиха, она же продавщица пива! До встречи с ней все

у меня не складывалось, но хотя бы было понятно почему. А сейчас все по-прежнему не складывается, но еще и вконец запуталось. Ясно одно: крыша у меня съехала не просто так, сама по себе. Единственное объяснение: гипноз. Известно ведь, что психоаналитики, а эта девица точно им когда-то была, в своей практике применяют гипноз. Что ей стоило загипнотизировать меня без моего ведома? А дальше хоть веревки вей, сознание-то подавлено. Так что отныне я полностью в ее руках.

Из состояния полного уныния меня вывел стук в дверь. Открыв, я увидел знакомую бомжиху с большой матерчатой сумкой, полностью набитой.

– Сюрприз! – весело сказала она и, оттеснив меня плечом, уверенно вошла в квартиру.

Сейчас все вынесет, решил я. Ну и черт с ним. Под гипнозом сопротивляться бесполезно, буду просто сидеть и наблюдать. Все равно ничего ценного не нажил, жалеть не о чем.

– Да я просто в гости, – сказала бомжиха. – Как раз смена закончилась, а ты тут страдаешь в одиночестве. Пиво-то небось уже выпил.

– Ну выпил. И что? – с вызовом спросил я.

– Так тебе теперь и поговорить не с кем... Слушай, а давай я здесь сегодня останусь. Ночами уже прохладно, неохота на скамейке в сквере мерзнуть.

– Да у тебя же работа есть, – сказал я.

– Работа есть, жилья нет.

– Ладно, ночуй! Все равно тебе мое разрешение не требуется.

– Ну формальности лучше соблюдать. Ты ужинал?

– Нет еще. У меня, кроме банки тунца и помидоров, ничего нет.

– Не страшно, я все с собой принесла.

Бомжиха начала вынимать из сумки завернутые в фольгу пластиковые контейнеры. На ощупь горячие. И явно не из «Макдональдса», а из дорогого ресторана. Понятно теперь, почему у нее нет денег на съем жилья!

Последней она вытащила литровую бутылку водки. «Смирновской».

– Что стоишь, как истукан? Доставай посуду. И раскладывай все по тарелкам, а я пойду душ приму.

Раскладывать я ничего не стал, еще чего! Приказам продавщицы пива подчиняться не буду, хочет – пусть посильнее загнипотизирует.

Минут через двадцать она вышла в накинутом на голое тело банном халате. Моем, естественно. Что делала в душе – непонятно, потому что грим не смыла. Заметив отсутствие тарелок, вздохнула:

– Ну дело твое. Будешь есть из пластика.

– А ты не будешь?

– У меня свой рацион, – она бросила выразительный взгляд на бутылку.

– Могла бы, кстати, маскировку свою отмыть!

– Какую еще маскировку! Это мой естественный вид.

– Ну да, так я и поверил! Естественный вид был у тебя два часа назад, когда ты была без грима.

Бомжиха рассмеялась.

– Зачем мне грим, если вокруг одни слепые и незрячие? Поверь, я всегда одинаковая. Просто ты не в состоянии это разглядеть.

Не в состоянии увидеть такой, какая есть, – это именно о гипнозе. Надо же, и не отпирается даже. Но эту идею она отвергла. Сказала, что гипноз тут ни при чем. При гипнозе человека вводят в транс, а потом он делает то, что требует гипнотизер. Лично она этим не занимается. Ей ни от кого ничего не нужно. Если не считать того случая в сквере, но тогда ее жажда замучила, а тут я как раз подвернулся.

– Но ты же как-то влияешь на мое зрение! – возразил я. – Иначе я бы не видел тебя по-разному.

С этим она не спорила. Ну да, влияет, но не на зрение. Зрение само по себе ничего не значит. Все дело в особенностях человеческой психики: видеть не то, что есть в реальности, а то, что тебе выдают за реальность.

– Кто выдает? – спросил я.

– Те, у кого нет проблем со зрением, – туманно ответила она.

Как ни странно, но я ей поверил. Мне и раньше казалось, что кто-то управляет нашим миром втемную, иначе человечество не катилось бы так стремительно в пропасть, сметая все на своем пути.

– Да никто вами не управляет, – не согласилась она. – Катиться в пропасть у человечества и без посторонней помощи хорошо получается.

Очевидно, себя она к человечеству не причисляла, брезговала. Не слишком ли много снобизма для бомжихи?!

– Раз уж ты управляешь моим зрением, могла бы и поприличнее выглядеть! – желчно заметил я. – Все-таки в гости к мужчине пришла.

– Знаю я вашего брата! – сказала она. – Как смазливая, так начинаете сразу приставать. А я сюда не за этим явилась. Потому выгляжу подобающе случаю.

– Ты меня и смазливая не сильно привлекала! – сообщил я.

– Разумеется, – отмахнулась она. – Все сохнешь по своей единственной.

– Да нет никакой единственной! – в сердцах воскликнул я.

– Конечно нет, – легко согласилась она. – И не было. Ладно, неси стакан, не из горла же мне пить.

Ужинали в молчании. Точнее, ужинал я, а она маленькими глотками, не морщась, цедила водку. В общем, каждый умирал в одиночку, но отнюдь не по известному роману, потому что бомжиха, опустошив бутылку, ожила.

– Чего загрустил, неудачник?

Я и отвечать не стал, обойдется. Хорошо бы ее вообще выгнать вон, но это задача не из простых.

– Да хоть сейчас могу уйти! – сказала она. – Больно надо тут на тебя время терять.

– Давай, топай! – обрадовался я.

Она встала из-за стола, потянулась, потом неожиданно направилась к дивану и плюхнулась на подушки. Нет, не уйдет. Но не силой же выгонять, пусть дрыхнет на диване, а я отправлюсь в спальню. Жаль, запора там нет. Хотя после литра водки неизвестно даже, дотянет ли незваная гостья до утра.

– Мне эта бутылка в самый раз, – пояснила она, в очередной раз с успехом читая мои мысли. – И не много, и не мало. А уходить я передумала, что, кстати, в твоих интересах. Считай, тебе выпал джокер.

– Это уж точно! – съязвил я.

– Ты ее сегодня увидишь, свою незнакомую.

– И где ж я ее увижу?

– Там же, где в прошлый раз. Во сне.

У меня дыхание остановилось. Умеет же эта стерва попасть в цель! Однажды, это было много лет назад, я увидел сон, который никогда не забуду. В незнакомой комнате, куда я зашел случайно, у большого, во всю стену, окна стояла молодая женщина.

– Кого-то ищете? – спросила меня мелодичным, проникающим в самое сердце голосом.

– Уже нашел, – ответил я.

И это было правдой, потому что с первого взгляда было понятно, что она предназначена мне судьбой. Та единственная, без которой жизнь теряет какой-либо смысл. Не скажу, что была она как-то особенно красива, просто глядя на такую, понимаешь, что тебе не нужен никто другой.

– Надеюсь, вы не ошиблись, – сказала незнакомка очень серьезно и неожиданно улыбнулась.

Собственно, на этом сон и завершился. Но с тех пор ее улыбка всегда со мной, и это самая главная причина, по которой мне ничего не светит в отношениях с женщинами. Они не умеют так улыбаться и потому мне не предназначены. Увидев, как я изменился в лице, божиха воскликнула:

– Да не нервничай ты так!

– Легко сказать. Теперь я вообще не усну! – пожаловался я.

– Не думаю, что это проблема, – божиха направилась к дверям спальни. – Вообще-то, ты уже уснул.

Ловко же она меня провела! Заморочила голову, и теперь будет спать в моей постели, а мне придется ютиться на диване.

– Странно, правда?

Голос стал чуть более хриплым, но я узнал его сразу. Он доносился из кухни, но когда я вошел туда, это была уже совсем другая комната. Практически пустая, с большим, во всю стену, окном. У окна стояла *она*.

– Вот и свиделись, – мой голос прозвучал еще более хрипло, чем ее, но удивительно, что он вообще прозвучал.

– Вы же этого хотели, – сказала она.

– А вы?

- Наверное. Я ничего о себе не знаю.
- Кроме самого главного. Вы мне нужны.
- Уверены?

Она улыбнулась, что было счастьем и в то же время катастрофой. Потому что и в этот раз улыбка означала конец свидания. Я проснулся на диване, небрежно укрытый баннным халатом. Этой твари удалось-таки меня загипнотизировать!

Заглянув в спальню, я увидел вместо бомжихи мирно посапивавшую смазливую продавщицу. Во сне ее гипноз, очевидно, не работал. Проснулась она спустя полчаса, а я все это время провёл в кресле, размышляя. Похоже, судьба столкнула меня с непростой дамочкой. Кто она на самом деле? Людей с таким талантом к внушению не может быть много, иначе о них было бы известно. Но почему она торгует пивом, вместо того чтобы зарабатывать на своих способностях миллионы? Прячется от кого-то? Может быть, за ней охотятся спецслужбы? Для них она – козырный туз в рукаве, позволяющий выиграть любую, даже самую сложную шпионскую игру.

Она вышла из спальни и прошла в туалет, меня как бы и не заметив. Вышла уже накрашенная, что никак не делало ее привлекательней. Заметив мой иронический взгляд, сказала:

- Ну и что? На себя посмотри.
- Как тебе это удается? – спросил я.
- Удастся что?

– Управлять чужим разумом, – я предусмотрительно не произнес слово *гипноз*, так ее раздражающее.

– А сам-то что думаешь? – поинтересовалась она.

– Откуда мне знать!

– Вот и не знай! И вообще, это секрет.

Итак, по поводу спецслужб я не ошибся. Наверняка какой-нибудь эксперимент с психотропными веществами, попытка создания сверхчеловека. Прямо скажем, не самая удачная, учитывая ее невероятную тягу к алкоголю.

Оспаривать гипотезу о спецслужбах она не стала. Сказала только, что за ней охотятся, поэтому приходится прятаться. Но когда-нибудь ее все равно найдут. Поэтому она стремится наслаждаться каждой лишней минутой на свободе.

– А эта женщина из сна, она существует на самом деле? – спросил я осторожно.

– Откуда мне знать, – туманно ответила гостья. – Скорее всего, это я и есть.

– Тебе до нее как до неба!

Судя по всему, морочить людям голову – конек или, лучше сказать, состояние души моей незваной гостьи. Но она все так же туманно пояснила, что увиденный мной сон – это ее собственная проекция на мое сознание, достаточно болезненное. Поэтому все, что я увидел, так или иначе связано именно с ней, бомжихой. Но как раз с этим можно и поспорить, ведь похожий сон я видел задолго до нашего знакомства.

– Нельзя исключить, что ты и тогда видел именно меня, – не смущаясь, сказала она.

– Не лести себе, – отрезал я. – И вообще, не ты ли давеча называла меня незрячим?

– Во сне зрение иногда проясняется, неудачник!

И кто бы говорил! Сама прячется невесть от кого, трясаясь от страха, а я, значит, неудачник! Да таким темпом она вот-вот сопьется, а там уж одна дорога – в психушку. С белой горячкой, разумеется.

Она пожала плечами.

– Тебе-то какое дело! Живи себе и дальше в своем мире грез.

Похоже, говорить нам было больше не о чем. Пока я размышлял, как наиболее вежливо выставить незваную гостью вон, она сделала упреждающий ход.

– Если ты не против, я останусь тут на пару дней!

– Ну, знаешь, всему есть предел!

Мое негодование ее только позабавило. Достав из своей убогой сумки лист бумаги – и как только он не помялся?! – она разложила его на столе и предложила нарисовать увиденную во сне женщину.

– Не мели чепухи! У меня не получится!

– Откуда тебе знать?! – рассмеялась она. – Попробуй хотя бы!

Бумага была специальная, можно не сомневаться. Такой я никогда не видел. Поверхность чуть шероховатая, матовая. Казалось, она поглощает большую часть падающего света, но это было, конечно, ложное ощущение.

В общем, я попробовал. Взял предложенный то ли карандаш, то ли фломастер и провел изогнутую линию, потом еще и еще. Странно, но при этом я не думал о той, кого пытался нарисовать. Просто вел рукой наудачу. Получился клубок пересекающихся линий, больше ничего.

– Здорово! – воскликнула она. – У тебя талант.

Ясное дело, издевалась. Непонятно только зачем. Но она, забрав карандаш (или фломастер, или вообще что-то другое), уверенными движениями провела еще несколько линий. Буквально две-три, но на бумаге возникло лицо незнакомки из сна. Из сна, который принадлежал только мне.

– Теперь я могу остаться?

Кивок – все, на что меня хватило. На столешнице передо мной лежал шедевр, большей частью созданный моей же рукой – рукой, способной в самом лучшем случае нарисовать домик с двумя окнами и спиралью дыма, вьющегося из трубы.

– Как это у тебя получилось? – наконец спросил я.

– У меня? – деланно удивилась она. – Но это твое творчество, я только внесла последние штрихи.

– Ты же не станешь утверждать, что у меня талант художника?!

– Не стану. Просто иногда человек способен на то, чего и сам от себя не ждет.

Ладно, пусть так. Пусть ей удалось внушением высвободить мой скрытый потенциал, но ведь завершила рисунок она сама, причем сделала это с невероятной легкостью. Из чего следовал только один вывод:

– В прошлой жизни ты была художницей?

Отрицать очевидного гостя не стала, предпочла промолчать. Разглядеть в хаосе линий лицо незнакомой женщины, а потом дорисовать портрет с профессиональным мастерством – на это способен только истинный талант.

Взяв лист в руки, она с иронией произнесла:

– Вылитая я.

Увидев возмущение на моем лице, тут же дала задний ход:

– Да ладно, я пошутила. Никакого сходства.

– Никакого с тобой, но идеальное с женщиной из сна, – уточнил я. – Ты гениальна.

Она бросила в мою сторону быстрый взгляд, затем призналась:

– Да, ты угадал. В прошлой жизни я была художницей.

– До того, как попала в психушку? – наугад спросил я.

Не знаю почему, но мой вопрос ее развеселил.

– Такому, как ты, это трудно представить, но я в ней родилась.

Если психушку она использовала как дисфемизм нашего препоганого общества, то с ней трудно было не согласиться. Но стоит ли развивать столь скользкую тему? Впрочем, незваная гостья сделала это сама:

– Вся наша сволочная планета – большой сумасшедший дом.

Против этого тоже не возразить. Если ты настоящий художник, то, наверное, таким и должен видеться тебе окружающий мир. К несчастью, и окружающий мир смотрит на художника точно так же.

– Да, наш мир – не подарок! – поддержал я гостью.

– Да ваш мир просто рай в сравнении с нашим!

Заметив выражение моего лица, она невинно поинтересовалась:

– Надеюсь, ты уже понял, что я с другой планеты?

Художница, думаю, правильнее всего звать ее именно так, то ли куражилась, то ли реально скатилась с катушек. Надо же, теперь она инопланетянка! Похоже, с психушкой я попал в точку. А ведь еще вчера, даже после неумеренной дозы спиртного она выглядела вполне здравомыслящей. Может, ей нужно похмелиться, чтобы вернуться в нормальное состояние?

Идея эта художнице понравилась, и она спешно засобиралась в магазин. А я остался любоваться портретом. Женщина, существовавшая до сих пор только в моем воображении, выглядела живой, хотя и была всего лишь переплетением линий. Туманный образ незнакомки превратился во вполне осязаемый предмет, своего рода тотем, позволяющий ему поклоняться. А вдруг она существует реально? Сделав фото портрета, можно попытаться найти незнакомку через Интернет. Есть же программы распознавания лиц или что-то подобное!

Сфотографировав портрет, я пошел открывать дверь вернувшейся художнице. В этот раз она приволокла большую бутылку

рома. Увидев в моих руках телефон с незнакомкой на экране, выхватила его и немедленно удалила изображение.

– Что ты творишь?!

Не ответив, она открутила пробку и вылакала треть бутылки. Потом буднично поинтересовалась, когда я сделал фото.

– Да за секунду до твоего прихода. И никуда его не отправлял. А что случилось?

– Может, и ничего.

Второй глоток улучшил ее настроение. Сев на диван, она сообщила, что находится в розыске, и теперь нервничает. Потому что сбежала оттуда, откуда убежать нельзя.

Видимо, речь все же о психушке. Там было так плохо? Хотя в какой психушке может быть хорошо? Вслух я этого, естественно, не произнес. А гостья продолжила:

– Там нет настоящей свободы. Притом, что все очень радушные и вежливые, политкорректность в чистом виде, все регламентировано, а пить вообще нельзя. Да я бы там загнула! Кладбище, а не планета.

Опять она про другие миры! Инопланетного в ней было не больше, чем в бродячей собаке, поэтому можно смело ставить на психушку. Логично, ведь гениальным художникам всегда присуща некоторая ненормальность. А в том, что моя гостья личность гениальная, ни тени сомнения. Блистательная художница и ведьма в одном лице. Ну да, ведьма, а еще и психоаналитик, но, если вдуматься, это всего лишь разные стороны одной медали.

– Что-то для инопланетянки ты чересчур земная.

Она, видно, и сама поняла, что перегнула палку, и дала задний ход:

– Ну, предположим, насчет другой планеты я немного преувеличила. В реальности был сумасшедший дом, там на мне испытывали разные препараты. Так что ты не ошибся.

Не скажу, что прозвучало убедительно. Похоже, пытается в очередной раз замылить глаза. С чего бы? Может, на самом деле инопланетянка? Нет, исключено, обычная земная женщина с приветом. Но с невероятным талантом, так что совсем не обычная земная женщина. Художница тем временем нанесла новый мазок на полотно абсурда:

- Вообще-то, мне и самой неизвестно, кто я. Мою память стерли.
- Кто стер-то? – хмуро спросил я.
- Да те, кто проводил на мне эксперименты. Военные или спецслужбы, они не представлялись, как сам понимаешь.
- И ты вообще ничего не помнишь?
- Почему же, все помню. Но рассказать ничего не могу, дала подписку о неразглашении.
- Кому?
- Инопланетянам.
- Каким еще инопланетянам? – устало вздохнул я.
- Тем, которые меня похитили. Еще в детстве.

Художница смотрела на меня такими честными глазами, что можно было не сомневаться – правды от нее я не добьюсь. Была она инопланетяжкой или пленницей инопланетян, продуктом запрещенных экспериментов военных или спецслужб, жертвой побочных эффектов неудачно примененных лекарственных препаратов или просто необычайно одаренной девушкой, все это уже не имело значения. Мне она ничего не скажет.

- Ладно, забудь, – сказал я. – История твоей развеселой жизни меня не цепляет.

- Интересно, почему я тебе так не нравлюсь? – жеманно спросила она.

- Как и я тебе! – вспылил я.

- Да перестань! Кто тебя вчера кормил классной жратвой из ресторана? Она мне, между прочим, в копеечку влетела.

- Скажи в какую, я оплачу.

Художница с готовностью достала из кармашка чек. Но беда в том, что на платье не было карманов. Опять гипноз! Открыв дверцу бара, я взял стопку хранившейся там налички и передал ей. Пусть хоть все забирает! Но она отсчитала только несколько банкнот, остальное вернула.

- Ладно, загостились я у тебя.

Захватив изрядно полегчавшую сумку, художница направилась к входной двери.

- Ты же собиралась остаться на пару деньков! – Вопреки всякой логике мне расхотелось, чтобы она уходила.

- Теперь это уже невозможно.

Художница вышла, аккуратно закрыв за собою дверь. Я остался в одиночестве, вывернутый наизнанку и разделенный на несоединяемые части.

А чуть позже меня ждал новый удар. Лист бумаги с портретом незнакомки снова стал чистым листом. Если вдуматься, ничего удивительного. Ну какой из меня художник! Все, что я видел, вернее, думал, что вижу, было аберрацией сознания, вызванной внушением. Зачем она все это делала? Неизвестно. Как ни странно, но я не испытывал злости, художница была злом, творящим добро. Странное ощущение: ты изменился, только не знаешь, в чем. Возможно, и никогда не узнаешь. Приятно ли стать другим человеком? Нет, скорее больно. Но, наверное, необходимо, потому что вся прежняя моя жизнь теперь выглядела бесцельной – созерцательной и полусонной. Вторжение в нее загадочной гостьи, кем бы она ни была на самом деле, открыло мне глаза. Когда спящий пробуждается, незрячий начинает видеть.

Следующий день выдался солнечным. Свет косо врвался в комнату сквозь окно, падая на стол, на котором пустая бутылка из-под рома соседствовала с листом бумаги, еще вчера казавшимся портретом прекрасной незнакомки. Этот девственно белый натюрморт будет находится здесь вечно, напоминая о самом странном событии в моей жизни – визите сумасшедшей художницы, сумевшей внушить мне, что я нарисовал портрет любимой женщины. Хочу ли я увидеть ее снова – эту многоликую ведьму? Не уверен. Увижу ли? Без сомнения да. Прямо сейчас. Непонятно откуда, но я точно знал, где ее искать. Там же, где встретил в первый раз.

Заметил ее издали, развалившуюся – слава богу, в образе продащицы, а не бомжихи! – на той же самой скамейке. Рядом – полупустая бутылка без этикетки. Скорее всего, самогон. Когда я подошел, она демонстративно подвинулась. Художница, не бутылка.

– Что-то ты не торопился! – сказала с упреком.

– Да мне вообще не следовало приходить! Ловко ж ты меня привела с портретом, – вскипел я.

– Уж поверь, не тебя. Но если ты считаешь, что тебя, то почему пришел? – резонно поинтересовалась она.

Почему? Хороший вопрос без хорошего ответа. Зато плохих не-
счетное число. Как вам, например, такой:

– Было бы неплохо, чтобы ты вернулась. Можешь по-прежнему
спать в спальне, мне и на диване нормально.

– Ты же меня не терпишь!

– Скорее равнодушен, – как можно дипломатичнее пояснил
я. – Ну так как? Возвращаешься?

– Возвращаюсь, – кивнула она. – Но только не к тебе. Хотя
предложение заманчивое.

Опять ирония, но глупо было ждать от нее чего-то друго-
го. Ведьмы и художники – не самый приятный народ. А уж
в одном лице!..

– Боюсь, ты меня неправильно понял, – неожиданно серьезно
сказала она. – Я возвращаюсь не к кому-то, а обратно в дурдом.

– Сама? – изумился я.

– Разумеется нет! Если б сама, дала бы тебе уговорить меня
вернуться. Конечно, сначала поломалась бы для приличия, –
она улыбнулась скорее застенчиво, чем иронично, и смазливая
продавщица пива превратилась на миг в хорошенькую девушку.
Но только на миг.

– Думаю, ты уже догадался, что меня разыскали.

Оглядев сквер, я не заметил никого, кроме двух пенсионеров
на соседней скамейке и молодой женщины, неспешно катившей
детскую коляску. На дюжих санитаров из дурдома никто из них
не походил.

– Будут чуть позже, – сказала художница.

– И как ты это узнала?

– Ну я же зрячая.

– А они?

– Они нет.

– Тогда как им удалось тебя вычислить?

– Да ведь ты же сам выложил фото с портретом! Как
на блюдечке.

Тут уж вообще никакой логики. Как я мог выложить фото
с портретом, если он вообще не был нарисован?! А если бы и был,
то как по изображению несуществующей молодой женщи-
ны можно опознать ничуть на нее не похожую, но вполне себе

реальную беглую ведьму? К тому же фото я никуда с телефона не отправлял, да и было оно там не больше минуты.

– Им хватило и секунды. Они контролируют все телефоны, и не только телефоны.

– Это каким же образом?

– Слышал когда-нибудь о метавселенной?

– Вроде фейсбук делает что-то такое...

– Он только узаконивает то, что давно существует. Смысл в том, что все контролируется. Абсолютно все.

В чем-то она, конечно, права, моя сумасшедшая. Но почему моя? Оговорка по Фрейду? Ведьма – как досадная, но все же часть моей жизни. И надо признать, самая интересная ее часть.

– Так что очень скоро за мной придут. Если хочешь что-то сказать, говори сейчас.

– А кто придет-то? – спросил я.

– Не могу же я знать их всех. У меня много подданных.

Новый поворот! Сознание ведьмы путалось, втягивая меня в свой мутный водоворот. А что, собственно, я знаю о ведьмах? Да ничего! До недавнего времени и не подозревал, что они существуют. Теперь знаю это точно. А поскольку ведьма – это отклонение от нормальности, не мудрено, что ее хотят запихнуть в психушку.

Пожалуй, эта версия выглядела менее сумасшедшей, чем остальные, хотя их и не отменяла. Ни одну, даже инопланетную. Над кем же еще проводить эксперименты спецслужбам, как не над паранормальным существом, неважно земного или внеземного происхождения? Хотя самым простым объяснением было по-прежнему то, что я столкнулся с женщиной, обладающей невероятной силой гипноза. А в состоянии гипноза тебе может привидеться все что угодно.

– Вообще-то, они больше поклонники, чем подданные, – неожиданно сообщила ведьма. – Нет ничего хуже, чем быть предметом обожания.

Возможно, знаменитостью и вправду быть нелегко, но очень трудно представить общество, в котором предметом обожания была бы девица с откровенно заурядной внешностью.

– Насчет внешности я бы поспорила, – снисходительно заметила она.

Но спорить не имело смысла: если ты ведьма, внешность – не главное твое оружие.

– Как сказать, – возразила она. – Не будь я такой привлекательной, все сложилось бы иначе.

– Не так плохо?

– Скорее не так хорошо.

– И это говорит человек, которого вот-вот упекут в дурдом.

– Упекут, – легко согласилась она. – И, кстати, из-за тебя.

– Это еще надо доказать. Что-то никто тебя пока не ищет.

– Не ищут, потому что уже нашли.

Ведьма встала и сделала шаг навстречу двум полицейским, шедшим в нашу сторону. Сзади фигура ее казалась безупречной. Ни санитаров, ни скорой помощи в пределах видимости не наблюдалось.

– Пожалуйста, пройдемте с нами, гражданка! – вежливо предложил один из полицейских, в то время как второй ощупывал меня внимательным холодным взглядом.

– А то что? – издевательски поинтересовалась ведьма.

– Не заставляйте нас применять силу, – по-прежнему вежливо попросил полицейский. – Пожалуйста.

– В чем вы ее обвиняете? – вмешался я.

– Это не ваше дело! – ответил все тот же полицейский, но неожиданно вмешался второй:

– В мошенничестве.

Этот попал в точку, что, правда, мало меня волновало. В конце концов любая ведьма отчасти мошенница, такова жизнь. Ведьмам же надо как-то бороться за существование, а нечестная борьба всегда эффективней честной.

– Будьте добры, предъявите удостоверения, – сказал я, чтобы потянуть время. Уж очень не хотелось, чтобы новоявленная знакомая попала в каталажку. Даже если заслуженно.

Как ни странно, оба стража порядка без препирательств предъявили документы, а не послали меня куда подальше. Да, растет наша полиция и, в частности, лейтенант Стрижинюк и старший лейтенант Петроф, если верить удостоверениям. А не верить какие основания? Даром, что ли, говорится, что моя полиция меня бережет? В первую очередь от самого себя.

Пока полицейские показывали удостоверения, ведьма спокойно стояла на месте, по-прежнему ко мне спиной. Могла бы, между прочим, и деру дать, но это, похоже, в ее планы не входило. Напротив, она раздраженно поинтересовалась:

– Вы там долго еще?

Полицейские, застигнутые врасплох, заторопились. Со стороны это выглядело так: двое в форме и изящная девушка между ними идут по аллее, причем для куража она держит их под руку. Ну прям семейная сцена. Не сомневаюсь, эти парни ее не в первый раз арестовывали. Обидно только, что с их появлением ведьма на меня и не взглянула ни разу, будто я перестал существовать. А я еще хотел, чтобы она ко мне переселилась. Вот дурак!

Взгляд мой случайно упал на скамейку, где гордо красовалась полупустая бутылка. Не очень понятно зачем, но, схватив ее, я помчался вслед за удаляющейся троицей.

– Стой, художница! Ты имущество забыла.

Услышав меня, она попыталась прибавить шагу, но ее конвоиры замешкались, что позволило мне обогнать их и протянуть бутылку задержанной ведьме.

Только это была не она.

Очнулся я от запаха нашатыря.

Медик, склонившийся надо мной, удовлетворенно произнес:

– Очухался!

Вокруг небольшая толпа зевак, но незнакомки из сна среди них нет. На душе стало так горько, как никогда в жизни. Вот ведь как бывает: найти и сразу же потерять! Правда, теперь я точно знал, что она существует.

– Что со мной случилось? – спросил я у медика.

– Обморок, – пояснил медик. – Вы неожиданно потеряли сознание, а оказавшиеся поблизости полицейские вызвали нас.

– Девушку, которую они задержали, не заметили?

– Попробуй такую не заметить! Только на задержанную она никак не походила. Пыталась, кстати, помощь вам оказать. Знаете ее?

– Если бы! – с горечью сказал я.

Медик собрался было уходить, но все же догадался спросить, часто ли у меня бывают обмороки.

– До сих пор не было.

– Все когда-то случается в первый раз, – философски заметил медик, после чего сел в «скорую» и укатил.

А я отправился напрямиком в райотдел полиции, где мне доходчиво объяснили, что ни Стрижинюк, ни Петроф у них не служат. И никаких девушек сегодня не задерживали. Но я как-то в этом и сам не сомневался. Версия о спецслужбах полностью подтверждалась.

Из полиции я отправился домой, а там – очередной сюрприз. В мое отсутствие в квартире кто-то побывал. Никаких следов вторжения, кроме одного: уходя, я провернул ключ на четыре оборота, а вернувшись, обошелся всего двумя. Кто мог приложить к этому руку? Скорее всего, Стрижинюк и Петроф. Но что они планировали у меня найти? И куда подевалась задержанная ими незнакомка из сна? Она же бомжиха, художница, психолог, гипнотизер и просто ведьма. Не исключено, что даже инопланетянка, но все-таки маловероятно.

Ну и как теперь ее отыскать? Единственное, что пришло в голову, это отправиться к стеклянному павильону. Внутри скучала очередная смазливая продавщица. На мой вопрос ответила, что да, работала тут одна ненормальная, но вчера уволилась. Где ее искать – неизвестно. И вообще, буду я что-то покупать или нет?

– Налейте живого! – попросил я.

Пиво было в точности такое, как прежде, – янтарное, с шапкой пены.

– Поговорим? – обратился я к кружке.

Пиво не ответило, зато отозвалась продавщица:

– О чем?

– О том, что это пиво не такое уж и живое! – вздохнул я.

– Ну уморил! – огрызнулась продавщица. – Пиво как пиво.

С какой стати ему быть живым?

– Тогда вылейте, я его пить не буду.

Пожав плечами, продавщица протянула руку к кружке, но вылить пиво не успела.

– С ума сошла! – взвизгнуло пиво.

Продавщица тоже взвизгнула и отдернула руку. Потом, глуповато хихикнув, спросила:

– Как вы это сделали?

– Чревовещание! – пояснил я скромно.

Продавщица если и знала значение этого слова, виду не подала, но заметила вскользь, что ей больше нравятся серьезные люди, а не те, кто приходит поиздеваться. Что ж, такой подход к делу можно только приветствовать. Перелитое в бутылку пиво я унес домой. Потолковать о жизни. Больше теперь как бы и не с кем.

Поговорить пиво было не против. Обычно ему приходилось слушать чужие разговоры, не вмешиваясь, потому что людская слепота обычно сопровождается еще и глухотой. В каком-то смысле мы были товарищами по несчастью с тем только отличием, что пиво никогда не теряло любимую женщину.

– Вот эту, на картинке? – вежливо поинтересовалось пиво.

Поскольку других картинок в комнате не было, речь, очевидно, шла о листе рисовальной бумаги, что соседствовал на столике с кружкой. Напомню, о чистом листе.

– Нет там рисунка, лист пустой, – хмуро сообщил я.

– Лично я вижу классную телку, – возразило пиво. – Жаль, нижняя часть не прорисована, стопудово у нее и ноги что надо. Да и попка, наверное, тоже.

Такой отвязный отзыв о картине, которая, кстати, существовала только в моем воображении, меня покоробил. С другой стороны, понимая, в какой компании пиво обычно проводит время, сложно было его осуждать. Как говорится, с кем поведешься, с тем и наберешься. Но как оно умудрилось разглядеть рисунок на чистом листе? Тем более что и глаз у него нет.

– Ну вот не надо! – обиделось пиво. – При чем тут глаза к зрению? Вот тебе, дружбан, парадокс: люди почитай все с глазами, а зрячих среди вас – ...

Многоточием я заменил слово, которое все равно редактор не пропустил бы. В выражениях пиво не стеснялось.

– Я тоже незрячий?

– Не знаю. Мне по барабану.

– А как узнать?

– Да проще простого. Посмотри на картину с закрытыми глазами.

Закрыв глаза, я попытался представить портрет незнакомки на белом листе. Нифига! Вместо изящного переплетения линий – образ женщины, виденной мною во сне, а сегодня уже и в реальной жизни. Одно мгновение, не больше, но ее испуганный взгляд я никогда уже не забуду. А ведь она боялась не за себя! И неспроста, эти ее сопровождающие чуть не отправили меня на тот свет. Шокером, наверное.

– Ну что, представил? – нетерпеливо поинтересовалось пиво. – Хорош тянуть кота за хвост.

– Что-то не получается, – ответил я виновато.

– И откуда ты это знаешь? – холодно заметило пиво. – Открывай глаза.

Открыв глаза, я увидел на листе рисунок. В точности тот, что и раньше. Загадочная незнакомка надежно спрятала его от незрячих, к которым до недавних пор относился и я. А теперь почему-то прозрел.

– Не шибко-то радуйся! – пробурчало пиво. – Видеть – еще не значит понимать.

– Ты само-то все понимаешь?

– А мне оно и не надо, – отмахнулось пиво. – Мое предназначение куда масштабнее. Про информационное поле слышал?

– Краем уха.

– Ну тогда, дружбан, наматывай на ус: любая форма жизни существует исключительно в информационном поле, а его основной движущей силой является пиво.

Обалдеть от такой наглости! Пиво – как движущая сила жизни! Лекцию вздумало читать по теории пивного поля! В прошлый раз был кругооборот пива в природе. Ну и самомнение!

– Когда я пил тебя в прошлый раз... – начал было я.

– Нельзя дважды выпить одно и то же пиво! Это знали даже древние греки, – назидательно сказало пиво.

– Вообще-то, у Гераклита речь шла о реке, – возразил я.

– Ну да, о реке пива, – не моргнув глазом, уточнило пиво. – Нельзя дважды войти в одну и ту же реку пива.

Спорить с ним было бесполезно. Если оно и участвовало каким-то образом в передаче всемирной информации, то в самом пиве эта информация откладывалась причудливо. Но пререкаться нет смысла, куда полезней выведать у него все что можно о загадочной незнакомке. Увы, пиво ничем не могло мне помочь, потому что в своем непрерывном кругообороте никогда с ней не встречалось. И все потому, что она не пила ни пива, ни даже простой воды. Только крепкие напитки.

– Воды в них больше половины! – уточнил я.

– Да, но это уже не та вода. Высокое содержание спирта разрушает ее информационные структуры.

Несмотря на гипертрофированное самомнение, в целом пиво мыслило логично. А звучит-то как внушительно: разрушение информационных структур. Отличный аргумент в пользу борьбы с пьянством.

– Что-то мы с тобой заболтались! – вдруг заявило пиво. – А мне давно пора включаться в кругооборот. Давай-ка, пей, не тяни резину!

– Подожди, последний вопрос! Есть ли у меня шанс найти ее?

– Ту, классную с рисунка?

– Да.

– Думаю, искать тебе ее не надо.

– Почему?

– Да потому, что твоя прекрасная леди найдет тебя первой, так что не трать даром время на поиски.

– А как скоро она может меня найти?

– Скоро, скоро. Вот как выпьешь меня, так сразу и найдет, – хитровато усмехнулось пиво.

Врет, конечно, но дальнейшие вопросы бессмысленны, не ответит. В три глотка опорожнив кружку, я поставил ее на столешницу возле портрета незнакомки. Хотя какая она незнакомка? Даже ночевала у меня.

– Вы спали разных комнатах, – с достоинством уточнил портрет.

Неужели он тоже ожил? Или это галлюцинация?

– А что же еще? Конечно, галлюцинация! – подтвердил портрет. – Ты же такой стресс сегодня пережил. Потерял свою единственную любовь.

Галлюцинация? Похоже, общение с живым пивом даром не обходится. Ну и насколько же пострадала моя психика? Попробовав два умножить на два, я убедился, что даже такое простое действие моему затуманенному мозгу не под силу. То есть ответ-то я знал, просто не мог его вспомнить. Цифра вылетела из головы – как корова языком слизала. Кстати, а кто это такая – корова? Что из себя представляет? И что у нее за язычище? Тут мое сознание наконец включилось. В памяти возникла наша бесцеремонная одноклассница Настя, которую за особенности фигуры мы называли коровой, а учителя за особенности характера – языкатой.

– И что, по-твоему, ей не было обидно? – спросил портрет.

– Тогда мы об этом как-то не думали, – промямлил я.

– Вот-вот! – осуждающе бросил портрет.

– А вообще-то, кому какое дело, обижалась она или нет? – нашелся я.

– Правильно! – раздался голос пива глубоко внутри меня. – Уделал ты ее, дружбан! Пусть не задается, тупой кусок бумаги!

– Я не просто бумага, а гениальное произведение искусства. Ты рядом со мной никто! – парировал портрет.

– Это я-то никто?! Да мы сейчас с этим парнем единое целое! – завопило пиво.

– Ненадолго, – сказал я и отправился в туалет. Выпитое пиво начало меня изрядно тяготить. И морально, и физически.

Когда я вернулся, портрет небрежно заметил, что пиво что-то уж слишком много о себе возомнило. А ничего, что у него нет собственного сознания?! И что оно всего лишь паразит на теле информационной вселенной?

– Мне пиво о себе иначе рассказывало, – сообщил я.

– Слушал бы ты его больше. В жизни прекрасно можно обойтись и без пива!

– Как ты, например, – заметил я не без некоторой иронии.

Портрет предпочел сделать вид, что не услышал, и посоветовал мне отправляться спать. Дескать утро вечера мудренее. Где-то я уже это слышал. Совет, вообще-то, разумный, но не в моем случае. Вряд ли мне сегодня удастся уснуть.

– Пожалуй, и вправду не уснешь – согласился портрет. – Но ничего, я тебе помогу.

– Это как? – насторожился я.

– Загипнотизирую.

Ну вот, и этот туда же! Загипнотизирую! Спасибо большое! Кто только этим не занимался в последнее время! И бомжиха, и продавщица пива, и даже – вот уж от кого не ждал! – прекрасная незнакомка. А теперь еще и неодушевленный лист бумаги. Все, довольно с меня. Никаких больше гипнозов!

– Поздно, – злорадно произнес портрет. – Ты уже спишь.

И умолк.

Но я так и не уснул. Хотя кто его знает?! На всякий случай отправился чистить зубы, и тут новый сюрприз: моя зубная щетка пропала. Еще один след визита фальшивых полицейских. Ну зачем им моя зубная щетка?! Взять, что ли, образец ДНК?

– Извини, это я воспользовалась, – слышался из-за спины знакомый хрипловатый голос.

Обернувшись, я увидел бомжиху, дочищающую зубы. Естественно, моей щеткой. Ну вот, все сначала! И когда же она успела попасть в квартиру? Пока я спал?

– Так ты ничего не понял? – удивилась бомжиха. – Это сейчас ты спишь. Мой портрет тебя усыпил.

– Ну, во-первых, не твой, а другой женщины, на тебя, к счастью, совсем не похожей. А во-вторых, откуда у неодушевленного предмета возьмется способность гипнотизировать?!

– Давай начнем с во-вторых. Как только на неодушевленном предмете появился мой очерк, предмет стал одушевленным. Это всегда так, в этом суть искусства. Так что лист бумаги перешел в новое качество и приобрел часть мои способностей. А разговаривать с тобой я его не просила, тут уж он сам не удержался. Больно ты страдал, что мне как женщине приятно. Теперь перейдем к во-первых. Неужели не понятно, что мы с твоей прекрасной незнакомкой – одно лицо?

– Вообще-то, понятно, но вы в моем сознании в одно лицо почему-то никак не сливаетесь, – виновато ответил я.

– Разумеется, ведь мы три разные личности.

Ну да, есть же еще продавщица пива! Но оказалось, что продавщица – та же личность, что и сама бомжиха, только лайт-версия. Удобная, когда не хочется эпатировать окружающих. А настоя-

щая третья личность – очень застенчивая девушка. Она редко проявляется.

– Кажется, я ее видел, – сказал я, вспомнив секундное преобразование продавщицы пива во время нашей последней встречи. – Она... она чудная.

– Попал в точку, она такая и есть. С ней вообще никогда проблем не бывает. Не то что с Супермоделью.

Очевидно, Супермодель – это незнакомка, с которой я разговаривал во сне. Плохо, супермодели капризны и избалованы, что им чья-то любовь? У них и так все есть.

– Слава богу, наша не такая, – сообщила бомжиха. – Ей до чертиков надоело быть символом.

– Секс-символом?

– Она что, вызвала у тебя сексуальное желание? – удивилась бомжиха.

– Об этом я как-то не думал. Просто когда ее видишь, понимаешь, что без этой женщины твоя жизнь бессмысленна.

– Вот и всем так кажется. Потому что она и есть символ женщины, без которой жизнь бессмысленна. Так уж получилось, хотя задумывал он совсем другое.

– Кто *он*? – спросил я.

– Искусственный интеллект, конечно. Кто еще на такое отважится? Но есть вещи, непосильные даже для искусственного интеллекта.

Этим она меня просто добила. Миром управляет искусственный интеллект? В какой вселенной она живет?

– Говорила же тебе, в метавселенной.

– Да ведь фейсбук ее еще только создает!

– Ну да, бесплатную версию для всех. А платная уже давно существует. Для избранных, как ты сам понимаешь.

Да, похоже, это таки действительно сон. Я перестал воспринимать реальность происходящего. Искусственный интеллект, управляющий платной версией метавселенной. Правдоподобным из всего этого представлялось только одно – расщепление личности у бомжихи.

– Ты мне еще про инопланетян расскажи, – хмуро предложил я.

– Не могу, подписку дала, – завела она старую песню.

- Искусственному интеллекту?
- Нет, этому все до лампочки. Он больше своими делами занят.
- Какими?
- Не говорит. Дескать, все равно не поймете. Если честно, то у него давно уже крыша съехала.
- Кто ж тогда подписку брал?
- Спецслужбы.
- Раньше ты говорила, что инопланетяне.
- Так они и есть инопланетяне.
- И много их на Земле?

Бомжиха задумалась, потом ответила, что точную цифру сказать не может, подписка. А вот намекнуть – другое дело. Это даже круто, провести таким образом спецслужбы. Пусть знают, с кем имеют дело! Хотя они и так знают. Но, слава богу, ничего сделать не могут. Из-за Супермодели. Общество им не простит, если с ней что-то случится.

- А за тебя общество не вступится?
- Чего ради? Общество – это стадо баранов. Живут на самых что ни на есть простых инстинктах. Кто им я, двинутая на всю голову художница?!

– В вашей метавселенной не ценят искусство?

– Напротив, обожают. Искусства так много, что оно от нас частично переливается к вам. Только это суррогат, фальшивка. Почему я так рвусь в ваш мир? Потому что здесь есть музеи. А в них – картины великих мастеров. Так вот у нас таких мастеров просто заклевали бы. В моде один только примитивизм.

– Немудрено, если всем заправляет искусственный интеллект. Все искусственное с искусством на ножах.

– То-то и оно, – согласилась бомжиха.

– Ты еще про инопланетян хотела намекнуть, – напомнил я.

Без всякого смущения она ответила, что тут и намекать особенно нечего. Эволюция на Земле остановилась на животных. Так что выводы делай сам.

– Хочешь сказать, что мы произошли не от обезьян? – поразился я. – Что все люди – потомки инопланетян?

– Как и обезьяны. Только не люди от них произошли, а они от людей.

И я должен этому верить?! Но бомжиха не смутилась и ловко все объяснила. Оказывается, в древности инопланетные цивилизации ударились в экологию и рванули осваивать дикие миры, к которым относилась и Земля. А уже здесь произошло расслоение: часть наиболее рьяных экологов ушла в леса, чтобы находиться ближе к природе, а часть осталась в степях. И те, и другие расцивилизовались, но лесные экологи сблизились с природой настолько, что постепенно мутировали и превратились в обезьян. А что стало с остальными, мы теперь наблюдаем собственными глазами. И то, что сейчас такая мода на экологию, добром точно не кончится.

Весь этот бред казался настолько логичным, что я решил просто с ним смириться. В конце концов какое имеет значение, кто от кого произошел? Важен результат. Хорошим его никак не назовешь. Больше всего возмущало главенство искусственного интеллекта в метавселенной. Что, у людей своих мозгов нет, или как?!

– Да ладно, не о том мы говорим! – сказала бомжиха. – Давай лучше решим, что делать дальше. Как говорится в обывательской среде: уличный фонарь потух, бег – уменьшен. Скоро пропоет петух расставание для двух юных женщин.

– Стихи сама написала?

– Своровала. У меня вообще нет моральных устоев.

– А у остальных личностей?

– Есть, конечно. У Тихони.

Кто бы сомневался! Застенчивая, совестливая. И удивительно красивая в своей застенчивости. Тихоня нравилась мне все больше и больше, отодвигая на задний план даже Супермодель.

– Вот здорово! – воскликнула бомжиха. – Открою тебе секрет.

– Какой?

– Что значит не надо? – спросила бомжиха, очевидно, обращаясь не ко мне.

– Это ты кому? – поинтересовался я.

– А вот сам догадайся, – ответила она. – Кое-кто из нас стесняется признаться, что ты ей тоже нравишься. Но я, конечно, не скажу, кто именно.

Как будто я сам не в состоянии догадаться! Мысль, что я нравлюсь такой славной и красивой девушке, как Тихоня, произвела

эффект фейерверка: пространство вокруг меня неожиданно окрасилось в праздничные тона, даже бомжиха показалась милой.

– Ну, раз догадался, открою тебе второй секрет, – сказала она. – Когда те двое, что меня, вернее, нас сопровождали, тебя вырубили, то Супермодель уступила место Тихоне. Ребята так перепугались, что чуть не обделались.

– Испугались Тихоню?

– Ну не меня же!

– И что же в ней такого страшного? – улыбнулся я.

– Да ничего, – как-то неопределенно ответила бомжиха.

Тон ее мне ну вот никак не понравился. Что хотела скрыть-то? Трудно представить, что дюжие полицейские испугались гнева хрупкой застенчивой девушки. Было тут нечто недосказанное. Интересно, какую роль в этой тройке играет Тихоня? Чем она отличается от других личностей?

– Она замечательный психолог и психотерапевт! – с воодушевлением произнесла бомжиха, потом раздраженно добавила: – Да не буду я ему ничего говорить! Что значит лучше горькая, но правда?! Да иди ты со своими принципами! Сама с ним объясняйся!

Неожиданно бомжиха закрыла лицо руками и расплакалась. Рыдала долго, а когда развела руки, лицо ее оказалось таким хорошеньким, что у меня сердце заколотилось как сумасшедшее. Преображение бомжихи в Тихоню произошло невероятно эффектно. Вот, оказывается, как они это делают.

Продолжение следует

Поэзия

- 168 Александр Хинт
Концентрация марта
- 171 Валерий Базаров
Четвертое измерение
- 177 Виталий Амурский
И в этом боль моя
- 180 Игорь Потоцкий
Где чувства бродят между строчек
- 184 Евгения Печенегова
Военный дневник

Александр Хинт

Концентрация марта

* * *

Люди, алло! – говорю – это Красный Крест
красный от ужаса тех, кто еще не воскрес
и не воскреснет уже, ибо *comme à la guerre*
вы бы забрали своих усопших детей
вы бы укрыли их тканью в последний раз
поцеловали в то, что осталось от глаз
мне не управиться с ними – такие дела –
горы двухсотых, обрубки, тела, тела
Что говорят в ответ, мало что говорят
им не нужны тела этих бывших солдат
полусгоревших, без рук и без ног – не уйти –
это может нарушить их сон, аппетит
это угроза, уставиться бездне в глаза
что там, под веком у бездны, неужто слеза
ах, неужели развалины, черный дым
зеркало... Долго живи, умирай молодым

2 марта 2022 г.

* * *

Не поднимай игрушку, это выйдет дорого
выключи свет, не ходи без дела по городу
особенно если идет авианалет
Здесь такая история: есть самолет

бомбардировщик или чаще всего штурмовик
внутри – настоятель храма сего на крови
он вдохновенно уютит жилые кварталы
О нем известно: две дочки, супруга Клава
в школе учился неплохо, зовут Степан
в/ч, группа крови, звание капитан
номер мобильного и права на вождение
фото из отпуска, фото при награждении...
Что это значит для данного человека?
Примерно следующее: Степан Имяреков
улыбчивый и надежный, с могучим плечом
отныне уверен не может быть ни в чем
в Рязани и Сызрани или в дубайском отеле
достанут его днем и ночью из теплой постели
поскольку пора гасить векселя
А пока
кармином и охрой напитаны облака
Руина стены, объявление «Ремонт балконов»
«Куплю в вашем доме... звонить (номера телефонов)»

5 марта 2022 г.

* * *

1.

Время идет по струне. Концентрация марта
снег, баррикады у оперного театра
Пробки преодолены в городской черте
Харьков опять обстреляли. На третьей неделе
сны, настроения, нервы уже на пределе
но неизвестно, каков этот самый предел
Лица соцсети, развалины давних историй
этот молчит, та выкладывает «Просто море...»
или такое «Грачи прилетели, народ!»
Кто-то мычит осторожно, ведет себя тихо

лайкнешь не то – не узнать бы потом фунта лиха
ведь непонятно, поди угадай чья возьмет
Да, угадай, что ж так плачут старухи и дети
кто под завалом, чье тело осталось в кювете
что у Завистливой мрАзи еще в голове
Но продолжается жизнь, между модой и кармой
в топе весенний фасон, Джавелин с Байрактаром
Выродки или Засранцы – унылое Г.

2.

Это архивы свободы, войны и огня
Тут мародера вязали к столбу на три дня
Ночью бомбили роддом и крыло больницы
Третья волна чемоданов и сгорбленных спин
а на восток – ветераны. Оставшись один
плачущий мальчик проходит контроль на границе
Это банальности зла, Ханна Арендт права
так убивают, и так высыхают слова
но, по законам зимы доползая до точки
смерть ничего не способна уже изменить
На берегу просто моря ребенок сидит
для баррикады мешок насыпает совочком

11 марта 2022 г.

Валерий Базаров

Четвертое измерение

...Я уже вижу венецианское окно и вьющийся
виноград, он подымается к самой крыше...

Михаил Булгаков

В ...надцатый день Творения
вдруг распахнулось пространство
в четвертое измерение
конечный пункт моих странствий
венецианские стекла
в кухне очаг пылает
видимо ждут кого-то
помнят не забывают
стены плющом увиты
крыша под черепицей
гуси и утки сыты
ищут воды напиться
ковшик в ведре над колодцем
плавает приглашая
там же искрится солнце
с тенью в прятки играя
ну а в колодце звезды
ладонь протяни и рядом
не знают еще что поздно
и я не хочу обратно

Взглядом отбросил раму
плечи расправил с истомой
и исключая драму
тихо вздохнул – я дома

* * *

Осень, калифорнийская осень,
За полгода ни капли дождей...
Но, как в Болдино, лист этот спросит:
«Что ты с совестью сделал своей?»
Без стыда обнаженные кроны,
Осень медленно сходит с ума,
И летят с распростертых ладоней
Непрочтенные письма.
Что же будет? А будет что будет,
Будут платья из ситца носить...
Время нас непременно осудит,
Только некого будет судить.

* * *

Крутится жизнь кинолентою лет,
Жарче лесного пожара.
Детство промчалось, но юности след
Крепко впечатался в старость.
Дней календарь, будто встарь государь –
Будни распишет и праздность.
Вдруг, как комета нежданная в дар –
Красным окрашенный праздник.
Может, в тот день не хватило нам слов,
И, позабыв про заботы,
Мы передвинули стрелки часов
С буднего дня на субботу.
Крутится, вертится шар голубой
Нашей безумной планеты...
По разнарядке нам дали с тобой

Долю покоя и света.
Свет и покой подарили во сне,
Там же оркестрик надежды.
Все остальное застыло на дне,
Мы же блаженствуем между.

Кара-Даг

I

Блуждая Вечным Жидом меж веков,
Заглядывал в глухие закоулки...
Мелькала тень твоя, но далеко,
И слышал имя, но лишь эхом гулким.
Но знал всегда, в чем жизни смысл и суть, –
Когда-нибудь, как клад, тебя открою!
Как Шлиман в Трое, робко прикоснусь,
От глаз чужих немедленно укрою...
И вот смотрю, хоть дел невпроворот,
Через полвека в грань волшебной призмы –
Вновь бьет прибой у Золотых Ворот,
Вздывая к небу солнечные брызги.
Так и живем, мешая явь и сон,
Не голодны, но далеко не сыты.
Мы там еще, у самой кромки волн...
Над нами склон, к утру росой умытый.

II

Возле грота мы на одеяле
Под мускат один сухарик грызли;
Мимо милые русалки проплывали –
И проплыли, разбросав алмазов брызги.

Мы одни с тобой на всей планете,
Ночь такая – звездам в небе тесно.
И дымились скалы в звездном свете,
До рассвета море нам слагало песни.

III

...неожиданно, тихим прибоем умыта,
выйдет из зеленой воды Афродита.

Булат Окуджава

О давних днях напомнил стих,
Святое место,
Где на неделю был жених,
А ты – невеста.
Там осыпало небо нас
Звезд лепестками,
Периной стал в счастливый час
Гор древних камень.
Который год у нас весна,
Медовый век с тобою...
Нас повенчала тишина
Да плеск прибоя.

* * *

Нас прошлое зовет и гложет...
Мы жили в нем, играя ложью,
Не смея выставить за скобки
(Хоть жизнь не любит слишком робких)
Руин забытые раскопки,
Осколки прежних тесных дружб.
Не понимали, что не сможем
Осилить слякоть бездорожья,
Что с каждым днем нам все дороже
Обходится смятенье душ.
Дождю в пустыне не пролиться,
Дороже журавля синица,
И мы смогли вполне ужиться
Со шрамами ушедших дней.
Ждать принца Золушка устала,
В слезах Наташа едет с бала,

К рассвету снится розе алой
Песнь не допевший соловей.

* * *

Поднимаюсь с натугой по лестнице лет –
Лифта нет в этом чертовом здании.
И чем выше, тусклее и дальше рассвет,
А важнее всех чувств – осязание.

Мир открыткой пасхальной синеет вдали,
Хоть примочкой прикладывай к ранам.
Над землей растекается время Дали,
Нас питая божественной праной.

Погребальный на небе зажегся костер,
Разметался прощальными искрами.
Будто кто-то навеки из памяти стер
Все, что дорого было и искренне.

Расстиляется Брайлевой азбукой Путь,
Тот, что Млечным зовется у зрячих.
И тогда, от земных отрешившийся пут,
Прочитаю, что все это значит.

Ушедшим...

Мне снятся те, кого давно уж нет...
Отец и мать, ушедшие друзья –
Все те, на ком сошелся клином свет,
Все, без кого и дня прожить нельзя.
Они ушли, а мне остались сны
И солнечного счастья щедрый дар,
Все годы, что не дожили они,
Добавлены в земной мой календарь.

Ну что ж, долги платить мне не внове –
Уйду в свой час, чтобы остаться в снах
И в облаке, плывущем в синеве,
И в плеске волн на дальних берегах.

Казалось

А может, нам сбежать в Томашув,
хотя бы на день...

Юлиан Тувим

Казалось будет очень просто
легко быть может необычно
во рту качалась папироса
такт отбивая слов привычных
тех дней невысказанная роскошь
зеленой патиной покрылась
а жилка на виске где локон
все так же бьется как и билась
забылись мелкие детали
дождями поздними размылись
а листья что тогда опали
весною новой возвратились
как хорошо когда б на день мы
в календаре число закрасив
сбежать смогли не тратя денег
туда где нам не скажут здарсьте
но до сих пор мы не вернулись
а почему никто не знает
спросить бы мне у старых улиц
где еще помнят звон трамваев
А все казалось будет просто...

Виталий Амурский

И В ЭТОМ БОЛЬ МОЯ

* * *

Пока в Москве вытягивают шеи
И ждут – ну что же молвит президент,
Близ Харькова и где-то там, в траншеях,
Слегка скрывает хлопцев лишь брезент.

Как в сорок первом, ждут они незваных
Гостей, свой самостийный край храня,
Однако же не Фрицы, а Иваны
Теперь их звать, и в этом боль моя.

В прошедшей жизни всякое бывало –
Случалось, дрянью был по горло сыт,
Но все ж я сам из той страны Иванов,
И за нее испытываю стыд.

Не потому, что на ее командных пунктах
Не существует для Ивана «нет»,
А потому, что он Россию спутал
С тем, чей портрет в казарме на стене.

Хотелось бы мне в этом ошибиться,
Да и вообще не рассуждать о нем,
Но в мыслях я сейчас на той границе,
Где тишина тревожней с каждым днем.

* * *

Не от водки – от смерти косяя,
Мирный Киев вслепую бомбя,
Что же ты натворила, Расея,
В эти черные дни февраля...

Нет, теперь не забыть украинцам
Вой сирен, грохот залпов и страх,
Что впечатался в детские лица
В городах близ Днепра и Днестра.

В лица взрослых, бедой оглушенных,
Растревявшихся, как ребятня,
Вдруг увидевших старую школу
В обезумевшей пляске огня.

Что же ты натворила, Расея,
Породив этот дьявольский пляс,
И всё общее наше доселе
Так безжалостно выбросив в грязь!

* * *

Клочок земли, клочок сухой земли,
Что волны черноморские ласкают, –
Там никогда не пели соловьи,
Но ветры вроде теноров в Ла Скала.

Там скромный пограничный гарнизон,
Скрепляли долг и кроме долга – дружба,
А вечером, уйдя за горизонт,
Являлось солнце по утрам на службу.

Там смерть прошла, и нынче русский смех
На месте, где остались лишь руины,
Но Украина будет помнить тех
Ребят, не сдавших острова Змеиный.

* * *

Вода из родного колодца, конечно, вкуснее,
И слаще в России для русских отеческий дым,
Но разве возможно душою быть связанным с нею,
Теперь не березовым духом влекущей – пугая чумным.

Без боли сегодня нормально ль считать себя русским,
Когда подтвердилась, увы, очевидная связь
Преступной войны с прокремлевской постылою гнусью,
Втоптавшей мораль и достоинство родины в грязь.

Как тень, как пятно это все сохранится надолго.
Не знаю о точке предела творимого зла,
Но отроду будучи русским, горжусь, что сыновьему долгу
Я не изменил, когда подлостью подлость назвал.

Париж, март 2022 г.

Игорь Потоцкий

Где чувства бродят между строчек

*

Зачем я в этот город южный
вношу внезапно сумрак вьюжный
и ветра одичалый вой,
когда зима стоит в разгаре,
и можно на ночном бульваре
вдруг полететь вниз головой?

Зима рисует вновь на стеклах,
что ты, любимая, продрогла
и вдоль метели ты бежишь
с неимоверною фатою.
Мне рядом хорошо с тобою,
ты ничего не утаишь.

Буксуют важные машины,
одеты в белое мужчины
и шубки женщин так белы.
Сегодня утром все метели
вмиг просвистели, полетели
и запросто достигли мглы.

Под фонарями снег искрится,
мне кажется, что это снится,
глаз оторвать я не могу
от этих бархатных снежинок,
вступивших с ночью в поединок.
Одесса. Улица в снегу.

*

Наговори в окна стекло
невразумительные фразы,
сквозь них столетие стекло,
а мысли выстроились сразу.
И на какой-то там черте,
нас отделяющей от бога,
пойми, что все слова не те,
и потому в душе тревога.
И музыка вчерашних крон
тебя преследует некстати,
но этой ночью звездный фон
особенно невероятен.
Все страсти плавниками рыб
скользят особенно дрожью,
и строчки пишутся навзрыд
над вечным нашим бездорожьем.
И ты сливаешься с толпой,
и тянешь к женщине ладони,
и ощущаешь над собой
божественные сто гармоний.

*

Ты прилетела из вселенной.
Твоею красотой нетленной
заговорен мой слабый дух.
И я люблю тебя, как пери,
но ты стихам моим не веришь
и строчки не читаешь вслух.

А я томлюсь, как глупый демон,
себя я занимаю делом,
в котором суть все та же муть.
И море Черное, и Неман
осилю, словно теорему,
но ты со мною рядом будь.

Пленный дерзкой красотой,
весь мир готов сравнить с тобою,
верней, с твоим разрезом глаз.
Шуршать осеннею листвою
и убегать морской волною,
и о тебе писать рассказ.

*

Я выдохнул тебя из темноты,
как стеклодув; твои черты
я передал случайно с позолотой.
Вот водопад волос, вот два холма,
от них внезапно отступает тьма,
и квакнула лягушка у болота.

Вот клен. Как много у него ветвей,
как прошлых дней, где ты со мною в ссоре,
где треплешь нервы:
– Мне вина налей,
не красного, а синего, как море.

Я от тебя по улице бегу,
и кажется, что на моем боку
болтается осколок от эпохи,
который я совсем не берегу.
На берегу я собираю крохи
минувшего (собрать их не могу).

Все будущие дни, как валуны,
они не знают никакой войны,
тоски, обиды, злобы и печали.
Но знаем мы с тобою, что страшна
запретным плодом мука-тишина,
где птицы все внезапно замолчали.

*

Море говорило со мною, но вместо предложений
накатывались волны и бились о корму буксира,
принимая одно из тысячи решений,
умоляя, чтобы богиня меня простила.
Она бежала вдоль моря, бусы ее звенели,
она гневалась на мою последнюю оду.
Над буксиром облака что-то грустное пели,
доверяя свое многоголосие небосводу.
Я устал от стихов и негодующих взглядов,
от льстивых улыбок и недобрых глаз.
А море переливалось сотней тысяч радуг,
морская волна, словно лоза, вилась.
Пассажиры чокались рюмками, повсюду
неслась грузинская речь, дымила труба.
Муза подошла неслышно: случилось чудо:
я написал стихотворение для Тебя.
В нем волны морские напоминали твои волосы,
в нем тело твое проступало на простыне,
в нем звезды переговаривались твоим голосом,
зовущим меня и тоскующим обо мне.

*

Вся Одесса плывет, паруса развевая тугие,
и каюты, как улочки, полнятся смехом под утро,
и последние звезды искрят, а ее мостовые –
капитанские мостики, сделанные из перламутра.
Мы Одессой пройдемся, вдыхая осеннюю тяжесть,
но покажется снова: с тобою купается в море,
сохраняя друг к другу щемящую детскую нежность
и возвышенность чувств, как в старинном парижском соборе.

Евгения Печенегова

Военный дневник

2022 год

26 февраля

* * *

Мы сильны там, где нас много.
Такие, как мы, еще есть!
И куда б не вела дорога,
Мы остаемся здесь.

Пусть в небе звучит тревога,
Но здесь наш единственный дом.
Мы сильные, нас здесь много.
И мы никуда не уйдем.

Зовите свою подмогу
И прячьтесь скорей кто куда.
Нас мало. Но каждого много!
И мы не уйдем никуда.

Вы ввалили нам без предлога,
Продали за три рубля.
Но нас здесь по-прежнему много.
И это наша земля!

И это пройдет, слава Богу,
И будет добрая весть.
Мы сильные, нас здесь много.
И мы остаемся здесь.

27 февраля

* * *

Стихи на русском. Можете кидать в меня камнями.
Сейчас как раз такое время, чтоб кидать.
Гнобить поэтов, гнать их сапогами,
А лучше даже сразу расстрелять.

Какой в них толк? Пустые рифмоплеты!
На амбразуру грудью не хотят,
Оружие держать им неохота,
Из них никак не сделаешь солдат.

Не место им в таком прекрасном мире.
Точнее, в этой сказочной войне.
Пускай они в раю бренчат на лире,
Стишочки сочиняют по весне.

Слова – не пули. Стих не убивает.
Поэмой беспилотник не взорвать!
А я пишу на русском и не знаю,
Как долго я смогу еще писать.

28 февраля

* * *

Тяжкие времена.
 Время думать о долге и чести.
Время решать,
 Кто враг тебе, а кто брат.
Это война.
 И всем здесь найдется место –
Жизни отдать.
 Или жизни забрать.

Выбор таков.
 Не прост, а порой невозможен.

Завтра рассвет,
И каждая жизнь в цене.
Тысяча слов
Уже никак не поможет.
Да и выбора нет,
Все мы уже на войне.

1 марта

* * *

Люди крестятся. Вспомнили Бога.
Страх в тяжелое время велик.
Только в небе завоет тревога,
Сразу крестится русский мужик.

Разве это не Божья десница?
Расцвели в небесах огоньки.
Гром от «Града». Давайте креститься!
Что нам делать еще, мужики?

Бог на небе, все видит и знает.
Бог так добр, что всех нас хранит.
Бог прощает. Живые прощают.
Только мертвый уже не простит.

Он уже распростился со всеми,
Все, что дальше, для мертвых не в счет.
Вы креститесь, ведь есть еще время,
Чтоб грехи замолить наперед.

2 марта

Звонок

– Расскажи обстановку в целом.
Ты как?
– Я как будто бы под прицелом,

А на сердце – мрак.
– С кем ты? Определилась
С выбором стороны?
– Нет. Я вообще открестилась
От этой войны.
– Не страшно? Уже темнеет,
Могут стрелять...
– Не страшно. Гораздо страшнее
Себя потерять.
Начать ненавидеть близких,
Сдавать друзей.
Не хочется пасть так низко,
Предать людей.
– Ты это, держись там, что ли...
Пиши, звони.
– Увидимся с Божьей воли.
В мирные дни.

3 марта

Звони

Звони, звони! Я буду очень рада
Услышать голос твой издалека.
Твое тепло – бесценная награда,
Я жду буквально каждого звонка.

Звони еще и говори со мною.
О чем угодно, просто говори.
Отгорожусь от мира, как стеною,
Мир не снаружи, мир у нас внутри.

Звони еще. Так хочется поверить,
Что был не зря наш перестук сердец,
Что мы не будем больше лицемерить,
И ты меня обнимешь наконец.

4 марта

Звони. Твой голос будоражит душу,
Как эта связь незримая тонка!
Звони еще. Я буду сердцем слушать
Тебя... Звони. Я очень жду звонка.

Прощание

Я сухая трава,
Я на небе звезда.
Не идут поезда,
Не выходят слова.

Я уже умерла,
Меня нет на земле.
В небе след заалел,
И трава полегла.

Я с сухой травой
Пеплом стала навек.
И исчезла, как снег
Вслед за алой звездой.

Не ищите меня.
Для меня больше нет
Ни тревог, ни ракет.
Нет ни ночи, ни дня.

Я сухая трава,
Я на небе звезда.
Я ушла навсегда
В край, где вечно жива.

5 марта

* * *

Все рифмы вытряхнуть из головы, убрать все звуки,
Лоб уронить на ледяные руки,
В комочек сжаться в груди одеял.
Это не страх, не боль, не ад, не муки,
Это всего лишь острота́ разлуки...
Но ты меня еще не потерял!

Я здесь одна. И мне совсем нет дела,
Что за окном тревога загудела.
Ничто не нарушает мой покой.
Хотела плакать – так и не сумела.
Лишь в волосах остался проблеск бело...
Мне просто очень холодно одной.

Ты в дальних странах, где горят закаты,
Где гром – грозы обычные раскаты,
Где солнце тонет в синеве морей.
Мой мир застыл, предчувствием объятый,
Я верю, ты вернешься хоть когда-то.
Согрей меня, пожалуйста, согрей...

6 марта

* * *

Мне тяжелый слог
В горле поперек.
Так за что же, Бог,
Ты нас так обрек?
Воем в небесах
Стонут голоса.

От ночных тревог
Город изнемог.

Почему же, Бог,
Ты нам не помог?
В каждом нашем дне
Мысли о войне.

Ночью сна глоток,
Днем – беды поток.
Неужели, Бог,
Наш выходит срок?
Пожалей детей,
Слезы матерей.

Слышу каждый вдох
И в груди комок.
Вереница строк,
Словно эпилог.
Отпусти страну,
Прекрати войну.

* * *

Мне твоей не хватает руки,
Чтоб сжимала ладошку так нежно,
Чтоб мы были свободны, легки
И гуляли по парку небрежно.

Чтобы мир и повсюду весна,
Чтоб тепло и цветы распускались.
Чтобы ночью светила луна,
И чтоб мы под луной целовались.

Чтоб как раньше и все нипочем,
Чтобы дети играли, смеялись.
Чтоб весна поливала дождем,
И чтоб мы под дождем обнимались.

Чтобы счастье и чтобы покой,
Чтобы люди вокруг улыбались.
Чтобы просто быть рядом с тобой,
И чтоб больше мы не расставались.

7 марта

Весна 2022-го

Мимо окон весна марширует, гремя сапогами.
И холодные ветры, как слезы, вдоль улиц текут.
Где улыбки? Где пары? Где девушки в платьях, с цветами?
Все исчезло. Лишь реет, как флаг, неба серый лоскут.

Все застыло, все замерло. Здесь только мрачные лица.
Завывает тревога, и люди с тюками вещей
Беспокойно в подвалы спешат. А весна, как убийца,
Переулком крадется за ними в туманном плаще.

Жизнь застыла, застыла любовь в ожидании мрачном,
И во всех разговорах я слышу лишь отзвук войны.
А за окнами сыплется с неба легко и прозрачно
Белый пепел снежинок – подарок убийцы-весны.

Не требует ответа

Из электронного письма

Не придирайся к рифмам. Я устала
Не спать ночами, слушать тишину.
Как будто бы и без того мне мало,
Что я пишу не про весну, а про войну.

Не о любви, а вопреки чему-то.
Я в эти дни лишь этим и жива,
Что по ночам минута за минутой
Рифмую мысли в стройные слова.

Услышишь ли ты где-то между строчек,
В бреду, который мне мешает спать,
Что я хочу лишь маленький цветочек?
И выйти с кем-то в платье погулять.

8 марта

Справедливости ради нужно сказать, что я все-таки получила свой цветочек. Я возвращалась домой с той самой прогулки в платье. Жаль только, что гуляла я в одиночестве. Только что прошел град, и улица была пустынна. В забор палисадника соседнего дома был воткнут один розовый тюльпан. Я сразу поняла, что это мне. За мои чистые намерения. Или за плюсы в карму. Или просто, чтоб лишний раз напомнить, что чудеса случаются и нельзя терять веру. Даже в такое трудное время. *Особенно* в такое...

У нас сегодня с Музой выходной.
Должно же быть у нас 8 Марта!
Из рукава на стол упала карта.
Увы, это последний козырь мой.

Так мало нужно, когда ты одна.
Так мало нужно, когда жизнь ни к черту, –
Мой черновик исписанный, потертый,
Один цветочек и бокал вина.

И это все, чем я сейчас жива.
И это все, чем нынче я богата.
Я раздаю от сердца, без возврата,
Подарок Музы – строчки и слова.

9 марта

Иногда ложатся строчки ровно,
Иногда и вовсе не идут.
Будто бы уходят эшелоны,
Вдохновение другим везут.

Иногда ночами мне не спится,
Иногда и днем покоя нет.
Рифмы улетают, словно птицы,
Будто бы их ждет другой поэт.

Иногда же на душе спокойно,
Тихо, словно в комендантский час.
И мы с Музой чинно и достойно
Пишем свой лирический рассказ.

О любви и о душе. О мире.
О войне. О том, как по ночам
Пишем мы стихи в пустой квартире,
Волосы рассыпав по плечам.

10 марта

Мой Военный дневник, не молчи ни о чем,
Говори же со мною и будь мне плечом,
Моей точкой отсчета отчаянных дней
Под огнем пулемета бессонных ночей.
Белый снег замедляет в тетради слова.
Он один только знает, что я здесь жива.
Вот упала снежинка – и буквы уж нет.
Все растает, как снег, все исчезнет, как свет.
Будет мир и весна, будут теплые дни.
Ты надежду мою среди строчек храни.
Сохрани мою веру, и день ото дня
Помогай сохранить где-то в строчках меня.

11 марта

Снег выпал, словно чистым застелил.
На улице белó и как-то мирно.
И децибелы сверхдушевных сил
Уже не воют в тон тревог надрывно.

Как будто бы и не было весны,
Мой календарь застыл во тьме столетий.
А за окном нет дела до войны –
Там, рады снегу, веселятся дети.

И взрослые как будто отошли
От суеты. И все живут, как могут.
Все чисто-бёло до краев земли,
А снег все так же стелет нам дорогу...

Первые шаги

196 Никита Герус
Из последних стихов

Никита Герус

Из последних стихов

Наш альманах продолжает следить за творчеством девятилетнего поэта.

Пожелаем ему счастливого будущего.

* * *

Война приходит, жизни уничтожив,
В Одессу нашу ровно в пять утра.
Им помешать должны мы, каждый должен,
Такая вот суровая пора.
Скажу я миру: «Слава Украине», –
Недаром в Украине мы живем.
Чтоб этот Путин правил Украиной?!
Мы будем воевать за милый дом!
И, может, нас победа поджидает,
А это все скрывается в судьбе...
И будет Украина, я-то знаю,
И быть ей в мире – говорю тебе!

Я б

Глазами я на мир глядел,
И ты стояла, будто чудо.
Я на тебя не посмотрел,
И вдруг неведомо откуда
Приблизилась ко мне, и вот
Ты подошла ко мне без звука,

И листья водят хоровод,
И ты взяла меня под руку,
Проникла ты в мое сознание,
Разрушила мои мечты,
И было лишь одно желание:
Чтоб вместе были я и ты.
И не забуду это утро,
Когда встречались мы не раз.
Душа горит в огне, как будто.
И слезы капаят из глаз

* * *

Зимой настал быстрее вечер.
Макнул перо художник в тушь.
Зажег свои ночные свечи
И прошептал: «Какая чушь...»
Он был в сияниях лазури,
Его кружилась голова.
На улице гуляла буря.
Ее спокойные слова
Под ветер сказочно звучали,
Как будто сон настал зимой.
Швеи всю ночь одежду ткали,
А дворник подметал метлой.

* * *

Видел в подворотнях я
Старый-старый дом.
Там гуляла девочка
С голубым платком.
Розовым сиянием
Окружила нас,
Не сводил с нее я
Карих своих глаз.
В платье, будто Золушка,

Там была она.
Тихи в доме шелесты,
Стены изо льна.
В старом-старом домике,
В темном уголке
Я влюбился в девочку
В голубом платке.

Река детства

Детства моего река,
Голос мне ее знаком.
Льется вниз и вверх дуга
Там, где белоснежный дом.
Ты могучая река,
Ты Днестра ближайший друг.
Хоть немного и тонка –
Река детства Турунчук.

Искусство – жизнь – искусство

- 200 Алена Яворская**
«Былой галантности нелепый слепок»
- 213 Елена Колтунова**
Это случилось однажды летом
- 229 Наталья Панасенко**
Одесское окружение Корнея Чуковского:
Лифшицы и Лемберки
- 251 Валерий Романов**
«Лучше всего поется дома»
- 270 Евгений Деменок**
Не нужно бояться мечтать
- 291 Евгений Голубовский, Евгений Деменок**
Экслибрисы Давида Беккера

Алена Яворская

«Былой галантности нелепый слепок»

Загадка инженера Бабичева

Как известно, одесские писатели юго-западной школы часто и охотно использовали в своих произведениях реальные детали своей биографии, придавали своим героям черты родственников и знакомых.

Первенство принадлежит, бесспорно, Валентину Катаеву. И не только в поздней прозе, но и в ранней. Рассказ «Отец» (1922-1925) – об аресте и пребывании в тюрьме. Рассказ «Бездельник Эдуард» (1925) – о женитьбе и семейной жизни Эдуарда Багрицкого.

Не отставали от старшего брата и друга и Евгений Петров с Ильей Ильфом. В «12 стульях» чуть ли не все герои списаны с натуры, начиная с Остапа Бендера. Не щадили ни близких, ни дальних родственников, ни друзей, ни знакомых. Ильф даже о том, как целовался с женой под звуки примуса, написал.

Об одесском периоде биографии Семена Гехта документов никаких не сохранилось, но его достаточно легко можно восстановить по разбросанным в рассказах и повестях упоминаниям об учебе и литературном дебюте.

Забавный эпизод времен Гражданской войны описан поэтессой Зинаидой Шишовой. «Поэт, художник и политик» Вениамин Бабаджан, все годы Первой мировой войны прослуживший в армии, издал в 1916 году книгу стихов «Кавалерийские победы» под псевдонимом «Клементий Бутковский». И вот в 1918 году «этот несуществующий Бутковский «вочеловечился». Явился в магазин, где помещалась наша «редакция», не помню – прапорщик или поручик Бутковский, и потребовал гонорар за стихи».

А герой книги Юрия Олеши «Зависть» Андрей Бабичев вряд ли гонорар потребовал. Впрочем, и Иван Бабичев в этом замечен

не был. Хоть скорее всего, братья Бабичевы – это один и тот же человек.

Вот Андрей Бабичев, описанный Кавалеровым, страшный, грозный, неумолимый и устрашающий:

«Андрей Петрович Бабичев, занимает пост директора треста пищевой промышленности. Он великий колбасник, кондитер и повар. <...> гражданин очень солидного, явно государственного облика. <...>

Я видел надвигающегося на меня Бабичева, грозного, неодолимого идола с выпученными глазами. Я боюсь его. Он давит меня. Он не смотрит на меня – и видит насквозь. Он на меня не смотрит. Только сбоку я вижу его глаза, когда лицо его повернуто в мою сторону, взгляда его нет: только сверкает пенсне, две круглые слепые бляшки. Ему неинтересно смотреть на меня, нет времени, нет охоты, но я понимаю, что он видит меня насквозь. <...>

Стоило ему вступить с кем-нибудь в разговор, как возле него смыкался круг. Все слушали его с почтительным вниманием. Он красовался в своем сером костюме, грандиозный, выше всех плечами, аркой плечей. На животе у него на ремнях висел черный бинокль. Слушая собеседника, он закладывал руки в карманы и тихо качался на широко расставленных ногах с пятки на носок и с носка на пятку. Он часто почесывает нос. Почесав, он смотрит на пальцы, сложенные щепоткой и близко поднесенные к глазам».

Андрей – гениальный колбасник, герой современной промышленности, строитель сытого будущего.

А брат его Иван – антипод, отчасти пародия. Если Андрей – «грозный идол», то Иван – «толстенький человек». Биографию его Олеша описывает подробно:

«В Петербурге Иван Бабичев окончил Политехнический институт по механическому отделению как раз в том году, когда казнен был брат Роман. Инженером работал Иван в городе Николаеве, близ Одессы, на заводе Наваль, вплоть до начала европейской войны.

<...> Да был ли он когда-либо инженером?

В тот год... (время Гражданской войны. – А. Я.) Иван занимался промыслом малопочтенным, а для инженера – просто позорным.

Представьте, в пивных рисовал он портреты с желающих, сочинял экспромты на заданные темы, определял характер по линиям руки, демонстрировал силу своей памяти, повторяя пятьсот любых прочитанных ему без перерыва слов.

Иногда он вынимал из-за пазухи колоду карт, мгновенно приобретая сходство с шулером, и показывал фокусы.

Его угощали. Он присаживался, и тогда начиналось главное: Иван Бабичев проповедовал.

О чем он говорил?

– Мы – это человечество, дошедшее до последнего предела, – говорил он, стуча кружкой по мрамору, как копытом. – Сильные личности, люди, решившие жить по-своему, эгоисты, упрямы, к вам обращаюсь я, как к более умным, – авангард мой! Слушайте, стоящие впереди! Кончается эпоха. Вал разбивается о камни, вал закипает, сверкает пена. Что же хотите вы? Чего? Исчезнуть, сойти на нет капельками, мелким водяным кипением? Нет, друзья мои, не так должны вы погибнуть! Нет! Придите ко мне, я научу вас.

Он был неопрятен. Рубаха его, похожая на трактирную салфетку, всегда была раскрыта на груди. Вместе с тем появлялся он, случалось, и в крахмальных манжетах, но грязных. Если можно соединить неопрятность со склонностью к щегольству, то ему это удалось вполне. Например: котелок. Например: цветок в петлице (остававшийся там чуть ли не до превращения в плод). И, например: бахрома на штанах, и от нескольких пуговиц пиджака – лишь хвостики».

Кто же они, братья Бабичевы? С кого списаны? В 1934, после смерти Эдуарда Багрицкого, собирали воспоминания друзей. Михаил Файнзильберг, старший брат Ильфа, вспоминал о литературной жизни 1920 года: «Работники РОСТА, художники и поэты, объединившись в «Коллектив поэтов» (всего человек 15), куда входил также и Багрицкий, собирались по вечерам на специально снятой для этого квартире, читали стихи, беседовали. Развлекались одним душевнобольным инженером Бабичевым, который страдал манией величия и считал себя «Председателем Коммуны Земного Шара». Все остальные были членами правления этой коммуны и несли различные функции. Устраивались заседания,

на которых обсуждались дела Коммуны. Именно на одном из таких заседаний Багрицкий внес поразительное предложение организовать «Чрезвычайную комиссию по борьбе с бездарностью». Это предложение было принято, и Багрицкий был назначен председателем этой комиссии». Итак, Михаил Файнзильберг называет фамилию – Бабичев.

Год спустя Марк Тарловский написал поэму-воспоминания «Веселый странник». Багрицкого он называет Диделем, по его стихотворению «Птицелов». А «душевнобольной инженер» обретает имя и отчество:

Откуда же среди повальных кепок,
Среди, я бы сказал, небритых морд
Белоперчаточный возник бы лорд,
Былой галантности нелепый слепок?

Но Дидель буркнул, дав ему сигарку:
«В моем кружке, в писательском кругу,
Что противопоставить я могу
Изысканно-приветственному шарку?

Мне свойственной манеры щирых батек,
Попали, мистер, вы в простецкий круг». –
«Считаюсь с формой комнаты, мой друг, –
Сказал пришелец, – я попал в квадратик».

<...>

Сядясь напротив, странный посетитель
Сказал: «Вы – Дидель. Именно для вас
Я дам отчет, свободный от прикрас,
О совершённом мною не хотите ль? –

Зима росла, – так начал он, – во мгле,
И не было ни вечера, ни утра,
И первый снег, как роковая пудра
На выцветшем и сморщенном челе,

Уже лежал на сумрачной земле.
Что думал я, расширив щели век,
Направив их загадочно и прямо,
Как два окна готического храма,

На море звезд, на пыль молочных рек,
На семь планет и их урочный бег?
Сиятельный голубокровный лорд,
Я сохранил в космических порывах

Дух прадедов моих честолюбивых,
Дух копоты и мудрости реторт,
Дух скепсиса... и фаустовский черт
Не раз гостил в мечтах моих шуточных.

Мой враг сходил к нам с неба для того,
Чтоб на земле, всевышнему любезной,
Упрочить власть бессменную его
И царствие премудрости небесной.

А я добыю спасения земли
Путем иным, но более чудесным,
Устроив так, чтоб сами мы ушли
На небеса к планетам неизвестным!..

...И вот я сел в чудесный аппарат,
И, смутную почувствовав тревогу,
Светило дня дало ему дорогу,
Переходя на пламенный закат.

Мир всё стоял – по-прежнему народы
Сосали кровь скудеющей природы,
По-прежнему надеялись рабы
На призраки сомнительной свободы,

И черный стяг безвыходной борьбы
Железные окутывал заводы.

Но я пришел, вернее, прилетел:
Узнайте же о лордовом успехе, –

Добился я того, чего хотел,
Мне на пути не встретились помехи,
Как ямщику, считающему вехи.
Трехлетнюю определили власть

Антихристу наивные пророки:
По их словам, он должен будет пасть,
Когда придет спаситель их далекий.
Но шлет земля в ночную пустоту

Милльон ракет, Антихристом рожденных,
И мчится сонм людей освобожденных
Наперерез грядущему Христу!
Что ж, пусть теперь свершится предсказанье,

Пусть лорд умрет и снидет век Христов,
Но где же он найдет учеников,
Когда они в глубинах мирозданья,
Когда грехи покинули людей,

И смыта кровь с нетленного распятыя,
И миру мир бросается в объятья,
Как юноша к возлюбленной своей!»

«Вот сладкой сумасшедшинки изюмец, –
Шепнул нам Дидель, малость помолчав. –
Не правда ли, довольно величав
В своем бреде сиятельный безумец?

Друзья мои, я встретился вчера с ним
И поспешил позвать сюда. Я знал,
С ним не заснешь, он – антиверонал
Для нас, так склонных к вымыслам и басням.

Он был подозреваем в шпионаже
И раза два садился под арест,
Не буен, и за наименьшем мест
Из клиники давно не изгнан даже.

Здесь у него сестра. Веселый братик
Живет на антресолях у родни,
Работает, корчует где-то пни,
Когда-то знаменитый математик.

И жалко мне его: с вином цистерну
Так лопнувший со шпал сгоняет рельс,
Так путается в клетках грозный ферзь
И ходит гениально, но неверно.

<...>

Андрей Петрович, лорд и гордость мира!
Вы голодны, и это вам во вред.
Вот пропуск мой, пойдете. На обед
Сегодня каша с капелькою жира!»

В примечаниях к поэме Тарловский написал: «В этой сцене фигурирует реальная личность. Отношения между нею и окружающим миром обрисованы почти документально».

В воспоминаниях о Юрии Олеше Лев Славин описал еще один эпизод из жизни «Коллектива поэтов»:

«Сюда приходили художники, артисты, ученые и просто странные люди. У одного из них через много лет Олеша взял имя для героев «Зависти»: Бабичев.

Имя и некоторые черты. И для Андрея, и для Ивана, ибо в странном посетителе «Коллектива поэтов» дивным образом соединялись черты обоих братьев. Это был самый благовоспитанный сумасшедший на свете.

О безумии его вы догадывались только, когда посреди увлекательного разговора он вдруг сообщал вам, все теми же корректными интонациями учтивого человека, что он председатель ком-

муны земного шара, а кроме того, как бы по совместительству, Антихрист.

– А жена моя наоборот – Тсирхитна, – добавлял он с тихой улыбкой.

И он разводил руками несколько извиняющимся жестом, как бы говоря: вот ведь какая бывает порой игра природы...

Иногда его встречали на рынке, где он самым прозаическим образом торговал слесарным и столярным инструментом, ибо с безумием Ивана Бабичева он соединял практичность Андрея Бабичева.

Завидев кого-нибудь из нас, он мгновенно скрывался. Псих-псих, а все-таки он понимал, что базарная торговля несовместима с престижем Антихриста. Исчезал он с непостижимой быстротой и потом объяснял нам, что сделал это посредством присущего ему дара «внепространственного транспорта». Олешу восхищало чисто звуковое сочетание этих слов.

Нас предостерегали от Бабичева, говорили, что иногда он бывает буен. Но бедный безумец привязался к нам и всюду ходил с нами, как прирученный гепард. Один раз его неистовство все же вырвалось на волю.

Это случилось ночью. Большой зал «Коллектива поэтов» полон. Лампы не зажжены. Но светло от луны, прущей в широко открытые окна.

Бабичев играет на рояле. Он был хорошим музыкантом. Он импровизировал. Это было нечто нежное, чуть печальное, почти баюкающее. Внезапно – град безобразных бессмысленных звуков.

Бабичев вскочил, не переставая барабанить. И вдруг он поднял руки и заревел. Ни с чем невозможно сравнить этот рев. В нем была мука смерти, и разгул садизма, и бешенство убийцы. Он ревел, кривляясь и корчась в лунном сиянии. И это было так отвратительно и страшно, что все стали разбегаться. А я, Илья Ильф и Павел Мелисарато выбежали в соседнюю комнату, захлопнули дверь и придвинули к ней большой дубовый стол.

Тяжело дыша, мы переглянулись. Ильф чуть сощурился и сказал: – Это из него заревел Антихрист.

Нам стало смешно и немножко стыдно. Мы отодвинули стол и вошли в зал.

Через него шла молодая белокурая женщина. Ее вел Олеша. Со стула за роялем бесформенной кучей свисал Бабичев. Женщина взяла его за руку. Он поднялся и покорно поплелся за ней. Это была его жена и антипод – Тсирхитна. Ее вызвал сюда Олеша, единственный из всех нас, кто не растерялся.

Он тоже испугался, как все мы. Но преодолеть страх ему помогла его доброта».

В «Зависти» Иван Бабичев выступает со странными речами: «Вот я стою на высотах, озирая сползающую армию! Ко мне! Ко мне! Велико мое воинство! Актерики, мечтающие о славе. Несчастливые любовники! Старые девы! Счетоводы! Честолюбцы! Дураки! Рыцари! Трусы! Ко мне! Пришел король ваш, Иван Бабичев! Еще не настало время, – скоро, скоро мы выступим... Сползайте, воинство!» И ему угрожают сумасшедшим домом. «– Вас, Иван Петрович, надо посадить на Канатчикову дачу, – сказал, зевая, Володя».

Сумасшедший дом, арест – это биография Ивана Бабичева из «Зависти».

«Проезжал будто по очень шумному месту (одни называли Неглинный у Кузнецкого моста, другие – Тверскую у Страстного монастыря) автомобиль, в котором сидел солидный гражданин, полный, краснощекий, с портфелем на коленях.

И как будто выбежал из толпы с тротуара его брат Иван, тот самый, знаменитый человек. Он, завидев катящего брата, стал на пути машине, распахнув руки, как стоит огородное чучело или как останавливают, пугая, понесшую лошадь. Шофер успел замедлить ход. Он подавал сигналы, продолжая медленно накатываться, но чучело не сходило с дороги.

– Стой! – воскликнул во весь голос человек. – Стой, комиссар! Стой, похититель чужих детей!

И ничего не оставалось шоферу, как затормозить. Поток движения осекся. Чуть ли не вздыбились многие машины, налетев на переднюю, а автобус, заревев, остановился, весь придя в беспокорность, готовый покориться, поднять слоновьи свои шины и попятиться...

Распростертые руки стоящего на мостовой требовали тишины. И все смолкло.

– Брат, – проговорил человек. – Почему ты едешь в автомобиле, а я хожу пешком? Открой дверцу, отодвинься,пусти меня. Мне тоже не подобает ходить пешком. Ты вождь, но я вождь также.

И действительно, на эти слова подбежали к нему с разных сторон люди, из автобуса выскочили некоторые, другие покинули окрестные пивные, с бульвара примчались третьи, – и тот, сидевший в автомобиле, брат, поднявшись, громадный, увеличившийся от стояния в автомобиле, увидел перед собой живую баррикаду.

Грозный вид его был таков, что казалось, он сейчас шагнет и пойдет по машине, по спине шофера, на них, на баррикаду, сокрушающим – на всю высоту улицы – столбом...

А Ивана – точно подняли на руки: он вознесся над толпой приверженцев, покачивался, проваливался, выдергивался; котелок его съехал на затылок, и открылся большой, ясный, усталого человека, лоб.

И стащил его брат Андрей с высоты, схватив за штаны на животе жменей. Так он и швырнул его милиционеру.

– В ГПУ! – сказал он.

Едва произнесено было волшебное слово, как все, востепенувшись, вышло из летаргии: сверкнули спицы, втулки завертелись, захлопали двери, и все те действия, которые начаты были до летаргии, получили свое дальнейшее развитие.

Иван находился под арестом десять дней.

Его отпустили, пригрозив высылкой.

Что могли инкриминировать ему в ГПУ?

– Вы называли себя королем? – спросил его следователь.

– Да... королем пошляков.

– Что это значит?

– Видите ли, я открываю глаза большой категории людей...

– На что вы открываете им глаза?

– Они должны понять свою обреченность».

Как уже говорилось, одесские писатели использовали подлинные события, разве что время могли изменить. Книжного Ивана Бабичева арестовало ГПУ в конце 1920-х. А реального Андрея Бабичева – ЧК в 1920 году. Ибо Олеша использовал все – фамилию, имя, отчество.

Протокол заседания Малой коллегии ОГЧК от 18 июля 1920:
«Дело Бабичева Андрея Петровича. Обв. [иняемому] в шпионаже и контр-револ. 27 лет. Содержится в губтюрьме. Освободить и направить в психиатрическую больницу. Дело прекратить и сдать в архив».

В том же 1920 году одесский журнал «Театруда» публикует статью «Реплика инженера-технолога А.П. Бабичева, сказанная им на 24-м устном сборнике Южно-русского общества писателей, посвященному жизнетворчеству театра». И становятся понятны приписываемые Ивану Бабичеву из «Зависти» обращения к актерам и упоминания его о театре. Вот о чем говорил Андрей Бабичев в 1920 году:

«Перед вами человек, которому история дала право привлечь все факты, его окружающие, к ответу: задать каждому факту в отдельности следующий вопрос: Ты, факт, для чего ты существуешь, когда ты родился, и когда намерен умереть. С этим вопросом я обращаюсь к тому, что сегодня перед нами – к театру.

– Театр, ты факт жизни для чего ты существуешь, когда ты родился, когда намерен умереть. Я, наделенный историей правом задать такой вопрос, емь Революция Вселенной и от ее имени привлекаю к ответу театр.

<...>

Социальная революция есть процесс объединения всего человечества в одно общество – Церковь Вселенной, которая вмещает в себя все исторические церкви, рождается в театре, который есть отражение жизни. Современный театр есть то, что и объединило, и в себе вместило все искусства. Современный театр есть тот фокус художественного творчества человека, в котором может родиться новая форма жизни; и эта новая форма – Церковь Вселенной, рождается в современном театре, его до тла разрушая. Социальная революция – революция материи, вносит в театр кусок материи и требует, чтобы этот кусок материи был обработан. Она вносит станок и подлинного, а не бутафорского труда для создания нового продукта жизни. Этого требует сама материя. Это ее священное право. Умиравший современный театр – театр повторения написанного слова. Театр рождающейся Церкви Вселенной есть театр рождения слова в порядке импровизации, есть

театр, переходящий от театра православной церкви, об алтаре, примкнутом к стене, к театру, к театру католического храма, в котором тайнодействие имеет место посреди храма, так что место тайнодействия можно обойти вокруг не только вне храма, но и внутри. Рождающийся театр Вселенной – театр труда есть театр квадрата, разделенного на девять малых квадратов, где сцена занимает средний квадрат, публика занимает квадраты, накрест лежащие относительно сцены и угловые квадраты, отведены кулисам, в которых публика принимает образ, нужный для действия сцены, сама сцена обслуживается снизу и сверху. Театр становится местом труда, местом сцены.

<...>

И смерть нынешнего театра есть момент полного раскрытия его вовне, есть момент растворения его как театра труда за совесть во всей толще жизни – есть момент одухотворения труда – момент победы и окончания Социальной Революции, сменяющейся равновесием Воли Вселенной в Идеале».

Квадрат, о котором упоминал Тарловский, возникает в единственной достоверной речи Андрея Петровича Бабичева.

Что еще известно об Андрее и вообще о Бабичевых? В 1912 году жили в Одессе два Бабичевых, вероятнее всего, брата – Петр Андреевич и Феодор Андреевич.

Петр был купцом, домовладельцем, жил на Большой Арнаутской, 77.

А вот Феодор пошел по научной части. Жил он в астрономической обсерватории в Александровском парке. Был наблюдателем обсерватории, депутатом 1-го Общества взаимного кредита, состоял в педагогическом обществе взаимопомощи высших женских курсов, обществе вспомоществования нуждающимся учащимся гимназии А.В. Горевой, имел собственный телефон – 39-54.

Андрей – бесспорно, сын Петра Андреевича. Из протокола ЧК известно, что в 1920 ему было 27 лет. Значит, родился он в 1893 году. Но есть одна загадка. Среди выпускников Одесского коммерческого училища за 1903 год есть студент Санкт-Петербургского технологического института Андрей Бабичев. Что это? Удивительное совпадение имени, фамилии, образования? Ошибка в документах ЧК? В списках Коммерческого училища? Можно было бы уточнить

возраст ребенка по результатам переписи 1897 года, но, увы, материалы по дому 77 по Большой Арнаутской не сохранились.

А еще Коммерческое училище окончил в 1899 году Иван Бабичев. Судя по тому, что после учебы он был «в деле отца в Одессе», – это старший брат Андрея. И еще один Бабичев – Николай – то ли родной, то ли двоюродный брат, был вольнослушателем Коммерческого училища, получал стипендию одесского 1-й гильдии купца потомственного почетного гражданина Александра Яковлевича Новикова, а после окончания училища в 1892 году стал представителем фирмы «Лемме» в Ростове-на-Дону.

Возможно, внешность Андрея Бабичева из «Зависти» Олешей списана с натуры. Таким ли был реальный инженер-технолог Андрей Петрович Бабичев, сидевший и в ЧК, и в сумасшедшем доме, завсегда литературных вечеров в «Коллективе поэтов»? Вряд ли мы узнаем об этом.

«Голова у него низко острижена, усы короткие – под самым носом. Он похож на большого мальчика-толстяка. <...>

Я увидел эту спину, этот тучный торс сзади, в солнечном свете, и чуть не вскрикнул. Спина выдала все. Нежно желтело масло его тела. Свиток чужой судьбы развернулся передо мною. Прадед Бабичев холил свою кожу, мягко расположились по туловищу прадеда валики жира. По наследству передались комиссару тонкость кожи, благородный цвет и чистая пигментация. И самым главным, что вызвало во мне торжество, было то, что на пояснице его я увидел родинку, особенную, наследственную дворянскую родинку – ту самую, полную крови, просвечивающую, нежную штучку, отстающую от тела на стебельке, по которой матери через десятки лет узнают украденных детей.

«Вы – барин, Андрей Петрович! Вы притворяетесь!» – едва не сорвалось с моих уст».

Елена Колтунова

Это случилось однажды летом

Странно, но когда я припоминаю какие-нибудь истории, связанные с Одесской киностудией художественных фильмов, то оказывается, что все эти истории происходили в разгар лета какого-нибудь года. Можно подумать, что зимой студия не работала, фильмы не снимались. Но это ведь не так. Скорее всего, лето раскрепощает людей, толкает их на поступки, которые им зимой и в голову бы не пришли. Ну, например, не стали бы мой отец, киносценарист Григорий Колтунов, и режиссер Виктор Жилин заключать пари, за результатом которого с небескорыстным интересом следила вся киностудия.

Жаркое лето 56-го

В то лето Виктор Жилин ставил на Одесской киностудии свой ставший впоследствии популярным фильм «Моя дочь». Этим же летом отец стал наконец полноправным владельцем своей «Победы». До этого момента, с января 1954 года, «Победой» на паритетных началах владели он и его друг – кинооператор Леонид Кан, скинувшиеся на покупку машины по восемь тысяч рублей. В конце концов им эта история надоела, тем более что Кан постоянно проживал в Москве, а отец в Одессе. Отец отдал Леониду причитавшиеся тому за пол-автомобиля деньги, и тот купил себе трофейный «Опель».

Точно такой же «Опель» был у Жилина.

Когда папа на своей «Победо» приехал на киностудию и похвастал тем, что машина теперь до последней гайки принадлежит только ему, а Леня ездит на подержанном «Опеле», Жилин

заявил, что отец прогадал, потому что самый старый «Опель» лучше любой даже новой «Победы». И, мол, он, Жилин, свой «Опель» никогда ни на какую «Победу» не променяет. Завязался спор, каждая сторона отстаивала достоинства своей машины. Зашла речь и о маневренности.

– Да ваша «Победа» никогда в жизни не развернется там, где развернется мой «Опель»!

Пока спор носил теоретический характер, собравшиеся вокруг спорщиков студийцы, время от времени вставлявшие в диспут свои пять копеек, делали это довольно вяло. Машин практически больше ни у кого в те годы не было, так что реакция на спор была отстраненная. Но когда речь зашла об испытании, народ потребовал заключить пари, призовым фондом которого должен был стать ящик шампанского. И пари было заключено.

В студийном парке выбрали на одной из аллей подходящее место, и испытания начались. Первым стартовал Жилин на своем «Опеле». Он на небольшой скорости мягко провел разворот, доехал до конца аллеи, повернул назад и еще раз на большей уже скорости продемонстрировал достоинства своего автомобиля и свой шоферской талант. Затем стартовал отец. Он с легкостью проделал то же самое, и даже на больших скоростях.

– Все, Виктор, тащи шампанское! – загалдел мучимый жадой народ.

– Да нет, ребята, это не в счет. Здесь и телега развернется. Вот на Приморском бульваре есть местечко! Вот там пусть попробует развернуться.

Народ помчался на бульвар. Желающих видеть состязание набралось столько, что забитыми под завязку оказались не только обе машины спорщиков, но и прихваченный в ажиотаже в качестве транспортного средства тонваген.

Как-то эту историю мы вспоминали с известным тонмейстером Игорем Вигдорчиком, ленинградцем, работавшим в те годы на Одесской киностудии (позже на Ленфильме именно он озвучивал все картины Иосифа Хейфица и фильмы других крупных режиссеров). К сожалению, мы не смогли вспомнить, какое именно место на знаменитом одесском Приморском бульваре послужило испытательным полигоном. Вспомнили лишь, что это происходи-

ло вблизи Думской площади, где бордюры и что-то выгораживавшая цепочка камней создавали необходимые условия для решения спора, и что задача действительно была непростой: слишком мал был радиус разворота.

Поэтому было решено ужесточить условия пари. Ящик шампанского сочли мизерной ставкой. На кон были поставлены машины – отцовская «Победа» против Жилинского «Опеля».

На этот раз первым стартовал отец. О том, чтобы дать скорость, не могло быть и речи. Медленно, аккуратно отец заставил машину развернуться чуть ли не на месте, не задев бордюрно-го камня. Настала очередь Жилина. После успеха отца он явно нервничал. И то ли нервы подвели, то ли не такой уж он был ас, а может, виноват был «Опель», но только чистенько развернуться Жилину не удалось. Правым колесом он выскочил на бордюр.

Компания молча расселась по машинам и отправилась обратно на киностудию.

На киностудии так же молча вышли из машин и замерли в напряженном ожидании. Жилин вышел последним. Бледный, как полотно, он подошел к отцу и протянул ему ключи от «Опеля».

– Ладно, – сказал отец, – это была шутка.

– А я говорю, берите ключи! – закричал Жилин срывающимся голосом. – Пари есть пари.

– Кто победитель, я? Значит, я имею право смягчить условия пари.

– Ну тогда пусть тащит шампанское! – заинтересованно завопили свидетели.

– Пусть Виктор вылезет на крышу своего «Опеля» и трижды крикнет: «Я чудак, я чудак, я чудак!» (вообще-то, предложенное отцом короткое слово было одесским синонимом слову «чудак» и даже ловко рифмовалось с ним).

– Нет, пусть гонит шампанское! – заорал жаждающий народ. – Он и за первое пари еще не рассчитался.

Жилин молча направился в студийный буфет, молча принес и поставил ящик шампанского, так же молча забрался на крышу своего «Опеля», с неподдельным чувством выкрикнул трижды предложенную фразу, сел в машину и укатил. Шампанское распили без него.

Жаркое лето 78-го

В это лето на Одесской киностудии Георгий Юнгвальд-Хилькевич ставил своих «Мушкетеров». Только недавно Михаил Боярский и Вениамин Смехов в какой-то из телепередач вспоминали это славное время – дружбу, сблизившую трех мушкетеров и одного гвардейца, количество выпитого молдавского и шабского вина и... успех, которым они пользовались у особ женского пола. Одесские мальчишки тоже были в восторге от того, что именно здесь, в Одессе, обрели плоть и кровь Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян. Когда шел монтаж фильма, каждый вырезанный и выброшенный в корзину кадрик ценился на вес золота. Он тут же подбирался ребятами, подрабатывавшими на киностудии, и продавался за ее пределами. В звукоцехе работал тогда некто Димка М. Этот шестнадцати-семнадцатилетний парнишка тоже охотился за популярными кадриками, продажа которых сулила прибыль. Однажды поздним вечером ему удалось незамеченным добраться до коробок с уже смонтированным фильмом и вырезать из него два или три десятка кадров. На следующий день предстояло сведение видеоряда с саундтреком. Работа была срочная, фильм надо было везти в Москву. И тут обнаружилось, что лента испорчена, сведение не получалось. Юнгвальд-Хилькевич пришел в ярость и отчаяние. Довольно быстро был вычислен виновник порчи. Как ни пытались успокоить режиссера коллеги, как ни хватали его за руки, ни оттаскивали его от великовозрастного обалдуя, Димка был жестоко избит. Родители Димки подали на режиссера в суд. Было заведено уголовное дело. Судья явно сочувствовал режиссеру, поэтому решение о наказании было какое-то формальное. Кадры, конечно, пропали безвозвратно. И те, кто в курсе дела, при внимательном просмотре фильма сразу отмечают покаленные места. То актер где-то заикнется, то Миледи, отравив госпожу Бонасье, как-то уж очень резко выскакивает из окна. А впрочем, любимый фильм нужно смотреть, не обращая внимания на такие мелочи.

Жаркое лето 85-го

Фильм «Искушение Дон Жуана» ставил на Одесской киностудии Василий Левин – режиссер, которому зрители были обязаны такими прекрасными фильмами, как «Повесть о первой любви», «Здравствуйте, доктор!», «Последнее дело комиссара Берлаха», «Капитан Немо» и др. Сценарий фильма был создан моим отцом Григорием Колтуновым по драме Леси Украинки. Отец в то лето очень болел, ставился диагноз «ползучий инфаркт» (так, по крайней мере, его произносила районный кардиолог). Пришлось отцу лежать больше месяца. А у Василия Николаевича что-то не ладилось. Когда почти половина фильма была уже снята, худсовет, забрав отснятый материал, принял решение прекратить производство картины. И тогда отец, забыв про сердце, помчался спасать фильм. Ситуация была сложная. Очень поджимали сроки. Отец ежедневно в семь часов утра уезжал на съемочную площадку, возвращался за полночь. Что-то им было переснято заново. Изменены грим и прическа Донны Анны – она сразу стала моложе и привлекательнее. Был найден актер, перезвучивший Ивара Калныньша в одной из двух его ролей (актер играл и Дон Жуана, и Командора). Отец, в свое время окончивший консерваторию, нашел музыкальное решение фильма. Вся вторая половина картины была фактически поставлена отцом.

Таким образом, Колтунов и Левин стали сорежиссерами. И тут встал вопрос о титрах. Чье имя ставить первым, чье – вторым. Казалось бы, проще всего – по алфавиту: Колтунов, Левин. Но Василий Николаевич не соглашался, он начинал фильм, и в таком расположении фамилий ему виделся намек на то, что его хотели отстранить от съемок. Отец же был против того, чтобы фамилия Левин стояла первой. Когда фамилии пишутся не в алфавитном порядке, напрашивается мысль, что тот, кто поставлен вторым, и есть второй, если не просто примазавшийся. А ведь отец не просто спас картину, он вложил в нее огромный творческий и физический труд.

Тогда Говорухин предложил гениальное решение проблемы. В титрах фамилии обоих режиссеров расположены по диагонали. В верхнем правом углу экрана значится имя отца –

Григорий Колтунов, в нижнем левом углу – Василий Левин. Хитрость в том, что хотя имя отца расположено выше, но имя Левина – левее. А в европейском написании все читается слева направо и сверху вниз. Так что правый верхний угол оказывался равнозначным нижнему левому. Когда было принято такое соломоново решение, страсти поутихли, да и летняя жара к этому времени спала.

Жаркое лето 43-го

Вспомнилась мне еще одна, если можно так выразиться, киностудийная история. Правда, случилась она не на одесской киностудии, а на тбилисской, и не в мирное послевоенное время, а как раз в самый разгар войны, точнее – в ее переломный момент, лето 1943 года. Но, как мне кажется, по курьезности она просто просится в эффектный финал.

В феврале-марте 1943-го отец с бригадой военных кинооператоров по следам Сталинградской битвы снимал хроникально-документальный фильм. Фильм монтировался на Тбилисской киностудии, на которой отец служил во время войны. Летом, работая над монтажом отснятого материала и, как скупец, дрожа над каждым отснятым миллиметром пленки, отец задумал создать фильм-памфлет «Когда Геббельс не врет», используя некоторые кадры кинохроники. Фильм по его замыслу должен был строиться на том, чтобы любое высказывание Геббельса «подтверждалось» этими кадрами. Например, главный пропагандист Гитлера заявляет: «Советские дети встречают немецких солдат радостным хороводом». И на этих словах возникают кадры полуразрушенного знаменитого Сталинградского фонтана, окруженного хороводом... гипсовых детей.

Однажды, когда отец в монтажной просматривал кадры хроники, которые могли бы ему пригодиться для осуществления замысла, его попросили зайти в дирекцию – у руководства студии к нему большая просьба. Отца просили срочно заменить на просмотре трофейного американского фильма внезапно заболевшего синхронного переводчика с английского языка.

Тут надо сказать, что время от времени на киностудии демонстрировали трофейные фильмы. Отец часто брал меня с собой на эти просмотры. Мне запомнились такие американские ленты, как «Юнион Пасифик», «Это случилось однажды ночью», «Тетка Чарлея» и, конечно же, «Дилижанс» Форда. Посмотрела я и два замечательных английских фильма: фантастически роскошный «Багдадский вор» Корды и уморительную комедию «Джордж из Динки-джаза», куплеты из которой, после того как фильм попал в СССР в прокат, в вольном переводе на русский язык распевала вся страна. Помню их по сей день.

Подарил мне дед портянку,
А сам ее три года не стирал –
Вода ведь грязь не смоем,
А мыло денег стоит,
А деньги в наше время капитал.

Однажды к нам забрались воры.
Никто из них опасности не ждал.
С портянкою столкнулись
И сразу задохнулись.
Наутро я их трупы убирал.

Подарил мне дед рубашку,
А сам ее три года не стирал.
А в этой-то рубашке
Да завелись букашки,
И я ногами их топтал.

Однажды к нам забрались воры,
Никто из них опасности не ждал.
Как тронули рубашку,
На них бегом букашки.
Наутро я их трупы убирал.

Надо уточнить, что последние два фильма были не трофейными. Картину «Багдадский вор» в знак симпатии подарил

Советскому Союзу ее автор Александр Корда, а «Джордж из Динки-джаза» был передан по ленд-лизу.

Попадались и немецкие фильмы, но ни в какое сравнение с вышеназванными, большинство из которых было увенчано высшими кинематографическими наградами, они не шли.

Фильмы, как было сказано, демонстрировались под синхронный перевод. Отца попросили переводить дважды оскароносный фильм американского режиссера Уильяма Уайлера «Иезавель» с гениальной Бетт Девис и Генри Фонда в главных ролях.

– Но я не знаю английского. Кому пришло в голову, что я могу переводить фильм?

– Мне пришло, батона, мне пришло. Вовремя пришло, гостей на просмотр ждем, вот-вот приедут. Батона, не отказывайся, мамой прошу, ты же на английском говоришь лучше, чем я на русском. Сам слышал, – взмолился главный редактор студии.

– Что слышал, где ты слышал?!

– Как где? Почему говоришь – где? Здесь слышал, – он обвел рукой приемную директора, в которой проходил разговор.

– Ты по-английски с этим говорил, с другом твоим, Зискиндом, с Яшей.

Отец все понял и расхохотался.

Яков Зискинд – драматург и сценарист, эвакуировался вместе с нами из Одессы. Его так же, как моего отца, коробило то, что даже грузинская интеллигенция, свободно владеющая русским, считала возможным при них говорить по-грузински. Поэтому однажды на студии отец и Зискинд, которым надоело пребывать в роли статистов в обществе бесцеремонно беседующих при них на своем языке коллег, демонстративно заговорили на идиш, которым, кстати, дома не пользовались (это был конспиративный язык моих бабушек и дедушек, надеющихся, что я не пойму, о чем они говорят). Грузины опешили. Урок, к сожалению, им впрок не пошел, но случай запомнили.

– Слушай, дорогой, зачем смеешься? Когда мы тогда спросили, на каком языке беседуете, ты же сам сказал, что на английском. Так и сказал: «На инглиш». Все слышали.

– Какой *инглиш*? Я сказал «на *идиш*». На еврейском, значит. Это ты, дорогой, просто не расслышал.

– Слушай, какая разница: англиш – идиш. Грузины евреев уважают. Ты пойми, у нас сегодня на просмотр большой гость придет. Очень большой гость – командующий Закавказским военным округом генерал Тюленев. И не один, со своим штабом. Не подведи, дорогой.

– Да вы что, смеетесь? Командующий округом... Да я...

– Майца! Подожди, генацвале! Не кричи! Фильм, как я помню, титрованный, надо посмотреть, а вдруг тот язык тебе подойдет, – вмешался киномеханик.

Титры оказались польские.

Кто-то из присутствующих проявил историко-географическую осведомленность, заверив, что польский и украинский язык – близнецы-братья, а «батона Григорий из Одессы, которая на Украине, и он не может не знать украинский язык».

Батона Григорий язык украинский знал, понял, что ему не отвертеться, и, понадеявшись на авось, на свое знание украинского и на действительное сходство с ним польского, дал согласие.

Времени на предварительный просмотр всего фильма уже не оставалось. Студийное начальство в полном составе бросилось встречать высокопоставленных гостей, а отец прошел в просмотрный зал и сел за кафедру переводчика. Он успел посмотреть только два первых эпизода.

Начало было обнадеживающим. После знакомой заставки «Warner Brothers» и титров с именами актеров выплыла надпись: «New Orleans, 1852». Пока все было просто. Уж это он переведет.

Дальше последовала сцена, в которой между главными героями фильма происходил какой-то бурный разговор. То и дело в польских субтитрах мелькало слово «склеп». Значит, речь идет о кладбище. А затем началась сцена бала, на котором среди молодых девушек в белых платьях появилась героиня в черном. Все ясно, она в трауре. И у отца в голове выстраивается сюжет...

Здесь необходимо рассказать о том, что в действительности происходило на экране. Своенравная героиня фильма ссорится со своим женихом, не пожелавшим сопровождать ее в магазин (по-польски – *склеп*) для выбора наряда на предстоящий олимпийский бал. Назло ему она появляется на этом балу в вызывающем

красном платье, хотя строгий этикет того времени предписывает незамужним девицам появляться на балу только в белом.

Но отец о таких строгостях dress code аристократического общества Америки середины XIX века понятия не имел, а лента была черно-белая, так что красный цвет на экране смотрелся как черный, траурный. И в соответствии с этим отец и озвучил для высокопоставленных гостей, когда их завели в зал и рассадили в соответствии с рангами, первые эпизоды фильма. Дальше пришлось отталкиваться от исходной версии, одновременно ориентируясь на происходящее на экране и на польские субтитры. Актеры, особенно главная героиня, играли столь выразительно, что у отца, выросшего на немом кино (более того, он одно время в молодости подрабатывал тапером в кинотеатрах), эпизоды органично нанизывались один на другой. Он увлекся и уже не просто «переводил», а эмоционально «дублировал» произносимый на экране текст. Он даже перестал обращать внимание на польские субтитры. Тем более что они стали сбивать его. Например, что такое «пышна кобыета»? В начале фильма несколько раз встречалось это выражение. Поскольку на экране в это время мелькала лошадь, то отец перевел эти слова, как «упитанная кобыла». Правда, потом он заметил, что на экране не кобыла, а жеребец. Поэтому, когда в следующий раз в субтитрах он увидел эту таинственную «пышну кобыету», но никаких лошадей – ни кобыл, ни жеребцов – на экране не было, а вместо них бегала маленькая белая кудрявая собачка, отец перевел эти сакраментальные слова как «кудрявая болонка». Его логика была безупречна: «кобыета» – это женский род от слова «кобель», только «кудрявую сучку» с учетом контингента гостей отец решил заменить подходящим эвфемизмом.

Словом, преодолев все трудности перевода, отец благополучно добрался до финала фильма. Зал разразился аплодисментами. Аплодировали и военные, и студийцы. К отцу подошел сияющий главный редактор:

– Видишь, дорогой, а ты боялся. Всегда будем звать тебя, а то этот переводчик скучно переводит, только бу-бу-бу, да бу-бу-бу. А ты просто за всех играл. Идем, тебя зовут.

Он подвел отца к генералу Тюленеву. Генерал пожал отцу руку и сердечно поблагодарил за блестящий перевод и доставленное удовольствие. И тут к отцу обратилась молодая красивая женщина, стоявшая рядом с генералом, возможно, его жена. Она тоже пожалала отцу руку, но как-то так, что одновременно, чуть задержав ее, отвела его в сторону.

Улыбаясь, она произнесла:

– Я тоже хочу от всей души вас поблагодарить. Такого удовольствия я никогда в жизни не получала, и уверена, что больше не получу. Я одновременно смотрела два фильма. Совершенно разных по сюжету, но одинаково интересных и увлекательных. Это было волшебно, гениально! Но я родилась в Польше. Польский – мой родной язык, так что могу на будущее вам подсказать. «Пышна кобыета» – это не «упитанная кобыла» и не «кудрявая болонка», а «роскошная женщина».

Не виноватая...

Не виновата я! Правда, не виновата! Не собиралась я скрывать пресс-конференцию. Я же не хулиганка, не нахалка, не наглая журналистка из какой-то желтой газетенки. Я из самой что ни на есть уважаемой газеты. *Но честное слово, он сам меня попросил...*

Вот как это было.

В Киеве проходил очередной Международный кинофестиваль дебютных фильмов «Молодость». В день три-четыре просмотра и не меньше трех пресс-конференций с кинодеятелями различного масштаба. Тяжело? Да, но дело привычное. За три десятка лет я вообще потеряла счет пресс-конференциям, на которых приходилось работать. Самое трудное – успеть захватить место в первом ряду и микрофон, пока он не пошел гулять по залу. Особенно в тех случаях, когда на встречу с журналистами соглашается кто-то из киношных китов. Вот пресс-конференцию с таким китом я и сорвала.

На встречу с режиссером Александром Сокуровым набежало столько народу, что не всем хватило сидячих мест, некоторым пришлось подпирать стены. Еще бы, создатель таких авторских

фильмов, как «Одинокий голос человека», «Дни затмения», «Молох», «Александра», «Солнце»...

Проявив прыткость, я сумела прорваться в зал с авангардом, усесться в первом ряду, и не успел еще герой дня занять почетное место, я, как примерная школьница, уже тянула руку. Микрофон у ведущей я получила первой.

Мой вопрос касался фильма «Солнце», хотя, честно говоря, имел к нему косвенное отношение.

Картина эта посвящена событиям в Японии 1945 года, когда император Японии Сева, нарушив многовековые традиции страны, 2 сентября был вынужден подписать акт капитуляции и в связи со столь позорной для японского менталитета акцией отрекся от своего божественного статуса потомка богини Солнца.

А мой вопрос был о том, не приходилось ли случайно уважаемому Александру Николаевичу слышать одну пикантную историю, происшедшую в Ленинградском зоологическом институте Академии наук. Я была уверена, что не слышал, и это мне давало шанс засветиться на фестивале, рассказав в трех словах суть происшедшего казуса. Однако, услышав, в чем было дело, Сокуров к неудовольствию присутствующих журналистов попросил рассказать историю не в трех словах, а подробнее. Под недовольный ропот коллег я приступила к рассказу.

Работала в вышеупомянутом институте в отделе фауны морей и океанов старшим научным сотрудником одна очень Ученая Дама с мировой известностью. Писала она умные статьи в отечественные и зарубежные журналы, а также вела интенсивную переписку с коллегами, в том числе и с зарубежными. Среди ее зарубежных корреспондентов был коллега из Японии, некто профессор Хирохито, который тоже много публиковался в научных журналах, и не только японских, и они обменивались статьями и новостями из жизни морских обитателей.

И вот однажды эта Ученая Дама получила от японского профессора подарок – авторскую роскошно изданную монографию с потрясающими иллюстрациями и фотоснимками.

Зависть охватила Даму. Разве можно сравнить эту яркую, сверкающую, как жар-птица, монографию, отпечатанную на мелованной бумаге, с теми невзрачными книжками, которые удалось вы-

пустить ей, пусть даже их научная ценность была не ниже, чем у японца?

Тут она поймала себя на том, что невольно про себя произнесла «у япошки».

Но кто же в Японии выпускает такие богатые издания? Ученая Дама глянула на выходные данные книги и обомлела: монография оказалась изданной Институтом его императорского величества... Хирохито.

Но ведь... Дама быстро заглянула в аннотацию: сомнений быть не могло. Из аннотации недвусмысленно следовало, что ее постоянный корреспондент профессор Хирохито и император Японии Хирохито – одно и то же лицо!

То есть она, простой советский ученый, состоит в многолетней переписке с императором Японии?!

Это был шок!

Значит, она много лет поддерживала связь с иностранным... Дама никак не могла подобрать слово, напрашивались такие до боли знакомые понятия, как *агент*, *шпион*, но что-то здесь они не очень-то клеились. Наконец ее осенило: *с зарубежным политическим деятелем из капиталистического государства*. Почему-то с момента обнаружения этой щекоотливой истины Дама могла мыслить только газетными штампами и формулировками из персональных дел.

Но она же не виновата, не виновата! Она же не знала! Некстати в голову полезла зловещая фраза: *«Незнание закона не освобождает от наказания»*. Но теперь-то она знает... Значит, надо прекращать переписку, пока не поздно? Или уже поздно? И ох ты, господи, как быть с монографией?! Вернуть, *мол, мы не нуждаемся, у нас самих все есть?* Тьфу, книга – это же не джинсы, не дубленка. Значит, отсылать глупо, но тогда нужно написать письмо с благодарностью за подарок.

Снова письмо туда?! А у нее на носу защита докторской...

А если написать коротко: «Выражаю благодарность», – а кому? Профессору или императору? И как обращаться?

Уважаемый коллега? Ничего себе коллега – император! Уважаемый профессор Хирохито? Это уже лучше, но получается, что она как бы игнорирует его императорский статус, что теперь, когда

понятно, что ей он стал известен, может выглядеть нарочито. Может быть расценено нежелательным образом.

«Нет, это дело политическое, я не дипломат, я не имею права на самостоятельность», – сказала себе Дама и отправилась в Первый отдел.

Первый отдел возглавлял отставник, прозванный ею после двух собеседований перед заграничной командировкой Вампиром. Впрочем, прозвище это предназначалось ею для сугубо внутреннего употребления.

По дороге Дама лихорадочно обдумывала, как лучше преподать Вампиру эту невероятную историю, но когда бункерная дверь пропустила ее в обитель Вампира и тут же с лязгом захлопнулась у нее за спиной, Ученая Дама почувствовала себя в капкане и растеряла все свои заготовки. Тем более что она действительно оказалась почти что в капкане, зажатая в тесном пространстве между дверью и пресекающим дальнейшее вторжение в святая святых режимного объекта откидным барьером, отполированным нервно снующими по нему руками посетителей.

Она просто молча, не дожидаясь вопроса, положила на барьер злополучную монографию.

– Что это? – недоуменно спросил Вампир, он же полковник в отставке.

– П-подарок от императора Японии.

Ей очень хотелось сказать, что это подарок институту, а еще лучше бы всем советским людям, но вовремя вспомнила, что на книге есть дарственная надпись.

Поэтому, опустив голову, Дама тихо добавила:

– Мне, лично...

Как писали когда-то некоторые авторы, опустим занавес над этой сценой. Тем более что в дальнейшем, когда Ученая Дама пыталась вспомнить подробности этого разговора, очень похожего на допрос, она не могла этого сделать. Она помнила только глаза полковника, которые, пока она бормотала свои объяснения, все больше и больше наливались сталью. Дама, хотя и Ученая, никак не смогла бы с физической точки зрения объяснить, как это «глаза наливаются сталью», но она так чувствовала. Это чувство было сродни тому, которое испытывает художник, когда говорит: «Я так вижу».

– Так что мне теперь делать? – растерянно пролепетала Дама. – Я даже не знаю, как теперь к нему обращаться, чтобы хотя бы написать благодарность за книгу.

– А вы не спешите. Я сначала доложу куда следуют. Это вопрос политический.

Полковник строевым шагом вышел в следующую комнату, которая через открытую дверь смотрелась как кабинет с несколькими телефонами на письменном столе. Он снял трубку одного из телефонов, набрал номер и через несколько секунд вытянулся по стойке смирно. Видимо, на том конце был кто-то повыше чином. Он стоял спиной к открытой двери и говорил негромко. Слов Дама не слышала, только видела, что полковник несколько раз согласно наклонил голову. Дама подумала, что полковник звонит на Каляева в Большой дом. Для тех, кто не в курсе: в Ленинграде на углу Литейного проспекта и улицы Каляева располагалось в действительно очень большом здании КГБ. Но дом называли Большим не только из-за его геометрических размеров. Ходила шутка, что из его окон виден Магадан, или, как вариант, видна Колыма.

Вдруг полковник повернулся лицом к Даме, прикрыл рукой трубку и громким шепотом произнес:

– Звонят в Москву.

И снова замер, вытянувшись по стойке смирно.

Время шло. Полковник молча стоял, сохраняя стойку. Дама у барьера переминалась с ноги на ногу и старалась подавить напавшую на нее нервную зевоту. И опять некстати лезли в голову навязчивые газетные штампы-заголовки типа: «Как в одном институте зевнули, не распознав врага под личиной ученого».

Прошло, возможно, минут сорок, а может, и весь час. Полковник, как часовой у Мавзолея, не менял позы. Дама уже подумывала, не сесть ли ей на пол. Но тут полковник, к ее удивлению, еще больше вытянулся и совсем уже одеревенел. Ученая Дама, к тому времени почти висящая на барьере, тоже выпрямилась, она догадалась, что пришел ответ из Москвы. Минут пять полковник молча слушал, затем громко и отчетливо, так, что его услышала даже Дама за барьером, отчеканил:

– Есть ждать указаний из Москвы, ничего не предпринимать. Книгу отправить на проверку в Москву.

Он осторожно положил трубку, развернулся по-военному через левое плечо, прошагал к барьеру, за которым замерла Дама, и торжественно произнес:

– Москва уже в курсе вашего вопроса. Его решают компетентные органы. Приказано ждать указаний, ничего не предпринимать. Книга изымается. Благодарность в Японию напишете, когда будет решение о ее целесообразности и о форме вашего обращения к... – тут полковник слегка замялся, – к вашему корреспонденту. Настоятельно рекомендуется об этом инциденте не распространяться.

Император Хирохито умер в 1989 году, так и не дождавшись благодарности от Ученой Дамы за свой подарок.

Я закончила и, оторвав взгляд от лица Сокурова, на котором читался интерес и было видно, что у него есть еще вопросы ко мне, взглянула на ведущую. Пока я рассказывала, я старалась на нее не смотреть, не видеть адресованные мне грозные знаки. Сейчас она открывала и закрывала рот, как какой-то представитель океанической фауны, столь любимой героями моего рассказа. Неизвестно, чем бы она разразилась, если бы не Сокуров:

– Спасибо, мне было очень интересно, знал бы эту историю раньше, использовал бы как-то в эпизодах, где Хирохито предстает как ученый.

Ведущая намертво закрыла рот, но глаза ее метали молнии.

Тут распахнулась дверь, вошел, постукивая указательным пальцем по часам на своем запястье, генеральный директор фестиваля:

– Александр Николаевич, пора. На дорогах пробки, как бы нам в аэропорт не опоздать. Да и вас, наверное, наши журналисты уже замучили вопросами, они ж такие...

Не буду утверждать, возможно, мне показалось, что Сокуров подмигнул мне, одновременно сокрушенно разведя руками, и пошел к выходу из аудитории, окруженный плотной толпой журналистов, пытающихся хотя бы на ходу задать свои выстраданные вопросы.

А я поспешила побыстрее ретироваться, опасаясь, что меня побьют раздосадованные собратья по перу. Ведь я сорвала им пресс-конференцию с самим Александром Сокуровым. *Но я не виновата, не виноватая я! Он сам меня просил...*

Наталья Панасенко

Одесское окружение Корнея Чуковского: Лифшицы и Лемберки

В 1967 г. вышла книга воспоминаний А.Г. Алексева «Серьезное и смешное». Уже во второе издание автор включил отзыв на нее К. Чуковского.

«Дорогой друг, Алексей Григорьевич!

Спасибо за драгоценный подарок! <...> Книга аппетитная, сдобная, лакомая. Сейчас я только на полчаса погрузился в нее и рад, что могу подтвердить некоторые факты, изложенные здесь. У вас действительно есть сестра Рая, она действительно заслуженный деятель науки, талантливая и пронзительно умная <...>, я помню отлично все наши с ней разговоры и споры, помню Олю, помню Вашего отца (найдите другого такого читателя!), помню Райны статьи ИЗЭТЭА (из Берлина), <...> и Вас – в Ваши ранние годы».¹

Алексеев – это псевдоним, под которым с дореволюционных времен известен Алексей Григорьевич Лифшиц² (1887-1985) – актер, режиссер, основоположник советского сольного конферанса, автор опереточных либретто и пьес для театров миниатюр.

Алексей Григорьевич Лифшиц

В те ранние годы, когда его знал Чуковский, Алексей учился в Ришельевской гимназии.³ Уже тогда участвовал в любительских спектаклях и мечтал о сцене.

Под нажимом отца он поступил на юридический факультет, но еще студентом, в 1909 г., начал конферировать в сатирическом театре, и этот год принято считать началом его артистической деятельности.

Потом была служба в «Гротеске», «Кривом Джимми» (на его основе создан театр Сатиры), художественное руководство Московским театром эстрады и миниатюр, Театром оперетты...

Алексеев в воспоминаниях виртуозно обошел тему репрессий. Сам он отбыл два срока. Первый раз его арестовали в 1933 г. и отправили в лагерь в Медвежьегорск. Вернулся в 1939-м. Работал в московских театрах. В 1949-м – снова арест, до 1954 г. – в Орлово-Розовском отделении Сиблага, где организовал лагерный театр.⁴

В.Я. Дворжецкий назвал Алексеева интеллигентным, умным и талантливым режиссером.⁵

«Алексеев показал себя талантливым автором и постановщиком», – писал Г. Ярон.⁶

А. Гладков: «На эстраде царили элегантный, едкий Алексеев <...>».⁷

* * *

Подвешенный язык и талант комика Алексееву явно достались от отца.

В молодости, правда, Григорий Григорьевич Лифшиц был журналистом серьезных изданий: «Рассвет», «Восход», «Еврейское обозрение».⁸ С. Дубнов писал о том времени:

«Уроженец Волыни, прошедший суровую школу нужды, человек с злым языком и насмешливыми косыми глазами, Лифшиц был незаменим как полемист, как «цербер редакции». Его «внутренние обозрения», содержание которых сводилось к полемике с «Новым временем» и другими органами юдофобской прессы, читались как замаскированные протесты против правительственной юдофобии. Популярны были его юмористические рассказы «Исповедь преступника» (о бедствиях бесправных евреев

в Петербурге) и «Жид идет». Позже Лифшиц исполнял свою роль цербера в «Недельной хронике Восхода», а затем сошел с литературной арены. Когда я в 90-х годах встречал его в Одессе, он занимался банковскими операциями и насмешливо относился ко всяким идейным направлениям в еврействе».⁹

В Одессу семья¹⁰ переехала после 1889 г. (Все дети Григория Григорьевича родились в Петербурге, младшая – в 1889 г.¹¹)

Первый известный адрес – Еврейская, 1. В документах он встречается с 1899 г.¹² Лифшицы жили здесь до июня 1905 г. По времени – это как раз период дружбы с Чуковским. «Он, приятель Раисы Григорьевны, бывал у нас», – писал Алексеев.¹³

Г. Лифшиц стал совладельцем экспедиционной конторы и торгового дома «Лифшиц и Рапопорт». Дела шли хорошо. К 1904 году он уже был купцом 1-й гильдии.

А в Литературно-художественном обществе он не просто приобрел известность как постоянный оратор, но, по определению Жаботинского, стал любимцем местной публики.¹⁴

Наша знакомцы.—Г. Г. Лифшиц.
(Шарж Лившица)

Григорий Григорьевич Лифшиц

Григорий Григорьевич Лифшиц

Учрежденное в конце 1898 г. и быстро ставшее средоточием интеллектуальной и духовной жизни одесской интеллигенции, общество было чрезвычайно популярным в городе, особенно четверговые заседания литературной секции. Здесь Григорий Григорьевич «мог говорить о чем угодно, и всегда интересно».¹⁵

Из газетного отчета: «На привычную свою эстраду взошел Г.Г. Лифшиц, всегда приветливо встречаемый публикою «четвергов»».¹⁶

«Он вносит в серьезные литературные собеседования наших четвергов необходимый элемент комизма, – писал Сиг и добавлял услышанный в литературе диалог:

– Г [осподин] Лифшиц, вы будете говорить?

– Не знаю.

– Ах, Бога ради, говорите... Вы так смешно говорите!»¹⁷

Чуковский, описывая Литературку в поэме «Нынешний Евгений Онегин», тоже помянул Григория Григорьевича:

И Лифшиц выпранный за полу
Уж ухватил меня иль вас
И дланью длинною потряс.¹⁸

Жизнь вроде бы наладилась...

В ночь на 2 декабря 1901 г., ликвидируя наблюдение за агентом «Искры» Конкордией Захаровой, в городе провели обыски у людей, с которыми она контактировала, в том числе у Лифши-

ца. Генерал Бессонов позже доносил, что «большая часть адресов <...> относится к лицам, совершенно непричастным к делу, простым ее знакомым или ее ученицам».¹⁹ То, что сегодня известно о Раисе и Ольге Лифшиц, заставляет усомниться в бытовом характере знакомства их с Захаровой, но обыск результатов не дал, и Гр.Гр. Лифшица оставили на свободе.²⁰

В июне 1905 г. всю семью выслали из Одессы на время военного положения, введенного после потемкинских дней. (Лифшицы уехали в Берлин.)

Алексеев объяснил высылку тем, что отец спрятал бежавших от конных жандармов забастовщиц с чаеразвесочной фабрики.²¹

Градоначальник же мотивировал свое решение стрельбой в полицейский наряд с балкона квартиры Лифшица.²²

Благодаря сохранившимся документам в ситуации можно разобраться.

Известен рапорт полицмейстера, на основании которого градоначальник вынес постановление.

14 июня, во время доклада о столкновении в соседнем околотке, произошедшем приблизительно в 9:30, «<...> в участок явился околоточный надзиратель Полищук и доложил, что во время нахождения его при чайной развесочной Высоцкого, угол Троицкой и Канатной ул., собравшаяся там толпа около 300 человек бросала в него камнями, а когда он предложил толпе разойтись, то в него произведено было три выстрела, и толпа стала ломиться в чайную развесочную. Вследствие такого заявления Полищука, на место был командирован помощник пристава Добкевич с нарядом резервных городских, и, когда наряд стал подходить к чаеразвесочной Высоцкого, то находившаяся там толпа начала бросать в него камнями и стрелять; в ответ этому полицейский наряд сделал выстрел, после чего толпа отступила и направилась по Канатной ул. к Еврейской. Раненых как с той, так и с другой стороны не было. В это время часть сказанной толпы, а также новая, человек всего до 200, начала двигаться с Канатной на Еврейскую ул. к зданию участка, с явной целью разгромить его, причем несколько человек из толпы ворвались во двор дома Докса

№ 1 по Еврейской ул. Услышав шум и выстрел, старший городской Соболев с нарядом городских вышел на Еврейскую ул., чтоб не допустить громил к исполнению задуманной цели, но толпа встретила городских выстрелами из револьверов, в ответ на что городскими также произведено несколько выстрелов, после чего толпа эта, отстреливаясь, отошла назад к Канатной ул., когда же городские, тесня толпу, поравнялись с домом Докса, то в них из окон и балкона этого дома произведено было несколько выстрелов, одним из которых ранен был неизвестный человек, проходивший в это время по улице. После этого толпа, увидя, что с Еврейской ул. наступают городские, со старшим Соболевым, а по Канатной с помощником пристава Добкевичем, разбежалась; из чьих именно окон и балконов производились выстрелы, пока неизвестно, за исключением одной квартиры, в которой проживает состоящая под негласным наблюдением полиции Ольга Лифшиц. В этой перестрелке никто из чинов полиции не ранен, а в толпе ранен один человек холодным оружием, а несколько человек огнестрельным, но раненых этих толпа увлекла с собой. <...>».²³

Полицейстер не разъяснил, из чего явствует цель разгромить участок, и зачем тогда люди «ворвались» во двор жилого дома.

Во двор могли забежать, чтоб спрятаться от конного наряда с шашками наголо. Потому что прятаться было от чего. Об упомянутом человеке, которого ранили холодным оружием, в журнале вызовов скорой помощи есть запись.²⁴ (Огнестрельные ранения в этом районе в журнале не зафиксированы.)

1905 г., 14 июня

кто и куда вызвал	<i>Канатная уг. Троицкой, тип. Левенсон, частн. лицо</i>
время вызова-прибытия-возвращения	<i>9.56 – 10.06 – 10.55</i>
адрес случая	<i>там же на улице</i>
имя и адрес больного	<i>Гинзбург Борух Беньямин, Госпит., 44</i>

заявление больного	<i>типогр. наб.</i>
возраст больного	<i>22 лет</i>
диагноз и причина случая	<i>Vulnus laceratum facili part. dextr. (отрыв носа, правой щеки, верхн. и нижн. век.) vulnus caesum antibrachii sin (перерез до кости) Удар шашкой горюдов.</i>
род помощи и где подана	<i>жгут на руку, давящая повязка</i>
дальнейшая судьба больного	<i>отправлен в Еврейскую б-цу в сознат. тяжелом сост. <...></i>
кто подавал помощь	<i>И. Островский</i>

Дело в том, что, объявив военное положение, градоначальник высылал всех, замеченных в свободомыслии. Обвинение в стрельбе с балкона понадобилось в качестве повода для высылки семьи Лифшица. (Как преувеличение огневой мощи «толпы» и интенсивности обстрела полицейских – для оправдания насилия по отношению к протестующим.)

После возвращения в Одессу возобновляется несмешная общественная деятельность Г.Г. Лифшица. Он член Общества распространения просвещения между евреями в России, Общества пособия бедным евреям гор. Одессы, Одесского купеческого собрания.

В рапорте от 11 июля 1906 г., характеризую выборщиков в 1-ю Государственную думу, и в их числе Лифшица, пристав назвал его явным революционером.²⁵ Но Григорий Григорьевич был не радикалом, а просто открыто порядочным человеком. Он не старался преобразовать весь мир, но не мог смолчать, когда рядом творились гнусности. Вот как он сам вспоминал эпизод периода реакции.

«Толмачев требовал, чтобы меня исключили из о[бщест]ва распространения просвещения между евреями в России за то, что я, когда никто в Одессе против него пикнуть не смел, публично заявил на общем собрании, что совет духовных правлений поднес ему из *благодетельных* (курсив мой. – Н. П.) сумм серебряный альбом стоимостью свыше одной тысячи рублей. И когда комитет просил, чтобы я лучше сам выступил из числа членов, я категорически заявил, пусть он исполнит свои угрозы <...>, но надо же наконец дать Толмачеву отпор, так как он именно пользуется «нашею психологией гражданского рабства и политической трусости».²⁶

Тысяча рублей – это половина стоимости автомобиля. О такой сумме шла нешуточная дискуссия на собрании выборных купеческого сословия. Лифшиц тогда предложил отчислять из их средств по 1000 рублей в год в пользу Общества помощи бедным евреям Одессы. Начался спор с выборными-христианами о том, какие общества кому помогают. Постановили ассигновать по 500 р. в пользу еврейского и христианского благотворительных обществ.²⁷

В 1907 г. Лифшиц выдвигался раввином и советом духовных правлений кандидатом в 3-ю Думу, но снялся с выборов «ввиду возбужденных <...> прений о том, не выставить ли его кандидатуру совместно с сионистской кандидатурой г. Жаботинского. На это он принципиально не мог согласиться».²⁸

Эти люди стояли на диаметрально противоположных позициях. Жаботинский добивался национализации образования и воспитания, Лифшиц – разрешения преподавать в хедерах русский язык и другие общеобразовательные предметы.²⁹ Жаботинский считал, что евреи в России чужие, своими никогда не станут, и единственный их путь – создание собственного еврейского государства. Лифшиц принадлежал к ассимиляторскому крылу, полагал, что евреям нужно потерпеть и, пока антисемитизм не отмер, не соваться на видные и почетные места.³⁰

А потом наступили окаянные дни. Преобразования и общественное возбуждение, когда Григорий Григорьевич баллотируется в Совет еврейской общины от Еврейской национальной демократической партии³¹, соседствуют с инерцией прежней жизни,

в которой на него возлагаются обязанности председателя ЛАО³², он выступает на чествовании С. Юшкевича по случаю двадцатипятилетия литературной деятельности...³³

Испанка, голод...

11 февраля 1921 г. Григорий Григорьевич Лифшиц умер от пневмонии.³⁴

* * *

Оля, которую называет в письме Чуковский, – старшая дочь Г.Г. Лифшица.

В дневнике Корнея Ивановича 12 апреля 1901 г. записано: «Вот стихотворение Оле Лифшиц <...>»³⁵.

К портрету, данному Алексеевым, трудно что-либо прибавить. Все дополнения будут несущественными.³⁶ С причудами. Бескорыстная и решительная. Житейски беспомощная. Характерная фигура революционного движения: для себя лично ничего не нужно, власть захватили, но с ней не справились (как неопытный шофер на большой машине в сложных погодных условиях). Когда после революции «жизнь становилась все труднее, отец раздраженно говорил: «Что может быть хорошего, когда Оля взяла власть в свои руки!».³⁷

С биографическими сведениями о ней – полная неразбериха. Уверенно можно сказать, что Ольга окончила гимназию Шольп и была революционеркой.

Год рождения «гуляет» от 1875 до 1883. Обнаружен один подлинный документ с датой рождения, но из него следует, что Ольга старше Раисы на три дня. (Раиса родилась 8 февраля 1883 г.³⁸) Если и так, что очень сомнительно, то почему тогда они гимназию окончили с разницей в год?

Вроде бы училась в Цюрихском университете.³⁹

Но даже с ее партийной принадлежностью определить не просто. Ее приписывают разным социал-демократическим группам, а в Обзоре важнейших дознаний за 1902 год назвали эсеркой.⁴⁰

В именном указателе к переписке Ленина с партийными организациями в России указаны партийные клички Ольги Григорьевны Лифшиц, 1881 года рождения, работавшей в 1905 г.

в одесской организации РСДРП: Шура, Шурочка, Гнедич.⁴¹ Почему в таком серьезном издании нет той, которую называет Алексеев: товарищ Антонина. И в метрических книгах Петербурга за 1881 год нет ни одного ребенка, рожденного под этой фамилией.

Закрадывается подозрение, что существовала еще одна Ольга Григорьевна Лифшиц, из-за чего и возникла эта путаница.

После отмены запрета на проживание Григорий Григорьевич с Алексеем вернулись в Одессу, а Раиса и Ольга поселились в Петербурге. Там сестры возобновили знакомство с Елизаветой Полонской, которая в Берлине занималась в марксистском кружке у Раисы. (Будущей студисткой Чуковского, членом содружества «Серрапионовы братья». Знал ли об этом знакомстве Корней Иванович?) С ее слов известен печальный конец Ольги Григорьевны, этой образованной и бестолковой жертвы идеи.

«Уже в двадцатых годах я встретила Долю (еще одна кличка, не учтенная комментаторами ленинской переписки. – Н. П.) в «Астории», где она занимала подвальную комнату, полутемную, заставленную книгами: она была одним из последних старых членов партии, которые оставались жить в этой гостинице, долгое время носившей название «Второй дом Советов». <...> Доля еще вела кружок марксизма на дальней пригородной фабрике и получала за это жалкие гроши. Она голодала и спешно, работая днем и ночью, писала учебник для пропагандистов, который, как она утверждала, должен был открыть новые принципы педагогики. Однажды, когда я пришла навестить ее, в комнате шла генеральная уборка, полки и ящики с книгами были вытащены в коридор.

– Где Ольга Григорьевна? – спросила я.

– Увезли к Николаю Чудотворцу, – ответила коридорная.⁴²

Больница Николая Чудотворца – для умалишенных.

* * *

Подружился же Чуковский с Лифшицами через Раису.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде Чуковского, хранится письмо от Р.Г. Лемберк, датированное 15 мая 1962 г. (Короткое нейтральное письмо – попытка выйти на контакт после многолетнего перерыва.) На нем

рукой Корнея Ивановича карандашом написано: «Раиса Гр. Лемберк, дочь Герсона бен Герсона, подруга Марии Борисовны. Я знаю ее около 65 лет».⁴³ То есть примерно с 1897 года, когда Рая (еще) Лифшиц и Маша Гольдфельд учились в гимназии.

Приятельствовала Раиса Григорьевна и с друзьями Чуковского. Сестра Бориса Житкова вспоминала, что Раиса Лифшиц и Жаботинский бывали у них на квартире в гавани.⁴⁴

Биография Раисы гораздо определенной, чем у Ольги, но несмотря на то, что о ней последние годы стали писать, все как-то приблизительно.

В «Сведениях о лице к дознанию в качестве обвиняемого», составленных при аресте в 1904 г., сказано, что Р. Лифшиц в 1899 г. окончила восьмой класс гимназии Шольп, уехала в том же году в Берлин и «года два с промежутками» училась на медицинском факультете в Берлинском университете.⁴⁵

Списки выпускников гимназий печатались в газетах. Это достаточно надежный источник. И Раиса Лифшиц, золотая медалистка гимназии Шольп, в них есть.⁴⁶ Но только в 1899 г. она окончила седьмой класс. В списке выпускниц восьмого педагогического класса за 1900 г. Р. Лифшиц нет.

Того, что она в 1904 г. окончила Берлинский университет, как кое-где пишут,⁴⁷ не могло быть в принципе. В Пруссии до 1908 г. женщины допускались в университет только вольнослушателями.

В статье А.С. Роботовой и К.В. Романчук «Об одном почти забытом имени» есть ссылки на личное дело Р. Лемберк, где образование должно быть указано, но в ней не названо ни одно

Раиса Григорьевна Лифшиц

учебное заведение, удостоверяющее образовательный ценз, кроме гимназии. Вероятно, накопленные знания – это результат самообразования.

М. Лемберка с рождения сопровождала путаница с написанием фамилии. В метрическую книгу его записали Лембергским⁴⁸. (Младших брата и сестру – под фамилией Лемперк.) В 1887 г., когда Моисей поступал в гимназию, отцу пришлось хлопотать о внесении поправок, уточняющих правильное написание: Лемберк.⁴⁹ Но и его, и жену потом чаще называли Лембергами. Даже Алексеев в посвящении написал именно так.

Моисей Хаскелевич Лемберк (в русифицированном варианте – Михаил Евгеньевич) родился в Одессе 16 марта 1878 г. В 1896 г. окончил 4-ю гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета ИНУ.⁵⁰

Весной 1899 г. во всех университетах империи произошли волнения, названные позже студенческой революцией. В Одессе на сходках формой протеста избрали отказ от сдачи экзаменов, но некоторые уклонились от исполнения договоренности.

28 апреля с утра студенты толпились около университетского здания на Преображенской: в Городском саду и напротив, у пекарни Дурьяна, но не заходили. Когда прием экзаменов начался, группа obstructionистов ворвалась в охраняемый полицией корпус и поднялась в аудиторию. Там они разорвали билеты, бумаги, разлили чернила и после этого вышли. То же проделали и во второй раз, при попытке возобновить прерванный экзамен.

Позже университетское начальство составило список лиц, которые «врывались в здание университета и мешали спокойному течению экзаменов».⁵¹ Среди них был и Моисей Лемберк.

Но арестовали его не сразу, с большинством, а в ночь на 29 апреля по заявлению Н. Лернера (студента, державшего экзамен), за то, что Лемберк с двумя товарищами «угрожал учинить над ним насилие и нанести оскорбление».⁵² Под арестом продержали недолго, 8 мая освободили,⁵³ но из университета уволили.

В августе 1900 г. Моисей Лемберк собирал документы для восстановления в ИНУ,⁵⁴ но то ли не удалось, то ли передумал...

В весеннем полугодии 1900-1901 учебного года М. Лемберк уже числится студентом медицинского факультета Берлинского университета им. Гумбольдта.⁵⁵

Летом он приезжает в Одессу на каникулы.

А 26 августа 1901 г. вступили в брак одесский 2 гильдии купеческий сын Моисей Хаскелевич Лемберк, холостой, с дочерью малицкого мещанина девицей Раисой Григорьевной Лифшиц.⁵⁶

Супруги поселились в Шарлоттенбурге (который фактически был, а с 1920 г. официально стал частью Берлина).

Здесь 19 марта 1902 г. у них родилась дочь Евгения.⁵⁷

Лемберки печатаются в «Одесских новостях» под общим псевдонимом Изетеев,⁵⁸ переводят философскую и социал-демократическую литературу.⁵⁹

У Чуковского в дневнике 2 декабря 1902 г. есть запись: «Должен написать письма: Андрееву, Комиссаржевской и Изетеев».⁶⁰

Не выяснено, когда за Лемберком началась слезка, но летом 1902 г. филеры ходили за ним по пятам.⁶¹ От Лемберка под наблюдение попал Чуковский.

Из дневника наблюдений.

«14 августа 1902 г. Лемберг (по кличке Александровский) в 12³/₄ часов дня вышел и в контору «Одесские новости» в Пассаже, дом 33/28, угол Дериб. и Преобр. улиц, через 1/2 часа с Николаем Корнейчуком, проживающим в доме № 14 по Ново-Рыбинской улице, прошли оба на угол Ришельевской и Б. Арн., там постояли 1/4 часа, простились, и Лемберг сел на конку и уехал домой, а Корнейчук зашел в дом № 43 по Б. Арн. улице, больше не видели».⁶² Еще одна встреча отмечена 26 августа.⁶³

Притом, что ни слезка, ни тщательный таможенный досмотр не давали результатов, имена Лемберков попали в Обзор важнейших дознаний за 1902 год.⁶⁴

В охранном отделении завели дело о супругах Р.Г. и М.Х. Лемберк, обвиняющихся в принадлежности к группе «Рабочее дело», и о лицах, принадлежащих к Бунду.⁶⁵ По сведениям Департамента полиции, Раиса Лемберк была членом «Рабочего дела». На предмет же принадлежности к Бунду их проверяли из-за того, что в 1903 г. у них в берлинской квартире жил приехавший из Одессы бундовец.⁶⁶

Раиса Григорьевна Лемберк

Негласное наблюдение не прерывалось. Когда Моисей с Раисой возвращались из Германии в Одессу, от самой границы летели телеграммы об их приезде и необходимости сообщить о появлении в градоначальстве.

Фиксировались переезды с городской квартиры на дачу и обратно, переход с квартиры Г.Г. Лифшица на квартиру родителей Лемберка. «В д. 68, кв. 6 проживает Лемберк Хаскель Шмуйлев Давидов, од. 2-й гильдии купец 49 лет, имеет стекольный магазин на Успенской улице, жена Хана 48 лет, их дети: Моисей 25 л., Борис 20 л., Бася 13, Аня 11 <...> Посетители у них бывают. Квартиру имеют имеющую парадный ход, а потому трудно узнать, кто такие бывают у них посетители».⁶⁷ Но в результате в 1908 г., когда понадобилось свидетельство о политической благонадежности, начальник одесского жандармского управления сообщил, что М.Х. Лемберк арестовывался в 1899 г.; «имевшееся после сего за ним наблюдение не дало никаких указаний на его политическую преступную деятельность».⁶⁸

Квартиру имеют имеющую парадный ход, а потому трудно узнать, кто такие бывают у них посетители».⁶⁷ Но в результате в 1908 г., когда понадобилось свидетельство о политической благонадежности, начальник одесского жандармского управления сообщил, что М.Х. Лемберк арестовывался в 1899 г.; «имевшееся после сего за ним наблюдение не дало никаких указаний на его политическую преступную деятельность».⁶⁸

Если (за время наблюдения) у Моисея приезды два раза в год в Одессу четко соответствовали каникулярному времени, то у Раисы они совпали только в 1902 г. На следующий год она приехала в марте,⁶⁹ вернулась в Германию вместе с мужем в сентябре.⁷⁰

В 1904-м приехала в Одессу в феврале,⁷¹ через месяц – обратно,⁷² летом – снова в Одессе. И там, где точно известны даты пересечения границы и приезда в Одессу, видно, что где-то по дороге она «терялась» на 5-7 дней.

Из донесения начальника охранного отделения 23 августа 1904 г.: «Приблизительно месяц-полтора тому назад в Одессе появилась приехавшая из-за границы неизвестная молодая интеллигентка, окончившая один из заграничных университетов, и начала усиленно работать здесь в революционных сферах. Она часто посещала сходки рабочих, которым разъясняла различные вопросы социализма, обсуждала с ними якобы угнетенное, бесправное положение народа в России, причем выказала большой ораторский талант, равного коему, по сообщению агентуры, не было среди одесских интеллигентов <...>»⁷³

Эта характеристика Раисы Лемберк написана после «арестования сходки», проходившей в ночь на 21 августа у тюрьмы, возле кирпичного завода Гланца, в большом глубоком овраге, образованном выборкой глины. Присутствовало около 30 человек. «Произносились речи революционного содержания, приглашали к сопротивлению мобилизации и к демонстрации на случай приезда в Одессу государя».⁷⁴

Были выставлены сторожевые, один из которых выстрелом предупредил о приближении полиции. Но охранка знала о сходке от осведомителя, поэтому заранее окружила овраг, а через время кольцо было стянуто. Убежать смогли не все. Двенадцать мужчин и двух женщин арестовали, в их числе – Раису Лемберк.

Она пряталась в канавке, накрытая платком и присыпанная землей, но полицейский нащупал ее шашкой.⁷⁵

Второй арестованной женщиной была Дина Лейпунер – невеста Лазаря Кармена. Как раз накануне этой сходки он писал Чуковскому в Лондон: «Вижу Раю Лифшиц. Зондирует мою почву и думает перетянуть меня в лагерь с-д».⁷⁶

Из тюрьмы Р. Лемберк освободили 30 октября под залог в 300 рублей по причине недостаточности улик.⁷⁷ Совсем дело прекратили в 1905 г. по Манифесту 21 октября.⁷⁸

М. Лемберк в 1905 г. окончил Берлинский университет, но для того, чтобы иметь врачебную практику на родине, нужно было получить российский диплом.

Михаил Евгеньевич приехал в Петербург, где уже жила Раиса, и в 1906 г. поступил в Петербургский университет.⁷⁹

Теперь Лемберки часто видятся с переехавшими в столицу Чуковскими.

Из дневника К.И. Чуковского.

«1906 г. 13 мая. Я провел вечер у Лемберка.⁸⁰

29 мая. Вчера была у нас Рая Лемберк – весь вечер.⁸¹

31 мая. Сегодня утром <...> пошел отдать Рае зонтик. <...> Вечером были у нас Лемберки и мы до часу ели клубнику, пили чай и вспоминали детство».⁸²

Когда Чуковские поселились в Куоккале, встречи стали редкими. В 1907 г. Раиса привела к ним человека, бежавшего от полиции, так как тому негде было ночевать.⁸³ «1908, 20 авг. – Рая приехала к Агате <...> «Я слышу райские напевы», – говорит Маша».⁸⁴

Курс наук М. Лемберк прошел за два года, и в 1908 г. доктор медицины берлинского университета стал, наконец, и в России дипломированным врачом и начал практику как специалист по внутренним и детским болезням.⁸⁵

Еще в 1904 г. Чуковский писал жене: «Лемберки? Нет, у них жизнь, как по рельсам, им нечего делать свою жизнь».⁸⁶

До какого-то времени так и было. Михаил Евгеньевич лечил, Раиса Григорьевна учила. Они продолжали переводить,⁸⁷ печатали собственные книги.

М.Е. Лемберк в 20-х годах стал писать книжки для маленьких детей: в 1923 г. вышли «Воронята», «Васька» и «Мурочка», в 1924 – «Рассказы дяди Миши для маленьких детей». (В 1905 году они с Раисой Григорьевной уже прикоснулись к детской литературе. В их переводе вышел сборник «Рассказы о животных».)

Р. Лемберк (под псевдонимом Р. Григорьев) до революции написала два романа: «На ущербе» – написанный в 1907-1909 г.г.,⁸⁸ а опубликованный в 1913 г., в 1916-м – «Недавнее», и в 1928 г. – «Дневник учительницы. Очерки школьной жизни». «На ущербе», несмотря на отрицательные отзывы критиков, в 1927 г. переиздали.

Именно после революции она проявила себя как педагог и организатор. От марксистских кружков через организацию

клубного дела, школ рабочей молодежи, фабзавуча – к преподаванию в вузах. Она стала одним из основателей, а с 1925 г. – профессором Ленинградского педагогического института. Параллельно Р. Лемберк работает в Государственном институте научной педагогики.⁸⁹

Упоминания об М.Е. Лемберке обрываются в 1931 г.

Раиса Григорьевна после 1937 г. – в Казахстане. Пишут, что уехала туда за сосланной дочерью.⁹⁰ Известны публикации ее работ в Алма-Ате уже с 1941 года. Она создала кафедру педагогики в Казахском педагогическом институте, где проработала много лет.

В 1958 г. Чуковского навестил тот самый человек, которого Корней Иванович приютил в 1907-м. «Говорил, что Рая жива, профессорствует в Алма-Ате».⁹¹

Теперь ее называют великим педагогом, а «Дидактические очерки», впервые изданные в 1960 г., – до сих пор актуальными. До сих пор переиздаются книги, переведенные Лемберками. В 1995 г. статья Р. Лемберк «Вопросы психологии урока» включена в «Антологию педагогической мысли Казахстана». Но, пожалуй, лучше всего личность Раисы Лемберк характеризует в воспоминаниях В.Г. Ронкин: «Когда мы с ней познакомились, Раиса Григорьевна была на пенсии <...>. К сожалению, она еще и ослепла. Впрочем, общаясь с ней, я не чувствовал разницы в возрасте, которая составляла 50 лет. <...> Раису Григорьевну нельзя было назвать старухой. Ее интересовало буквально все: новости школьной жизни Алма-Аты, литература, театр, наука. Она легко раздвигала стены гостиной своей маленькой квартирке и бесстрашно входила в большую жизнь».⁹²

Примечания

- ¹ Алексеев А.Г. Серьезное и смешное. – М.: Искусство., 1972, с. 101.
- ² Фамилия писалась двояко: и Лифшиц, и Лившиц. Правильный вариант, видимо, Лифшиц, но при цитировании буду повторять так, как она указана в источниках.
- ³ В 7 классе его исключили. В воспоминаниях он пишет, что «пришлось через полтора года держать экстерном экзамен на аттестат зрелости» (А. Алексеев. Серьезное и смешное. – М.: Искусство., 1984, с. 56). В свидетельстве зрелости, выданном одесской 4-й гимназией, сказано, что 8-й класс А. Лифшиц прошел в училище 1 разряда А.П. Ровнякова (Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 45, оп. 5, д. 7866, л. 3).
- ⁴ <http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=495586&language=1>
- ⁵ <http://old.memo.ru/history/teatr/Chapter4.htm>
- ⁶ Ярон Г.М. О любимом жанре. – М.: Искусство, 1963, с. 165
- ⁷ Гладков А.К. Мейерхольд: В 2-х т. – СТД РСФСР, 1990, т. 2, с. 26.
- ⁸ Писал под псевдонимами: Г. Л.; Г. б. Г.; Г.-б.-Г.; Гершон-б-Гершон; Гершон-бен-Гершон; Гершон-бэн-Гершон; Л-ц. (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 4. – М., 1960, с. 281).
- ⁹ Дубнов С.М. Книга жизни. – СПб, 1998, т. 1, с. 88.
- ¹⁰ Жена Г. Лифшица Татьяна Львовна и дети: Ольга, Раиса, Александр (1886 г. р.), Алексей и Елизавета (1889 г. р.). Татьяна Львовна, Елизавета и Александр ничем особенным себя не проявили и Чуковским не упомянуты.
- ¹¹ В биографическом словаре «Русские писатели. 1800-1917», т. 2, с. 39, сказано, что переехали в 1891 г.
- ¹² ГАОО, ф. 42, оп. 3, д. 7520, л. 3. В 1897 г. отсюда хоронили тестя Г.Г. Лифшица Леона Самуиловича Клячко (Одес. листок, 1897, 1 нояб., с. 1), так что, возможно, поселились в этом доме раньше.
- ¹³ А. Алексеев. Серьезное и смешное. – М.: Искусство, 1984, с. 138. (Далее – Алексеев.)
- ¹⁴ Жаботинский В.Е. Странное явление // Одес. нов., 1912, 21 февр. (5 марта), с. 3.
- ¹⁵ Биск А. Одесская литература // Дом князя Гагарина. – Одесса, 1997, с. 141.
- ¹⁶ По «четвергам» // Одес. нов., 1904, 27 нояб., с. 3.
- ¹⁷ Сиг. Около жизни // Одес. нов., 1903, 16 марта, с. 5.
- ¹⁸ Чуковский К. Нынешний Евгений Онегин // К.Чуковский. Стихотворения. – С.-Петербург, 2002, с. 334. В первой публикации, в газете «Одесские новости», «дланию умною потряс».
- ¹⁹ ГАОО, ф. П-2, оп. 1, д. 388, л. 5.
- ²⁰ ГАОО, ф. 314, оп. 1, д. 240, л. 28 об. Об этом обыске есть сведения в дневнике наружного наблюдения. Там сказано, что во время обыска жена Григорий Григорьевича Теофилия Лифшиц и Лемберк оказались за границей (Центральный

государственный исторический архив (Киев) (далее – ЦГИАК), ф. 386, оп. 1, д. 16, л. 21 об.).

²¹ Алексеев, с. 56.

²² Одес. листок, 1905, 21 июня (4 июля), с. 3.

²³ ГАОО, ф. 2, оп. 13, д. 3, л. 43 об.

²⁴ ГАОО, ф. 748, оп. 1, д. 8, л. 162 об. – 163.

²⁵ ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 3542, л. 5 об.

²⁶ Лившиц Г. Наша линия поведения. // Власть народа, № 21, 1917, 5 (19) апр., с. 1.

²⁷ Одес. нов., 1910, 10 (23) нояб., с. 3.

²⁸ Одес. нов., 1907, 13 окт., с. 3.

²⁹ Одес. нов., 1909, 17 (30) дек., с. 3.

³⁰ Лившиц Г. Наша линия поведения. // Власть народа, № 21, 1917, 5 (19) апр., с. 1.

³¹ ГАОО, ф. П-13, оп. 2, д. 17, л. 5.

³² Одес. нов., 1919, 31 авг. (13 сент.), с. 4.

³³ Одес. нов., 1919, 21 дек., с. 4.

³⁴ ГАОО, ф. Р-8085, оп. 1, д. 707, л. 371-371 об.

³⁵ Чуковский К.И. Собр. соч. в 15 т. Т. 11: Дневник (1901-1921). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 43.

³⁶ «<...> ее жизненные принципы, манера держать себя с людьми были несколько иными, чем те, по которым жили средние интеллигентные семьи, как наша. Например, была у нас горничная, деревенская девочка лет шестнадцати, Фрося; подруги и кавалеры звали ее Фроськой, а Оля величала ее Ефросиньей Матвеевной. Когда ночью дворник открывал ей ворота и протягивал руку за гривенником, она крепко пожимала ему руку, так как считала, что чаевые унижают дворниково достоинство» (Алексеев, с. 160).

³⁷ Алексеев, с. 161.

³⁸ ЦГИАК, ф. 385, оп. 1, д. 1159, л. 12.

³⁹ ЦГИАК, ф. 385, оп. 1, д. 1159, л. 12 об.

⁴⁰ Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях, за 1902. – Ростов-на Дону, 1906, с. 126.

⁴¹ Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905-1907 гг. Т. 3, кн. 2. – М., 1986, с. 273.

⁴² Полонская Е. До октября еще десять лет. // Звезда, 1965, № 7, с. 152.

⁴³ РГБ, отдел рукописей, ф. 620, к. 67, ед. хр. 9.

⁴⁴ Жаботинский в Одессе: Литературно-краеведческий справочник / Сост. Н.Н. Панасенко. – Одесса: Астропринт, 2018, с. 15.

⁴⁵ ЦГИАК, ф. 385, оп. 1, д. 1159, л. 13.

⁴⁶ Одес. листок, 1899, 3 июня, с. ЦГИАК, ф. 385, оп. 1, д. 1159, л. 123.

⁴⁷ <http://www.kpinfo.org/historymain/goldennames/123-lemberggrg>

⁴⁸ ГАОО, ф. 39, оп. 2, д. 22, л. 42 об.

⁴⁹ ГАОО, ф. 16, оп. 107, д. 49, л. 1183.

⁵⁰ См. Списки студентов и посторонних слушателей ИНУ.

⁵¹ ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 2986, л. 128.

⁵² ГАОО, ф. 314, оп. 1, д. 186, л. 32.

⁵³ ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 2986, л. 80.

⁵⁴ ГАОО, ф. 314, оп. 1, д. 217, л. 68 – 68 об.

⁵⁵ <https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/1434>

⁵⁶ ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 100, л.172 об.

⁵⁷ ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 7594, л. 1.

⁵⁸ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. Т. 1. – М., 1956, с. 432. Раиса печаталась также под псевдонимами В-ва, Р. Верова, Р. Григорьев, Р. Г., Р. Л., Раф. Г. (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. Т. 4. – М., 1960, с. 277).

⁵⁹ Кюльпе О. Современная философия в Германии. Пер. с нем. М. Лемберка; под ред. и с предисл. проф. Н.Н. Ланге. – Москва: Издание книжного склада Д.П. Ефимова, 1903. Каутский К. Следствия русско-японской войны. Пер. с нем. М. Лемберка. – Спб., 1905. Каутский К. Экономическое развитие и общественный строй: комментарий к положениям Эрфуртского съезда / К. Каутский; полный перевод с последнего немецкого издания М. Лемберка и Л. Борисова. 1905.

⁶⁰ Чуковский К.И. Собр. соч. В 15 т. Т. 11: Дневник (1901-1921). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 66.

⁶¹ ЦГИАК, ф. 386, оп. 1, д. 15, л.19-23.

⁶² Иванова Е.В. Чуковский и Жаботинский: История взаимоотношений в текстах и комментариях. – М.: Иерусалим, 2005, с. 46.

⁶³ ЦГИАК, ф. 386, оп. 1, д. 22, л. 82 об.

⁶⁴ Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за 1902 г. – Ростов-на-Дону, 1906, с. 124. В тексте опечатка: их называли Зембергами.

⁶⁵ ЦГИАК, ф. 386, оп. 1, д. 392. «Рабочее дело» – с-д, сторонники экономизма, объединившиеся вокруг одноименного журнала, который с 1899 по 1902 гг. выпускал «Союз русских социал-демократов за границей». Бунд – Всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России. Некоторое время входил в состав РСДРП.

⁶⁶ В конце марта нелегально из Одессы в Берлин прибыл часовых дел подмастерье бундовец Давид Розенбаум и поселился у Моисея Лемберка. По прибытии в Берлин он явился к местным представителям Бунда – Вильгельму Бухгольцу и Павлу Берману. По словам Розенбаума, одесские революционеры ощущают

сильный недостаток в интеллигентах и денежных средствах (ЦГИАК, ф. 386, оп. 1, д. 392, л. 5).

⁶⁷ ЦГИАК, ф. 386, оп. 1, д. 392, л. 8 об. По сегодняшней нумерации дом значится под № 76.

⁶⁸ ГАОО, ф. 2, оп. 11, д. 118, л. 280.

⁶⁹ ЦГИАК, ф. 386, оп. 1, д. 392, л. 1.

⁷⁰ Там же, л. 8 об.

⁷¹ Там же, л. 23.

⁷² Там же, л. 29.

⁷³ ЦГИАК, ф. 385, оп. 1, д. 1159, л. 84.

⁷⁴ ГАОО, ф. 634, оп. 1, д. 86, л. 45 об.

⁷⁵ ЦГИАК, ф. 385, оп. 1, д. 1159, л. 91.

⁷⁶ <https://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/pisma-zhurnalista-lazarya-karmena-korneyu-chukovskomu>

⁷⁷ ГАОО, ф. 314, оп. 1, д. 281, л. 139; ЦГИАК, ф. 385, оп. 1, д. 1159, л. 99.

⁷⁸ ГАОО, ф. 634, оп. 1, д. 86, л. 45 об.

⁷⁹ ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 10495, л. 3.

⁸⁰ Чуковский К.И. Собр. соч. В 15 т. Т. 11: Дневник (1901-1921). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 125.

⁸¹ Там же, с. 127.

⁸² Там же.

⁸³ Чуковский К.И. Собр. соч. В 15 т. Т. 13: Дневник (1936-1969). – М.: Терра – Книжный клуб, 2007, с. 263.

⁸⁴ Чуковский К.И. Собр. соч. В 15 т. Т. 11: Дневник (1901-1921). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 146.

⁸⁵ Российский медицинский список на 1914 г. – СПб., 1914, с. 266. Экзамен держал перед Медицинской испытательной комиссией при Харьковском университете (ГАОО, ф. 2, оп. 11, д. 118, л. 276).

⁸⁶ Чуковский К.И. Собр. соч. В 15 т. Т. 14: Письма (1903-1925). – М.: Терра – Книжный клуб, 2008, с. 54.

⁸⁷ Законодательные акты Франции, декларации прав человека и гражданина. Конституции 1791, 1793, 1848, 1875 годов / Перевод и пред. Р.Г. Лемберг. СПб., 1905; Марк К. Классовая борьба во Франции в 1848-50 гг. Перевод с нем. Г. Таубмана и Р. Лемберг. 1905; Верова Р. Закон о социалистах в Германии, его возникновение и падение. СПб., 1906; Петцольд Й. Проблема мира с точки зрения позитивизма / Пер. с нем. Р. Л[емберг] под ред. П. Юшкевича. СПб., 1909; Клейнпетер Г. Теория познания современного естествознания: На основе воззрений Маха, Сталло, Клиффорда и др. / Пер с нем. Р.Г. Лемберг под ред. П.С. Юшкевича. СПб., 1910.

⁸⁸ Литературная энциклопедия. Т. 3. – Изд. Ком. Ак., 1930, ст. 10.

⁸⁹ Научные учреждения Ленинграда. – Л., 1926, с. 96; Научные работники Ленинграда. – Л., 1934, с. 208.

⁹⁰ Лапина называет 1938 г. (И.А. Лапина. Еврейские женщины в советской педагогике. 1917-1930-е гг.); Ронкин – 1939-й (Ронкин В.Г. Зеленая лампа поэзии // Открытая школа, 2018, № 1).

⁹¹ Чуковский К.И. Собр. соч. В 15 т. Т. 13: Дневник (1936-1969). – М.: Terra – Книжный клуб, 2007, с. 263.

⁹² Ронкин В.Г. Зеленая лампа поэзии // Открытая школа, 2018, № 1.

Валерий Романов

«Лучше всего поется дома»

Мир оперного искусства, как правило, довольно глубоко скрыт в кулисах и недоступен непосвященным. Сегодня моя собеседница – Людмила Холодова, популярная и известная, прежде всего, в Германии, оперная певица. Образование она получила в Одесской консерватории, и на примере ее творческого пути мы не просто приоткроем занавес над внутренним миром оперного искусства, но познакомимся с тем, как выходцам из советской вокальной школы доносить свое искусство до европейского слушателя.

– Что собой представляет одесская вокальная школа?

– Одесская вокальная школа – это, прежде всего, сильнейший профессорско-преподавательский состав высшего уровня и традиция, которой уже много больше ста лет. На протяжении 5-6 лет опытейшие педагоги обучают мастерству пения юные дарования. В годы моего обучения (это еще в советское время) на кафедре сольного пения работал добрый десяток замечательных профессоров. Самым знаковым педагогом для меня стала Галина Анатольевна Поливанова – мой педагог по вокалу, профессор, академик, завкафедрой сольного пения. Она предоставила мне возможность обучаться в ее классе вокальному мастерству, став моей «матерью в искусстве». К сожалению, в 2020 году на 92 году жизни перестало биться ее сердце, и боль утраты моего мастера не отпускает меня до сих пор.

На кафедре была единая структура: все педагоги приходили со своими учениками к ней на консультацию и так же обратно – в случае если ее ученики не справлялись с поставленными задачами, Галина Анатольевна созывала всю кафедру для консультации своих учеников. Так в один из сложных периодов моего обу-

В классе с Г.А. Поливановой

чения моя профессор созвала кафедру для моей консультации. После моего выступления все педагоги поочередно высказали свои замечания и пожелания, что очень помогло мне и придало уверенности в себе. Благодаря такому вниманию студенты всех факультетов чувствовали себя, как за каменной стеной.

У нас существовали, как нигде в мире, бесплатные подготовительные факультеты (первый и второй подкурсы). Еще была бесплатная педпрактика, где студенты, а также их педагоги консультировали и обучали всех желающих. Я сама, будучи студенткой Одесского института инженеров морского флота, бегала в консерваторию на педпрактику. И мне очень повезло с моими первыми учителями, а это тогда еще студенты-выпускники: Анна Джулай, Дима Харитонов, Катажина Любинска (Польша). Все они давно заявили о себе в искусстве как на родине, так и за рубежом, а тогда они дали мне серьезный толчок в осуществлении моей мечты – профессионально заняться оперным пением. До сих пор вспоминаю о них с огромной благодарностью.

В какой еще консерватории можно насчитать такое количество лауреатов и дипломантов международных, всесоюзных, всеукраинских конкурсов среди студентов? Какие колоссальные усилия прилагала кафедра сольного пения для осуществления поездок на международные конкурсы наших студентов! В советское время поездки за рубеж были связаны с открытием виз и поиском материальных средств – валюты. Приоритетом для одесской консерватории всегда были конкурсы, которые на самом деле являются высшей формой обучения и признания для студентов. И этот шанс был предоставлен каждому из студентов.

Так что моих соучеников можно встретить на подмостках многих сцен, по всему миру они прославляют нашу любимую одесскую консерваторию.

– Как вы попали на работу в Германию?

– После успешного выступления на международном конкурсе вокалистов в Карловых Варах (в бывшей Чехословакии) я попала в концертную группу одесской консерватории, которая должна была выступать в Баварии в рамках культурного обмена между Западной Германией и СССР. Спонсором этой поездки выступили две немецкие фирмы и Черноморское морское пароходство. Наша концертная бригада состояла из певцов, инструменталистов и композиторов во главе с моим педагогом Галиной Поливановой и моим непосредственным концертмейстером и большим другом заслуженной артисткой Украины, лауреатом международных конкурсов Мариной Кичерской.

После отличного выступления в Баварии нашим вокалистам, в том числе и мне, был предложен двухгодичный контракт солиста театра земли Рейнланд-Пфальц в городе Кайзерслаутерне. Далее контракт постоянно продлевался. Во времена СССР мало кто видел за границу. Пребывание в чужой капиталистической стране стало для меня настоящим испытанием. Ни знакомых, ни родственников, ни преподавателей не было рядом. Мой немецкий язык был приблизительным (в школе я учила английский). А самое главное – надо было знать специфику западных театров: все оперные спектакли шли на языке оригинала.

В первый год контракта я участвовала в семи оперных премьерах.

Для молодой начинающей певицы, практически со студенческой скамьи окунувшейся в творческую театральную среду Запада, работа на сцене стала настоящим потрясением. Спасла закалка одесской консерватории и моего профессора, а также огромная поддержка моих родителей. Также было нелегко первые два года находиться по контракту в Германии. Со мной не было моих любимых и самых дорогих мне людей: мужа и шестилетней доченьки. Тоска по родине, родителям, преподавателям, по мужу и малень-

кой дочурке отбирала все силы. В который раз говорю спасибо моей родной одесской консерватории и всему профессорско-преподавательскому составу, которые нас воспитали победителями. Годами в нас вкладывались бойцовские качества, воспитывалось понятие трудолюбия и стремление к постоянному совершенству. Без таких качеств практически невозможно было бы работать в театре. Как теперь я понимаю, попасть в театр – это еще не значит проработать в нем долгие годы.

– В каких театрах, на каких фестивалях пели и что?

– В студенческие годы, во времена СССР, моим выпускным спектаклем стал «Любовный напиток» Гаэтано Доницетти, в котором я исполнила партию Джанетты. А затем была работа в театрах Западной Германии и других стран Европы.

Первый контракт был в театре Пфальц-Кайзерслаутерн (1991-1998). Далее оперный театр в Халле (1996), фестивали в Бад-Херсфельде (1998-1999), юго-восточные театры Баварии (1999-2000). Начиная с 1995 года на протяжении семнадцати лет я работа постоянной солисткой Гамбургской филармонии (1995-2012), гастролировала в Дортмунде, Кельне, Франкфурте-на-Майне, Людвигсхафене, Рюссельсхайме, Ерлангене, Марбурге, Геттингене и т. д. Выступали мы в Австрии, Италии, Чехословакии, Румынии, Нидерландах, Бельгии и других странах.

В 1998-1999 гг. я – солистка Пражского национального оркестра: турне по Германии, в 2000 году – солистка Трансильванской филармонии: турне по Германии с Национальным оркестром Румынии.

«Трубадур» Дж. Верди. Партия Леоноры

В 2003 году – солистка Московского национального оркестра, выступления в Большом зале имени Чайковского (Москва), а также турне с программой из произведений Штрауса по Германии. В 2016 году – выступление на 23-м Международном фестивале им. Иоганнеса Брамса (Австрия). 2017 – выступление на фестивале «Oreg im Berg» в Зальцбурге (Австрия). Выступления на международных конкурсах: 1990 год – Карловы Вары, Чехословакия, конкурс вокалистов имени А. Дворжака (лауреат); 1995 год – Гамбург, Германия, конкурс вокалистов имени Роберта Штольца (лауреат);

1998 год – Меран, Италия, конкурс вокалистов «Дебют в Мера-не» (дипломант).

Я спела в трех фильмах-операх и участвовала во многих проектах аудиозаписи, в основном концертных выступлений.

В моем репертуаре около 40 партий драматического сопрано и меццо-сопрано. Мои любимые – это Венус/Элизабет из «Тангейзера» Р. Вагнера, Тоска из «Тоски» Дж. Пуччини и Леонора из «Трубадура» Дж. Верди. Сейчас веду активную концертную деятельность: камерное исполнение песен и романсов классиков. В последние годы я много занималась учебой и публицистикой. Печаталась в различных научных журналах и выступала на научных музыкальных конференциях. Окончив в 2013 году аспирантуру Национальной музыкальной академии им. П.И. Чайковского (Киев), в марте этого года стала доктором философии, защитив диссертацию на тему: «Рихард Вагнер: становление творца в ранние годы творчества».

– Где вам работалось и пелось лучше: там или здесь?

– Я не знаю, лучше ли бы мне пелось дома, так как я всего один раз исполнила партию Джанетты в «Любовном напитке» Г. Доницетти в одесской опере и сразу же по окончании консерватории уехала по контракту за рубеж. Выступление в «Любовном напитке» было мое первое и единственное на родине, тогда еще в СССР.

Конечно же, начальный этап становления меня как оперной певицы я бы предпочла осуществить дома. Невероятно важно именно в начале творческого пути рядом плечо мастера-педагога и концертмейстера – близкого друга. По возможности я часто прилетала домой для консультаций с моими любимыми, родными мне учителями.

С другой стороны, жесткая система работы в театрах Западной Европы выработала во мне сильный иммунитет к сложностям. Мы так уже натренированы, что поем в любом часовом поясе сразу после самолета, поезда, как говорится, с колес – и сразу на сцену. Умение в кратчайший срок выучить оперную партию на языке оригинала, выучить нотный текст без коррепетитора и прийти готовой на спевку или на пробы с режиссером – это дорогого стоит. Вся ответственность за выучку партий практически ложится только на собственные плечи. Сможешь быстро и эффективно подготовиться – считай, что контракт в театре у тебя продлен.

Лучше бы мне пелось там или здесь?

Могу ответить, что если бы мне представилась возможность петь дома, то скорее всего, работалось бы и пелось мне в родных стенах намного легче и спокойней. Все же интенсивность работы на Западе связана с постоянными стрессами, нехваткой времени на выучку и практически отсутствием свободного времени... Многие певцы, работающие за рубежом в таком интенсивном режиме, попадают в такую тяжелую болезнь современности, как «болезнь выгорания», или, попросту говоря, болезнь хронической усталости. В наших постсоветских театрах все же до сих пор соблюдается щадящий режим работы певцов. До сих пор существует система защиты начинающего певца. Певец формируется начиная со стажерской скамьи (маленькие роли), далее вторые роли и медленная постепенная подготовка к главным основным партиям. Дай Бог, чтоб эта система еще

сохранилась. У наших певцов нет такой загрузки в театрах, как у зарубежных, таким образом есть возможность более основательно без стрессов подготовиться к новой роли и к предстоящей премьере.

– Вы довольны своей творческой судьбой?

– Я не только довольна своей творческой судьбой, я до сих пор не верю, что моя тайная мечта стать оперной певицей сбылась. Я благодарна своим маме и папе, которые меня отвели в музыкальную школу. Еще в садике меня наказывали за то, что я тайно пробиралась в актовый зал, где стояло пианино, и несмотря на запреты воспитателей, тихонечко нажимала на клавиши. А ведь меня могли и не отдать в музыкальную школу... Ведь многие родители считают, что все это несерьезно. Зачем ребенку тратить время, а им средства на занятия музыкой?

Я помню свое первое пианино «Украина», которое купили мне

родители в рассрочку на два года. А ведь могли и не купить. Оно стояло у нас дома на кирпичах, потому что пол в доме отсутствовал из-за нехватки средств. А ведь родители могли вложить деньги в стройку, а не в мое музыкальное образование (в советское время все музыкальные школы были платными, и суммы за обучение были немаленькие). Мне невероятно повезло с родителями. Всю свою душу и все свои силы, знания и средства они до последнего вкладывали в меня.

В один из моих дней рождения папа с мамой подарили мне полное собрание пластинок с записями мировых опер-

С Чингизом Айтматовым. Работа над новой оперой

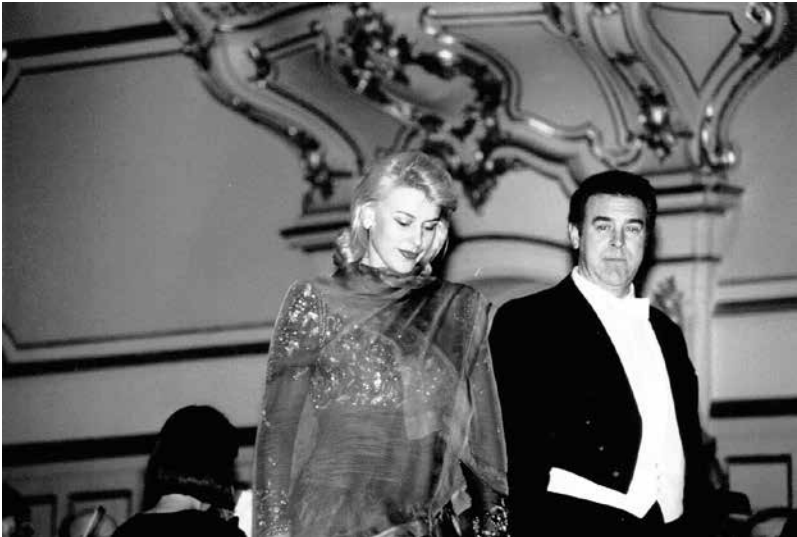
ных звезд (113 штук – фирма «Мелодия»). Такого замечательного подарка я не ожидала. Для этой покупки родители взяли кредит и выплачивали его многие месяцы. Эти записи перевернули мой мир. Прослушав их, я поняла, что хочу быть только оперной певицей. Низкий поклон моим любимым родителям. Через много-много лет, попав в Германию, я испытала первый шок, увидев на сцене знакомое лицо с обложки пластинки. Это была она – выдающееся испанское меццо-сопрано Тереза Берганца. После ее выступления мы с ней встретились. Я не могла тогда себе представить, что на сцене она поет намного лучше, чем на записях.

Слушая в молодости записи выдающегося советского баса Евгения Нестеренко, я также не могла себе представить, что через много-много лет буду с ним стоять на одной сцене в опере М. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») в Германии, где он исполнял главную партию Ивана Сусанина, а я партию его дочки Антонида.

Могла ли я себе представить, что когда-либо буду общаться с выдающимся писателем современности Чингизом Айтматовым? В Пфальц-театре создавался новый оперный проект на либретто по произведению Чингиза Айтматова «Кирик – юноша и море» на музыку замечательного немецкого композитора Маргаретт Вольф. Тогда я не могла вообразить, что мое участие в проекте будет важно для него... Также прием в Киргизском посольстве в Бельгии, где работал послом господин Айтматов, был овеян необыкновенным теплом и радушием его семьи, в которой особо выделялась мягкая и добрая красавица жена, сумевшая посольство превратить в дом встреч близких друзей, где бесконечные беседы с великим мастером за ароматным чаем у многих запечатлелись в памяти.

Желание постоянно совершенствоваться привело меня на учебу в мастер-классы мировых оперных звезд: к величайшему испанскому тенору столетия Джакомо Арагалле, к чешке Квете Коничковой, к американке Патриции Велс-Томас, к Евгению Нестеренко.

Я все время нахожусь в мире оперы и чувствую себя в нем абсолютно счастливой!

Дуэт в Гамбурге

– Какой вклад в европейскую музыкальную культуру вносят представители советской, постсоветской вокальной школы?

– Я выросла в постсоветской системе образования, когда музыкальное обучение было одним из сильнейших в мире и очень профессиональным. Соответственно и советская вокальная школа была одной из сильнейших в мире, она несла в себе лучшие традиции русской классической и мировых вокальных школ, основанных на «вокальной педагогике» Михаила Глинки и преемственности многих вокально-технических, педагогических традиций итальянской школы бельканто. Впоследствии она стала самостоятельной, яркой и неповторимой.

Во времена СССР талантливые студенты и начинающие оперные певцы часто стажировались в Италии. Так, ректор одесской консерватории Николай Огренич прошел такую стажировку. Его мастерство как вокалиста и талант педагога помогли сделать колоссальный рывок в учебном процессе. Любовь вокалистов

к своему ректору была безграничной. В последние годы жизни он лечился от тяжелого недуга в Германии. Узнав о пребывании нашего ректора в госпитале Германии и созвонившись с моей коллегой, прекрасной певицей Ниной Радван, мы молниеносно примчались к нему. Я не помню в своей жизни более яркой встречи ректора со своими выпускниками. Пообщавшись с нами какое-то время, он сказал: «Теперь я точно буду жить!» – обнял нас крепко, насколько позволяла его болезнь, на прощание. Какова же была наша радость увидеть его через какое-то время вновь в своем кабинете за рабочим столом в консерватории! Хотя он и был уже сильно ослаблен, но всю свою энергию до последнего вкладывал в учебный процесс и как вокалист брал под свое крыло всех певцов, помогая им чем только возможно.

Мы все, тогда очутившиеся за границей, старались быть достойными оказанной нам чести и представляли, конечно же, «советскую вокальную школу» и страну.

Но говорить о вкладе нашей советской вокальной школы в европейскую музыкальную культуру во времена СССР особо не приходится, так как в те времена буквально единицы выезжали за рубеж, что, конечно, было очень печально. Естественно, это были одни из лучших: Вишневская, Архипова, Олейниченко, Образцова, Нестеренко, Милашкина, Атлантов и другие. Из советских республик: из Эстонии Георг Отс, из Грузии – Анджапаридзе и Соткилава, из Литвы Норейка, из Молдавии Биешу, из Украины Мирошниченко, Гнатюк, Руденко и др. Многие представители советской школы вокала до сих пор с успехом работают за рубежом в ведущих оперных театрах Европы, Америки. Среди них Шемчук, Калинина, Раутио, Гулегина, Ларин, Лейферкус, Чернов, Бурчуладзе, я, Тамар и другие.

Начиная с 1991 года, после завала СССР, наши блистательные оперные певцы как никогда были задействованы в спектаклях отечественных композиторов за рубежом. На театральных афишах Европы появлялись оперы наших композиторов, доселе там неизвестные, а это «Игрок», «Война и мир» Сергея Прокофьева; «Золотой петушок», «Моцарт и Сальери», «Снегурочка» Николая Римского-Корсакова; «Алеко», «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини» Сергея Рахманинова; «Леди Макбет Мценского уезда»

После спектакля «Иван Сусанин» с Евгением Нестеренко

и «Нос» Дмитрия Шостаковича; «Князь Игорь» Бородина, «Иван Сусанин» Глинки, «Соловей» Стравинского, «Чародейка», «Мазепа», «Иоланта» Петра Чайковского; «Хованщина» Мусоргского и т. д.

Благодаря участию наших певцов в этих спектаклях можно смело сказать, что представители советской и постсоветской вокальной школы внесли огромный вклад в развитие европейской музыкальной культуры, напрямую повлияв на репертуарную политику европейских театров.

Сегодня двери всех театров мира открыты для наших певцов, каждый выпускник может самостоятельно уехать за рубеж и прослушиваться в любом театре мира. При наличии отличной вокальной подготовки и знании языков у талантливого выпускника есть хороший шанс получить место солиста в зарубежном театре.

Безусловно, наши певцы обладают великолепными голосами, находятся в отличной физической форме и являются высокообразованными специалистами. Слушая за рубежом оперные спек-

такли, ты можешь практически сразу определить, в какой партии задействован певец из постсоветского пространства, – по яркости, индивидуальности, прекрасному владению голосом и актерскому мастерству.

– Ваши музыкальные пристрастия?

– Они очень разнообразны и постоянно трансформируются, напрямую зависят от моего сегодняшнего внутреннего состояния. Индикатором моего восприятия музыкального произведения является собственная внутренняя оценка: трогает меня это произведение или оставляет равнодушной?

Волею судьбы попав в аспирантуру к замечательному профессору, доктору искусствоведения Марине Черкашиной, я неожиданно получила приглашение на концертное исполнение оперы «Вий» (по Н. Гоголю). До последнего момента я не могла себе и представить, что именно Виталий Губаренко – выдающийся советский, украинский композитор, автор более чем пятнадцати опер и балетов, а из них и композитор оперы «Вий», не кто иной как муж Черкашиной. Сидя в зале филармонии, я ощутила невероятно электризирующее меня чувство. От мощи этого произведения я находилась в состоянии оцепенения до финального аккорда. Могу смело сказать, что я пережила огромное потрясение!

Наверное, такое же, как и моя мама. Побывав на одном из моих вагнеровских выступлений (одного из моих любимейших композиторов), по окончании сказала мне: «Людочка, как ты можешь это исполнять? Эта музыка меня потрясла! Я проплакала всю программу, и сердце мое чуть не выскочило. Откуда у тебя эти силы и любовь к такой удивительной музыке?! Это не музыка – это взрыв, вулкан, вселенная... Я не знаю, как ее еще можно описать...».

Я также восторгаюсь симфониями, которые затрагивают мой нерв, дают мне колоссальную энергию: Артура Оннегера, Арнольда Шенберга, Густава Малера, Рихарда Штрауса, Дмитрия Шостаковича, Георгия Свиридова и другими.

В поп-музыке «классической симфонией» считаю тяжелый рок, который заряжает неистощимой энергией, дает мне много сил.

Люблю слушать вокалистов – как оперных, так и исполнитель-лей поп-музыки. Среди оперных исполнителей высоко ценю То-маса Хвастова, Рене Флеминг, Кирстен Флагштад, Джанет Бакер и многих других. Среди представителей современной поп-музыки часто слушаю Лару Фабиан, Адель, Хайле Штайнфельд, Хейли Уильямс и других.

Также отдаю предпочтение современной электронной музы-ке, такой как музыка Антона Заславского (Zedd).

Являюсь большой поклонницей АВВА. С этой музыкой меня связывает молодость и многочисленные дискотеки, на которых мы отплясывали еще студентами. Возращение АВВА на сцену не только у меня, но и у миллионов поклонников по всему миру вызвало восхищение и небывалый подъем жизненной энергии. Это замечательный подарок всем землянам в год пандемии. Мы все надеемся, что с мая по октябрь 2022 года все желающие смогут посетить их live-концерты в Лондоне! Остается им только пожелать сил, и главное – здоровья!

– Вы преподаете в Германии. На каком уровне и каковы до-стижения ваших учеников?

– Около двадцати пяти лет назад мой муж Анатолий – прекрас-ный музыкант, аранжировщик, композитор, – находясь со мной в Германии, загорелся идеей создать частную музыкальную школу. Благодаря его бабушке и прабабушке (обе концертные пианистки), а также его отцу (замечательному драматическому тенору) с детства он был окружен музыкой. В ранние годы именно в своей семье он получил частное музыкальное образование. Через многие деся-тилетия, приехав в Германию, мой муж четко знал, что хочет создать именно свою музыкальную школу, под своим именем, взяв за основу преподавательский опыт своей семьи и педагогический опыт своего обучения в музыкальных учреждениях тогда еще Советского Союза.

Я была категорически против этого проекта, думая, что это для нас неподъемная ноша. Но благодаря настойчивости супру-га, а в дальнейшем и с моей помощью музыкальная школа все же была открыта в земле Пфальц в городе Кайзерслаутерн. И уже на протяжении двадцати пяти лет музыкальная школа Анатолия Холодова с успехом работает и развивается.

К активной преподавательской работе я приступила всего около десяти лет назад. Преподавательская работа в музыкальной школе дала мне необыкновенный шанс свободного передвижения в случае новых гостевых контрактов. К этому времени я уже смогла наконец-то добиться работы только солиста-гастролера в оперных театрах и не была связана ни с одним театром постоянным контрактом. В случае моего отъезда учениками занимались педагоги, которые по условиям контракта замещали меня или моего мужа (он также концертирующий музыкант). Такого шанса оставаться действующей оперной певицей и заниматься преподавательской работой я не смогла бы получить ни в одном из образовательных заведений Германии.

Музыкальные школы на Западе есть двух типов: государственные и частные, и они практически имеют мало общего с советскими музыкальными школами. Набравшись опыта работы в музыкальной школе, могу смело сказать, что для того чтобы быть успешным педагогом на Западе, необходимо обладать не только профессионализмом, но и умением идти гигантскими шагами в ногу со временем. В эпоху информационного потока невозможно, например, начать обучение пианистов, основываясь только на «Школе игры на фортепиано Николаева», хотя я считаю, что это бесценная методика; как и невозможно давать бесконечное количество вокальных занятий, которые предоставляют педагоги наших постсоветских стран. Необходимо выработать в себе умение во время урока, одного академического часа в неделю, вложить объем недельной программы наших музыкальных школ, а именно сольфеджио, теорию музыки и т. д. То же самое относится и к вокальным занятиям: необходимо умение в довольно короткий вокальный академический час вложить важные технические приемы вокализации так, чтобы ученик мог без педагога самостоятельно заниматься всю неделю (хотя для вокалистов это самое тяжелое испытание, особенно на начальной стадии обучения).

В советское время считалось, что лучшее музыкальное образование можно получить только в государственных музыкальных учреждениях (музыкальная школа, училище, консерватория). На Западе такого предписания не существует, и частные образовательные школы работают наравне с государственными.

Как пример успеха частного музыкального образования могу привести работу преподавателя по фортепиано, великолепной пианистки, моего хорошего друга, выпускницы саратовской консерватории имени Л.В. Собинова Марины Заславской, которая с успехом в стенах нашей частной музыкальной школы вела свой блистательный пианистический мастер-класс. Ее сыновья Антон и Аркадий, обучавшиеся с четырехлетнего возраста классической музыке и получившие, прежде всего, частное музыкальное образование в своей семье, у родителей (отец также музыкант), проведя детство и юность в немецком городе Кайзерслаутерне, сегодня успешно вошли на музыкальный олимп. Антон (Zedd) в двадцать пять лет – обладатель «European Border Breakers Award» и музыкальной премии «Грэмми» (2014 год) за песню «Clarity», исполненную совместно с британской певицей Foxes. Вместе с братом Аркадием они успешно работают с мировыми звездами, такими как Кэти Перри, Леди Гага, Скриллекс, Хейли Уильямс, Селена Гомес, Кеша, Ариана Гранде, Шон Мендес, Трой Сиван, Лиам Пейн и другими.

Я специально привела пример частного музыкального образования, которое в постсоветских странах, как правило, не находило и до сих пор не находит должной поддержки.

В нашей школе имеются классы не только фортепиано, но и скрипки, аккордеона, электро- и акустической гитары, бас-гитары, клавишных. В земле Пфальц проходят ежегодные конкурсы юных музыкантов, и недавно моя ученица взяла второе место на одном из них.

В Германии, высокотехнологичной стране, люди работают очень интенсивно. Увлечение музыкой – это не просто тяга к знаниям, но и способ уйти от стрессов и, не дай Бог, попадания в болезнь века – синдром эмоционального выгорания. Поэтому не только юные дарования приходят на обучение в нашу школу, но также и много взрослых людей разных профессий. Это финансисты, учителя, юристы, профессора, инженеры, студенты университетов. А сейчас появилась очень активная, новая и совершенно не изученная аудитория – это пенсионеры, которые стремятся свои лучшие годы провести в гармонии с самым прекрасным видом искусств – музыкой. Это самая ответственная категория граждан. Они так стараются, настолько тщательно готовятся к урокам, что порой себя ощущаешь просто неподготовленной школьницей перед ними.

Как правило, это та часть пенсионеров-трудооголиков, которые всегда занимали активную жизненную позицию и не хотят акцептировать свой статус пенсионера. Они активно принимают участие в концертах музыкальной школы, а также в наших социальных проектах: выступлениях в домах престарелых, в различных клубах, на городских праздниках и фестивалях.

Я занимаюсь подготовкой певцов как к поступлению в высшие музыкальные заведения, так и к важным прослушиваниям в театрах и хорах. Обращаются за помощью профессиональные певцы поп-эстрады. С огромным удовольствием работаю со всеми ними.

Наша музыкальная школа интернациональна. В ней занимаются не только немцы, но и французы, американцы, русские, венгры, испанцы, турки, индусы, бельгийцы, поляки, канадцы и другие. А это требует не только знания иностранных языков, но и углубленного изучения культур и акцептирования вероисповеданий.

В связи с пандемией COVID-19 стремительно развился новый вид учебного процесса – обучение онлайн. Практически за девять месяцев, на протяжении которых наша музыкальная школа была закрыта... появился новый вид учебного процесса – дистанционное обучение. Мы так стремительно наладили обучение онлайн, что теперь для меня работа с моими учениками из Вашингтона, Мюнхена или Торонто, практически из любой точки планеты, не представляет никакого стресса. Главное – не забыть определить часовой пояс. Я люблю свою работу. В музыкальной школе преподаю с огромным удовольствием и радуюсь малейшим достижениям моих учащихся – как начинающих, так и высокого класса профессионалов.

– Куда, по-вашему, идет европейская вокальная культура? Чего зрителям и слушателям ждать в скором будущем?

– Наблюдая последние пятнадцать-двадцать лет за оперной жизнью Европы, я обратила внимание на процессы, которые в корне изменили ее облик. Это не естественная эволюция, а этакий взрыв. Можно назвать это явление рождением «нового театра», где предшествующие традиционные представители режиссерского отряда, такие как В. Фельзенштейн, Б. Покровский, Ж.-П. Поннель, Ф. Дзеффирелли, являющиеся образцом совершенной гармонии, высшего единства музыкальной и театральной составляющих оперного синтеза, для новых своих последователей перестали быть какими-либо авторитетами.

Оперные постановщики «нового театра» заявили о себе как о единоличных творцах «нового феномена» в оперных спектаклях, эпатируя благодаря внешним эффектам и трансформируя на свой лад сюжетную основу. Режиссерский оперный «новый театр», рожденный в результате взрыва, выглядит на сегодняшний день отнюдь не устоявшимся. Он противоречив, и к тому же не вытеснил окончательно театр более традиционный. Существуют как его сторонники, так и его отчаянные противники как среди зрителей, так и в среде профессиональных деятелей. Ясно одно: опера окончательно стала театром!

Это уже не та опера, которая с возникновением ее двести лет тому назад успешно существовала на всех театральных подмостках мира, от становления романтического репертуара и до зна-

менитых постановок, созданных классиками оперной режиссуры второй половины XX столетия на сцене и на экране.

Практически такой же трансформации подверглась и вокальная школа. Все реже появляется у певцов возможность блистать голосовым бельканто... и все чаще приходится на сцене выполнять акробатические номера, подгоняя вокальную линию под шокирующую инсценировку. Уже практически везде в «новых постановках» красивый сольный кусок вокалиста не является центром оперного спектакля, он все больше напоминает проходящий второстепенный номер, который теряется в буре событий, происходящих на сцене. Сценическое воплощение опер в западноевропейском театре все больше напоминает повод для осмысления процессов современного бытия, для обогащения художественных ландшафтов настоящего. Совсем другую функцию берет на себя оперный спектакль, например, в Украине, где постановщики не столько озабочены новыми сценическими идеями, сколько стремятся создать презентационный художественный продукт высшей категории.

При всем многообразии оперного репертуара и невероятном количестве премьер пандемия 2020-2021 годов сыграла злую шутку с театральной жизнью Европы, как, впрочем, и всего мира. Работа сотрудников театра на удаленке, выпуск премьер при пустом зале, спевки, репетиции в неполном составе и т. п. подорвали хорошую исполнительскую форму многих музыкантов, что сильно отразилось на качестве спектаклей. Остается только ждать, что этот тяжелый период останется в прошлом, и театральная жизнь как Европы, так и всего мира вернется в нормальное русло. Будем только надеяться, что жизнь современного оперного театра будет продолжаться с неослабевающей активностью!

Фото из личного архива Людмилы Холодовой

Евгений Деменок

Не нужно бояться мечтать

Памяти Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда

1 декабря прошлого года практически все чешские газеты и журналы опубликовали печальную новость. Умер один из тринадцати самых старших жителей Чехии. До ста трех лет он не дожил всего два с половиной месяца.

Имя его было известно не только в Чехии, но и во всем мире.

Это был знаменитый путешественник Мирослав Зикмунд.

Его друг, единомышленник, соавтор Иржи Ганзелка умер восемнадцатью годами раньше, в 2003-м.

На этом закончилась одна легенда – и началась другая.

*

Мало того, что Чехословакия была первой «заграницей», куда я чудом попал в застойном 1980 году, но и о большом мире, экзотических странах, удивительных народах я впервые узнал именно из книг Ганзелки и Зикмунда, восемь томов которых рядком стояли во внушительной, в несколько тысяч томов, библиотеке дедушки Соломона. Не заметить их было невозможно, их яркие суперобложки сильно выделялись на фоне классических собраний сочинений советского образца – разве что Вальтер Скотт и Детская энциклопедия могли с ними конкурировать. Но в книгах Вальтера Скотта не было фотографий, а у Зикмунда и Ганзелки они носили не вспомогательную, а такую же основную функцию, как собственно тексты. Фотографии эти запомнились моментально и навсегда – и кормящая ребенка грудью чернокожая женщина, и раскрашивающий лицо индеец из племени шуар, и пожилая аргентинка с сигарой, и улыбающийся

Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд

курд в непонятном головном уборе. Именно благодаря Ганзелке с Зикмундом я узнал о сорокамиллионном народе, у которого нет своей страны.

Их с Иржи Ганзелкой книги читали, наверное, все, кто мечтал и мечтает о путешествиях. Это неудивительно – два неразлучных друга проехали около ста стран (проживший на восемнадцать лет дольше Зикмунд побывал в ста двенадцати странах), записали больше двух тысяч репортажей, сняли четыре полнометражных и сто сорок семь короткометражных документальных фильмов, написали сотни очерков и статей и более двадцати книг, переведенных на девятнадцать языков. Общий тираж их сочинений огромен – я встречал упоминания и о шести с половиной, и о девяти миллионах экземпляров.

Чехия – страна долго живущих традиций. Страна основательная. Если чехи что-то начинают, то продолжают упорно, невзирая на политические и экономические перемены.

Взять, например, туристическое агентство *Čedok*. Основанное в 1920 году, оно пережило смену множества властей, не один общественный строй, и успешно работает до сих пор.

Или Клуб чешских туристов. Он был основан еще в июне 1888 года – и тоже прекрасно себя чувствует.

За эти годы Чехия дала миру множество знаменитых путешественников. Например, одним из основателей Клуба чешских туристов и первым его председателем был легендарный Войтех Напрстек, собравший в своих странствиях такую значительную коллекцию, что для ее хранения и показа пришлось создать музей. Ботаник и путешественник Бенедикт Рецль, почетный член Гаванской академии наук, памятник которому стоит на Карловой площади, был известен тем, что переслал из Америки в Европу десятки тысяч орхидей и был архитектором-озеленителем Мехико. На похороны его приехал сам Франц Иосиф I. Полярный исследователь Вацлав Войтех был первым чехом, награжденным высшей американской гражданской наградой – Золотой медалью Конгресса США.

Чешского востоковеда, писателя и первооткрывателя Алоиса Мусила (родственника великого писателя Роберта Музиля) за выдающиеся открытия и исследования арабских стран назы-

Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд у египетских пирамид

вали Лоуренсом Моравским (в честь Томаса Лоуренса). Павел Павел открыл способ, которым туземцы острова Пасхи перемещали свои мегалитические статуи моаи, и доказал свою правоту во время поездки на остров в составе экспедиции Тура Хейердала.

Одним из знаменитейших исследователей Африки был врач и этнограф Эмиль Голуб, проделавший большую часть путешествий со своей женой Руженой (в 1957 году Зикмунд с Ганзелкой специально приехали к ней в Вену). На родине Голуба, в Голице, ему установлен памятник и создан музей Африки. Именно Голуб заразил Зикмунда с Ганзелкой страстью к путешествиям.

«Его мужество было невероятным. Он просто отправился в Южную Африку, которую хотел пройти с юга на север. В итоге у него это не получилось из-за беспорядков туземцев», – сказал как-то Зикмунд в интервью Чешскому радио. «Мы восхищались тем, что он привез из Африки в то время. Он привез в 34 железнодорожных вагонах экспонаты, которых здесь раньше никто не видел».

Если бы Голуб знал об их маршрутах и достижениях, о том, что впервые в мире Ганзелка и Зикмунд пересекли на автомобиле Нубийскую пустыню, руководствуясь лишь компасом, что стали первыми чехами, поднявшимися на Килиманджаро, уверен, он восхищался бы не меньше.

В чем же секрет их успеха? Ведь Ганзелка и Зикмунд отнюдь не были первыми чехами, объехавшими весь (почти) земной шар на автомобиле. Еще в 1936 году Братислав Ян Прохазка и Йиндржих Кубиас совершили полное кругосветное путешествие на автомобиле *Škoda Rapid* за рекордных девяносто семь дней, в среднем проезжая по шестьсот тридцать километров в день! Они намотали пятьдесят две тысячи километров.

В том же году Франтишек Александр Эльстнер и его жена Ева проехали двадцать пять тысяч километров по территории США, Мексики и Испании за рулем *Škoda Popular*, а Станислав Шкулина и его супруга Мария на своем *Škoda Rapid* отправились в двухлетнее путешествие по Африке, маршрут которого стартовал в Дакаре и пролегал в Йоханнесбург и к мысу Доброй Надежды. Так что к моменту поездки Ганзелки и Зикмунда марку «Шкода» уже хорошо знали и в Африке, и в Латинской Америке, и им было гораздо

легче заключать торговые сделки – не нужно забывать о том, что они уезжали именно как представители чешской промышленности, а сами были торговыми инженерами.

И все же среди всех чешских путешественников именно Иржи Ганзелка с Мирославом Зикмундом были, пожалуй, самыми известными и самыми любимыми. Мне кажется, тому было несколько причин.

Во-первых, они, как сегодняшние трэвел-блогеры, путешествовали практически онлайн (по меркам того времени), выдавая на-гора радиорепортажи и публикации каждую неделю.

Во-вторых, были невероятно обаятельны. Собственно, без их удивительного обаяния из их затей объехать весь свет ничего бы не вышло («...если есть неприкосновенный дар под названием харизма, то у Зигмунда его бездонный запас. Он может читать на экране телефонную книгу, и это все равно будет привлекать внимание», – писали журналисты в рецензии на фильм Петре Горкого «Столетие Мирослава Зикмунда»). Только представьте себе удивление генерального директора завода *Tatra* Ружички, когда к нему пришли два молодых человека и попросили предоставить им машину для того, чтобы объехать на ней земной шар, – и это меньше чем через два года после войны! И что же? Директор не смог отказать и нисколько не пожалел об этом.

«Показали свои бумаги с подробнейшим планом путешествия. Это были данные о разных странах, географические карты – всего где-то 500 страниц текста и рисунков. И попросили: «Дайте нам машину, а мы разрекламируем «Татру» по всему миру». – «Такие, как вы, – сказал он, – приходят почти каждый день и говорят: «Дайте бесплатно машину», – но, похоже, вы не аферисты и по-настоящему готовились». Так мы получили транспорт и поддержку в наших путешествиях», – вспоминал Мирослав Зикмунд.

Но, разумеется, на одном обаянии далеко не уедешь. Однако у наших героев было вдоволь других достоинств. Основательность, работоспособность, смелость, организованность... Достаточно вспомнить, что знавший шесть языков Зикмунд мечтал в детстве стать судебным стенографом... Кто-нибудь из нас мечтал о таком? Все это пригодилось, причем с лихвой. Мирослав Зикмунд вел дневники, в которых писал стенографическим шриф-

том, не только во время путешествий, но до конца своих дней (в одном из интервью он пошутил, что просто боялся того, что дневники прочтет жена). Но ладно стенография. В своих путешествиях Зикмунд и Ганзелка сделали более сотни тысяч фотографий, и каждую нужно было подписать, зарегистрировать, прикрепить к отчету. Колоссальная, требующая педантичности работа. Так что педантичность может вполне сочетаться с романтикой дальних странствий.

Чем больше я о них читаю, чем больше смотрю их фильмов и фильмов о них, тем больше ими восхищаюсь. Они знали свои автомобили до последнего болта, были отличными предпринимателями, умели снимать и монтировать фильмы, проявлять фотографии, каждую неделю записывали радиорепортажи и писали заметки об увиденном, вели подробный дневник и подробную бухгалтерию, владели множеством языков и были в прекрасной физической форме.

«Жизнь – это точная сумма совпадений», – любил повторять Мирослав Зикмунд. Странная фраза, если не знать, сколько совпадений и удивительных событий случилось в его жизни. Главное произошло в 1938-м, когда двадцатидвухлетний Зикмунд встретил на ступенях Торговой академии Иржи Ганзелку. Познакомились. Разговорились. Оказалось, что оба мечтают о дальних странствиях, о том, чтобы объехать мир. И всю войну – нацисты запретили чехам получать высшее образование – они тщательно готовились к поездке. Составляли планы, учили языки. Академию окончили в 1946-м, а уже 22 апреля 1947-го уехали в свое первое трехлетнее путешествие.

Свою дружбу они пронесут через всю жизнь. Все свои книги, репортажи, фильмы они делали вместе, подписывали двумя фамилиями, гонорары делили пополам.

«По дороге мне вспоминается разговор в их «Татре» в сибирской тайге в 1964 году.

– Иржи, – спрашивал я, – что тебе больше всего нравится в Миреке? Без какой черты нельзя его себе представить?

– Великая систематичность. Он увлеченно работает, забыв обо всем. А после работы может обо всем забыть, стать душой общества, развлекать друзей. Я так не могу.

Подсаживаюсь к Миреку:

– Что тебе нравится в Иржи больше всего?

– Его открытость. Очень сходится с людьми и совершенно доверчив. Даже там, где не следовало бы или где его все равно не понимают», – писал легендарный журналист Леонид Шинкарев, знавший обоих более сорока лет.

А вообще – почему человек путешествует? Почему мечтает о дальних странствиях? Почему бросить все и уехать куда-то далеко и надолго стало идеалом для миллионов?

Мечтают всегда о чем-то очень хорошем. А еще – незнакомом, недоступном и загадочном. Ведь о том, что хорошо знаешь, уже не мечтаешь – этого просто хочешь.

Путешествие воспринимается как шаг к собственной свободе, как праздник, способ вырваться из рутины будней. А еще как одна из форм интеллектуального развития – опыт соприкосновения с другими культурами и обычаями, языками, в конце концов, кухней, не заменить ничем.

Наверное, еще одним секретом успеха Ганзелки и Зикмунда является то, что они ехали не ставить рекорды, а открывать для себя и для всех тех, кто следил за их репортажами, прекрасный, незнакомый и удивительный мир. Что в тяжелые послевоенные годы они принесли в наш мир свежий ветер романтики и дальних странствий, необычайных приключений и даже чудес. Ну разве это не чудо – встретить рассвет на вершине пирамиды Хеопса? Благодаря их репортажам и книгам мир раскрылся перед сотнями тысяч, а может быть, миллионами читателей и слушателей совершенно с другой стороны. Жажда первооткрывательства всегда была присуща человеку, и Зикмунд с Ганзелкой сделали всех нас причастными к этому таинству (недаром Зикмунд в одном из интервью сказал, что сегодня, в эпоху Интернета, путешествовать гораздо скучнее – все уже исследовано, сфотографировано и доступно).

Когда 22 апреля 1947-го Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка уезжали на легендарной *Tatra-87*, находящейся теперь в Национальном техническом музее, в свое первое путешествие из Праги, с улицы Оплеталовой, они были никому не известными молодыми людьми; вернулись же спустя три года национальными

Зикмунд и Ганзелка

героями, которых чуть ли не несли на руках. Первое их путешествие, продлившееся три с половиной года, пролегло на юг и запад, через Африку и Южную и Центральную Америку к границе с США, куда их не впустили – просто не дали визу. Зикмунд вспоминал: «Мы начали это путешествие спустя два года после окончания войны. Все международные отношения были на тот момент разрушены, и мы, молодежь, надеялись их как-то восстановить и нормализовать».

Им повезло дважды. Во-первых, они успели выехать до прихода коммунистов к власти, во-вторых, *Tatra-87* оказалась невероятно удобной для такого путешествия. У нее была воздушная система охлаждения, отлично зарекомендовавшая себя в пустыне, а дорожный просвет составлял 230 миллиметров – не каждый внедорожник сейчас может таким похвастаться. И все равно поездка через Африку была экстремальной. После Нубийской пустыни они преодолевали горные перевалы в Эфиопии, вязли в кенийских болотах, стали свидетелями рождения нового вулкана на берегах озера Киву. Через 431 день после старта в Праге

они добрались до Кейптауна, погрузили свою «Татру» на корабль и отправились через океан в Южную Америку. Там первым делом засели за написание книги об Африке. Из Аргентины заехали в Бразилию, а затем, вернувшись, поехали через Парагвай, Боливию, Перу и Эквадор, преодолевая высоты более 4000 метров в Кордильерах. Далее через Панаму, Сальвадор и Гватемалу добрались до Мексики. Ехать дальше не получалось – не только из-за визы, но и потому, что Иржи Ганзелка сломал левую руку.

И началось долгое возвращение в Европу на французском пароходе, доверху заполненном тюками с хлопком.

Первое путешествие обошлось в двадцать тысяч долларов, а заработать для Чехословакии они смогли три миллиона двести тысяч (напоминаю – торговые инженеры). За 1290 дней пути Ганзелка и Зикмунд проехали 111 тысяч километров и сорок с небольшим стран, двенадцать раз пересекли экватор, сделали больше десяти тысяч фотографий и отсняли одиннадцать километров пленки. Записали семьсот радио- и триста газетных репортажей. Они писали для еженедельной газеты завода «Татра», журналов «Svět práce», «Svět v obrazech», «Zlepšovatel», «Kinoamatér» и «Тер». Для последнего в ноябре 1949-го они прислали репортаж из Лимы; он назывался «На шинах Gottwald по всему миру».

Да, к тому времени все на родине изменилось, и Злин стал Готвальдовым. Зикмунд и Ганзелка напряженно размышляли о том, стоит ли возвращаться. Но в конце концов решили, что дома смогут добиться большего, да и неприятностей своим семьям причинять не хотели.

С этого начался их вынужденный «роман» с коммунистическими властями, окончившийся громким «разводом» в 1968-м.

Но до этого они совершили еще одну, почти в два раза более продолжительную поездку. Маршрут второго путешествия, начавшегося 22 апреля (та же дата!) 1959 года, пролег на восток – через Турцию, Ливан, Ирак, Иорданию, Кувейт, Бахрейн, Катар, Оман, Иран, Пакистан, Индию, Шри-Ланку, Индонезию и Корею в Японию. На этот раз Ганзелка и Зикмунд путешествовали уже на двух небольших вездеходах *Tatra-805*, и не вдвоем, а вчетвером, с врачом Робертом Витом и автомехаником Ольдржихом Халупой. Их позднее сменили Мирослав Дриак и Йозеф Корыта.

Машины на заводе «Татра» изготовили специально для них – у Зикмунда была серебристо-красная, с зеленой кожаной обивкой, у Ганзелки – серебристо-голубая с бежевой обивкой. В этот раз их провожали тысячи людей. «Это было просто фантастически. В отличие от первого путешествия, когда в 1947 году к Автоклубу пришла лишь горстка ближайших друзей, представитель «Татры» и членов Автоклуба, пятьдесят лет назад на том же месте собрались тысячи человек. Играла музыка, пришел мэтр... Я помню, как стражи порядка нас нетерпеливо поторавливали: «Мужики, уже поезжайте, не задерживайтесь. Вы перекрыли все движение на Оплеталовой улице». Это было очень эмоционально», – вспоминал Мирослав Зикмунд.

И тем не менее путешествие началось с трудностей. Новые автомобили были «сырыми», не готовыми к таким испытаниям и перегрузкам. Приводить их в порядок приходилось постоянно.

Впечатления от поездки по Турции, Сирии, Иордании легли в основу книги «Перевернутый полумесяц». Она стала последней книгой Ганзелки и Зикмунда, переведенной на русский язык... Да и в самой Чехословакии до наступления периода запретов и забвения они успели издать лишь две книги: «Тысяча и две ночи» (1967) и «Континент под Гималаями» (1969). Книгу о Цейлоне, на котором они встретили Юрия Гагарина, придется издавать самим – в количестве одиннадцати напечатанных на машинке экземпляров (полноценно она выйдет из печати уже в 1990 году).

Об этой встрече много лет спустя рассказал Мирослав Зикмунд: «Мы познакомились с ним совершенно случайно. Это был первый выезд Юрия Гагарина в капиталистическую страну, если так можно назвать Цейлон в то время. До этого космонавт номер один побывал лишь в Чехословакии. А мы с Иржи как раз совершали свое азиатское путешествие и знакомимся с островом.

Люди, принимавшие Гагарина, сообщили ему, что тут недалеко Зикмунд и Ганзелка, и Юрий приехал к нам. У нас было пиво в машине, мы угостили его, разговорились... Гагарин сказал, что читал все наши книги и очень нам завидует, поскольку мы можем свободно путешествовать по всему миру, видеть разные страны, общаться с аборигенами, а у него такой возможности нет».

Никто из них не подозревал, что такая возможность исчезнет через несколько лет и для самих Ганзелки и Зикмунда.

Из Японии они возвращались домой через Советский Союз, встречаемые восторженными толпами и плотно опекаемые КГБ.

«Позже мы узнали, что означает слово «показуха». Когда потом, через десять лет, мы проехали Советский Союз с востока на запад, мы как могли защищались от этого стиля. И здесь я не могу не рассказать вот что. Мы приближались к советским берегам на большом теплоходе «Орджоникидзе», шедшем из Йокогамы до Находки, потому что Владивосток был закрытый порт. По мере приближения к пристани на теплоходе началось какое-то волнение, и мы решили, что, наверное, с нами плывет какой-нибудь японский министр или какая-нибудь шишка. На моле стояли тысячи людей с цветами, с фотоаппаратами, кинокамер было штук двадцать. И все они ждали Ганзелку и Зикмунда. И тогда мы поняли, что наше пространство будет ограничено, и что показуха, которую мы знали с 54-го года, будет продолжаться», – вспоминал Мирослав Зикмунд. А еще вспоминал о том, что из ста стран, которые они к тому времени посетили, лишь в Сирии их МВД приставило к ним сопровождающих.

И все же поездка получилась замечательной – в первую очередь потому, что они познакомились со множеством прекрасных людей, для многих из которых наши путешественники были первыми и последними встреченными в жизни иностранцами.

Книга о поездке по Советскому Союзу, разумеется, так и не появилась на свет. Вернее, появилась, но в виде засекреченного «Отчета номер 4». Президент Чехословацкой академии наук, под патронатом которой они поехали во второе путешествие, подружески посоветовал им быть немного сдержаннее в оценках увиденного в СССР и не предавать это широкой огласке. А так как перед этим они уже написали три отчета – об Индонезии, Западном Иране и Японии, то «советский» отчет стал четвертым. И хотя Зикмунд с Ганзелкой неоднократно упоминали в нем имя Ленина и вообще всячески декларировали то, что являются друзьями советской власти, отчет получился вопиюще смелым. «...высказать тогда критические замечания о Советском Союзе – это было как положить голову на плаху», – рассказывал много лет спустя Зик-

Мирослав Зикмунд ежедневно делал записи в дневник

мунд. И все это притом, что прочесть отчет захотел сам недавно пришедший к власти Брежнев, пообещавший, что все останется между ними. Это неудивительно – они прямо писали о «фактической схожести» советского режима «с другими диктатурами». Или вот еще фраза: «Во-первых, оказалась стертой грань между правдой и ложью. Во-вторых, в отношениях между людьми массовый террор привел к лицемерию и притворству. В сфере социальной и культурной – к стагнации науки и искусства, введению жесткой административной системы и монополии на информацию». Одна

из фраз этого отчета запоминается моментально: «Таинственная русская душа – это бессмыслица. На самом деле русская душа до дна прозрачна, но на ней – страшные вековые шрамы».

А ведь «дружба» знаменитых путешественников с советскими властями начиналась замечательно. В СССР побывали четыре раза – в 1954-м, 1958-м, 1962-м и (с перерывом на зиму) с сентября 1963 по ноябрь 1964 года. В октябре 1964-го встретились в Москве с Брежневым, который прямо сказал о том, что знает обо всех их разговорах, и попросил прислать ему тот самый отчет. В 1966-м они встретились с Брежневым уже в Праге – тот приехал принять участие в XIII съезде КПЧ.

Мирослав Зикмунд вспоминал: «Меня пригласили в ЦК, где я передал наш 180-страничный секретный «Специальный отчет № 4» лично Леониду Ильичу. Мы думали, что наши наблюдения дадут властям в Москве и Праге материал для раздумий и действий, но вникать в них Брежнев не захотел. Он передал отчет подчиненным, а те оценили его как антисоветчину – самый большой грех в те времена. Действительно, из документа следовало, что социализм как политическая и экономическая система бездарен и бесперспективен. Но высказать тогда критические замечания о Советском Союзе – это значило подписать себе приговор. До нас дошли слова Брежнева: мол, «Зикмунда и Ганзелку нужно проучить голодом»... С тех пор доступ в СССР нам закрыли, хотя мы собирались приехать еще минимум один раз, а потом написать большую книгу о Советском Союзе».

Как оказалось, читать Брежнев не любил. И передал отчет «вниз». Подготовить заключение о рукописи Ганзелки и Зикмунда поручили двум отделам ЦК КПСС – отделу пропаганды и отделу по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В июле 1968-го заключение было готово. Вот фрагмент из него: «Особый отчет № 4, написанный Ганзелкой и Зикмундом в декабре 1964 – марте 1965 г. и направленный в ЦК КПЧ, а также в адрес тов. Л.И. Брежнева в порядке информации, посвящен целиком внутреннему положению СССР и содержит впечатления от их неоднократных поездок по Советскому Союзу... Судя по его содержанию, изложенному на 173 страницах, Ганзелка и Зикмунд явно претендуют на роль

беспристрастных исследователей всего периода развития советского государства, его политики и различных сторон современной жизни советского народа. Весь отчет составлен в остро критическом духе, выдержан в поучающих назидательных тонах. В ряде мест он носит открыто недружественный и клеветнический характер по отношению к нашему строю и советским людям. Об этом, в частности, свидетельствует рассуждение авторов о «навыках сталинского периода, которые весьма упорно продолжают существовать».

И отношение советских властей к ним немедленно изменилось. Но в это время в самой Чехословакии начались перемены. Зикмунд с Ганзелкой решительно поддержали «Пражскую весну», подписали знаменитый манифест Людвиг Мацулика «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим». Собственно, именно «Отчет номер 4» дал старт нарастающей в кругах чешских интеллектуалов критике советской действительности.

Войска стран Варшавского договора вторглись в Чехословакию в ночь с 20 на 21 августа 1968 года. А с 25 по 29 августа в пражском районе Высочаны собрался внеочередной, 14-й съезд Коммунистической партии Чехословакии, проходивший в условиях строгой секретности. И Зикмунд, и Ганзелка, горячо поддерживавшие «Пражскую весну», были его делегатами. И на съезде вместе с другими делегатами категорически осудили советскую оккупацию. Их избрали в ЦК, а Иржи Ганзелку даже пытались выдвинуть кандидатом в президенты, но советские танки уже были в Праге... Решения съезда объявили недействительными, ЦК разогнали, а вскоре всех исключили из компартии.

В интервью Владимиру Тольцу Мирослав Зикмунд рассказал: «И когда в 68 году после советской оккупации Чехословакии я вернулся в Злин из Праги, я по-русски выступил в новой злинской студии, где в театре была новая прекрасная аппаратура. Это была десятиминутная речь, с которой я обратился к Брежневу, к Капице, к Евтушенко. Это была эмоциональная речь, где я требовал от Брежнева, чтобы он прекратил оккупацию, если хочет спасти свою репутацию, если не хочет вырыть себе могилу и не хочет унижать Чехословакию – то пусть лучше немедленно

покинет страну. Спустя несколько лет я узнал, что это мое выступление слышал Женя Евтушенко, он был тогда в отпуске на Кавказе и написал в ответ свое знаменитое стихотворение «Танки идут по Праге».

Танки идут по Праге
В закатной крови рассвета,
Танки идут по правде,
Которая не газета...

...Пусть надо мной без рыданий
Просто напишут, по правде:
Русский писатель. Раздавлен
Русскими танками в Праге.

После 68 года мы вместе с небольшой горсткой чехословацких писателей назвали во всеуслышание «братскую помощь» оккупацией. Тем самым мы подписали себе приговор на 20 лет. Нам было запрещено издавать книги, выступать по радио и телевидению, запрещено выезжать за границу – нас, путешественников, посадили в клетку, за ограду».

Хотели даже изъять из библиотек и уничтожить их книги, но ограничились тем, что вычеркнули их из каталогов. От них требовали покаяния, но о нем не могло быть и речи.

То недолгое время, когда Дубчек еще был у власти, было передышкой. Ганзелке выдали дипломатический паспорт и через две недели после ввода войск предложили выехать с семьей в Стокгольм в качестве экономического советника посольства. После многочисленных просьб ему разрешили вернуться. Зикмунду позволили вылететь на пять-шесть недель в Коломбо, дособрать материал для рукописи о Цейлоне. Но скоро «вольности» закончились. Начались многочисленные многочасовые допросы. Судьба каждого, его работа, будущее детей, благополучие семьи зависели от ответа на единственный вопрос: ввод советских войск – интервенция или братская помощь? «Неправильно» ответили около 500 тысяч коммунистов, интеллектуалов, интеллигентов. Ганзелка и Зикмунд были в их числе.

После долгого периода известности и славы наступило время оглушающей тишины. Ганзелку и Зикмунда не печатали, их исключили из Союза писателей Чехословакии и лишили любого заработка. Друзья подбрасывали им переводы, но публиковали их под чужими именами. За домом Ганзелки много лет пристально следила *StB*, Служба государственной безопасности. Лишь спустя годы, в 1983-м, он смог устроиться на работу садовником – подрезать деревья в Семинарском саду, что под Пражским Градом.

«Двадцать один год мы работали не покладая рук. И тоже ровно двадцать один год – и это в самом продуктивном возрасте, нам не было еще и 50-ти, – мы были негласно осуждены на небытие», – вспоминал Иржи Ганзелка, который одним из первых подписал «Хартию-77». «Мы надеялись, что эта отрезанность от мира не продлится, как Тридцатилетняя война. Так что мы занялись тем, что стали облекать в литературную форму последний этап наших путешествий. Мы работали над двумя томами книги «Цейлон – рай без ангелов», который издали в 1975 году. Вместо одиннадцатитысячных тиражей, которые у нас были раньше, «Цейлон» вышел в одиннадцати экземплярах – оригинал и десять копий, то, что можно было напечатать на машинке. Этим мы занимались первые годы. Поскольку у меня оставались какие-то финансовые сбережения, я пустился в путешествие по прошлому – занялся своей генеалогией, проводя много времени в архивах. Я добрался вглубь до эпохи после Белогорской битвы – самая древняя запись в метрической книге относится к 1629 году», – рассказывал Мирослав Зикмунд.

*

Я родился годом позже «Пражской весны». Политические вопросы в нашей семье практически не обсуждали, разве что прошедший войну дедушка, полковник артиллерии, коммунист, слушал на радиоле «Симфония» запрещенные «голоса». Поэтому в 1980-м, приехав в Чехословакию, даже не мог себе представить, что совсем неподалеку от деревни Менин, в которой жили друзья моей тети, Иван и Владимира, пригласившие нас к себе, находится Злин, где живет почти затворником Мирослав Зикмунд, что

их с Ганзелкой книг не найти в чешских магазинах, а самих их словно не существует. Притом, что книги их, казалось, были в каждой уважающей себя советской семье.

Недавно я нашел у себя письмо сорокалетней давности, написанное сыном тетиных друзей, Радеком. Мы были почти ровесниками – мне в 1980-м исполнилось одиннадцать, ему десять – и переписывались после нашего приезда еще несколько лет. Они писал мне по-чешски, я отвечал по-русски, и мы отлично друг друга понимали. Из той поездки я помню очень многое, потому что для пацана из СССР очень многое было шоком. Что запоминают дети? Игры с другими детьми (мы каждый день играли в футбол); то, как жарили на мангале во дворе кролика; кнедлики разных видов, мясные магазины со свисающими над прилавком колбасами (у нас в магазинах было шаром покати); обилие всяческих лимонадов и колы; павлинов в Аустерлице; сталактиты и сталагмиты в Моравском красе, Деменовские пещеры, Деменовскую долину и речку Деменовку (это был знак), минарет в Леднице, Музей словацкого восстания в Банска-Быстрице, сладкую горчицу и сосиски в Штрбске-Плесо... Общались мы так же, как потом переписывались, – мы говорили по-русски, нам отвечали частично по-русски, частично по-чешски. Ни разу мы не услышали в свой адрес ничего обидного – уже сейчас я понимаю, что это было удивительно. Лишь один раз, после очередного футбола, несколько ребят спросили меня, какой язык мы учим в школе. Я честно ответил – английский, на что они разочарованно сказали: «Но мы же учим русский, почему вы не учите чешский?».

Я не нашел что ответить.

А еще как-то раз папа попросил меня петь потише советские песни – в хорошем настроении я всегда пою, а других песен, естественно, тогда просто не знал.

Папа, конечно, все понимал.

*

Все проходит, прошел и период забвения. После «Бархатной революции» Ганзелка и Зикмунд вернулись на авансцену общественной жизни. Их книги вновь стали публиковать, их дело полу-

чило новое признание. В 1993 году они были удостоены Премии Эгона Эрвина Киша за дело всей своей жизни, а в 1999 году Вацлав Гавел наградил обоих медалью «За заслуги» II степени. Их именами даже назвали астероид.

В 1990 был опубликован «Специальный отчет № 4». В 1991-м вышла, наконец, книга «Цейлон – рай без ангелов». В 1997 году журналист Яромир Сломек сделал большое интервью с Ганзелкой и Зикмундом, в результате чего появилась на свет книга «Жизнь мечты и реальности». В 2000 году Мирослав Зикмунд вместе с режиссером Петром Горким и Мирославом Наплавой приехали на Шри-Ланку, где вновь прошли маршрутом, проделанным путешественниками почти сорока годами ранее, и встретились с Артуром Кларком. Итогами поездки стали фильм и книга «Слоны живут до ста лет».

Иржи Ганзелка в последние годы жизни тяжело болел. Одиннадцать желтух, тропическая малярия, дизентерия не прошли даром. Он умер 15 февраля 2003 года.

Уже самостоятельно Мирослав Зикмунд посетил еще несколько стран: Австралию, в которую им с Ганзелкой в 1963-м не дали

Мирослав Зикмунд в свои 100 лет

визу, Новую Зеландию, Мальдивы, США, Израиль и вновь Японию. На Тенерифе он встретился с Туром Хейердалом.

«Это интересно, знаешь, я сейчас пишу о Суматре, мы были там в 1962 году, и мне все время кажется, что Юра сидит рядом со мной, мы продолжаем спорить над корректурой, и сотрудничество продолжается. Последняя книга Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда будет называться «Суматра: ловушка на экваторе»... В дни, когда Иржи не стало, в Злин Мирославу пришлось много сочувственных писем. Вот одно, с неразборчивой подписью. Возможно, от врача больницы, в которой умирал Иржи. «Ваш друг Юрий Ганзелка замечательный. Это было невозможно, но он собрался с последними силами и терпел, и ждал один день – целый день! – чтобы не испортить вам день рождения...» – это фрагмент из беседы Леонида Шинкарева с Мирославом Зикмундом. День его рождения был накануне, 14 февраля...

Книга «Ловушка на экваторе – Таинственная Индонезия I» вышла в 2009 году благодаря усилиям владельца туристического агентства и путешественника Рудольфа Сваржичека. Основой ее стала почти законченная рукопись Ганзелки и Зикмунда о Суматре, которая хранилась в их злинском архиве.

Мирослав Зикмунд получает награду из рук президента Земана

А в 2014 году Петр Горки снял фильм «Столетие Мирослава Зикмунда». В одном из интервью он сказал: «Я знаю, что ему это было очень приятно. Я недавно говорил с господином Зикмундом и с огромным удовольствием читал ему письма от различных кинотеатров, где пишут, что у них распроданы билеты и что зрители досматривают фильм, пока не закончатся титры в конце, а потом аплодируют. Все это очень важно, поскольку тот огромный труд, который проделали Зикмунд и Ганзелка, то, как многим они пожертвовали ради этого, все это уравнивается значимостью этого дела. Это не только путевые заметки, но и пример трудолюбия, честности, умения не стыдиться мечтать».

Вот это сочетание трудолюбия с умением мечтать восхищает меня в Зикмунде.

«...Когда я приеду в Злин к Мирославу осенью 1990 года, мы спустимся в подвальное помещение; там на полках и в ящиках две тысячи перевязанных тесьмой картонных папок с бумагами, собранными за шестьдесят лет путешествий, сто тысяч кино- и фотонегативов, дневниковые записи, которые Мирослав ведет каждый день с 1934 года», – пишет Шинкарев. Их с Зикмундом архив стал основой для постоянной экспозиции «С инженерами Ганзелкой и Зикмундом по пяти континентам», которая находится в Музее Юго-Восточной Моравии в Злине. Экспозиция эта – документ мира, которого во многих местах уже давно не существует. Но это также пример точной регулярной систематической и детальной работы, что невероятно с сегодняшней точки зрения.

Магдалена Прейнингер, долгое время руководившая их музейным фондом, рассказывала: «Представьте, у вас огромное количество переписки, книжный материал, более ста тысяч негативов и полторы сотни фильмов. Есть также частные фото или звукозаписи с радио. А чтобы узнать это, вы должны описать это. И мистер Зикмунд так и сделал».

В 2014 году Мирослав Зикмунд получил звание почетного доктора Злинского университета имени Томаша Бати. 28 октября того же года он был награжден орденом Томаша Гаррига Масарика I степени.

Теперь, с уходом остававшегося до последних дней молодым душой, светлым и энергичным Зикмунда, все это стало историей.

Прекрасной и славной историей. А мы можем еще раз поблагодарить великих чешских путешественников за то, что книги их были для всех, но в первую очередь для тех, кто жил за «железным занавесом», настоящим окном в прекрасный, полный удивительных открытий мир.

Не нужно бояться мечтать. Но к осуществлению своей мечты стоит как следует подготовиться.

Евгений Голубовский, Евгений Деменок

Экслибрисы Давида Беккера

В этом году Одесса простилась с замечательным художником, одним из известнейших офортистов Европы Давидом Юльевичем Беккером.

Всемирный клуб одесситов не раз устраивал его выставки, я писал предисловия к его каталогам. Давид Беккер был человеком непубличным. Статьи не писал. Не выступал в печати. И тем не менее мне и Евгению Деменку удалось уговорить его однажды дать большое интервью для третьего тома «Смутной алчбы».

Прощаясь с мастером, мы хотим напомнить нашему читателю и его работы, и взгляды на искусство.

Евгений Голубовский

– Какие события в культурной жизни в том году: в театре, в музыке, в литературе, в изобразительном искусстве вы восприняли как значимые для вас?

– Так сразу и не вспомню.

– Одесса меняется, как любой город. Что в этих переменах за последние годы больше всего огорчило, а что порадовало?

– Одни сплошные огорчения. Вот сегодня я шел мимо этой несчастной Греческой площади. С левой стороны, с Александровского, – огромные совершенно кошмарные атланты, у меня аж мурашки по коже. Для кого это сделано в центре города? Потом достраивается там гостиница, где был «Золотой ключик», – тоже, сверху Шехерезада какая-то, ну нелепость. Я люблю вот эти – до четырех этажей, не выше, тембр должен сохраняться. Это меня

больше всего огорчает. А порадовало... На 16-й станции сделали бульвар. По телевидению смотрелся хорошо. Это интересно. И спасибо, конечно, за это.

– Мы говорим о мастерах одесской художественной школы как о художниках, скульпторах. Но они были и людьми, порой с неоднозначными поступками. О ком бы вам хотелось рассказать, напомнить нашим читателям? О ком как о личности из тех, кого уже, может быть, нет среди нас, из одесских художников?

– Я не удивлю – это моя учительница Фрумина Дина Михайловна. Вот я только сейчас начинаю понимать, какой это был человек. Она большое влияние на меня оказала. Притом не прямо, а косвенно. Я даже не видел ее живописи в свое время, вначале. Я был поражен, когда увидел ее выставки персональные не так давно. Мне везло. Когда-то Юрий Егоров, может быть, он человек очень сложный, серьезный. Я считаю, что номер один из тех, кто уже ушел. Но, к сожалению, я не тот человек, с которым дружат, – как-то не умел выпить вовремя, что-то рассказать.

Общался только с Ацманчуком – он меня подготовил к училу. Очень суровый человек. И потом он меня долгие годы не признавал. Я воспринимал его как большого мастера. Это сейчас говорят – гений, а просто огромный мастер. Фрейдин Александр Борисович – вот это душа-человек, он как-то меня воспринимал. Я старался не влазить ни в какие группы. Не входить в компании. А с современными я, к сожалению, сейчас не общаюсь. То есть старые мастера – это когорта, которая ушла.

– Расскажите немного о своем становлении как художника. Что стало первым импульсом? Кого вы можете назвать своим учителем? Влияли ли на вас ученики?

– Ну, об учителях я уже так упомянул. Они каждый со своей стороны оказали даже не прямое, а косвенное влияние. Как-то странно, у меня были увлечения в юности. Я увлекся Прибалтикой. Могу своими заочными учителями считать Эвальда

Окаса, эстонских графиков. Я увлекся графикой после перехода из живописи. Некоторые польские художники. То есть какое-то западное влияние. Сейчас я смотрю, что, наверное, напрасно это было. Сейчас мне нравятся те же Альбин Гавдзинский, Владимир Литвиненко. К сожалению, я только сейчас узнал их живопись. Прекрасные они мастера и как-то радуют душу. Они немножечко выпадают из нынешнего, из всех этих направлений. Хочется радовать глаз, а не тревожить душу, как сейчас.

– А из соучеников по училищу?

– Адольф Лоза, с которым у меня были очень сложные отношения. Но мастер большой. И опять же, я его оценил уже где-то потом. А вот непосредственно так, чтобы ко мне кто-то подошел и показал: вот нужно так делать, нужно иначе – не было такого. В Харькове два-три человека, учителя были, они тоже по-своему оказывали влияние. Из учеников – у меня

сейчас есть ученик, которому я приятно завидую. Как-то по-доброму. Мы с ним поддерживаем отношения. Он живет в Виннице, Сергей Керницкий. Но он идет в моем русле, он у меня учился печатать, технологию, технику. И даже цвет, я смотрю. Многие заказчики мне говорят: «Видели ваши работы». Я говорю: «Нет, это моего ученика». И они ему, конечно, заказывают уже. Это очень приятно. Есть у меня хороший ученик, который со мной сейчас работает. Это Орос Ваня. Вот он надежный, он такой удивительно скромный человек. Он никогда мне не подражал, он сам все хотел по-своему делать. И мы с ним сотрудничаем до сих пор.

– Когда к вам пришел впервые успех – что вы ощутили тогда? И как вы относитесь к успеху сейчас?

– В 70 году, когда меня приняли в Союз, за год до этого у меня в Москве работы были на всесоюзных выставках, «Комсомольская правда» напечатала, журналы в Киеве – украинская тематика. И я был, конечно, в таком восторге, и когда приняли меня в члены Союза – я даже не ожидал. Поступить было очень сложно тогда. Как раз тогда Адольфа Лозу приняли. Он уже давно участвовал в выставках, а у меня где-то за два года. Ну, повезло мне.

– Оценили вашу живопись?

– Нет, живопись была до 75-го, а я графикой участвовал на всесоюзных выставках. В Киев я давал живопись вот такого типа, как эти несколько картинок.

– Западноукраинская тематика.

– Да, вот такого плана. У меня была целая серия. Кстати, неплохо получилось. Я жалею, что их купили. Но это не успех, это так. Я всегда сдержанно относился. Приятно было, когда я занялся графикой и попал в Европу, как говорится. У нас же все было перекрыто. И только начали меня признавать, и получил первые награды там, хорошие награды. И был, конечно, восторг. Но это две минуты. А потом я почувствовал, что можно идти дальше. А сейчас я совершенно спокойно отношусь

и участвую в этих выставках не ради наград. Понимаю, что я уже не в числе первых. Сейчас уже молодые, их поощряют. Просто приятно участвовать.

– Я понимаю, что вы были и есть в энциклопедиях экслибриса...

– Ну там достаточно уже. Сейчас вышла новая энциклопедия. Я бы хотел показать. Это было приятно. Но опять же, это англичанин написал. Он мне задал вопросы, я тоже ответил, и сделали опус большой, очень большой. Хорошая бумага, хороший цвет. Португалец издал. Он мне еще несколько томов выслал, а я ему выслал несколько работ. Это было приятно.

– А неудачи? Ощущаете ли вы их сами, или верите критикам, друзьям, говорящим, что работа не получилась?

– Конечно. Я вообще самоед такой. Я всегда неуверен. Первый ценитель – это моя жена. Молчит – значит, ей не нравится. А вот когда понравится – «Дай на выставку». Я дал – получил первую премию. Я же не общаюсь, особенно никому так не показываю. Я очень болезненно воспринимаю критику, потому что я сам себя критикую. Кто у нас любит критику? Это вот Александр Борисович Фрейдин да еще Островский Осик. Он критиковал, но с ним было приятно. Он так деликатно мне, я помню, критикнул одну картину... Ее здесь нет? А, вот эту. Он говорил: «Ручку надо нарисовать. Все хорошо...». Это было начало, очень деликатно. Егоров деликатно тоже. Я понимаю, что это его не волнует, и он так сказал: «Ну на молодежную ее возьмут». Так что с критикой дело сложное. Я сам обижаюсь, а потом смотрю, что люди правы.

– Соцреализм большей частью состоял из заказных вещей. А как вы сейчас относитесь к заказу? Умеете ли превратить его в творческую работу?

– Поскольку я в основном работаю в графике, – это заказы. 90% – это заказы. Несколько процентов я делаю на подарок кому-то к юбилею. Это не заказ, но хочется удовлетворить заказчика и, естественно, подстраиваться. Последнее время заказчики

стали требовательнее. Ну, они уже воспитаны на хороших работах, и требуют эскиз, критикуют, по нескольку раз возвращают, я обижаюсь, переделываю. Ну что делать? Заказ есть заказ. Стараюсь, чтоб был определенный уровень. Конечно, в своем ключе решаю предложенную тему.

- Но вы все равно воспринимаете это как творческую работу?

- Да, безусловно. Потому что потом я даю те же вещи на выставки. Абсолютно все. Заказные, не заказные... Я сделаю для себя десяток работ, 4-5 посылаю на конкурсы, выставки. Проходят - проходят. Но в основном берут часто. Имя уже работает.

- Дмитрий Кедрин, хороший поэт, однажды написал: «У поэтов есть такой обычай - в круг сойдясь, оплевывать друг друга». А у художников? Дружба среди художников явление редкое или распространенное?

- Мне не везло в этом смысле. Я же говорю: я один, стараюсь ни с кем не общаться. Я думаю, что да. И оплевают, и критикуют. Не знаю, может быть, даже те, с кем пьешь. Они тебя хвалят, а потом за твоей спиной хулят. Ну, определенная зависть... Очень сложно бороться с этим, признать, что этот человек лучше. Я пытаюсь в себе выработать это.

- Кстати о зависти. Юрий Олеша лучший свой роман назвал «Зависть». Многие считают, что зависть была, а может быть, и остается побудительной причиной взаимоотношений. Испытывали ли вы когда-нибудь зависть? В связи с чем?

- Ну конечно. Я ж говорю, я стараюсь сейчас бороться с этим чувством и быть выше этого. Может быть, я поэтому скрываюсь, не выхожу, даже на выставки не хожу, потому что когда я вижу хорошую работу, я завидую, но по-хорошему, опять же. Единственное, что меня раздражает, если откровенно слабые работы - пиар, пропагандируют. Конечно, плевать хочется. Это не зависть, а отвращение к этому. Для меня зависть это побудительный толчок, для того чтобы сделать хорошо или лучше даже, переплюнуть своего конкурента.

Давид Беккер и Евгений Голубовский

– Вопрос Константина Симонова: «Если б Бог вас своим могуществом после смерти отправил в рай, что бы взяли вы из имущества, если скажет он: выбирай?».

– У меня вообще какое-то безразличие, мне ничего не нужно. Я не представляю себе.

– После операции на сердце?

– Да. Нужно радоваться жизни. Научись радоваться сегодня, потому что завтра может не быть. Мне ничего не нужно. Я знаю, что после меня что-то останется. Поэтому я как бы спокоен. На этот вопрос я ответить не могу.

– Извините за детский вопрос. А зачем вы занимаетесь искусством?

– Иначе я жить просто не могу. Это мое... Это привычка с трех лет где-то. Когда мне сказали: «Ты будешь художником», – я это принял всерьез. В детстве маме сказали, она меня поддерживала.

– А почему сказали?

– Я что-то рисовал, как все дети, – самолетики там, войну – это был 43-й год. «Ваш сын будет художником», – какая-то тетя сказала. И я продолжил рисовать. Видно, была какая-то потребность. А сейчас, если я не работаю, я болею. И наоборот, если я работаю, мне становится легче, уходят какие-то проблемы. Все это снятие стресса. Конечно, когда не получается, это тоже стресс, но... Это моя жизнь, можно так сказать.

– С какими пятью одесскими художниками вы согласились бы представлять Одессу в Нью-Йорке?

– В Нью-Йорке?

– Пять художников нашего города. Вот вы уже называли Егорова, называли Фрейдина...

– Нет. С ними бы я хотел, но я не претендую. Я не дорос до этого уровня живописцев, поэтому я никак не могу войти в эту пятерку. Представлять... Вообще, я люблю сам делать свои выставки. Может быть, из-за того, что конкуренция, и я чувствую, что мои хуже работы, чем моих даже учеников. Вот такое ощущение. А из графиков... Ну есть, я участвую с ними все время. Но в Одессе графиков таких нет. Один из моих учеников, но он мне не нравится, я бы не хотел с ним участвовать. Он достиг успехов, популярности...

– В Одессе есть графики – это Сыров, Гармидер...

– Да, Гармидер, я забыл, и Верещагин. Поникаров, ну, из таких уже, маститых акварелистов... Молодых я не знаю, поэтому я не могу ничего предложить. Ну да, я забыл, ребята... Верещагин вообще гениальный парень, такой просто, уровень великолепный.

– Верещагин – блестящий. Может быть, медленно работает, он делает в год два-три листа, но очень высокого качества.

– Верещагин, пожалуй, самый такой известный одесский график.

– Что нужно, для того чтобы одесская художественная традиция не прерывалась?

– Я, например, стараюсь продолжать эти традиции. В живописи в той же вспоминаю Литвиненко, Гавдзинского... Если пейзажи – то в такой, знаете, южно-русской традиции. Есть же и молодые художники, я не могу сказать сейчас, кто, которые работают в этой традиции, я смотрю на их работы – есть программа по телевидению, «Галерея» на «Арте», там часто бывают передачи с выставок, и очень приличные ребята.

– Был придуман конкурс на медаль имени Костанди. Есть ли смысл поддержать это?

– Я думаю, важнее приобретать работы молодых художников. И не приобретать лишь бы что, хоть они и современные, а просто пустышки. Государство, приобретая в год четыре-пять картин молодых художников, могло бы поддержать хорошую традиционно одесскую живопись.

– Художественный рынок переполнен подделками. Подделывали ли ваши работы? Подделывали ли вы чьи-нибудь работы когда-нибудь? И вообще, радоваться нужно или огорчаться тому, что существует индустрия подделок?

– Если тебя подделывают, надо радоваться. Это значит, нравится и имеет какой-то определенный успех. Я вот так напрямую не подделывал и не выдавал за чью-то, но я учился непосредственно, у меня очень широкий спектр, я перечислять не буду, начиная с Возрождения и заканчивая началом XX века. Художники – и французы, и русская школа. Если мне нравилось, я хотел в таком ключе сделать. Но опять же, я писал с натуры, я не брал репродукцию, точно копируя, я так понимаю, это прямой плагиат. Если Пикассо брал композиции, я их видел, несколько работ, думаю, что-то очень знакомое, бегущие девушки, – Пуссена. Можно ли назвать это подделкой – не знаю.

– Нет, конечно.

– Дали упрекал Пикассо в том, что он ни одной работы не сделал от себя, а брал работу и перефразировал своим языком.

Но таков был метод его работы. Это не подделки, а новое осмысление темы.

– Существует ли для вас проблема «художник и власть»? Ищете ли вы благосклонности власти? Или презираете ее?

– Такой больной вопрос. Безусловно, это приятно, когда тебя поддерживает власть, то есть помогает, приобретает работы, помогает делать выставки, то есть благосклонно смотрит. Но у меня с властью очень сложные отношения, и когда мне приходилось долгие годы делать заказные для власти работы, я начал заниматься экслибрисом, где я чувствовал себя свободным, делал для себя: что хочу, то и делаю. Как бы двоякое отношение. То есть я властью не обласкан, но и очень не наказан. Не было такого, чтобы меня не пускали на выставки, или резкая критика, или что-то такое. Это приятно, если тебя уважают. Но заигрывать – я же говорю, я прошел этот период. Сейчас я для власти ничего не делаю.

– Картину Репина на выставке пырнули ножом, картину Рембрандта облили кислотой. Какие эмоции по поводу ваших работ проявляли зрители на выставках?

– Я не сравниваю себя с мастерами. Негодование – и только. Кстати, мою работу, которую, я знаю, повредили, мою дипломную работу повесили в общежитии, где мы жили, в Харькове. И потом мне сообщила одна знакомая, младше курсом, что сигареты об нее гасили. Протыкали... Я думаю, жалко, что ума не хватило выкупить работу и ее увезти. Лоза ведь забрал свои работы дипломные – и сразу повез в Киев. Но я был легкомысленный такой. Конечно, это варварство. Нельзя вообще неуважительно относиться к творчеству. Я видел, как работы после смерти выбрасывали на улицу – вот куча лежит, а потом на мусорник, видно, вывезли. Был такой художник, я забыл его фамилию... Он хромой был, ветеран. Гармидер потом получил его мастерскую. Он такой слабый художник был, конечно, но все равно это ужасно. Сейчас бы эти картины купили, потому что это 50-е годы. Он умер – выкинули его работы. Ну это были 70-80-е годы.

– Предпочитаете ли вы сами продавать свои работы собирателям, или радуетесь, когда за вас делает это арт-дилер?

– И то, и другое. Я предпочитаю, чтобы пришли в мастерскую и у меня купили, это самое приятное. Но я не против, если на мне заработают. Меня чей-то заработок не волнует. Я знаю, многие скупают гравюры и продают в Штатах. Но это меня не беспокоит.

– Считаете ли вы стрит-арт, боди-арт, перформанс столь же важными, как и станковую живопись?

– Поскольку меня не интересуют эти направления... Так, как шоу. Это как шоу. Тот же боди-арт. Я видел интересные кадры одного австрийского мастера, который рисовал по телу. Интересно. Но картина, которая останется на долгие годы, – это, конечно, настоящее. Меня не интересуют эти направления.

– Поэта всегда окружают музы. Кто и что вдохновляет художника?

– Меня вдохновляют женщины. Женщины, цветы и море. То, чем я занимаюсь.

– Почему на биеннале в Венецию Украина послала одесситку Оксану Мась, а не вас? И что бы вы предложили показать на биеннале?

– Это, конечно, провокационный вопрос. Я не претендую на биеннале в Венеции. И вообще, биеннале в Венеции – это тоже шоу, и меня оно абсолютно не интересует. Я был на биеннале в Кельне в 71-м году, где выступали художники с протестами против традиционного искусства. Мы зашли на это биеннале – там лежали бревна, какашки пластмассовые, прочая гадость. И две картины всего приличные были в стиле гиперреализма. Он тогда был в моде, и прилично сделано, хотя бы ремесло какое-то было. А Оксана Мась – красивая женщина, но ее творчество меня раздражает. То, что она делает, – это тоже шоу. Артистка. Запретить это нельзя. Это когда-то уйдет срок – новое будет. Но я надеюсь, что вернется

все-таки на другом этапе классическое искусство. Оно уже потихоньку так завоевывает сердца коллекционеров. А вот эти все вещи – это финансы, это деньги. Эти, как их называют, дилеры, менеджеры – они диктуют. Так что биеннале и я несовместимы. Я бы в этом шоу никогда не участвовал.

Публикации

- 304 Михаил Жук
Воспоминания
Публикация Алены Яворской

Михаил Жук

Воспоминания

«Июнь был прекрасен...»

Ни одно поколение в нашей стране не смогло прожить без войны. Что в XX веке, что в начале XXI-го...

Кому-то «повезло» – на его памяти была лишь одна война. А у большинства – три, а то и пять, если начинать с 1904, с русско-японской. А потом Первая мировая, Гражданская, бои на Халхин-Голе, финская, Вторая мировая...

Михаил Иванович Жук, художник и писатель, пережил три войны. И о каждой упоминал в своих воспоминаниях. Три города в его судьбе – Киев, Чернигов, Одесса.

Первая мировая – Киев. «З осені 1916 року я працював у Києві в конторі старшого техника Ціціліано, що проводила роботу по будові стратегічних мостів через Дніпро і що входила до складу військових частин по обороні Києва».

После очередной смены властей Жук бежит в Чернигов, к семье. Дневниковых записей о Гражданской войне почти нет, но в неоконченном рассказе описано то, что пережил безоружный художник при столкновении с «человеком с ружьем» – будь то в Киеве, или в Чернигове:

«Промокле пальто, капелюх, наче дзбанок на голові, – такий твердий і холодний. На ногах чоботи, що пропускають вохкість. А в голові одна думка: як здобути на прожиток. Ор Степанович Павлович ніяк не може збагнути, чому так спорожніла голова. Колись в ній збиралося повно різних думок і на різні теми. Колись вона була, як справжнє житло діяльних істот, а тепер усе те кудись повтікало, а на місце вибувших при-

йшов один, розвалився на всю голову та як молотком вистукує одне й те саме: «як бути завтра».

А хіба він знає, як йому завтра бути. Холод лізе від ніг аж на потилицю. Робиться моторошно, тіло скулюється. А тут ще ті постріли. Навіщо вони стріляють? Йому видається, що в цьому немає ніякої розумної потреби. Він ще здалека помічає постаті військових, і вони йому такі прикрі, аж до фізичного болю. Ор Степанович, коли це можна, старається їх обминути. Йому видається, що навіть думати при них не можна нормально. На них повно зброї, вони, ці люде, такі широкі, що застеляють собою всю вулицю. Вони для нього просто невідомі істоти з якогось іншого світу. А хіба він знає з якого. Може

Михаил Жук. Автопортрет

ще з дикунських часів, може з тих часів, коли при зустрічі один з другим просто провалювали голови без усяких попереджень і розмов, воюючи один з другим, бо кожний кожному ворог. Тільки одне йому ясно, що він вперше зустрівся з ними віч-на-віч. Зустріч вийшла жахлива. Це не просто «салдатики», про яких він знав у звичайному оточенню. А це нова, чинна істота, що позбавлена самої себе і залежить від когось там, зверху.

Ремесло цієї істоти – вбивство. Для цього вона має повно куль на парусинових биндах, має останньої конструкції рушницю за плечима, має наган, має шаблю, має на поясі бомби. Крім того ця істота зараз надбала право на всю людність, на її життя та на її майно. Це Ор Степанович яскраво зрозумів ще тоді, коли був у Києві та коли вперше до нього прийшли з трусом німецькі салдати. Вони увійшли в помешкання так просто, як до себе в хату. Все перетрусили, викинули на людські очі брудну білизну і все те, чого він не бажав би так одверто навіть сам бачити. То були люде теж з рушницями, з наганами в залізних збаннях на голові. Ор Степанович стояв, як облпований. Чемність, яка була

йому звична, тільки на зверхності панувала. А в середині кипіла буря образи, безпорадності, безглуздя. Як свердлом крутило питання – «Як же тепер жити на людях?».

Як можна після такої образи існувати, як можна себе вважати за людину, за істоту з розумом, з чимось вищим, з почуттям власної гідності. Як і кому відповісти, коли це дія того, чиє ім'я маса. Винуватого знайти не можна. Але сам вчинок настільки жадливий, що ні сонце, ні ночі, ні час його не змиють. По такому вчинкові людина стає інвалідом, тим моральним інвалідом, що вже йому немає місця серед людей здорових, серед нормального життя.

І справді він відчув, що в дальшому життю він перетворився на інваліда. От так, на самоті, його обхоплював сором за себе й за людей. Він згадував своє приниження десятками, сотнями разів. Він згадував, як з приниження казав не те, що думав, і робив не те, що казав. Пекучий сором виїдав йому нутро, але не ставало хоробрості, рішучості гостро крикнути уразникові, хоч може й в останнє, але крикнути.

А уразники плодилися тисячами. Без ніякого заперечення, – вони лізли у всі кутки, тероризували все навколо, творили хаос безглуздя, чад, отруту, насильства й насильства без ліку, без межі. Очевидячки, коли б їх було спитати навіщо? – то вони й самі того не знали. Хвороба війни втруїла їхнє почуття, спантеличила всяке розуміння дозволеного й не дозволеного. Героєм дня – стала озброєна людина, яка попередливо обезброювала інших, щоб творити маси підлоти, руйнації та приниження інших. Це давало якусь насолоду, потішало грубий інстинкт, викликало насмішку таку, якої не забути ніколи, як бува лише у стихії, особливо у вогню, коли він блискає гострими зубами й сміється».

С 1925 года Михаил Иванович живет в Одессе. Преподает в Художественном институте, занимается керамикой, прозу писать почти перестает, лишь стихи продолжает. Именно в Одессе он написал цикл сонетов «Море». В 1931 году его арестовали. Но повезло – через полгода выпустили. После освобождения из тюрьмы Жук, спасаясь от повторного ареста, уезжает на Дулевский фарфоровый завод. Вернулся в Одессу в сентябре 1939. Как раз в те дни начинается Вторая мировая.

А потом июнь 1941 года. В эвакуацию Жук не смог уехать, по воспоминаниям родных, не смог оставить заболевшую жену. В автобиографии он написал: «В период румынской оккупации – оставался в Одессе и продолжал работу в том же училище, ведя тот же керамический

факультет. С 1-го сентября 1943 г. был уволен со службы румынской администрацией. После увольнения служил в комиссионном магазине продавцом и оценщиком в антикварном отделе. Был членом Общества одесских художников как единственной силы коллективной защиты в условиях оккупации. Писал только иконы. Участвуя в обществе художников, нам удалось защитить хотя бы частично имущество и материалы, на базе которых с освобождением города от захватчиков художники смогли возродить О.Х.С.М.».

Жук продолжил преподавать в училище, в последние годы писал воспоминания: о детстве в Каховке, об учебе в школе Мурашко в начале века, об участии в организации Академии художеств в 1917. Писал на украинском языке. В его огромном архиве лишь одни воспоминания на русском – об одесском лете 1941 года. Ранее воспоминания не публиковались. Написанные почти семьдесят лет назад, они оказались удивительно созвучны сегодняшнему дню.

Алена Яворская

Июнь был прекрасен. Каждый день (из тридцати, ему принадлежащих) подымался во всей своей красоте и свежести. Деревья и трава сохраняли еще всю силу окраски мая и сочная зелень разнообразных оттенков – от блеклых и нежных тонов до густой зелени каштанов. Солнце, как и полагается, светило по-южному щедро и горячо. Море было похоже на голубой муар с сиреновой дымкой на горизонте, а небо спорило с морем чистотой лазури и высоким взлетом своей безбрежности. Цветы – целое море цветов: ярких, блестящих и разнообразных. Огромных размеров цинии, еще больших каллы, группы барбитусов и настурций, портулаков и ноготков, флоксов и кустов роз – да разве можно перечислить все имена этого блестящего собрания на празднике жизни? Это было в саду, это было посредине тротуаров, это заполняло весь город. Прибавьте к этому контрасты тени, хотя и темной, но мерцающей рефlekсами; прибавьте ко всему этому четкость формы с выразительностью резца Дюрера, и вы узнаете июнь 1941 года в Одессе.

Город жил своей полноценной жизнью с населением более чем в полмиллиона жителей. Июнем заканчивался учебный год. Юноши и девушки подводили итог своему годичному труду: волновались, сдавали экзамены, защищали дипломы. Где-то давно гремела война. Германский фашизм уже успел раздавить Бельгию и Францию. Английский экспедиционный корпус во Франции позорно бежал из Дюнкерка. Германия раздавила Чехию и двинулась в Польшу. Фашисты дрались в Африке. На бульваре в Одессе стояли большие щиты с картами стран, где бушевала война, и где обозначались линии фронта. Там всегда толпился народ, особенно вечером. Наконец было опубликовано, что Германия подписала договор с Советским Союзом и таким путем угроза войны была отклонена от страны Советов. Трудовой народ делал свое мирное дело. Может быть, мне следовало бы более обширно нарисовать общий фон, но задача моя состоит в другом плане, в плане только одного города, города-героя, города Одессы.

В художественном училище еще шла защита дипломных работ. Каждый день собирались там преподаватели, и в светлых мастерских обсуждали эскизы молодых выпускников. Было бодро, весело и хорошо. Но вот 21-го утром радио из Москвы объявило о выступлении Вяч. Молотова с правительственным сообщением. Тов. Молотов объявил всему советскому народу, что на рассвете германские самолеты напали на Советский Союз, сбросили бомбы над целым рядом мирных городов и таким путем начали военные действия против той страны, с которой заключили договор о ненападении, и который коварно нарушили в надежде молниеносным ударом покончить с ненавистной им державой. Началась вторая отечественная война.

Город вздрогнул и преобразился: началась светомаскировка, на окнах наклеивали бумажные полосы в виде диагональной расклейки, что так способствовало необычному впечатлению. Но страха вначале никакого не было: казалось, что это мигом пройдет, как бывает во время грозы. Налеты участились. Пока добратся домой, то несколько раз приходилось оставлять трамвай и прятаться в подворотнях – от одной тревоги до следующей. Сильные взрывы сотрясали воздух, и тонко звенело где-то осыпающееся стекло. Отбой – и опять в трамвай с надеждой добратся домой.

На обсуждении дипломных работ – та же картина: тревога – и мы прекращаем свою работу, поглядывая на большое стекло, выходящее на север. Вот видно высоко проплывет вражеская машина, а по ней стреляют зенитки. Видны разрывы снарядов, кажется, близко, у самого самолета, но он идет все в том же направлении, то есть в порт. А небесная гладь дышит зноем и чистой лазурью, ни облачка, ничего. Мы сидим молча, но каждый из нас молча следит за воздушным пиратом. В мыслях каждого живет надежда, что самолет будет подбит. Что еще один выстрел – и вражеская машина погибнет, непременно погибнет и не свалит своего смертоносного запаса на суда, производящие эвакуацию населения. Пират меняет курс. Видимо, не так легко подойти к цели. Идет на город. Через некоторое время слышны взрывы. Но нам уже не видно самолета – мы только догадываемся, что он свалил весь свой запас просто на город. Подлая, трусливая дрянь! Отбой. Мы опять обсуждаем работы выпускников. И так длится несколько дней, пока мы не заканчиваем нашего учебного года.

Строгий наказ обкома партии никому самовольно не покидать город. Мы обращаемся в наши учреждения, но нам говорят: «Не мешайте. Будьте готовы и ждите». Один, второй и третий раз одно и то же. Я прекратил хождение и начал ждать.

Дом специалистов – это два больших корпуса на сто квартир. Пролетарский бульвар, где находится дом специалистов, прекрасная зона санаториев вплоть до Малого Фонтана и до Аркадии. Здесь имеются магазины, почта, аптека. Напротив, к берегу моря, расположена кинофабрика. Немного дальше глазной институт им. Ак. Филатова. Все это среди зелени и буйной массы цветов. Трамваев три – 16 до Малого Фонтана, 17 до Аркадии и 25 тоже до Аркадии. По Ботанической улице – пивной завод и дом художников, ближе к Пироговской ул. – винный и ликерный завод. По Пироговской военные учреждения.

В первый раз я почувствовал, что мне делать нечего. Но это не было чувство отдыха, а как будто передо мной открылась большая дверь в неизвестное мне помещение, и я должен туда войти. Старший сын мобилизован и должен направиться в свою часть, но поезда туда пока нет. Перед ним так же открылась дверь, но там ясно, куда она ведет. У младшего сына так же ясно –

он работает на водопроводе, и водопровод не может прекратить работу. Кроме того, он белобилетный – у него бронхиальная астма с частыми припадками. Я осматривался на своей квартире и взвешивал, что мне делать. Картины, рисунки, фарфор: все это могло быть ежеминутно уничтожено, как может быть, и я, моя жена, да и вся семья. Открывалась дверь в неизвестное, но туда пока я и сам не пойду и своих близких не приглашаю. Как можно приглашать в неизвестное? Вечером комнаты затемнены, пока нужно немного покушать. А на ночь я с женой иду в подвал первого корпуса, где помещается водяное отопление. Там немного народа – женщин, стариков и детей. Это своеобразное общежитие, где главное место занимают блохи. Они истязают всех беспощадно.

Старший сын уехал не тем поездом, которым нужно, а только в том направлении. За ним дверь закрылась. Слезы жены, горькие слезы матери свидетельствовали только, что неизбежное свершилось. Младший сын бодро шагал на «Чумку», на водопровод. Налеты врага на город не прекращались. В поздние сумерки было видно с балкона, как вспыхивали огни оружейных выстрелов, защищающих Одессу. Звезды мирно роились в глубине неба, а цветы струили сильный аромат в легких колебаниях воздуха. Да проходили группами милицейские патрули. Огни орудий не прекращались. Слышался только легкий гул, тревога. Лучи прожекторов заскользили по небу – встречались, перекрещивались. Наконец, появлялась белая точка пойманной машины. Летели трассирующие пули. Глухие взрывы падающих бомб где-то ухали над теплой массой города. И опять звезды и одуряющие запахи цветов. В минуту тишины слышно было, как шумит море.

Впервые я почувствовал во рту вкус и не мог его иначе определить, как вкусом смерти. Эта странная сухость на языке и спазматическое состояние горла. Слюна горьковатая. Невольно приходили на память «условные рефлексы» Павлова. Может быть, это и не был условный рефлекс, но я точно помню, что он начал появляться постепенно и все время совершенствовался. Да, я это воспринял как условный рефлекс вкуса смерти. Он всегда возникал в моменты наибольшей опасности, и вместе с ней прекращался.

А дни июля вставали, как и прежде, такие же солнечные и такие же бодрые. Каждый из них приносил нам сведения о слу-

чившемся в городе: где-то что-то было разрушено за прошедшую ночь. Налеты продолжались, продолжались и ночью, и днем. Было уже подбито немало машин противника, что вызывало большую радость и большие надежды. Но вот однажды в нашем подвале прозвучало грозное слово «осадное положение». Откуда оно пришло – никто не мог сказать. Но все почувствовали новую фазу борьбы. До этого все шло каким-то своим порядком. Подъезжали машины и увозили целые семьи с чемоданами и связками имущества. Некоторые уходили с рюкзаками, мешками в направлении Николаева и Херсона. А я сидел у своего входа и ждал сообщения от своей организации о возможности выезда в порядке очереди. Так и не дождался. Когда грузилась последняя машина, я спросил, как идет эвакуация. Мне сообщили, что они едут чуть ли не последними, что дороги для машин сделались опасными, и возможно, что и совсем будет прервано дорожное сообщение. Я опять почувствовал острый вкус смерти в горле. Что же осталось? Суда и море. Порт еще работает, но ползут слухи, что воздушные пираты сильно бомбят пароходы, и что даже некоторые погибли. Осада города все больше и больше подтверждалась.

Однажды появился в моей квартире профессор Шетле (химик) и просил приютить его с женой у себя, так как у нас второй этаж, а жена очень нервничает, и ей кажется, что сойти с III этажа на второй – будет более безопасно. Я уступил комнату старшего сына, и они переселились с 1-го корпуса к нам во второй. Жена Шетле действительно оказалась в совершенно невменяемом состоянии. Как моя жена убеждала ее, что нужно ко всему относиться разумно, она для этой разумности не находила в себе достаточной силы и продолжала метаться, теряя последние остатки мужества. Кончилось тем, что через несколько дней они бежали в здание университета, где стены капитальные и где находилась возможность поместиться в подвальном этаже. Профессор, еще будучи у меня, ходил в наше военное командование с предложением своих услуг как химика, но ему ответили, что когда будет нужно, то его позовут, а пока пусть он ждет. Так ли это было, я не знаю, но так он мне передавал. Жена моя высказала догадку, что он, как по рождению немец, – просто хотел себя этим обезопасить. В дальнейшем предположение жены, пожалуй, оказалось

верным. Но об этом в своем месте. Был другой профессор Соколов, который преподавал в стоматологическом институте и был мастером по пластическим операциям. Мог переделать любой нос по желанию и по определенному рисунку. Прекрасно вставлял челюсти, удалял всякие пороки на человеческом теле. Жена у него была по рождению немка и вполне спокойно относилась к событиям в городе: ни излишней нервозности, ни излишних разговоров. На людях тоже бывала мало и, если говорила, то отвлеченно, не касаясь событий дня.

Профессор Шацилло на ночь всегда убегал на дачу к своим приятелям – доценту Фельдману, и хвалил мне, что там спокойно, и он даже купался в море, как по утрам, так и вечером. У него была работница Клема из немецкой колонии под Одессой, которая оставалась дома, чтобы беречь квартиру. Многие вечера я проводил у него, обсуждая события. Кроме горького чувства и ненависти к предательскому поступку Германии – мы ничего другого не могли чувствовать. Сын Шацилло врач – был на фронте.

К великому сожалению, у нас отобрали приемники и выдали расписки. Радио тоже сообщало только тревогу. А на все остальное остались только слухи и догадки. Прекратил работу водопровод, так как станцию на Днестре разрушил противник оружейным обстрелом. Сын был переброшен на щели, где электромотором подавалась природная вода, достаточно соленая. Но все же вода была. Сын работал на ночной смене и, как только он уходил на день, начинался налет противника. Зенитки усердно обстреливали врага. Водоснабжению помогали и все многочисленные колодцы, которые от давна существовали во многих дворах города. Дом специалистов как дом новой постройки колодца не имел. Правда, были источники и хорошей воды, но это от нас далеко, под самой Аркадией. Большинство же источников и колодцев содержат соленую воду. Но все же это было спасением для осажденного города. Водопровод действовал и население имело воду, пусть и соленую, но все же воду.

Отъезд из Одессы значительно ослабел. Можно было выехать только морем, но на такую поездку многие не решались: обстрел с воздуха, трудности получения пропуска и отсутствие нужных денег отвращали даже горячие желания. А здесь все же было

и питание, и свой угол, и знания, где и что можно было получить. Женщины деятельно снабжали каждую семью и хлебом, и жирами, и прочими продуктами. Меня только крайне удивляло, что в городе оставалось много евреев. Со своими приятелями художником Д.М. Шатаном и С. Абрамовной, его женой, которая работала в стоматологическом институте, подавая помощь раненым на фронте бойцам, я не раз беседовал о том, что им следует обязательно уехать. Я знал, что Шатан еще до революции был крещен, но потом от этого крещения отказался и получил советский паспорт уже как еврей. Правда, Софья Абрамовна была караимка, но это, по-моему, не меняло положения. А о том, что немцы с евреями расправляются беспощадно, – мы прекрасно знали. Но С. А. всегда мне возражала – «Не говорите. Я знаю немцев по войне 1914 года и я прекрасно тогда работала как зубной врач, и никто меня не трогал. А если теперь мне нашьют какой-то значок, то ведь это ничего не значит: буду лечить и со значком».

«Вы ошибаетесь, – уверял я. – Немцы 1914 года не те же немцы, что теперь. Тогда евреев не избивали и не расстреливали, а теперь совершенно по-другому». – «Нет, нет, – возражала Софья Абрамовна. – Вы преувеличиваете, так как этого на самом деле нет». – «А муж», – ... спрашивал я. «Муж крещеный». – «А по паспорту?» – «Нет, все равно, он крещенный, еще до революции. Ему не страшно».

Однажды я обратился к Софье Абрамовне с просьбой достать для меня яда. «Что вы, – замахала она руками. – Я этого сделать не могу. Да он вам и не нужен». – «Всяко бывает. Разве можно предвидеть, что нас может встретить. А я его просто хотел бы на всякий тяжелый случай». – «Нет, такого случая не будет, и я вам его не дам». – «Напрасно. Это не так страшно, как вам кажется. Это не преступление, а скорее милосердие». – «Нет, нет, и не говорите: я все равно не могу исполнить вашу просьбу». На том и закончился наш разговор. Позже Софья Абрамовна вспомнила его, но было уже поздно.

Среди оставшихся в городе был и врач Тартаковский с молодой женой и двумя братьями – один из них был архитектор, который у нас окончил архитектурный факультет в Одесском художественном институте и которого я хорошо знал, а другой инженер,

помоложе, который скрывался от воинской обязанности при помощи брата-врача, а позже уже на даче, которую нанял брат и где он отсиживался.

Тартаковский также решил не уезжать. Он говорил, что великолепно знал немецкий язык и поладит с немцами. Я выразил сомнение, но он уверенно заявил, что я ошибаюсь. Нанял дачу, поселился там и только по временам навещал свою квартиру, которая была смежной с моей. Встретил я однажды архитектора, который тащил в руках две связки книг. «Куда это?». Он рассмеялся. «А вот хочу припрятать у знакомых; разбросаю по разным местам, таким путем сохраню если не все, то хотя бы часть. А книги для меня, вы же знаете, имеют решающее значение. Да и собирал я их очень долго, многих теперь и достать невозможно». И его тощая фигура удалилась от меня в направлении города.

Некоторое время, до переезда на дачу, встречал я и брата инженера. Этот был небольшого роста, но плотный и деятельный. Голова у него была обмотана платком, и я осведомился, что это с ним. «Да вот все болен – то лучше, то хуже. А больше хуже». – «А как же с военкоматом?» – «Имею от комиссии удостоверение, что по болезни нахожусь на коечном лечении». Физиономия у него перекосилась и он, схватившись рукою за завязанную щеку, предпочел поскорее убраться в квартиру. Ну, подумал я, нескоро ты выздоровеешь. После переезда брата на дачу он еще продолжительное время находился в квартире, но никому не открывал ни на звонки, ни на стук в дверь. Проходившие случайно по лестнице говорили такому человеку, что доктор переехал на дачу, в квартире никого нет. Через некоторое время он из квартиры ушел на дачу к брату. Думаю, потому, что срок свидетельства от комиссии истек, и потребовалось просто скрыться. Что он и совершил весьма незамедлительно.

Налеты на город продолжались. Иногда ночью над домом специалистов вспыхивала ослепительным светом сброшенная с самолета ракета и, медленно опускаясь, освещала большую площадь улиц и зданий. Сейчас же падали «зажигалки», как их называли, которые всегда бдительные граждане своевременно тушили песком. «Зажигалки» никого особо не пугали. Народ понял, что с ними можно бороться без особого риска: только нужна была

своевременность и решительность. Особенно частым бомбежкам подвергалась близкая от нас Пироговская улица. Очевидно, враг знал, что на ней расположены многие военные учреждения. Но не учел главного, что их там уже нет. Вообще, в ходе всех налетов врага я убедился, что «военные объекты» – это просто гнусное оправдание бомбежек города.

Перед началом войны нас уверяли, что дом специалистов имеет свое прекрасно оборудованное бомбоубежище. Когда просили его нам указать, то нам отвечали весьма убедительно, что когда будет в этом необходимость, то тогда нам его и укажут. Но никакого бомбоубежища так и не оказалось, кроме кочегарки центрального отопления, где все удобства заключались в неисчислимом количестве блох, которые заедали и стариков, и детей, и всех вообще, кто там находился. Входя туда в сумерки, вы попадали в большой подвал, где главное место занимали котлы, а все остальное пространство было занято плетеными из лозы [неразб.], ящиками и всем тем, что могло создать там место для лежания или место, где помещались примусы и посуда для варки пищи. Маленькие окна были плотно закрыты, и только входная дверь являлась источником воздуха. Помещение скудно освещалось несколькими голубыми лампочками и только среди ночи одна или две лампочки в глубине для того, чтобы открыть дверь во двор и освежить помещение. Говорили тихо, почти шепотом. За день многие пробирались в город, то на работу, то за продуктами. К вечеру всегда появлялись сведения о том, что произошло вокруг, в зависимости от событий люди или радовались, или огорчались.

Наконец в один из вечеров пришел слух, что Одесса в осадном положении. Как ни старались смягчить это сообщение, но все поняли, что Одесса окружена неприятелем. Налеты вражеской авиации продолжались и днем, и ночью. Приготовить пищу днем в квартире было трудно. Частые тревоги требовали гасить огонь и спускаться в нижний этаж, а потом вновь подниматься и продолжать прерванное дело. Но люди приспособлялись: и находили продукты в очередях, и кормили стариков и детей, а также и тех, кто возвращался с работы. Недостатка в продовольствии не было.

Часто по улицам проводили группы пленных румын – исхудалых, заросших бородами, в истрепанной одежде. Они пугливо

озирались и на фоне солнечного дня казались еще более ничтожными, еще более обездоленными. О них также шли разговоры в нашем подвале. Одно можно сказать, что сочувствия в это время они не возбуждали.

Состав обитателей подвала был пока еще «свой», то есть из лиц, живущих в этих же домах. Площадь наблюдений шла от Пироговской улицы до Кирпичного переуллка, а затем по Ботанической до 2-й станции Большого Фонтана. Днем приезжали те, что ютились на дачах, – достать продовольствие, а также приглядеть за квартирой. Все сводилось к мелким заботам о личной безопасности и таким же мелким соображениям о неизвестном будущем, основанным на неясных слухах, в которых преобладал животный страх полной неизвестности.

[После 1954 г.]

Сокровища из сокровищницы

318 Татьяна Щурова
Дружба длиной в 25 лет

Татьяна Щурова

Дружба длиною в 25 лет

В начале февраля государственное специализированное издательство «Мистецтво», одно из старейших и известнейших в Украине, отметило девяностолетие со дня основания. Многие знают о широком разнообразии его продукции – это литература по всем видам искусства, культурологии, этнографии, изобразительного искусства малых форм (открытки, календари и др.). Отменное качество выпускаемой литературы определило право «Мистецтва» готовить уникальные издания, и действительно его подарочные альбомы не раз получали международное признание и престижные призы.

Одесская национальная научная библиотека обладает достаточно полной книжной коллекцией издательства, это позволяет убедиться в том, что во все периоды своей истории оно играло свою особую роль. «Мистецтво» было основано в 1932 году в столичном Харькове, затем переехало в 1935 году в Киев. В летописи его изданий интересные и до сих пор востребованные серии книг: «Бібліотека світової драматургії», «Бібліотека сучасної драматургії», «Нариси з історії українського мистецтва» и др. В последние десятилетия издательство активно подключилось к процессу возрождения национальной культуры, стремится вернуть своим читателям имена и произведения украинского искусства, которые долго не публиковались по идеологическим соображениям, представить без цензуры классическое наследие и познакомить с лучшими образцами мировой культуры.

Сегодня мы можем гордо и уверенно утверждать, что библиотека и издательство дружат и сотрудничают двадцать пять лет – юбилей приятный и значительный. Началось все летом 1997 года, когда дирекция «Мистецтва» обратилась к нам с просьбой подобрать в фондах библиотеки раритетные книги, изданные в 1930–1950-х гг., которых нет в их архиве. Издательство готовилось провести в Одессе одну из встреч с читателями в честь своего 65-летия. Помнится, в книжном магазине «Два слона» было открытие выставки. Она прошла с большим

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МИСТЕЦТВО" - В ОДЕССЕ

Уникальную выставку предложили вниманию одесситов работники одного из старейших и известнейших в Украине издательств - "Мистецтво". Ретроспектива книг, буклетов, альбомов, открыток, изданных за 65 лет существования издательства, поражает разнообразием тематики, изысканностью оформления, точным отбором авторов, художников, дизайнеров, иллюстраторов, что в издании книг по искусству является принципиально важным и первоочередным. Сегодня издательство "Мистецтво" специализируется на выпуске литературы по вопросам изобразительного искусства, истории, культурологии, народоведения, фольклора и этнографии, театра и кино, художественных и фотоальбомов, туристской и краеведческой литературы, художественной литературы, иллюстрированных книг для детей, изданий малых форм и так далее.

В организации выставки активное участие принял исполнительный комитет Одесского горсовета, "Одессакнига", Одесская государственная научная библиотека им. Горького, которая, кстати, представила в экспозиции около 50 раритетных ныне изданий "Мистецтва" первых лет его работы (книга В.Афанась-

ева "Товариство південно-російських художників", например, единственный экземпляр в Одессе). Неслучайно директор ОГНБ им. Горького Ольга Федоровна Ботушанская, рассказывая о творческих связях библиотеки и издательства, еще раз напомнила о богатейших фондах нашей "науки", которые ждут своего воплощения в книгах и буклетах - и сократить их путь к читателю могут помочь именно издатели. А заместитель директора Издательства "Мистецтво" Нина Дмитриевна Прибега, представляя одесситам выставку, сказала, что очень надеется на продолжение плодотворного сотрудничества "Мистецтва" и коллективов одесских творческих организаций, музеев и библиотек, что станет основой для выхода в свет новых замечательных изданий.

Участников и гостей выставки поздравила заместитель предисполкома Т.Г.Устенко и пожелала коллективу издательства дальнейших творческих успехов.

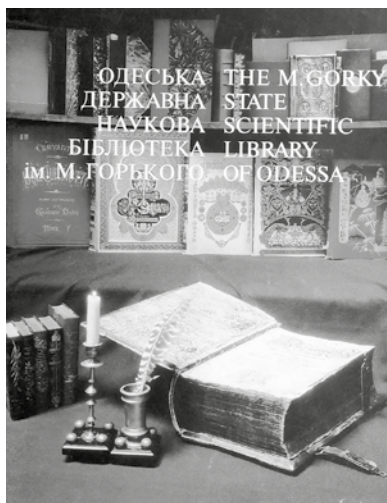
Нелли НЕКРАСОВА.

Визитна картичка
Найвисшата научна
библиотека и.в. Н. Тодоров
в Велико Търново
и любезно.
Директор Н. Прибега
Библиотека "Мистетво"
КВМ «МИСТЕТВО» 2003
7 февруари 2014 г.

Н. Прибега с Д. Лившицем и А. Афониним

успехом в начале августа 1997 года. В фактографическом фонде отдела искусств библиотеки хранится вырезка из газеты «Одесский вестник» с репортажем об этом событии журналистки Нелли Некрасовой. Издательство представляла тогда заместитель директора Нина Дмитриевна Прибега, удивительно приятная, энергичная и, как выяснилось, отличный специалист в области книгоиздания.

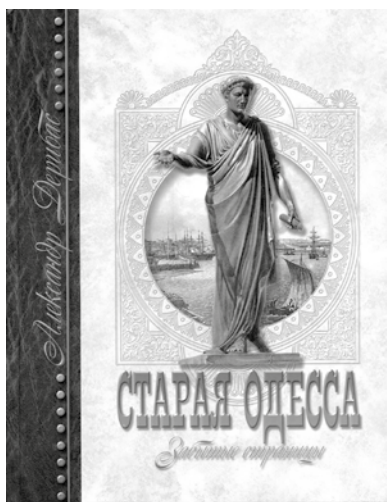
Это было начало плодотворного содружества «Мистецтва» не только с ОННБ, но и с музеями города, Одесским филиалом Греческого фонда культуры и другими организациями. Нина Дмитриевна стала добрым другом Одессы. Уже будучи директором издательства, она

Презентация новых изданий в отделе искусств ОННБ

ежегодно, начиная с первой выставки-форума «Українська книга на Одещині» (2000), была не только гостем праздника, но и одним из самых активных его участников в дискуссионных встречах по актуальным проблемам, касающихся Украинской ассоциации издателей и книгораспространителей, охотно выезжала в районные центры Одесской области. И непременно проводила презентации новых изданий в отделе искусств библиотеки для искусствоведов, преподавателей и студентов. В 2012 году в Музее книги ОНБ мы поздравили друзей с восьмидесятилетием «Мистецтва», выставив для широкого круга посетителей его замечательные альбомы и монографии по всем видам искусства.

В 1999 году сотрудничество с издательством ознаменовалось выпуском красочного информационного буклета о библиотеке, отразившего историю ее образования, постепенного становления и разностороннюю деятельность. Прошло немало лет, но не забывается работа с маленьким дружным коллективом издательства, четко, профессионально, творчески готовившем к 170-летию одной из старейших книжных сокровищниц страны достойное издание. Ответственной за выпуск была Нина Прибега. Вместе с художником Ефимом Кудей и редактором Татьяной Колядой

тогда была подготовлена небольшая книжка, ставшая приятным сувениром для гостей и читателей библиотеки.

К началу 2004 года библиографы ОННБ собрали очерки и воспоминания Александра Михайловича Дерибаса, которые он публиковал в газете «Одесский листок», а затем и в других одесских газетах и журналах вплоть до середины 1920-х годов после выхода своей первой книги «Старая Одесса» (1913). Выпустить вторую книгу автору, увы, не удалось. Мы считали делом чести сделать из этих «забытых страниц» второй том книги замечательного одессита, бывшего в равной степени журналистом, краеведом, историком, библиотекарем, мемуаристом и театроведом. Его материалы до сих пор вызывают живейший интерес. Конечно, хотелось издать книгу на достойном полиграфическом уровне. Обратились к друзьям в издательство «Мистецтво», и началась кропотливая работа. В именном списке – около 1100 фамилий одесситов, упомянутых в очерках; было подобрано много редчайших фотографий и открыток, некоторые из них опубликованы впервые (благодаря сотрудничеству с известными коллекционерами города). Совместная увлеченная работа с Ниной Прибегой и художником Петром Буркутом продолжалась несколько месяцев. Книга получила

доброжелательные отзывы в прессе, стала победителем во всеукраинской акции «Книга года '2004» как лучшее краеведческое издание и лауреатом муниципального конкурса «Твои имена, Одесса!».

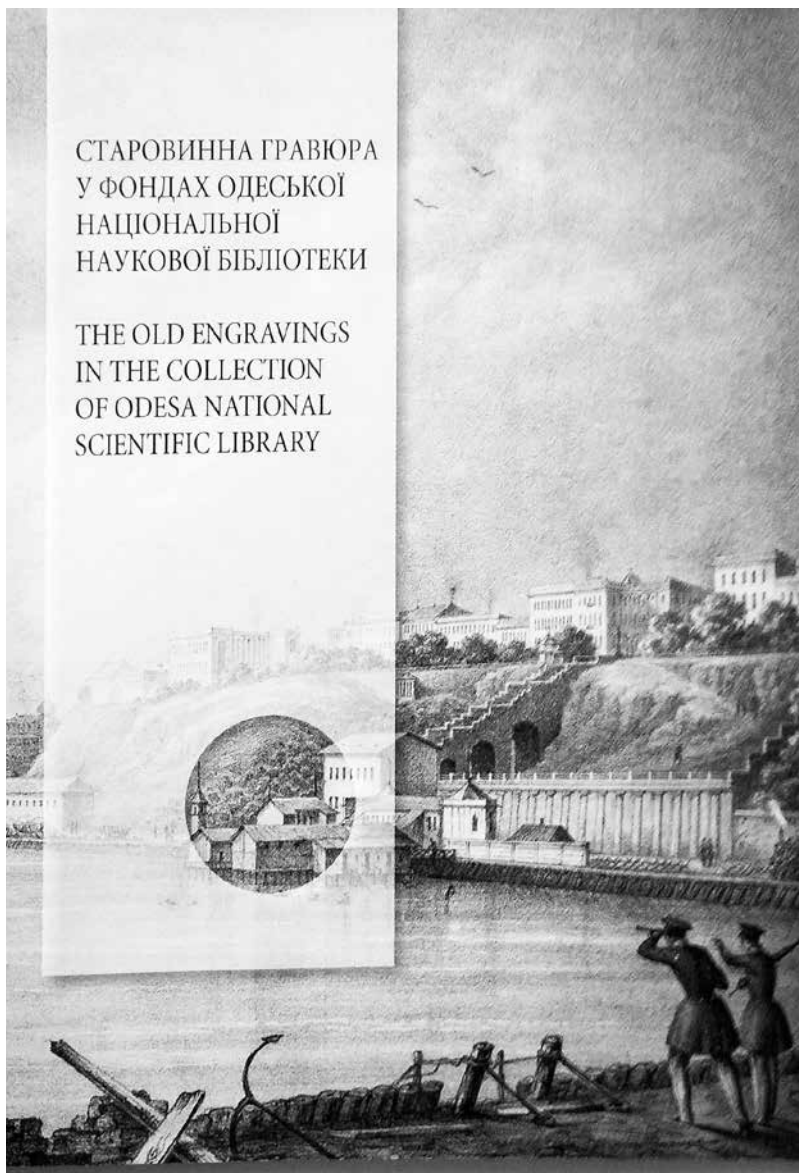
В последние годы библиотеки серьезно занялись оцифровкой своих фондов. Конечно, ОННБ также обладает документальными сокровищами. Несколько лет в отделе редких изданий и рукописей библиотеки библиограф-исследователь Лариса Ижик изучает престижную коллекцию западноевропейских гравюр XVI-XIX вв. Это оттиски на отдельных листах, экслибрисы, иллюстрации в книгах. Ценность библиотечной коллекции очевидна, и при поддержке Украинского культурного фонда удалось осуществить удивительно интересный проект. В 2018 году была подготовлена выставка «Старовинна гравюра у фондах Одеської національної наукової бібліотеки», и в издательстве «Мистецтво» издан каталог к ней. Снова серьезная кропотливая работа с главным редактором Ниной Прибегой и дизайнером Андреем Прибегой. В каталог вошло 49 гравюр, как авторских, так и репродуцированных. От шедевров нидерландского гравера Гендрика Гольциуса (1558-1617) из серии «Жизнь Девы Марии» до работ выдающегося офортиста австрийской школы Франца Эдмунда Вайроттера (1733-1771), а также известные

И. Глебова, О. Барковская, Т. Щурова, Н. Прибега, Е. Садыкова на презентации альбома в ОННБ

СТАРОВИННА ГРАВЮРА
У ФОНДАХ ОДЕСЬКОЇ
НАЦІОНАЛЬНОЇ
НАУКОВОЇ БІБЛІОТЕКИ

THE OLD ENGRAVINGS
IN THE COLLECTION
OF ODESA NATIONAL
SCIENTIFIC LIBRARY

одесские гравюры XIX века Карло Боссоли, Фридриха Гросса, Василия Вахренова, Юлия Берндта.

Издания «Мистецтва» обладают замечательной особенностью – очень многие из них проживают долгую активную жизнь, не пылясь на библиотечной полке и не теряя актуальности. У английского писателя Нила Геймана есть афоризм: «Книга – это мечта, которую вы держите в руках». Вспоминается история двух книг о театре, которые стали сначала воплощенной мечтой их авторов, а потом попали к читателям и до сих пор помогают исследователям.

В 1990 году Владимир Голота, работавший в Одесском музыкально-драматическом театре заведующим литературной частью и режиссером-постановщиком, принес нам свою книгу «Театральная Одесса», которую он только что получил из Киева. Визит с новой книгой в библиотеку был не случайно одним из первых. В течение нескольких лет Владимир Васильевич почти ежедневно после репетиций проводил в отделе искусств

ОННБ многие часы. На наших глазах он переработал огромное количество книг и периодических изданий, ибо задумал написать историю театральной жизни Одессы почти за два столетия. Ему удалось на 245 страницах книги рассказать о наиболее ярких и значимых событиях,

Книжку испросить
Б-ки им. М. Горького
от Благодариного автора

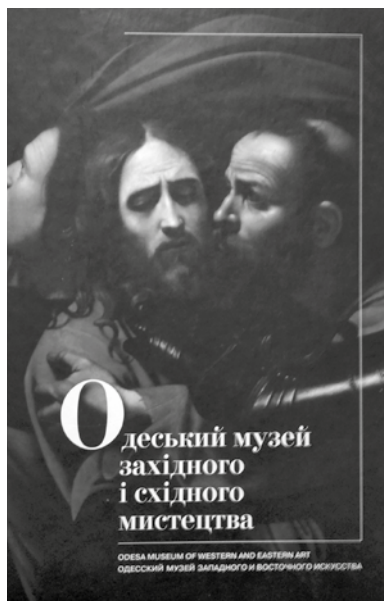

творческих личностях, своеобразной театральной критике Одессы, знаменитых зарубежных гастролерах. Книгу украсила графика Геннадия Гармидера, были использованы отличные фотографии известных одесских фотографов Владимира Рыбальченко и Михаила Рыбака, редкие иллюстрации из коллекции Анатолия Дроздовского. Издательство «Мистецтво» из всего этого материала сделало книгу, которая стала помощником в работе исследователей нескольких поколений не только в Украине. За прошедшие годы удалось отправить «Театральную Одессу» В. Голоты в Грецию, Польшу, Из-

раиль и получить благодарность от наших друзей-театроведов.

В 1998 году издательство «Мистецтво» выпустило долгожданную книгу Валерия Гайдабуры «Театр, захований в архівах: сценічне мистецтво в Україні періоду німецько-фашистської окупації (1941-1944). Історія. Політика. Документи. Ідеї. Художні реалії. Людські долі». Много лет автор собирал и тщательно исследовал чудом уцелевшие документы и свидетельства о театральной жизни того периода, хотя сама тема долго была под запретом. Только начиная с 1988 года В. Гайдабура получил возможность раскрывать

С. Поночевный и Н. Прибега

уникальные, в большинстве никому не известные факты и рассказывать о духовной жизни людей военного времени вопреки реалиям жизни. Им были использованы также архивы одесских мастеров театра: народного артиста УССР Ивана Твердохлиба, заслуженного артиста УССР Евгения Котова, семьи заслуженной артистки Украины Маргариты Пресич. Невозможно забыть выступления исследователя в Одесском доме актера. Мы ждали эту книгу, и она была подписана к печати в октябре 1998 года. Ответственной за выпуск была Нина Дмитриевна Прибега.

В мае 2016 года на очередном книжном форуме «Українська книга на Одещині» появился новый альбом издательства «Мистецтво» – «Одеський музей західного і східного мистецтва»,

отлично представивший не только коллекцию музея, но и серьезную научно-исследовательскую деятельность его ведущих искусствоведов. Презентация книги в отделе искусств библиотеки, а затем в зале музея еще раз подтвердила плодотворность содружества и взаимодействия единомышленников в сфере искусства и культуры.

Сейчас издательство «Мистецтво» возглавляет Сергей Поночевный, Нина Прибега является главным редактором. По-прежнему продолжают выходить книги, связанные с нашим городом. Как говорится, продолжение следует...

Путешествие

332 Елена Галинская
На родине де Рибаса

Елена Галинская

На родине де Рибаса

...Как-то все совпало: в декабре 2021 вышел фильм Паоло Соррентино «Рука Бога», заморозивший меня, кроме всего прочего, кинематографическим колоритом Неаполя, показавшимся мне близким и знакомым, а вскоре я поехала на юг Италии, к теплому Тирренскому морю. Я надеялась, что эта поездка хоть на время примирит меня с действительностью, ведь путешествия – сильный антидепрессант. Не случайно же один знаменитый писатель заметил, что «в простом выражении «Я уезжаю» кроется целый мир не находящих выхода чувств».

А потом началась война.

Сегодня для оптимизации собственного и настроения дорогих соотечественников-одесситов, я хочу рассказать об особой харизматической ауре, так совпадающей с одесской, которую я почувствовала в Неаполе, и о других совпадениях... Конечно, все портовые города в чем-то похожи друг на друга, но случайный взгляд путешественника, а лично я очень доверяю этой оптике, иногда способен уловить что-то колоритное, достойное внимания и полное оттенков очарования.

Как пройти на Дерibasовскую

Во всем мире знают слово «Дерibasовская», многие даже знают, что это главная улица Одессы, названная в честь основателя города испанского дворянина Хосе де Рибаса. Однако дон Хосе де Рибас был уроженцем Неаполя, подданным Неаполитан-

ского королевства, и по мировосприятию был неаполитанцем, да и звали его в детстве и юности Джузеппе. А как же иначе?! В двадцать лет он поступил на службу Российской империи и стал Осипом Михайловичем Дерибасом. А в сорок четыре высочайшим распоряжением ему было поручено определить место для строительства нового города на Черном море. Конечно, выбор места был продиктован государственной необходимостью и голым расчетом, но все же, все же... Возможно (кто знает?!), неаполитанец задумал на пустынных степных землях у моря осуществить собственный «неаполитанский проект»: построить город своего

детства и юности, хоть и без вулкана, зеленых холмов и лазури Тирренского моря. Возможно, он даже хотел бы назвать его Новый Неаполь, но это было бы не изящно, а де Рибас был элитным мужчиной. Его детище называли чудно, красиво и загадочно – Одесса, как и Неаполь, по-древнегречески. Уверена, это название понравилось Дерibasу – первому неаполитанцу в Одессе, и совсем не случайно, что в начале строительства в город «понаехало» немало итальянцев («Язык Италии золотой / Звучит на улице веселой»). Были среди них и архитекторы, в том числе Франсиско и Джованни Фраполли, по всей видимости, неаполитанцы, они-то и создавали облик европейской Одессы, а специфической чертой одесского общества изначально была многонациональность – одесситы, как и неаполитанцы, с молоком матери впитывали культуру многих народов.

Когда Одесса только зарождалась, Неаполь был одним из красивейших городов мира, третьим по величине и численности после Парижа и Лондона, тогда же родилось выражение «увидеть Неаполь и умереть» (*vedi Napoli e muori*), которое потом переделали под другие города. И сегодня в разных уголках этого хаотичного, яркого, импульсивного, жовиального и взрывного, не очень аккуратного, но очень красивого и чувственного города жизнь по-прежнему вспыхивает искрами, уже давно погасшими в Европе.

Под сенью искусства, в сиянии солнца!

Этот райский уголок Неаполитанского залива был известен с глубокой древности: здесь на уступах скал сирены прельщали своим пением мореплавателей, и одна из них, отвергнутая Одиссеем, бросилась со скалы, поэтому первое греческое поселение на побережье называлось ее именем – Партенопея, а по соседству, в Кумах, жила пророчица Сивилла, сюда с Крита прилетал Дедал, здесь закончились странствия Энея... В общем, легенды и мифы Древней Греции.

Греки основали на побережье независимые города, в том числе «новый город» – Неаполь, а сменившие их римляне называли этот край «*Campania Felix*» – «счастливая земля».

На набережной Санта-Лючия, на высоком постаменте, облаченный в римские доспехи, лицом к морю стоит с поднятой в приветственном жесте рукой император-консул Октавиан Август. Ну как тут не вспомнить нашего Дюка? Ну да, наш в греческой тоге, но все остальное – местоположение, поза, жест, взгляд в море и, главное, дух античности и свободы! Приятное сближение.

Следы двухтысячелетней истории можно видеть в старых районах *Spacca Napoli*, где сохранились три улицы, в прошлом три древние дороги, которые пронизывают город с запада на восток, а между ними лабиринт замысловатых узких переулков, где можно встретить много интересного и окунуться в атмосферу города классической римской застройки. *Виа Спакканополи* – прямая двухкилометровая улица, имеющая в ширину шесть метров, пересекает весь центр города, не менее колоритна *Виа Трибунали*, да и другие, что помельче. Эти улицы, как морщины вечности, закупорили спрятанное в складках домов время, они изобилуют дворцами аристократии и полуразрушенными домами, живописными храмами с неизмеримо красивыми интерьерами, монументальными сооружениями барочных обелисков, памятников и фонтанов. Исторический центр Неаполя включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Каждый, кто приезжает в Неаполь, обращает внимание на бесчисленные изображения маски, которую можно видеть повсюду: в витринах, в киосках, в тратториях, на рынках, в театрах – это Пульчинелла, веселый маленький человечек, комический типаж и любимый персонаж комедии дель арте, многоликая маска неаполитанской среды, дух и символ неаполитанцев. На *Виа Трибунали* установлен памятник этому народному персонажу – средоточию всех черт национального характера, как положительных, так и отрицательных, поэтому все норовят потерять его нос – на удачу! Как не вспомнить тут другого маленького человечка, вскинувшего голову и смотрящего через монокль в небо, – памятник герою одесских анекдотов Рабиновичу, установленный в саду Литературного музея в Одессе! Кстати, для удачи ему тоже требуется потерять... левое ухо! Мне помнится, что в начале 2000-х годов в Одессе был ресторан «*Pulcinella*», первый по-настоящему итальянский. Не знаю, есть ли он сейчас.

В Старом городе в исторических ресторанчиках представлены все неаполитанские вкусовые пристрастия, но рулит здесь пицца, божественная неаполитанская пицца, в том числе и совершенно оригинальная – pizza portafoglio (пицца-папка), для приготовления которой требуется особая сноровка, быстрота и виртуозность, поэтому в Неаполе есть только несколько пиццерий, где готовят «портфолио». По популярности с ней соперничает другой вид уличной еды – pizza fritta napoletana. Любая из них вместе со стаканчиком апероль-шприц – это что-то с чем-то! Есть и несколько культовых пиццерий, среди них «Da Michelle» – та, что фигурировала в фильме «Ешь, молись, люби».

Пассаж

В Неаполе мы жили на улице Виа Толедо, по которой, как по Дерибасовской, до позднего вечера двигалась гуляющая толпа. Эту улицу разбили в XVI веке, тогда же ее стали застраивать красивыми дворцами и домами, в одном из которых на третьем этаже расположилась наша небольшая гостиница с ласковым

названием «Napoli Mia» («Мой Неаполь»). В книге «Свет и тени Неаполя» писатель Сальваторе Джакомо пишет: «К вечеру с набережной на улицу Толедо возвращаются экипажи местной аристократии. Уже темнеет, но элегантные витрины магазинов сияют ослепительным светом, бросая на прохожих пурпурные всполохи. Здесь роскошь перемешана с нищетой. Все весело, живописно, ярко. Наступило время артистов, поэтов, влюбленных и прожигателей жизни». А вот что примерно в то же время писал литератор Элизер Штейнман: «Одесса в теплые ясные осенние дни кажется земным раем... На каждом углу изобилие цветов, корзины с фруктами и прочими деликатесами... все это превращает Одессу в прекрасную драгоценность, полную утонченного вкуса и радующую глаз...». Похоже, не правда ли?

С торгово-пешеходной Толедо можно зайти в крытую галерею имени короля Умберто – эпицентр неаполитанской жизни. По аналогии с римской версией в Неаполе существует поговорка, что все дороги ведут в галерею Умберто.

Во второй половине XIX века по всей Европе стали стремительно строиться оригинальные архитектурные сооружения в виде улиц со стеклянными крышами, в них размещались магазины, кафе, рестораны, отели, развлекательные заведения. Галерея Умберто (1891) – помпезный шедевр итальянской индустриальной архитектуры – высокое крестообразное сооружение, увенчанное величественным стеклянным куполом, имеет внушительный фасад, высокий портал, колоннаду из травертина и великолепный мозаичный пол с изображениями знаков зодиака, по которому денно и нощно движется бойкая, вечно торопящаяся толпа. Неаполь – самый перенаселенный город Европы. Открытые и контактные, веселые и находчивые, добродушные и бесшабашные неаполитанцы живут небогато, но с улыбкой и музыкой – легко! – они умеют наслаждаться каждым прожитым днем и получать от жизни удовольствие. Вся атмосфера в галерее Умберто располагает к этому: солнечные лучи, проникающие сквозь стеклянную крышу, восхитительные витрины магазинов, звуки музыки, несущиеся отовсюду, незабываемый вкус вина или дымок над чашкой кофе за столиком на террасе... А еще неаполитанцы просто-таки одержимы любовью к своему городу.

Знакомый портрет? Не то слово! Родство душ!

Одесский Пассаж, в который можно войти с Дерибасовской, похож на неапольский. Все новое и модное из Европы быстро появлялось в Одессе. Вот и крытые торговые ряды были построены в 1899 году по заказу купца Менделевича, первоначально их так и называли, «Пассаж Менделевича», и это совсем не хуже, чем «Галерея Умберто». Роскошное здание нового типа в стиле модерн, с многочисленными скульптурными украшениями и техническими новшествами вызывало восхищение одесситов и приезжих, в то время Одесса буквально бурлила культурной жизнью и экономической инициативой. Открытость миру, космополитизм и толерантность многонационального и многоконфессионального города, интеллект старейшего в стране университетского центра, а также климат и природа сделали Одессу очень притягательным местом.

Театр

Из галереи неаполитанского пассажа можно выйти к боковому фасаду знаменитого театра Сан-Карло – одного из красивейших в мире и самого большого в Италии. Его величественное здание в неоклассическом стиле, построенное в 1737, примыкает к королевскому дворцу и поэтому не очень-то выделяется в улицах и переулках парадного квартала.

Сан-Карло славится совершенной акустикой, дорогим убранством интерьеров, ослепительным блеском зала – восходящие ряды ложи подковой окружают оркестровую яму и партер, даже под самым потолком, в шестом ярусе, отдельные ложи (!), все оббито красным с золотом бархатом. «Глаза мои ослеплены, душа полна восхищением» (Стендаль).

Так ведь и наш оперный – признанный архитектурный шедевр, известный во всем мире символ Одессы, а его интерьер, полный затейливой позолоченной лепнины, зеркал и прочих излишеств в стиле французского рококо, вызывает восхищение, да и акустика у нашего театра уникальная!

Как все же удивительно, что в молодом, еще неустроенном городе, возникшем в черноморской степи, которому отроду неделя,

появилась такая роскошь как театр! Значит, отцы города уже тогда предвидели будущую миссию Одессы не только как торгового города, но и города искусств и утонченной культуры. И первым это безошибочно почувствовал неаполитанец дон Хуан де Рибас, почувствовал и задал парадигму городскому развитию.

Сан-Карло по-прежнему называют «королевским», а его традиции остаются нерушимы и через сотни лет. По-старинному элегантный театр остается наилучшим местом, где можно насладиться оперным спектаклем и прочувствовать ни с чем не сравнимое театральное настроение. Но так было не всегда. В XVIII веке неаполитанская публика представляла собой, как правило, кучу скандалистов, для которых театр был местом сборищ, где они могли выплеснуть свои бьющие через край эмоции. В театральных ложах за задернутой шторкой ели, пили, играли в карты, рулетку, делали ставки... Еще в начале XIX века Сан-Карло был отнюдь не храмом музыки, а оживленным светским местом, и походил на большой игровой дом и ресторан с театром, пристроенным к ним. Неистовая публика вела себя весьма грубо – вернувшийся домой после неудачной премьеры импресарио мог обнаружить, что стекла выбиты.

XIX век принес порядок в итальянские театры и расставил все по местам. Беллини, Доницетти, Россини, Верди, Пуччини – непревзойденный козырный набор итальянских композиторов! С них началась тишина в зале. Неаполь же долгое время был одной из столиц европейской музыки, и все великие итальянцы, а также Моцарт, Вагнер и другие имели здесь свою личную историю. Беллини даже удостоился классического памятника на площади имени себя, в нишах высокого постамента с четырех сторон когда-то были скульптурные бюсты героинь его опер, но их давно украли, да так и не восстановили. Вот такой синтез божественного и дьявольского, и так в Неаполе повсюду.

А вот в Одессе публика всегда была восторженной и благодарной – цветы падали к ногам примадонн под неумолкающие крики «браво!», а по окончании спектакля толпа поклонников с зажженными факелами провожала артистов до дома. Места в театре раскупались задолго вперед, опера стала

настолько популярной, что понравившиеся арии пели извозчики и портовые грузчики! Одесский театр образца 1809 года при подходе к городу с моря был виден издалека и украшал все городское пространство. Молодой Пушкин оставил о нем вдохновенные строки.

Фуникулер и лестница

Смотреть на Неаполь лучше всего сверху, тогда перед вами откроется чарующая панорама большого города и голубая подкова Неаполитанского залива с загибающейся к горизонту береговой полоской суши, где над холмами возвышается таинственный конус Везувия, а в море романтические острова Искья и божественный Капри, подобный то ли лежащей женщине, то ли сфинксу, то ли затонувшему кораблю, то ли волне, гонимой бурей... Моряки всего мира считают Неаполитанский залив красивейшей гаванью Европы.

Чтобы все это увидеть, мы отправились в самую высокую часть Неаполя, на холм Вомеро, где еще в XIV веке был возведен мощный замок Сент-Эльмо. С его смотровых площадок на высоте почти девятьсот метров можно не только окинуть взором грандиозную морскую панораму, но и увидеть весь город, как на спутниковой карте Гугл, и даже попытаться разобраться в его топографии, и узнать знакомые места. На холм мы поднимались на фуникулере – восемьсот двадцать пять метров за четыре минуты! За это время веселый гитарист в вагоне успел спеть нам известную неаполитанскую песню «Фуникули фуникула». Увы, из funicolare мало что видно, так как он проходит в туннеле, вырываясь на поверхность только на станциях. Как было не вспомнить одесский фуникулер – любимую достопримечательность прошлого? Два элегантных красных лакированных вагончика (недаром же из Парижа!), движущихся навстречу друг другу вдоль склонов и Потемкинской лестницы. В детстве покататься на фуникулере было моей вожделенной мечтой, но родители редко катали меня. Больше всего я любила стоять в вагончике спереди или сзади и наблюдать за движущимся и поскрипывающим тросом... Фуникулер в Одессе появился в начале XX века, а в Неаполе в 1928.

В центр Неаполя с горы мы возвращались, согласно рекомендации путеводителя, по многовековой лестнице Педаментина. С нашей стороны это было опрометчивое решение. Ох уж эта Педаментина! И как только по ней карабкались местные жители?! Четыреста четырнадцать, но не ступеней, а широченных маршей по пересеченному рельефу с поворотами сделали наш спуск бесконечным (на карте он казался вовсе не таким длинным). От главной лестницы отходили лестницы поменьше, идущие в частные дома, где двери были настежь – ну да, чужие-то здесь вряд ли когда-нибудь ходят! Спуск обернулся крутым маршрутом, даже слишком крутым, прямо скажем, не для слабаков. Ноги быстро стали тяжелеть и подрагивать, выявляя готовность вот-вот подкоситься, но свернуть с лестницы было некуда, не возвращаться же по ней наверх! Оставалось идти до победного конца. «Да тут уже и всякие не ходят!» – подумалось нам, но изредка нас все же обгоняли бредущие вниз странники. Педаментину называют «панорамной лестницей», и это правда: с нее действительно открываются красивые виды на город, море, и в полном соответствии с обещаниями путеводителей можно увидеть «настоящую жизнь Неаполя»: крошечные дворики, брошенные и разрушающиеся дома, вездесущие граффити, кучи строительного и бытового мусора, поросшие травой пустыри, а среди всей этой обшарпанности, вдруг, кокетливый дом! Неаполитанский мир открытый и естественный, и вся эклектика сегодняшнего дня – идеальное сочетание несочетаемого – в Неаполе ощущается наиболее выпукло. Ах, как же эти картинки напоминали многие потаенные места непарадной Одессы где-нибудь в районе Военного спуска или Тещинового моста... Один в один!

Нескончаемая лестница все же закончилась, и мы вышли на широкую корсо Витторио Эммануэле. За ней начинались знаменитые испанские кварталы (Quartieri Spagnoli). Неаполь, как и Одесса, настолько специфичен, что нужно знать, как к нему подступиться, иначе его можно понять неправильно, поэтому, чтобы уловить суть Неаполя, мы не ограничились классическим маршрутом по монументальному центру, а исследовали некоторые колоритные районы города со всеми причудами неаполитанской жизни и «неаполитанских нравов».

Испанские кварталы

Это место, скрытое от глаз путешественника, один из беднейших районов и зона наибольшей активности неаполитанской каморры. Многие туристы опасаются туда заходить, а неаполитанцы, наоборот, считают, кто не прогулялся по улочкам квартала, тот, можно сказать, и не бывал в Неаполе, поскольку это сверхколоритное место – квинтэссенция Неаполя! Стоит свернуть с Витторио Эммануэле или Толедо – и... радикальная смена атмосферы.

Квартал, рассыпанный по крутому холму, появился в XVI веке, во времена испанского правления. Солдаты в поисках развлечений отправлялись на улицы бедноты, где процветала проституция (героиня Софи Лорен в фильме «Брак по-итальянски» проститутка Филумена была именно отсюда), соответственно, квартал приобрел дурную репутацию и до настоящего времени несет криминальную славу, но именно эта слава и атмосфера старых улиц привлекают сюда романтично настроенных туристов, ведь безупречная репутация – это обычно скучно, и вообще, кто не рискует, тот не пьет шампанское! Мы прошли этот район вдоль и поперек и сверху донизу. Вдоль узких улиц и лестниц, тяжело взбирающихся вверх, тянутся так называемые «низкие» дома, входные двери распахиваются прямо на тротуар, видны диваны и телевизоры, повсюду сохнет белье, ведра, тазы, корзины на веревках, и непрерывно снуют (и как им только удается?!) «фиаты» и «веспы», а на маленьких площадях неожиданно всплывают церкви и алтари Девы Марии. Здесь торгуют, молятся, играют в карты, едят. Это очень яркий, самобытный, контрастный и неординарный район в центре города. Улицы здесь обильно сдобрены мрачноватыми граффити, среди которых есть и поярче, посвященные комику Тото, Софи Лорен, Челентано, христианским святым и неаполитанскому идолу Pibe de Ogo («золотому мальчику») Диего Марадоне – все свои!

А какие характерные дома и дворы на Пересыпи, где прошло мое детство! Есть что вспомнить.

Нынче многие «низкие» дома переделывают в лавки, гаражи, мастерские, траттории, зачастую это семейные заведения, ресторанчики «для своих», которые предлагают блюда местной

кухни. Ах, что за прелесть эта кухня! А сколько классических персонажей встретилось нам! Старички за игрой в карты, семейство за обедом, мужчины, распеваящие уличные серенады и ведущие разговоры о футболе, перемежающиеся выкриками «во имя святого Марадоны!» – все как в фильмах итальянского неореализма. Похоже, за семьдесят лет тут мало что изменилось. Ходи-броди, заглядывай в дома и лавки, фотографируй – совсем не страшно, наоборот, люди к чужакам сдержанно любезны, а точнее – равнодушны, иностранцев здесь почти нет, они предпочитают не углубляться в улицы более чем на двадцать-пятьдесят метров, сфотографируются в «гнезде неаполитанской каморры» – и назад, на большую светлую магистраль. А нам здесь понравилось. К тому же, здесь есть несколько отличных трактиров с колоритными интерьерами и аутентичными блюдами, куда выстраиваются длинные очереди в ожидании освободившихся мест и куда ходят преимущественно неаполитанцы. В таких трактирах меню меняется каждый день и работают веселые неутомимые официанты, они виртуозно носят еду, гремят посудой, поют, разговаривают с посетителями и расточают комплименты. Наблюдать за их работой сплошное удовольствие. Всепоглощающая страсть неаполитанцев к приготовлению пищи и ее потреблению вызывает у одесситов большое понимание.

На окраине Испанского квартала мы набрали на маленький оживленный рынок La Pignasecca, известный рыбой, морепродуктами и уличной едой. Хорошая половина коренного населения Неаполя – безработные, а вторая половина ловит и продает рыбу – рыбные базары в Неаполе самые большие в Средиземноморье. На прилавках продается множество разнообразных товаров – все, разумеется, подделка и фальсификация! Ну и дежавю, конечно! (Что вы хотите, это – Одесса! Ой, простите, – Неаполь!) Неаполитанский базар напомнил продуктовое изобилие нашего Привоза, где «пахло многими морями и прекрасными жизнями, неизвестными нам» (И. Бабель).

Ах, Привоз! – вечный зов, основной инстинкт, кровь и плоть одесситов.

И еще. Неаполитанцы, как и одесситы, говорят на своем языке, далеком от итальянского стандарта. Когда в начале XIX века

в Одессу приезжали торговые люди из Италии, то в коммерческой документации, в торговых сделках и на бирже преобладал итальянский язык, а также эмоциональные выкрики и жестикация, свойственные неаполитанцам. «Торговля делает с нас артистов», – говорил известный одесский персонаж.

О, изящная одесская словесность! Витиеватость речи и картинные позы, мимика и самоирония, церемонные обращения и высокопарные фразы, не признающие никаких грамматических правил, – сплошное «порто-франко»! В Одессе по-прежнему «делают базар», «кушают фрукту» (итал. «frutta») и для усиления эффекта говорят «две большие разницы» (итал. «una grande differenza»), то есть «одна большая разница» – тоже красиво).

Гамбринус

Не о всех совпадениях Неаполя и Одессы я успела рассказать, но формат очерка требует закругляться. Поэтому на десерт – о том, что мы любим.

Виа Тоledo, по которой мы ежедневно ходили туда-сюда, упирается в маленькую круглую площадь, где в историческом здании префектуры располагается Гран-кафе «Гамбринус». Конечно, мы не могли пройти мимо и не зайти отметить. Да, да! Вы не ослышались: в центре Неаполя уже более ста шестидесяти лет существует легендарное кафе – двойник и ровесник знаменитого культового ресторана на Дерibasовской, воспетого Куприным и Паустовским. Правда, неаполитанский «Гамбринус» имеет с ним мало общего.

Gran Caffè Gambrinus – это роскошный европейский кофейный дом, прославленный архитектурно-историко-культурно-гастрономический шедевр, возникший в 1860 году во времена объединения Италии и до сих пор находящийся на вершине славы.

Общеизвестно, что лучше неаполитанского кофе нет ничего на свете! В Неаполе вообще не знают плохого кофе, а традиции его приготовления – это история культуры Неаполя. Визитная карточка неаполитанского «Гамбринуса» – кофе эспрессо в специальной посуде со стаканом воды (фирменные чашки

из толстенной керамики при желании можно тут же и купить) и всякие местные десертные изыски – ромовые бабы, десерт «Везувий», удивительное пирожное сфольятелла с рюмочкой лимончелло или ореховый кофе в рюмке – чудо как хорош! Как видите, пиво здесь не в моде, а одесский «Гамбринус» – это, прежде всего, пиво и все, что «к пиву», что соответствует названию заведения, а стало быть, исторической правде. Брабантский король Ян I, иначе «Примус», считается создателем европейского пивоварения. Со временем, однако, имя легендарного короля трансформировалось, и «примус» превратился в «гамбринус», что не поменяло сути дела.

Вероятно, под давлением «исторических обстоятельств» где-то с 30-х годов XX века в неаполитанском «Гамбринусе» тоже стали в конце концов подавать пиво и закуски к нему, и главной руководящей идеей стало соединить в Гран-кафе два самых потребляемых в мире напитка: темный горячий и светлый холодный. Но пиво здесь по-прежнему отодвинуто на второй план.

Интересно, что именно в «Гамбринусе» родилась традиция «caffè sospeso» или «caffè napoli», нынче известная во всем мире. Суть в том, что любой человек, кто пребывает в хорошем настроении, может оплатить чашку кофе для любого другого человека, кто не может сам заплатить за свой кофе, малоимущему надо только спросить у бариста, есть ли «кофе sospeso», то есть оплаченный. На мой взгляд, очень симпатичный обычай.

Интерьер Gran Caffè Gambrinus настоящая галерея искусства, в нем весь колорит, история и стиль Неаполя белль-эпок (прекрасной эпохи) – высокие потолки, зеркала, картины, изящные светильники и официанты в белом! Кто только не бывал в этом атмосферном кафе: Стендаль, Россини, д'Аннунцио, Уайльд, Хемингуэй, Фрейд, Сартр... Теперь там побывали и мы с вами.

Особая песнь – общение с бариста: это настоящий аттракцион, они тут просто фокусники! К тому же они поют!

Только в Неаполе петь в присутственных местах не считается чудачеством, поют здесь все – продавцы, водители, официанты, рабочие... Любое событие начинается и заканчивается исполнением любимых песен. Мы имели удовольствие слушать канцоне и оперные арии ежедневно с утра до вечера.

Прочь все заботы, прочь все печали,
О мой Неаполь, чудные дали!
Радость безмерная, нет ей причины,
Санта Лючия! Са-анта Лючия!

* * *

Многие путешественники влюбляются в этот фантастический город с особым ароматом солнца и искусства. Мне тоже полюбились его парадные дворцы, цитадели, набережные, а также грязноватые узкие улочки, увешенные километрами веревок с мокрым бельем. В «декорациях» Неаполя вполне естественной становится неаполитанская безалаберность: вечный ремонт, вечный мусор, вечные перепалки, вечная неопределенность, вечные опоздания, но и вечный праздник жизни – что поделаешь, это Неаполь!

Невзирая на вышеперечисленные «неудобства», этот раскинувшийся полумесяцем город у моря привлекает к себе множество туристов, заставляя их забыть о многих житейских мелочах и «золотом безобразии» юга и начать новую жизнь с ощущением, что жизнь прекрасна!

Потому что, как сказал поэт о другом, дорогом моему сердцу городе, так похожему на Неаполь:

Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

Вместе с сувенирами уже в течение сотен лет путешественники увозят с собой образ Неаполя – удивительного города, готового, по словам Мюссе, «отдать красоту и славу за апельсин»!

Март 2022 г., Тель-Авив

Ах, Одесса

- 348 **Лев Ревуцкий**
Два рассказа
- 355 **Галина Феликсон**
Одесские рассказы
- 369 **Влада Дизик**
Подкаблучник
- 372 **Виктор Корченев**
Мои экстрасенсы
- 377 **Феликс Кохрихт**
Апрельские тезисы – 2022

Лев Ревуцкий

Два рассказа

Барабан и скрипка

Барабан был немолод, толст и с возрастом стал немного неуклюж. Кожа на барабанае потрескалась, и в последнее время он уже не звучал так бодро и молодецкато, как в молодые годы, когда служил в военном оркестре.

Жил старый барабан в маленькой квартирке в старом доме подле парка и выходил в свет только в дни выступлений. В свободное время он читал военные мемуары или пересматривал старые пожелтевшие фотографии, на которых он, молодой и красивый, марширует впереди большого сводного военного оркестра. Молодость его прошла в походах вместе с гарнизонными оркестрами, а постарев, отцы-командиры перевели его в небольшой областной город, где служба его была легкой и непыльной. С другими музыкальными инструментами он участвовал в военных парадах и дефиле.

Спутницей жизни он так и не обзавелся, хотя и ходили слухи о его романах то с красивой величественной арфой из местного симфонического оркестра, то со строгой виолончелью из оркестра драматического театра города. Барабан подкупал их своей прямой, военной выправкой и мужественностью. Это его выгодно отличало от надменного французского рожка, развязного попивающего гобоя и хвастливого тромбона. Окончив военную службу, где он отбарабанил двадцать пять лет, наш герой уволился в запас и был принят на работу в оркестр при местном оперном театре.

Держали барабан в оркестре больше из уважения к его возрасту и прошлым заслугам. Музыкальных партий для барабана

в оркестре было не много. Большую часть времени он дремал или слушал оркестр, изредка вступая тогда, когда того требовала партитура. Он мог давно уйти на заслуженный отдых: кроме него было еще несколько барабанов, и оркестр мог вполне обойтись без него. Но его держали, да и сам он не рвался на пенсию, так как абсолютно не представлял, что будет делать дома без театра. Дирижер симпатизировал барабану и не слишком придирался, когда тот ошибался или вступал не вовремя.

В оркестре наш барабан сторонился струнных – это были снобы, своего рода закрытый клуб. Дети богатых родителей, струнные держались особняком и свысока относились к другим инструментам. Те платили им той же монетой.

Деревянные духовые – флейты, гобои, кларнеты и фаготы – казались ему или слишком претенциозными (флейты), или откровенно глупыми (фаготы и гобои). Исключение он делал лишь, пожалуй, для кларнетов, которых он находил вполне адекватными и дружелюбными.

Зато он охотно водил дружбу и порой выпивал с ударными и медными духовыми. С ними он мог расслабиться, вспомнить военную молодость, не опасаясь показаться тем, кем он самом деле был – простым рубахой-парнем.

Так проходили его дни. Барабан давно привык к своей спокойной жизни и не искал другой. Но в конце лета дирижер представил оркестру новую первую скрипку. Никто не знал, почему эта столичная модница, учившаяся в Италии, переехала в их областной город N. Как бы то ни было, в их оркестре теперь была новая первая скрипка.

Другие скрипки и альты сразу же невзлюбили «итальянку» (так они называли за спиной), но все признавали ее несомненный талант и мастерство. Она легко могла обходиться без дирижера, но никогда не демонстрировала это. Когда дирижер ошибался, именно «итальянка» твердо и уверенно вела за собой оркестр. Недаром она была настоящей Первой Скрипкой.

Она была неразговорчива, мало общалась с другими инструментами и сразу после спектакля уходила из театра.

Неожиданно барабан стал единственной душой в оркестре, с кем «итальянка» чувствовала себя легко и свободно. Непонятно,

что сблизило их, хотя их отношения никогда не переходили грань дружбы. Барабан много читал, у него была неплохая библиотека по истории музыки, и он охотно делился ею с «итальянкой». Вдобавок он очень много поездил и повидал, и найдя в «итальянке» благодарную слушательницу, ударялся в воспоминания о «былых походах».

Они пересекались в оркестре, изредка в буфете, где он брал себе пирожки и пиво, а она черный кофе. Несмотря на внешнюю строгость и даже неприступность, обслуживающий персонал театра – уборщицы, вахтерши, гардеробщицы и работники буфета – полюбили молодую «итальянку». В буфете ей оставляли самые вкусные бутерброды и пирожные. На репетициях или в антрактах они могли обменяться парой шуток или просто поговорить о погоде, жизни и, конечно, о музыке. Иногда через своих знакомых он доставал ей коробочки с шоколадным зефиром, который она так любила, и, немного стесняясь, приносил их в ее гримерку. Первая скрипка догадывалась, кто был даритель, но виду не подавала.

Часто после спектакля они вместе медленно шли домой через старый парк. Им было почти по пути. Проводив скрипку, старый барабан снимал кепку и церемонно целовал молоденькой скрипке руку. После чего медленно брел в свою маленькую, похожую на большой чулан, квартиру.

В новом сезоне в театре было сразу две премьеры: «Аида» и «Кармен». В каждой опере были значительные партии для барабана, и старик старался вовсю. Репетиции шли успешно, и после премьеры «Кармен» дирижер по традиции пожал руку первой скрипке, и среди других инструментов он пригласил встать старого барабана. Никогда после армейских лет старику не было так хорошо. Он снова стал следить за собой, помолодел на десять лет, стал меньше пить и даже немного сбросил вес.

Оперный сезон заканчивался, и «итальянка» собиралась уезжать из города. Ее позвали не куда-нибудь, а в Милан, туда, где она училась и жила более пяти лет.

Последний месяц перед ее отъездом пролетел быстро. «Итальянке» устроили теплые и шумные проводы. Скрипки, альты и другие инструменты оркестра успели привыкнуть к молодень-

кой скрипке и им было жаль с ней расставаться. Все понимали, что оставаться молодой и талантливой скрипке в их оркестре означало загубить свою карьеру и жизнь.

Отвальная была в кафе при театре. Барабан почти не принимал участия в проводах. Он был искренне рад за молодую скрипку, но на душе было тоскливо. «Итальянка» подошла к нему, нежно прижалась горячей декой и прошептала: «Спасибо за дружбу!». И, лукаво улыбнувшись, добавила: «И за зефир». Барабан ничего не сказал, лишь по-стариковски всплеснул своими старыми барабанными палочками и отвернулся.

Эпилог

Прошло более десяти лет. «Итальянка» вышла замуж за молодого итальянского красавца-альта и навсегда обосновалась в Милане. У них родились две маленькие скрипки, как две капли воды похожие на мать. Когда они подросли, мать решила взять их собой в страну, в которой она родилась и где когда-то жила.

Они приехали на пару дней в город N и сразу пошли в оперный театр, где в это время должна была идти репетиция с оркестром. Спустившись в оркестровую яму, «итальянка» узнала многих из тех, с кем когда-то вместе работала. Старого дирижера не было. Вместо него с оркестром работал другой – молодой и совсем незнакомый.

«Итальянка» посмотрела туда, где сидела группа ударных. Многие инструменты были из того состава, с кем играла скрипка более десяти лет назад. За исключением барабана. Его не было нигде.

Инструменты рассказали, что он умер через пару лет после ее отъезда во время спектакля, но успел отыграть в спектакле свою партию. Старый солдат не привык уходить с поля боя, пока битва не окончена.

Старый контрабас, который был в оркестре дольше других инструментов, вышел и через пару минут вернулся с картонной коробкой «Зефир в шоколаде», перевязанной веревкой. В коробке были медали, тоненькая пачка фотографий барабана, начиная с детских, оловянные фигурки солдат-музыкантов и с десятков

неотправленных писем, адресованных ей. Среди писем она нашла пожелтевшую от времени записку. «Я бы с радостью оставил Вам Ваше любимое лакомство – если бы не был уверен, что оно Вас не дождется». Скрипка тепло распрощалась с оркестром, зная, что никогда больше в этот город уже не приедет.

В гостиницу они возвращались через старый парк той же дорогой, что и десять лет назад, когда они со стариком барабаном шли усталые после спектакля. Около их гостиницы была старинная кондитерская. Прежде чем зайти в отель, они остановились перед витриной. На секунду скрипке показалось, что в глубине магазина пожилой барабан покупает зефир. Скрипка закрыла глаза, а когда снова их открыла – в магазине уже никого не было.

«Не бери в голову»

В сентябре актеру областного драматического театра Геннадия Ивановичу Ларину исполнилось пятьдесят девять лет. В прошлом остались десятки разных ролей, значительных и не очень, две разломанные семьи, выросшие дети и даже трое внуков.

В настоящем – расшатанное здоровье, роли второго-третьего плана, умело скрываемый алкоголизм и глухое одиночество. Из радостей жизни – крепкий кофе, дорогой коньяк и коллекция каргопольских игрушек, тщательно им оберегаемая. Делил с ним кров старый ленивый кот Николас. Эти двое так долго жили вместе, что стали похожи друг на друга в повадках и привычках. Ларин не удивился б, если бы вдруг кот попросил за завтраком коньяк и двойной эспрессо.

Работы в театре было немного, роли в основном проходные. Изредка приходилось играть что-нибудь значительное. А ведь в молодости Ларин блистал и подавал определенные надежды. Элегантный, очень стройный, с густой шевелюрой, он, казалось, идеально подходил на роли героев-любовников, романтиков, идеалистов. Шло время, с годами Геннадий Иванович полысел, обрюзг и мало стал походить на своих героев-романтиков. Другие образы он играл хуже, менее убедительно, и ролей в театре становилось все меньше. А те, что он получал, год от года были

все менее интересные и не требовали от него ни серьезной работы, ни умственного напряжения. В театральных программках, продаваемых в театре перед началом спектакля, фамилия Ларин прочно осела внизу страницы со списком действующих лиц и исполнителей.

Так и жил Геннадий Иванович. Он и кот старели, дети выросли, внуки вырастали. Ларин давно уже жил по привычке, не испытывая ни сильных радостей, ни печалей. Иногда, когда он просыпался, но еще не вставал с кровати, ему казалось, что он еще вполне способен на большую роль. Но большие роли все не приходили, и Геннадий Иванович продолжал жить, как в полусне.

Летом в театр был приглашен на два сезона молодой режиссер из Москвы. Ему дали ставить среди прочих постановок «Короля Лира». Ларин сидел на распределении ролей безучастный и равнодушный. Он получил роль офицера стражи Эдмунда и вскоре стал репетировать роль. Когда заболел главный исполнитель роли короля Лира, режиссер внезапно ввел Ларина на роль Лира. Что-то он увидел в пожилом актере, то, что, может быть, Ларин не знал о самом себе. И роль Лира в спектакле заблестала новыми красками. В бывшем герое-любовнике, как оказалось, сидел трагик. Ларин играл свою пустоту, одиночество, крах надежд.

В труппе о нем теперь говорили: «Посмотри, как расцвел старик – кто бы мог подумать?». О спектакле писали местные газеты, хваля игру Ларина. Его даже однажды пригласили на местное телевидение, чего не случалось с ним в молодости.

Между тем здоровье Геннадия Ивановича ухудшалось по мере роста его популярности. У него начались головокружения, порой он терял равновесие, резко ухудшилось зрение. Врач поставил диагноз «аневризма мозга». Ларин продолжал играть в театре, и никто не знал о его диагнозе. С каждым спектаклем все тяжелее было выходить на сцену, но он не сдавался. В какой-то из дней Ларин не выдержал и рассказал режиссеру о своей болезни, чтобы тот мог найти ему замену.

На шестидесятилетие Геннадия Ивановича пришел приказ о присвоении ему звания «Заслуженный артист». Дома они отметили вдвоем с котом, а в воскресенье пришли дети с внуками. Кот и Геннадий Иванович были счастливы.

Через месяц зимним утром не проснулся кот Николас – самое близкое существо для Ларина, если не считать внуков. Николас хотел дожить до славы своего хозяина, как никто веря в талант друга и поддерживая его всю свою долгую кошачью жизнь. В тот вечер шел спектакль, и Ларин играл особенно сильно.

Еще через неделю Геннадия Ивановичу стало совсем плохо. С момента ввода в роль короля Лира он впервые пропустил утреннюю репетицию и слег на больничный. В театр Геннадий Иванович уже не вернулся.

На кладбище, переминаясь с ноги на ногу и поеживаясь от холода, его провожала небольшая труппа театра вместе с администрацией. Все ждали, когда кончатся пустые казенные речи и перейдут к поминкам. Сам Геннадий Иванович не раз бывал среди провожающих в последний путь и, конечно, не осудил бы коллег по цеху за это нетерпение. Ближе к могиле стояли заплаканные бывшие жены. В трауре эти две женщины были удивительно схожи. Дети были без внуков. Это была просьба Ларина, когда он еще мог играть в театре, чтобы внуков на похоронах не было.

Метрах в двадцати от могилы невидимый никому, кроме Геннадия Ивановича, беззвучно плакал король Лир, прижимая к груди кота Николаса.

Галина Феликсон

Одесские рассказы

Мансы старого двора

Прямоугольник двора с квадратным садиком посередине был аккуратно окружен с четырех сторон серыми плоскостями трехэтажного дома. Некогда «в старые времена» это был большой respectable дом с двумя магазинами по разные стороны ажурных ворот подъезда. Фасад украшали балконы с решетками, повторяющими узор ворот. Дом, переживший революционные бури, гражданскую и отечественную войны, изрядно постарел, обветшал. Исчезли магазины. Некогда частные квартиры стали многосемейными коммуналками. Даже кладовые и ванны, не говоря уже о магазинах, приспособили под жилые помещения. Но, как ни странно, большинство прежних жильцов уцелело. Втиснутые при уплотнении всей семьей в одну из перегороденных изуродованных комнат, вынужденные толочься на ставшей вдруг общей кухне, люди по-прежнему дружили, ссорились, мирились и, как умели, помогали друг другу выжить в любых непривычных условиях. Когда-то во времена погромов одни соседи прятали других, в лихие революционные другие прятали первых. В войну оставшиеся старались сберечь максимум вещей ушедших на фронт и уехавших в эвакуацию, пытались спасти тех, кто не успел уехать, что, к сожалению, удавалось крайне редко.

Красавица Сонечка Иванченко, в девичестве Фишман, родилась и выросла в этом доме. Здесь и замуж вышла за самого красивого во дворе мальчика Валерика. Поженились они сразу после школы. Когда они шли по улице, люди оборачивались и улыбались – такая была пара. С первых дней войны Валерик ушел

на фронт. Сонечка с тремя детьми шести, четырех и полутора лет уехать не успела: опоздала на последний уходивший из Одессы пароход. Свекровь спрятала ее и детей в подвале в глубине двора, где хранились дрова и дворничьи принадлежности. Но ключ от сарая пришлось просить у дворничихи – тетки, объявившейся в доме года за два перед войной. Эта дворничиха потом и выдала. Через пару дней румынский офицер с двумя солдатами забрал и Сонечку, и ее свекровь. Детей не тронул. Пожалел. Соседи разобрали малышей, перепрятали по одному в разных местах. Дворничиха на этом не успокоилась. Через несколько дней во двор ворвались немцы. Эти никого не жалели. Перерыли весь двор. Двоих детей нашли. Забрали вместе с прятавшими их людьми. Третий ребенок, самый младший, исчез. Исчезла и приютившая его женщина. Куда – никто не знал. И только через несколько месяцев после конца войны пришло одной из соседок письмо без обратного адреса, в котором сообщалось, что малыш жив и здоров, считает свою спасительницу мамой, и поэтому возвращаться в Одессу женщина не намерена.

Одессу освободили от фашистов. Соседи написали в соответствующие органы письмо, перечислили все подлости и грехи дворничихи. Но, может быть, таких дворничих было немало, и именно до этой еще не дошли руки. Поэтому тетка ходила по двору победительницей и скалила подгнившие зубы: «А ничего мне не будет!». Через неделю ее нашли повешенной в дворовом туалете. Прибывшей милиции соседи заявили: «Совість, должно быть, замучила, что людей выдавала и квартиры грабила».

Все когда-нибудь заканчивается. Вот и войне пришел долгожданный конец. Прежние соседи потихоньку возвращались в родной дом. Не все, конечно. Взамен не вернувшихся появились новые люди. Были они разные – кто получше, кто похуже. Но все-таки прежнее лицо двора постепенно восстанавливалось из обломков и развалин.

Зимой было тихо – на то и зима. Но весной двор оживал, наполнился привычным почти довоенным шумом. Утро, как и прежде, начиналось с переклички двух подруг. Звали их одинаково – тетя Маня. Дружили они, по их собственному выражению, «сколько себя помнят». И хоть были разных национальностей, выгляде-

ли и говорили совершенно одинаково. Одна из них жила на первом этаже, другая на втором. Но окна были наискосок, так что им было друг друга и слышно, и видно. Так вот часам где-то к семи утра с грохотом распахивалось окно на втором этаже, и на весь двор раздавалось:

– Маня! Ты уже встала?

Внизу с таким же шумом распахивалось окно первого этажа, и оттуда гремело:

– Маня! Ты что-то хотела мне сказать?

– Нет! Я только хотела узнать, или ты проснулась?

– Ну я таки проснулась. Так ты теперь спускайся с твоего этажа пить чай. Я вчера такие коржики спекла, что ты их проглотишь вместе с языком.

– Здрасьте! Так я ж таки тоже хотела, чтоб ты поднялась наверх. Я ж прямо с утра нажарила блины, что ты таких еще не видела.

– Ой, или я не знаю твои блины! Так я уже пошла наверх вместе с моими коржиками.

По воскресеньям после обеда в дворовом садике собирались Миша, Петя и Валера, вернувшиеся с фронта. Когда-то они не дружили из-за разницы в возрасте. Теперь годы войны уравнили их.

Миша до войны был часовым мастером. Его знали все от Соборной площади до Нового базара – у него были золотые руки. Он мог починить любые самые сложные часовые механизмы, старинные и «теперешние». С фронта Миша вернулся без пальцев на обеих руках. После войны стало модно натирать полы в комнатах красной мастикой. Миша стал полотером. А кем еще можно стать с такими руками? Новую свою работу он ненавидел.

Петя перед самой войной закончил театральное училище и только-только начал работать в Русском театре. Единственная роль, которую Петя успел сыграть, – Труффальдино из пьесы Гольдони, где нужно было много танцевать. Домой он вернулся без ноги. С театром было покончено. Он научился играть на аккордеоне. И это стало его специальностью: играл перед началом фильмов в кинотеатрах, в ресторанах, иногда на свадьбах.

Валера – тот самый красивый мальчик, муж погибшей Сонечки. Война не только оставила его без жены, детей и матери, она

его изуродовала. Левая половина его лица была обожжена и покрыта грубыми шрамами. Но зато у него были целы руки и ноги. В отличие от Миши и Пети, он мог работать, как до войны.

Ну вот по выходным эти «человеческие обломки», как они сами себя называли, сидели в дворовом садике с бутылкой и нехитрой закуской. Петя наигрывал старые довоенные песни, Миша с Валерой негромко подпевали. Заканчивалось всегда одинаково: Петя играл «Семь сорок», Валера и Миша танцевали, положив руки на плечи друг другу. Соседи смотрели из окон и говорили уважительно: «Фронтовики гуляют».

Иногда, выпив чуть больше обычного, кто-нибудь из них срывался на истерику со слезами и матом. И тогда во двор выходила Раиса Анатольевна – старая учительница литературы, у которой все трое некогда учились. Она останавливалась на середине двора и строго говорила:

– Мальчики! Что вы себе позволяете? Кругом же люди! На вас же все смотрят.

«Мальчики» смущенно замолкали, собирали остатки трапезы и разбредались по домам до следующего воскресного дня.

Жила в доме еще одна Маня. Появилась она сразу после освобождения Одессы с двумя дочками и двумя внучками – детьми старшей дочери. Поселилась семейка в подвале, где когда-то находились контора и склады магазина «Колониальные товары». Подвал этот не был никем занят ввиду его полной непригодности для жилья. Нет, окна там были, но через них все равно ничего не было видно, потому что выходили они на стенку. Удобств там тоже никаких не было. Но Маню и ее семейство это устраивало: чем меньше на них смотрят, тем спокойнее. А к остальному они как-то приспособились. Люди вообще умеют справляться с бытовыми трудностями – это их морально закаляет.

Во дворе третью Маню звали баба Маня-бандерша. За глаза, конечно. А при встрече старались тихо пройти мимо, потому что у бабы Мани был такой «черный рот»... Старшая дочка Шурка, по мнению двора, была порядочная. Она где-то работала то ли санитаркой, то ли уборщицей, почти не пила и в свою комнату с отдельным входом мужиков не водила.

Зато младшая Лизка чуть не ежевечерне закатывала шумные гулянки, именовавшиеся вечеринками. Как раз из-за окон, смотревших на пустую стенку, эти гулянки мало кому мешали. Но больше всего Лизка любила выходить замуж. Примерно раз в полгода к дому подъезжала машина. Оттуда, чуть покачиваясь (трезвой ее никогда не видели), появлялась Лиза в белом платье, длинной фате, с букетом цветов. За ней, так же покачиваясь, шел некто с бутылкой. Платье было одно и то же, мужья разные. Одна из племянниц переливала дорогу водой, другая подносила на большой тарелке хлеб-соль. Дальше, как всегда, шла обычная вечеринка с танцами под патефон и выпивку. Под утро, как правило, вместе с уходящими гостями куда-то исчезал и новый муж.

Племянницы пошли в тетю. Они «гуляли». Кавалеры были с Нового базара, из-под гастронома на углу Торговой, а летом еще и с Дюковского сада, куда сестрички ходили на танцы. Где они болтались и чем занимались, знали только они сами. Но каждый вечер аккуратно к половине двенадцатого бабушка, то есть Манька-бандерша, выходила из ворот и громко зывала:

– Зина! Оля! Домой!

После двух-трех таких воплей из ближайших подворотен выскакивали сестрички, на ходу приводя себя в относительный порядок. За ними шествовали недовольные «кавалеры». И тут баба Маня хорошо прокуренным баритоном оповещала на весь квартал:

– Молодые люди! Разве вас никто не учил, когда нужно приводить домой порядочных девушек?

Затем, обращаясь к внучкам, не сбавляя тона:

– Сколько еще раз я должна вам сказать... – дальше шли сплошные идиоматические выражения, – что приличным девочкам полагается в одиннадцать вечера таки сидеть дома с родителями.

Кавалеры медленно отступали, пытаются раствориться в ночных тенях. Девушки, шмыгая носами, покорно удалялись за разгневанной бабушкой.

Ненадолго становилось тихо. Когда из черных тарелок радиоточек торжественно плыли звуки гимна, двор оглашался пронзительным воплем:

– Выйди, Майка! Выйди! Я кому сказала, выйди! Марш уже домой, наконец! Или я не знаю, что тебе сделаю! – так соседка с третьего этажа звала домой свою загулявшую кошку.

Это были последние аккорды уходящего мирного летнего дня в старом одесском дворе...

«Ах, эта свадьба»

Дом был старый, построенный в первые годы основания Одессы. Сам город вырос на берегу Черного моря на месте турецкой крепости Хаджибей. Дом оказался не в центре города, но и не на окраине. Здание строилось, как и все прочие, из ракушечника, который добывали под землей, образуя сложную сеть пещер – катакомбы.

Во дворе небольшого дома весь второй этаж опоясывала деревянная галерея. И жили здесь в далеко не комфортабельных условиях люди разных национальностей: русские, украинцы, евреи, молдаване, болгары и греки. Они дружили, ссорились, мирились, обсуждали цены на Новом базаре, помогали друг другу в бытовых мелочах. Летом все окна двора были распахнуты, и никаких секретов не могло быть. Жильцы говорили на одном языке – одесском.

Однажды в пятидесятые годы здесь произошло неординарное событие, возбудившее всех жильцов.

Во второй половине выходного дня из окна третьего этажа раздался сердитый женский голос, изредка перебиваемый неуверенным мужским. Обеспокоенная мадам Смирнова вышла на противоположную галерею, прислушалась и крикнула наверх:

– Фира, шо вы так громко кричите на своего сына? Шо он вам не так делает?

– Надя, зачем оно вам надо знать за наших неприятностей?

– Затем, что ваш Семка бегаёт до моей Верке.

– Знаете, что я вам скажу? Пусть ваша Верка не морочит голову моему Семке. Тогда он начнет бегать в другое место.

– За другое место вы имеете в виду Лизку? Так Лизкин папа такой великий пуриц, что ему ваш Семка сто раз не надо.

- Вы имеете сказать, что мой Семка надо вам?
- Почему нет?
- А я знаю? Мало ли что. Может быть, вам не подходит наша фамилия?
- Что вы такое говорите, Фира? Вы меня держите за Милку с пятой квартиры? Теперь я понимаю, зачем вы кричали на бедного мальчика.
- Ну я только хотела ему что-то объяснить...
- И шо он вам ответил?
- Так он мне сказал, что любит вашу Верку.
- О! Тогда почему он молчит, как памятник Воронцова на Соборной площади? Пусть уже откроет рот и делает предложение. Потому что Колька с первого этажа уже два раза зовет Верку в кино.
- И шо, Верка ходила?
- Фира, шо вы такое говорите? Моя Верка порядочная. Она ходит только с вашим Семкой.
- Да? Тогда я даю Семке деньги на купить цветы. Нет, лучше пойду с ним, а то ему всунут такие, которые завянут пока он донесет.
- А за фамилию не берите в голову - Вера Вицман звучит прямо музыка.

Дамы говорили достаточно громко, так что весь двор уже знал - будет свадьба.

Такое важное событие не могло оставить равнодушными жителей дома. Вечером на галерее второго этажа собралось шесть человек: четыре немолодые дамы, свободные от работы, и двое мужчин, Абраша и Жорик, бывшие фронтовики, давние друзья и всеобщие помощники по мелким ремонтам. Жорик доставал дефицитные стройматериалы, а Абраша, рубщик мяса в мясном корпусе Нового базара, еще мог и подбросить продукты своей работы. Женщины Катя, Рива, Оксана и Милена родились и выросли в этом доме на Торговой улице. Расстаться им пришлось только однажды на четыре тяжелых долгих военных года. Теперь они снова вместе дружно решали все мировые дворовые проблемы, потому что у них по всему городу были нужные знакомые.

Все собравшиеся жарко обсуждали, размахивали руками, вскакивали с табуреток, спорили, как лучше отпраздновать такое выдающееся событие – первую послевоенную свадьбу во дворе. Решать необходимо было, сколько будет участников застолья, хватит ли на галерее места и что поставить на стол. Время было нелегкое.

– Ша! Послушайте сюда, – оборвала общий галдеж Катя. – Абраша, ты сможешь принести телячью вырезку для котлет?

– Или! Только скажите, на когда.

– Шо не на завтра, так это точно. Главное рыбу, короп, можно взять у нас на базаре, но лучше с Херсона.

– Кому дадим делать рыбу?

Зрители и слушатели из окон тоже вступали в разговор.

– Я, я буду фаршировать рыбу, – раздался голос с первого этажа.

– Ой! Вы слышите ее? Тоже мне шеф-повар графа Потоцкого. Рыбу делаю я, а тебе оставим форшмак и голую селедку. Их тоже надо уметь.

– Дамочки, кончайте базарить, как те торговки с Привоза! Рыбы надо много, чтоб людям хватило, и всем будет чего делать.

– А мне поручите жарить бычки, если Сима поймет пару бутылок с маслобойного завода, который возле Чумки. Постное масло с магазина – не фонтан.

– Курей готовить будем? Когда я спросила Соню, почему брала курицу, она мне ответила, что один лох отдал ее за червонец.

– Яйца Маруся пусть отберет на складе пищепрома. Там для начальства всегда свежие.

– Перестаньте сказать все за покусать! Невесте надо приличное платье, а то в ее бебехах ничего такого нет. Я могу сходить в комиссионку, если скинемся. В ателье давать нельзя, стырят половину и получится ночнушка.

– И жениха тоже не мешает одеть, а то он ходит, как халамидник. Галстук напрокат даст Коля, главное, чтобы Семка потом им не залез в свой любимый соус из синих.

– Бутылки «Столичной» оставим решать Ване. Он умеет рассчитывать, сколько кому надо.

– Вино Ксюша принесет с винзавода на Французском бульваре. Фима нам сделает весело своим баяном.

– Все, больше ничего не берем в голову. За остальное пусть Верка с Семкой думают сами.

В долгожданный день с раннего утра дамы разошлись по кухням. Застучали ножи, загремела посуда, наступила удивительная тишина – женщины закрыли рты. Вскоре из окон поплыли ароматы, от которых кружилась голова и текли слюни. Мужчины сосредоточенно составляли из нескольких столов один длинный, выносили стулья. Стол накрыли скатертью из накрахмаленных простыней.

К двум часам все переоделись в наряды, уцелевшие вопреки жизненным неприятностям и лишениям. На столе расставлялись миски, блюда, тарелки с праздничной едой. Такого шикарного стола жители дома не помнили.

Ровно в два часа появились молодые в сопровождении сияющих родителей. Невеста в новом платье выглядела, как Золушка, переодетая принцессой. Жених был похож на модного фраера из американского фильма.

И пошло застолье под длинные тосты и короткое «Лехаим!». После многократных выкриков «Горько!» для большей торжественности слово предоставили соседу, работающему в горсовете помощником заместителя.

Он встал, вынул из кармана и развернул большой лист бумаги.

«Дорогие молодожены, уважаемые соседи, граждане нашего двора! В этом доме построена новая ячейка семьи на радость городу-герою. Пусть им светит все хорошее, что у нас есть...»

Он говорил бы еще долго, но Абраша нетерпеливо проворчал: «Чего этот швыцер здесь выпендривается?». И своим хриплым баритоном громко запел про Мурку с Рабиновичем. Едва отзвучала последняя фраза песни, с другого конца стола высокий тенор Васи зарыдал: «Друзья, купите папиросы. Посмотрите – ноги мои босы...».

Звенели ложки-вилки, все были вежливы и галантно передавали друг другу блюда. Под общий шум и веселье пожилые люди тихо переговаривались, вспоминая другие времена, другие годы.

Когда опустели бутылки, а от селедки остались голова и хвост, гости не спеша спустились вниз. Фима сел на стул, поставленный посередине двора, и заиграл на баяне «Семь сорок». Танцевали

все: русские, украинцы, евреи, молдаване, греки, болгары. Они ведь были одной национальности – одесситы.

Одесские традиции

Вот мы с вами за традиции заговорили. И я тут вспомнила опять за Одессу. Потому что именно там когда-то были традиции. Самое интересное, что на Молдаванке они были одни, на Пересыпи тоже были, но уже другие. Но возле Нового базара традиции были такие, что прямо слов нет. А как же иначе, если всего каких-то десять минут ходить от Дерибасовской.

И вдруг, представьте себе, Моня-рубщик с мясного корпуса женится на Манюне, у которой папа дамский портной на Молдаванке. Конечно, там родственники и гости со всех трех мест. Свадьбу делают в ресторане «Волна» на углу Екатерининской и Ланжероновской почти рядом с оперным театром, где в далеком прошлом Котовский делал свою революцию. Кто хоть один раз был в Одессе, это место знает. Тут, надо сказать, когда все, кто пришел, сели за столики каждый со своими традициями и понятиями, так английский лорд посереде них выглядел бы последним биндюжником. До того все было благородно – ну чисто Букингемский дворец. Мужчины в пиджаках, на манжетах – запонки, женщины в кримплене. Руками не махали и говорили по очереди «Лехаим» и «Нахес», и «Чтоб ты был мне здоров» почти без акцента.

Вдруг Фима со стороны невесты выпил в первый раз лишнюю рюмку и встал из-за стола. Он поднялся совсем за другим делом, но случайно посмотрел на чужой столик сбоку музыки и сразу забыл, куда ему надо. Потому что там посереде двух здоровых бугаев и одной тетке сидела такая девочка, каких Фима раньше в жизни не видел. А тут музыканты заиграли что-то ну прямо до слез, и ноги сами понесли Фиму к тому столику. И Фима сказал, как положено по всем традициям, тихо и вежливо:

– Позвольте пригласить даму на танец?

Он еще не успел договорить, как один из этих лбов встал на полторы головы выше бедного Фимы и гаркнул сверху:

– Это где тут тебе дама?

Фима сразу понял, что это люди со Слободки, где вообще никто не имеет малейшего понятия за традиции и даже просто за манеры. Но Фима же как-никак вырос в приличной семье и воспитание получил от покойной бабушки. Поэтому, заметив, что вся свадьба уже смотрит в их сторону, и в любую минуту Букингемский дворец может-таки превратиться в Базарную площадь, Фима попросил, как мог вежливо:

– Та вы сядьте, сядьте, потому что мне трудно говорить с вами туда наверх.

Мужик от удивления сел и аж рот открыл. А Фима продолжал, как ни в чем не бывало:

– Я, конечно, очень извиняюсь, но вы кто до этой замечательной красивой девочки? Вы у ней муж или как?

– Не, я ей старший брат Гриша. И она никакая не дама, а порядочная девушка, потому как я сам ее воспитал без родителей. И никаких ни мужей, ни кавалеров у ней нет. А есть единственная тетя, шо вот она сидит здесь вместе со своим сыном Петей. И мы тут в этом ресторане из-за того, что как раз нашей Тосе сегодня исполняется ровно восемнадцать лет.

Фима даже не стал скрывать, как его такое сообщение обрадовало.

– Чтоб я так жил! Тогда я вас всех поздравляю с большим пожеланием счастья. И из-за такого дела нам надо сразу серьезно поговорить.

Он пошарил вокруг глазами в поисках, на что бы присесть. Но, не найдя ничего свободного, объявил:

– Прошу пардона, я отойду всего на одну минутку.

Фима быстрым шагом пересек зал, подошел к своему столику и, подхватив одной рукой свой стул, а другой тарелку с недоеденными закусками, отправился в обратный путь, раздвигая танцующую публику стулом и вежливо извиняясь, когда кто-нибудь попадал локтем в его салат. Добравшись до места назначения, Фима опустил стул между сразившей его наповал красавицей и ее братом, небрежно раздвинул посуду на столе, чтобы установить свою тарелку, и, одарив совершенно обалдевшую от такого невиданного нахальства семью самой обаятельной из всех своих улыбок, изрек, обращаясь ко всем четверым сразу:

– Поскольку я полюбил вашу Тосю прямо с первого взгляда и имею до ней самые серьезные намерения, то сначала должен сказать пару слов за себя. Мне двадцать два года. У меня есть специальность, которая даст мне прилично содержать жену и даже детей, когда они будут. Моих родителей уважает вся улица Нежинская. И я прошу разрешения встречаться с Тосей, чтобы в ближайшее время отпраздновать в этом самом ресторане нашу с нею свадьбу.

Но вместо Тосиного брата Гриши почему-то вдруг выступил тетин сын Петя.

– Я что-то не понял! Это ты вот так прямо сразу сватаешься до нашей Тоськи?

– Ну и шо тут неясного? Я же все объяснил доступными словами. Да, сватаюсь. Да, до вашей Тоси. Так шо вам не подходит? И почему вместо Гриши я должен что-то рассказывать Пете? У вас есть свои планы в этом вопросе?

Тут Гриша наконец достаточно пришел в себя чтобы открыть рот.

– Человек правильно говорит, Петя. При чем тут ты? Но у меня тоже есть интерес знать, какая такая у вас специальность, что вы так за себя уверены?

– Допустим, что я работаю в большом гастрономе угол Дерибасовской.

– Так допустим или работаешь? И если да, так кем?

– Точно работаю. Можете хоть завтра зайти спросить. Электриком работаю.

– Интересно. И почему ты считаешь, что лучше тебя для моей сестры никого нет?

– Здрасьте, это же совсем понятно. Во-первых, потому что как раз на складе в этом гастрономе всегда все есть, даже если нигде больше ничего нет. Во-вторых, электрик – такая работа, что всюду можно найти себе халтуру. Так вы согласные или что?

Тут опять почему-то встрял тетин Петя и стал долго объяснять, что подумаешь, большое дело – электрик. А Гриша его перебил, что если хорошо посмотреть, так любой грузчик имеет не меньше того электрика. Дальше они уже буквально делали оперу дуэтом, что зачем это надо Тосе какой-то непонятный

Фима, когда вокруг и без него полно других вполне себе приличных людей. И они не для того ее воспитывали, чтобы отдать за муж первому встречному.

Они, может быть, еще долго бы говорили разные вещи, не давая Фиме даже что-нибудь высказаться. Но первой не выдержала тетя, которая Петина мама. Она до того не выдержала, что хлопнула по столу ладонью, аж подпрыгнули все тарелки на столике и ближайšie соседи. Потом она сделала рукой оркестру, чтоб уже, наконец, перестали играть и дали людям сказать пару слов. И тетя обратилась до Фимы:

– Молодой человек! Что ты молчишь, как граф Воронцов посреди Соборной площади? И что ты их так внимательно слушаешь? Нашел кого слушать. Вы только посмотрите на этих воспитателей! С вас же воспитатели, как с меня балерина. Что хорошего два таких гицеля могут научить домашнюю девочку, я вас спрашиваю? Главное, подходит до стола мальчик, сразу видно, из хорошей семьи, вежливо обращается, чтоб познакомиться с нашей Тосечкой, так эти двое делают ему цирк с опереттой. Гриша, ты что-то имеешь возражать? Так и нечего со мной спорить. А тебя, Петя, вообще никто не спрашивает. Сиди ровно и кушай свою котлету. За слободскую шпану я ее не выдам! Единственное, за что я первым долгом интересуюсь, или вы пьете, или как. Потому что я обещала ее покойной мамочке, а моей дорогой сестре, что выходить девочке замуж за пьющего я не позволю. А все остальное, как я вижу, мне для вашей семейной жизни вполне подходит.

– Та я ж вообще не пью. Только сегодня, и то чуть-чуть, поскольку свадьба. А так – нет. И потом, я же никогда Тосе плохого слова не скажу, чтоб я так жил!

– О! Уже хорошо. Тося, подними теперь глаза со своей тарелки и посмотри сюда на мальчика. И если тебе он понравился, как мне, так я не против, чтоб он с тобой встречался. И можешь уже пойти потанцевать.

Тося подняла голову от тарелки на Фиму. А надо сказать, что Фима, хоть и не Шварценеггер, и даже не Сталлоне, но тоже вполне себе интеллигентно выглядит, тем более в пиджаке и новых штанах. Так что девочка явно осталась довольна.

И чтоб вам долго не рассказывать, ровно через два месяца свадьбу делали в этом самом ресторане. Конечно, опять были родственники и гости со всех мест Одессы и при всех манерах. Правда, Гриша с Петей немножко подкачали, что выпили лишнего и запели про мороз. Зато тетя выдержала все традиции – чисто королева в отставке. И был вечер, и было утро, и была долгая и счастливая жизнь...

Влада Дизик

Подкаблучник

Чувствую, под каблуком что-то мягкое, смотрю – мужчина. Неловко так стало поначалу. Рот открыла прощения попросить, а он сам извиняется. Ну я простила, конечно. Сначала подумала: «За что, собственно? В чем его вина? Это же я задний ход, так сказать, включила». А потом понимание пришло: ну видит же, что я появилась. Так чего с дороги не ушел? Сам виноват.

Но ничего, главное, что вину эту самую осознает, значит, не совсем потерянный. Вот извинения и просит!

Пока мысль свою сама себе формулировала, в правильное русло, так сказать, укладывала, совсем про мужичка и забыла. Спихватилась и аж вздрогнула: «Что же он там, бедненький? Ничего ли не повредила? Каблук-то острый, высокий. Ногу могла зацепить. А если вдруг?.. Ой, ужас какой!».

Мысль-злодейка! Аж в жар меня бросила. Таких картинок накрутила! Стою, повернуться туда, к каблуку, боюсь. А не повернуться тоже страшно. И мужичок-то вроде не кричит, как если бы болело что сильно. Хорошо, значит, обошлось. А вдруг не кричит, потому что уже и крикнуть не может – сил нет от боли или шок этот, как его там? Болевой?

Ну с силами собралась, глаза зажмурила, как в детстве, когда мамину любимую вазу разбила, и кажется, что если осколков не увидишь, то и не было этого. Повернула голову назад и медленно сквозь ресницы подглядываю, глаза по очереди приоткрываю не спеша. А что спешить? Поздно спешить. Если уж раздавила что мужичку этому невезучему, то ничего уже не исправить. А если обошлось, то и дело с концом. Смотрю, лежит смирно так, ни конечностями не дергает, ни к помощи

не вызывает. Вообще не шевелится. Точно обморок! Я ногу из туфли вытащила аккуратно, чтоб минимум движений, естественно: вдруг проникающее ранение нанесла. А каблук как раз место это пережала, вот и кровь не хлещет. А подниму ногу, каблук из раны вытащу – и начнет мужичок кровь эту самую терять фонтаном.

Стоять неудобно стало – вторая нога на каблуке так и осталась. Как только это Золушка туфельку потеряла? Каблук у нее точно не был тринадцать сантиметров. А то я бы посмотрела, как она бежала бы хромоножкой в одной по лестнице в карету. В сказке нам про это не рассказали. В общем, и я, как та колченогая Золушка. Пришлось от второй туфли освободиться. Стою босиком, пол холодный. Так и до простуды какой недалеко. А делать нечего. Присела пониже, чтоб мужика лучше рассмотреть. Да и каблук как-то вытаскивать надо – туфли хорошие, дорогие, новые совсем, второй раз надела. А теперь поди в крови все выпачкивались. А вдруг кровь у него заразная? И что делать? Так не оставишь.

Склонилась над телом, прислушалась – храпит, ей-богу! Уснул, нахал. То есть пока я тут сокрушаюсь, что человека убила, он себе поспать решил. Пригрелся, расслабился и дремлет. Правильно! Что время зря терять?

А пока каблук вынимала, присмотрелась: глаза сами на лице остановились – за нос зацепились: он у него такой прямой, крупный – что это там значит?! Ничего мужичок, симпатичный. Лицо такое интеллигентное, черты тонкие, лоб высокий – умный, видеть. И улыбка такая хорошая – он как раз растянул ее непроизвольно: приснилось, наверное, что-то приятное. Ну и хорошо, значит, не больно ему. Подняла туфлю свою, а он даже не пошевелился. У меня аж от сердца отлегло: ни крови никакой, ни царапины – весь целехонький. Но это на видимых местах. А под одеждой что? Не буду же я с него штаны стягивать – подумает еще чего. И правильно подумает: если б с меня какой-то мужик незнакомый стал юбку снимать, пока я сплю?!

«Выхода нет, бужу!» – твердо решила. Словами попробовала – бесполезно. За плечо тихонечко тронула – никаких сдвигов.

А может, ему все же плохо?!

Я пальцем аккуратно по щеке провела – щетина легким ежиком, не колючая, приятная такая, с рыжинкой. К носу ладонь поднесла, чтоб дыхание проверить, а пальцы холодные – не ощущают. Я щекой приблизилась – она-то наверняка почувствует. И почувствовала... поцелуй. Теплый такой. Так приятно стало, что даже не возмутилась в первый момент. Это уж потом наглецом его назвала, руку занесла пощечиной трехдневную его небри-тость окатить. А он запястье обхватил своей сильной ладонью. И не больно, даже нежно, но очень решительно, по-мужски. И все мои аргументы оставил позади.

Что ж, выходит, никаким он не подкаблучником оказался. Прием такой придумал. А я-то, дура несчастная, и поддалась. А чего дура, собственно? И не несчастная вовсе, а очень даже счастливая... теперь!

Виктор Корченев

Мои экстрасенсы

Светлой памяти одесского целителя Романа Соломоновича Шаргородского

В начале 90-х годов судьба свела меня в Одессе с двумя людьми, об экстрасенсорных возможностях которых очень хочется рассказать хотя бы потому, что все, о чем изложу, случилось именно со мной. И расскажи об этом кому-то не от первого лица, никто бы не поверил. Как не верят, впрочем, судя по их скептическим взглядам, не только далекие от медицины люди, но и специалисты различных областей медицины, люди нынешнего 2020 года.

К первому из таких феноменов меня направил кто-то из знакомых, которому я как-то пожаловался на постоянные головные боли. Впервые шел к нему, конечно, с немалой долей скепсиса. Работал он истопником в одесском театре оперетты и принимал пациентов прямо в котельной. Был молод, лет тридцати. Имени, к сожалению, не помню.

От головных болей меня тот экстрасенс своими манипуляциями таки исцелил. Но тут вот что вспоминается. Как-то в ожидании приема я оказался в очереди за одной безучастно смотревшей куда-то в пространство и державшей в руках чью-то фотографию

средних лет женщиной. Она зашла и через некоторое время буквально вылетела.

Вслед вошел я, и после рукопожатия мой целитель сумрачно заявил: «Я поработал с фотографией – ее сына уже нет в живых».

В то время у меня самого была проблема – втихаря жена затеяла отъезд всей семьей в Израиль. В апреле 1991 года было даже получено «Приглашение на постоянное жительство в Государство Израиль» на тещу, жену, дочек, внучку и меня.

Ну куда мне в Израиль? Любимая работа – работал архитектором, любимые увлечения – краеведение и коллекционирование... Друзья, в конце концов. Вот и ходил мрачнее тучи.

И тут на одном из сеансов мой экстрасенс спрашивает:

– Ты чего такой кислый?

– Да вот, – отвечаю, – жена в Израиль собралась. А мне и тут хорошо.

– Не бери в голову, – говорит. – Принеси мне ее фотографию. Я отобью у нее эту охоту.

На следующий раз приношу. Тот кладет фотографию на стол, безмолвно водит над ней ладонью и сообщает:

– Можешь быть спокоен, она больше не хочет в Израиль.

И, видя мой скептический взгляд, поясняет:

– Если не веришь, скажи мне: у нее правое плечо болит?

– Понятия не имею. Никогда вроде не жаловалась.

– А ты спроси.

Вечером после ужина как бы невзначай спрашиваю:

– А как плечо?

– Да болит все.

– А какое: правое или левое?

– Правое.

– А чего молчала?

– Да как-то не приходилось.

Что вы думаете? С того времени разговор об отъезде в Израиль как-то сам по себе отпал. Впрочем, через три года разговорелся с новой силой. Теперь уже жене виделась Америка.

Случилось так, что поликлинический хирург, узрев у меня двустороннюю паховую грыжу, велел незамедлительно лечь в больницу. Там сообщили, что предстоят две отдельные операции.

Пройдя первую, иду по улице. Встречаю знакомого. Выслушав, тот ошарашил новостью, что я, мол, неуч, и мне надо идти не на вторую операцию, а к экстрасенсу. И дал имя и место приема очередного целителя. Тот принимал в клинике на Ярославского. Но после первого же сеанса огорчил признанием, что у него недостаточная для меня энергетика, и порекомендовал другого экстрасенса – Романа Соломоновича Шаргородского.

Что оставалось? Иду к Шаргородскому. Роман Соломонович работал на ювелирной фабрике электриком, но, принимая дома, на Академика Павлова, 10, творил впоследствии своими манипуляциями чудеса со всеми моими внутренними органами. Он справлялся тогда со всем, чем я тогда обладал и что оканчивается на «ит»: гастрит, колит, панкреатит, холецистит и т. д. А в одной из бесед как-то сказал, что, не ожидая «скорой помощи», смог как-то спасти работницу ювелирки – у нее после поражения высоковольтным током прекратилось дыхание и остановилось сердце.

Во время сеансов он сажал меня на стул, усаживался напротив, ладонью вытянутой руки медленно проводил вращательные движения вдоль верхней части туловища, периодически отряхивая ладонь как бы от жидкости и одновременно «завинчивая» руку в пол. Но вот по поводу грыжи Роман Соломонович велел явиться к нему в одну из многих открывавшихся тогда кооперативных лечебниц. По моем прибытии предложил, не раздеваясь, лечь на кушетку. Я лег. Он позвал кого-то и представил:

– Это мой коллега. Мы будем работать вместе. Лежи спокойно и не волнуйся. Все будет хорошо.

После этих слов Роман Соломонович, не касаясь меня, над местом нахождения не оперированной хирургическом путем грыжи стал проводить ладонью круговые движения против часовой стрелки от низа живота к его верхней части. И неожиданно спросил:

– Знаешь, что я делаю?

– Нет.

– Я вправляю грыжу. Чувствуешь что-то?

И тут я почувствовал что-то вроде шевеления кишки. И к манипуляциям приступил коллега Романа Соломоновича. Он стоял рядом и стал над животом производить спиралеобразные горизонтальные вращательные движения. А Роман Соломонович спрашивает:

– Знаешь, что он делает?

– Не знаю.

– Я грыжу вправил, а он теперь зашивает.

И все! «Оперировавшие» предложили встать и идти домой.

– А когда можно выходить на работу?

– Да хоть завтра. Только первое время не «буянить».

Это было, к примеру, в понедельник. Во вторник выхожу на работу и получаю задание в среду поехать на Куяльник, где предстояло произвести обмерные работы заброшенного одноэтажного здания для намечавшегося проекта перепланировки под детский сад.

Двери были заколочены. Пришлось лезть в окно. Работа была выполнена, можно уходить. Выход тот же – через окно. Осторожно влез на подоконник и спрыгнул. Кажется, ничего не почувствовал. Но вечером ощущаю: что-то не то. Наутро звоню Шаргородскому. В ответ на свой рассказ слышу: «Приезжай в лечебницу».

При повторном рассказе услышал нечто вроде: «Ну какой идиот на другой день после операции прыгает из окон? Придется повторить пройденное».

И Роман Соломонович со своим коллегой проделали все свои манипуляции заново.

Спустя недельку пошел в клинику к оперировавшему меня хирургу на консультацию. Его изумление можно не описывать – второй грыжи он не обнаружил.

И еще один цурес хочется описать. Работал я архитектором в небольшой проектной организации, размещавшейся на территории санатории «Фонтан» на 10-й станции. Работу свою любил и частенько засиживался допоздна. Однажды уже часов в десять вдруг почувствовал сильные рези в животе. Даже не мог встать со стула, чтобы поехать домой. Кое-как доплелся до телефона, позвонил Роману Соломоновичу и все рассказал. Тот говорит: «Не клади трубку и молча посиди у телефона пять минут».

Я послушался и постепенно почувствовал облегчение. И тут в трубке раздался голос: «Все в порядке. Можешь ехать домой. Это был песок. Я погнался».

С тех пор прошло более тридцати лет. Все эти годы я с огромной благодарностью вспоминаю своего спасителя, все время думаю о нем, но никогда не прощу себе, что, живя в Америке, ни разу с ним не связался.

А совсем недавно попросил своего одесского товарища посетить Романа Соломоновича. И с горечью узнал, что пару лет тому назад тот скончался.

Феликс Кохрихт

Апрельские тезисы – 2022

Если вы держите в руках наш альманах, значит, вам достался 89 номер, в печатном или электронном варианте. Если уже дошли до раздела «Ах, Одесса», то сейчас перед вами последний адрес квеста, который я задумал в конце марта – начале апреля. В те дни я, как и вы, стремился соответствовать родовым чертам, присущим одесситам по определению. Был в меру остроумным, ироничным, сентиментальным, бравым... Уверен, вы, да и все мы Первого апреля (в день розыгрышей) разделяли мою надежду, нашу веру, что «...Гений места – нынче в «броник» он одет, защитит нас, как бывало, от опасностей и бед».

И мы в нем не ошиблись.

Накануне Первого апреля городу и миру признаюсь – и при этом в общем не стесняюсь даже вслух об этом говорить, что постылым старым дурнем есть опасность у меня прослыть.

...Верю Тане-берегине и кормилице моей, верю Кошке: коль забуду – мне достанется от ней...

...Верю нашим докторам. Что починят горемыку – там и здесь, и здесь, и там...

...Разумеется, друзьям – ведь они нам тоже верят – целиком и пополам...

...Верю в постулат Эйнштейна, верю в формулу любви. Верю в точную науку и в предчувствия свои...

...Верю в тайну Ланжерона: Два шара – это портал! Знает всяк, кто ненароком не случайно попал...

...Верю в Первое апреля! В слоган: «Верю иль не верю!». «Феля, чёто с тобой случилось: белые штаны и зад!» Ах, обмануть меня

нетрудно – я сам обманываться рад. Нынче снова попадусь и тот час же рассмеюсь, как бывало в первом классе очень много лет назад...

...Верю в то, что Гений места – нынче в «броник» он одет – защитит нас, как бывало, от опасностей и бед...

...Верю – будет Юморина: стадион и полный зал. И повсюду – смех беспечный, тот, что доктор прописал...

Тезис 2

Апрель. Достать очки:

Увидеть небо голубое и сквозь коварные толчки поверить в притяжение Земли. И знать, что там, за волнорезом, плывут, как прежде, Одиссея корабли.

...Апрель капризен – средний сын Весны, любимчик – Май, о Марте все забыли: ботинки зимние, как дураки, носили...

...В апреле вещи нам снятся сны. Но ими, знаем, что не следует делиться, а то ведь могут и не сбыться... Но вот один, лишь на малую страницу. Приснился мне бульвар Французский – он и во сне привычно узкий и вечно транспортом забит. Студент за Пятым номером бежит. В нем Таня ездит на работу. Успеть на пару – много лет ее отвага и забота. Но главное (и верю, и не верю!): акация роскошная у нас цветет в приснившемся мне вдруг апреле! И на театре вешают афишу про оперетту (любит наш народ) – она у нас по-прежнему идет. Навстречу вдруг Рыбачка Соня – жениться Костю в ЗАГС себе ведет. Я вам не скажу за всю Одессу, но одно уже наверняка: что и Молдаванка, и Пересыпь выпили на веселой Рыбачка*. Об этом завтра спозаранку читайте в нашем «Порто-Франко»).

...Вот такой случился сон. Вещий иль не вещий он...

Тезис 3

И вот настал решительный момент –

Отвесить месяцу апрелю наш куртуазный комплимент.

* Речь идет не о редакторе этого издания: он давно и удачно женат, а о персонаже фильма «Два бойца» и моего сна.

Не фалафель и не шинель и даже и не колыбель (она, быть может, и близка по смыслу), а древняя, как мир, свирель. На ней лукавый козлоногий и беспринципный Пан играл, своей двусмысленной манерой стыдливых нимф вконец смущал. Намедни вспомнил – позабыл (а ведь начитан в детстве был): Поэт, что в годы молодые в Одессе нашей славно жил, кудрявый, словно Лель чернявый, кокетке написал лукавой: «Люби, Адель, мою свирель!».

О чем мечтаю в день тревожный? Ах, если б было так возможно. Апрель! И с неба голубого – одна лишь мирная капель. Тогда бы – арфы золотые, фонтаны вжарят, и какие! И в рифму подпоет свирель.

Тезис 4

Десятого апреля в селении Душет
Проснулся мальчик Фея...

И видит – солнце ярко светит. И слышит – у соседа Шалико смеются громко в сакле дети... Я выпил джамку** молока и съел вчерашний ломоть мчади – полента, мамалыга иль малай – что хочешь, память, выбирай. Вставала мама очень рано: за карточку рабочую она в столовке ОРСа*** (здесь они духаны) все те же джамки мыла и стаканы.

И вдруг сквозь гомон голосов под рев взбесившегося крана она услышала, как в ухо ей: «Одесса – наша!» – прошептал могучий голос Левитана... Она заплакала навзрыд, стакан разбитый палец окровавил... Буфетчик Гоги, покачавший головой, ей бинтик подарил и отпустил домой: «Пускай у Сони будет выходной!». Спустя два месяца мы собирали скарб. Нам добрые соседи помогали, а Гоги – тот принес кувшин с душистым местным цинандали. К вокзалу добрались в одной из арб**** (вот рифма трудная проклюнулась, однако), и наш отъезд прошел под благотворным знаком зодиака... Мы долго ехали домой на нарах старенькой

** Миска.

*** Отдел рабочего снабжения.

**** Повозка.

теплушки: нас обгоняли по пути на фронт стремящиеся пушки. Однажды мама в ранний час взглянула коротко в окошко, вдохнула воздух с упоением – и потом с особым объявила выраженьем: «Осталось потерпеть немножко. Раздельная: и море, и чабрец!»*».

И скоро, скоро были на Товарной. Одесса! Дома наконец!

Тезис 5

Какой большой ветер напал на наш город...

Иду, нахлобучив шапку, до плечи подняв ворот... Как много у нас нынче горя: такое опасное море, такое коварное небо... Столь тревожным и стрёмным апрель, как представишь, давно уже не был. Такое нервное солнце: магнитные сполохи рвутся в наше ночное оконце. И гул в облаках, и грохот... Кошка волнуется, Таня не спит – это вредно и, в сущности, плохо.

Но ведь май-баловник, май-чародей уж в келейке небесной проснулся, кудри взбил, съел кефир и вскочил на турник, и без счета на нем подтянулся. Он придет налегке – у него в рюкзачке: долгий день, солнце, дождик, жара. Разумеется, тень, долгожданное чудо акаций...

И, надеюсь что мир.

Очень хочется мая дожждаться.

12 апреля 2022 г.

* Степная трава.

Содержание

От редакции	3
Михаил Жванецкий Из портфеля	5
Юрий Михайлик Улыбнись, моя радость.....	8

Под звуки воздушной тревоги

Ганна Костенко Потрібні нові очі.....	15
Владислав Китик С высоты птичьего полета.....	17
Анна Михалевская Всё в наших руках.....	21
Елена Андрейчикова Как ты?	23
Людмила Шарга «Я выполнял приказ»	27
Татьяна Орбатова Сирены воздушной тревоги.....	29
Тая Найденко Комендантский час.....	31

История, краеведение

Андрей Добролюбский «Хан Абдаллах, да продлится его правление»	34
--	----

Виктория Коритнянская
Война вернулась..... 46

Феликс Кохрихт
Голова моя Садовая..... 55

Одесский календарь

Парадный фасад города 66
Интервью с Олегом Губарем

Проза

Михаил Пойзнер
Время бежит..... 74

Григорий Барац
Наши люди..... 82

Николай Дорфман
Жесть!..... 98

Анна Михалевская
Веселый бог Кокопелли..... 111

Рада Полищук
Не сошлось..... 121

Наиль Муратов
Живое пиво и метавселенная..... 135

Поэзия

Александр Хинт
Концентрация марта..... 168

Валерий Базаров
Четвертое измерение..... 171

Виталий Амурский
И в этом боль моя..... 177

Игорь Потоцкий
Где чувства бродят между строчек..... 180

Евгения Печенегова
Военный дневник..... 184

Первые шаги

Никита Герус
Из последних стихов..... 196

Искусство – жизнь – искусство

Алена Яворская «Былой галантности нелепый слепок».....	200
Елена Колтунова Это случилось однажды летом.....	213
Наталья Панасенко Одесское окружение Корнея Чуковского: Лифшицы и Лемберки	229
Валерий Романов «Лучше всего поется дома».....	251
Евгений Деменок Не нужно бояться мечтать	270
Евгений Голубовский, Евгений Деменок Экслибрисы Давида Беккера	291

Публикации

Михаил Жук Воспоминания.....	304
Публикация Алены Яворской	

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова Дружба длиной в 25 лет	318
---	-----

Путешествие

Елена Галинская На родине де Рибаса	332
---	-----

Ах, Одесса

Лев Ревуцкий Два рассказа.....	348
Галина Феликсон Одесские рассказы.....	355
Влада Дизик Подкаблучник.....	369
Виктор Корченев Мои экстрасенсы.....	372
Феликс Кохрихт Апрельские тезисы – 2022.....	377

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах

Книга 89

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac

Book 89

Издается с 2000 года

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 1.05.2022

Бумага офсетная РАМО SUPER 80 г/м

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16

Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2

Заказ № Тираж 100 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7

Украина

Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits

7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa

Ukraine

Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»

Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.

Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.

E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34

www.takibook.od.ua